

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ТЕРРИТОРИЙ РАН
МРОО ЦЕНТР ЭВОЛЮЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

**ЭВОЛЮЦИОННАЯ
И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА:
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

*Материалы Всероссийской конференции
молодых исследователей*

(г. Вологда, 12 сентября 2014 г.)

ВОЛОГДА
2014

Эволюционная и институциональная экономика: вопросы теории и практики [текст]: материалы Всероссийской конференции молодых исследователей, г. Вологда, 12 сентября 2014 г. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – 396 с.

*Сборник подготовлен при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(грант № 14-36-10127)*

Редколлегия:

К.А. Гулин (отв. редактор),
В.А. Ильин, А.А. Шабунова, Т.В. Ускова, С.В. Терехова

В сборнике представлены материалы Всероссийской конференции молодых исследователей «Эволюционная и институциональная экономика: вопросы теории и практики», проходившей в Вологде 12 сентября 2014 г.

В выступлениях её участников затрагиваются современные проблемы развития экономических и финансовых институтов, формирования нового технологического уклада в условиях глобализации, теории эволюционной и институциональной экономики, решения социальных задач.

Сборник предназначен для ученых и практиков, преподавателей, аспирантов и студентов, специализирующихся на проблемах экономического и социального развития.

Тексты выступлений приводятся в авторской редакции.

Ответственный за выпуск – к.э.н. Р.Ю. Селименков

ISBN 978-5-93299-280-7

ПРЕДИСЛОВИЕ

Актуальность и острота проблем, стоящих перед страной и регионами, требуют активизации деятельности федеральных и региональных органов государственной власти по применению широкого спектра методических приемов управления социально-экономическими процессами. Немаловажным аспектом этого является широкое привлечение молодых ученых к разработке теоретико-методологических подходов и методов эволюционной и институциональной экономической теории для анализа современных проблем российской экономики.

Поиску путей их решения была посвящена Всероссийская конференция молодых исследователей «Эволюционная и институциональная экономика: вопросы теории и практики», которая состоялась в г. Вологде 12 октября 2014 г. Она была организована Центром эволюционной экономики, Институтом социально-экономического развития территорий РАН, Правительством Вологодской области и Администрацией города Вологды

в рамках регулярно действующей научно-образовательной площадки – Всероссийской летней школы молодых исследователей эволюционной и институциональной экономики. Регулярные занятия в Школе обеспечивают углубление и систематизацию знаний молодых исследователей; формирование, расширение и углубление межрегиональной сети научных контактов; развитие отечественной эволюционной и институциональной экономической теории, ее интеграцию в мировую науку; создание и распространение научной и учебной литературы; пропаганду и внедрение результатов научных исследований в образовательный процесс; апробацию методов эволюционного и институционального анализа и стратегического планирования развития фирм, отраслей и регионов России.

Работа конференции проходила в трех секциях, на которых было заслушано и обсуждено свыше 40 докладов. Её участниками стали молодые исследователи из Москвы, республик Карелия и Коми, Свердловской, Волгоградской, Мурманской и Новосибирской областей. Конференция вызвала большой интерес среди руководителей и специалистов сферы образования, региональных и муниципальных органов управления Вологды и Череповца.

Проведение конференции имеет важное практическое значение. Данное мероприятие позволило молодым исследователям систематизировать знания в области эволюционной и институциональной экономики; расширить и углубить сети научных контактов; апробировать результаты научных исследований.

По итогам конференции ее участники резюмировали, что институциональные преобразования России в период рыночных трансформаций требуют глубокого переосмысления научным сообществом актуальных вопросов формирования нового технологического уклада, развития эконо-

мических, финансовых и социальных институтов, межрегионального сотрудничества в условиях глобализации, перспектив социально-экономического развития России.

Исходя из необходимости решения этих задач, участники конференции рекомендуют:

- научному сообществу продолжить исследовательскую работу по разработке методологических подходов и методического инструментария эволюционной и институциональной экономической теории, направленных на модернизацию и реструктуризацию экономики регионов с акцентом на ускоренном развитии отраслей и производств, составляющих основу нового технологического уклада;
- региональным органам государственной власти в управлении социально-экономическим развитием территорий более активно применять современные институты развития, обеспечивающие комплексное развитие экономики и территорий, наращивание собственных налоговых поступлений и укрепление доходной базы, шире использовать потенциал центров территориального развития, способствующих расширению доступа большинства населения к качественным услугам образования и здравоохранения;
- органам представительной и исполнительной власти, научно-исследовательским учреждениям, высшим учебным заведениям усилить аналитическую, экспертную и организационную деятельность по поиску наиболее эффективных институциональных форм и методов управления социально-экономическими процессами;

- развивать взаимодействие между органами власти, бизнес-сообществом, наукой и СМИ, распространять имеющийся на местах положительный опыт формирования социально-экономических институтов и управления ими.

Есть основания полагать, что знания и опыт, полученные участниками научно-практической конференции, будут способствовать экономической и социальной модернизации регионов, решению наиболее острых проблем российских территорий.

*Сопредседатель оргкомитета конференции
директор ИСЭРТ РАН
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
В.А. Ильин*

Секция 1

Развитие экономических и финансовых институтов России: проблемы и перспективы

МОДЕРНИЗАЦИЯ МОЛОЧНОГО СКОТОВОДСТВА: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

Вологодская область является одним из крупнейших регионов молочного животноводства в России. По производству молока она входит в десятку лидеров, которыми на протяжении исследуемого периода являются Мурманская, Ленинградская и Московская области¹, а по производству молока в расчете на 1 жителя (380 кг) занимает первое место среди всех российских регионов. В связи с этим молочное скотоводство рассматривается в качестве приоритетной отрасли сельского хозяйства Вологодской области.

Данная позиция региона обусловлена рядом факторов. Это, прежде всего, природно-климатические условия (умеренно холодная зима и теплое лето, обильные осадки, редкое разнотравье и т.п.); сформировавшийся имидж области как производящей высококачественные натуральные молочные продукты, пользующиеся повышенным спросом как внутри региона, так и за его пределами; близость к рынкам сбыта (г. Москва и г. Санкт-Петербург); наличие необходимых материальных и трудовых ресурсов. Также в области имеются значительные площади сельскохозяйственных угодий (свыше 1 млн. га, в т.ч. пашни – 750 тыс. га), достаточные для обеспечения отрасли кормами; поголовье крупного рогатого скота (в 2013 году составляло 179 тыс. голов, в том числе коров – 68 140 голов), представленное пятью адаптированными породами молочного и молочно-мясного направления продуктивности (класса «элита» и «элитарекорд»); более 1000 помещений для содержания крупного рогатого скота вместимостью на 205 тыс. скотомест [1].

¹ Ранжирование территорий проведено автором на основе официальных статистических данных Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do?id=31223>

Специалистами сельского хозяйства региона усилена работа по собственному воспроизводству стада КРС, совершенствуется племенное дело: по состоянию на 01.01. 2014 года зарегистрировано 14 племенных заводов и 26 племенных репродукторов (в них содержится 38,7 тыс. коров, или 51% от всего маточного поголовья). В животноводстве трудится свыше 5000 работников – это 24% общей численности работников сельского хозяйства. В регионе находится аграрный институт, который осуществляет обучение специалистов для отраслей АПК (ВГМХА им. Верещагина), а Вологодский сельскохозяйственный колледж проводит подготовку и переподготовку операторов машинного доения и техников по искусственному осеменению.

За исследуемый период в развитии молочного скотоводства сформировались положительные тенденции, которые, в свою очередь, объясняются проводимым в последние годы курсом на модернизацию подотрасли (обновление стада и строительство новых современных ферм). Так, наблюдается рост продуктивности скота (на 47,3% по отношению к показателю 2003 года) и качества реализуемого молока (товарность молока в 2013 году составила 91%, в 2003 г. – 89%); замедление темпов сокращения поголовья скота (основными причинами выбытия коров является плановая выбраковка и поголовье планируется восстанавить в течение текущего отчетного периода); увеличение удельного веса чистопородных и четвертого поколения животных (в 2013 году он составил 95% от числа поголовья); продолжение технической и технологической модернизации животноводческих объектов.

Вместе с тем в отрасли имеют место и негативные тенденции развития. Так, за исследуемый период происходило постепенное снижение производственных показателей – валовый объем производства молока с 2003 года сократился почти на треть и в 2013 году составил 429,9 тыс. тонн; снижение численности поголовья коров к уровню 2003 года составило 43,5%; табл. 1).

Таблица 1. Показатели развития молочного скотоводства Вологодской области, во всех категориях хозяйств

Показатель	Год						2013 г. к 2003 г., %
	2003	2009	2010	2011	2012	2013	
1. поголовье КРС, тыс. голов, в т.ч.:	258,4	204,5	196,7	184,9	179,0	167,2	64,7
- поголовье коров	120,5	93,6	90,9	86,6	74,2	68,1	56,5
2. Валовый надой молока, тыс. т	538,2	465,0	443,0	446,6	461,9	429,9	79,9
3. Надой молока на 1 корову, кг.	4118	4893	4890	5129	5524	6065	147,3
4. Товарность молока, %	89	90	90	91	91	91	+2,2 п.п.
Источник: АПК и потребительский рынок Вологодской области в цифрах // Департамент сельского хозяйства, продовольственных ресурсов и торговли Вологодской области. – Вологда, 2013. – 84 с.; Данные Департамента сельского хозяйства и продовольственных ресурсов Вологодской области по итогам совещания 28.02.2014 г.							

Следует отметить, что передовым хозяйствам области за исследуемый период удалось сдержать падение производственных показателей. Например, в Племязавод-колхозе «Аврора» в 2013 году валовый объем производства молока составил 14 416 тонн, что на 29,5% выше уровня 2012 года. Также на 16,6% выросла продуктивность коров: в 2013 году значение данного показателя составило 8228 кг. Хозяйством в целом получена прибыль 72,2 млн. руб. В первую очередь, это связано с проведенной технической и технологической модернизацией производства.

Так, на материалах ЗАО Племязавод «Заря» и Племязавод-колхоз «Аврора» Грязовецкого района можно отразить преимущества модернизации – производство молока по технологии беспривязного содержания скота и доения их в доильном зале и на роботах-доярках.

Так, после реконструкции фермы в ЗАО Племязавод «Заря» [5, с. 163-173] произошло снижение показателей использования энергии в продукции. Особенно сильное снижение произошло на комплексе с привязным содержанием (с 27,7 до 16,3%) и вследствие этого экономико-энергетический показатель эффективности всей продукции в комплексе с беспривязным содержанием стал иметь большее значение (21,7% в «Гари» по сравнению с 16,3% в «Слободе»). Также в «Гари» были достигнуты самые низкие затраты труда (от 1,2 до 0,9 чел.-ч/ц) на производство продукции, что говорит о большей эффективности производственно-хозяйственной деятельности. Однако минусом данной техно-

логии являются значительные затраты электроэнергии – 11,4 кВт-ч/ц, что неизбежно при высокой степени механизации и автоматизации процесса доения.

На фермах и Племязавод-колхозе «Аврора» (табл. 2) с беспривязным содержанием скота (доение в доильном зале и на роботах) затраты на производство 1 ц молока также ниже (в 2013 году – на 7,5 и 7,3% соответственно). Следует отметить, что по словам главного экономиста Н.М. Жильцовой снижение затрат не является приоритетной задачей для колхоза, в первую очередь должны быть значительно снижены затраты труда на производство продукции. Так, в 2013 году при беспривязном содержании (например на новом дворе № 6) затраты труда на 1 ц молока составили 0,46 чел/часа, что в 22,3 раза ниже, чем при привязном содержании дойного стада.

Таблица 2. Структура затрат производства 1 ц молока при беспривязном и привязном содержании дойного стада в Племязавод-колхозе «Аврора» (отдельные статьи затрат), руб.

Статьи затрат	Доильный зал			Новый двор №6 (роботы)			Привязное содержание		
	2011 г.	2012 г.	2013* г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Труд, чел/час	0,64	0,65	0,71	0,43	0,43	0,46	1,86	1,99	2,01
Зарплата	92,1	113,1	143,9	74,9	75,6	78,3	279,1	291,9	295,0
Корма	463,7	535,7	620,5	507,6	445,2	556,2	520,6	480,7	547,4
Амортизация	9,6	10,7	6,9	103,6	145,2	135,8	3,3	1,0	0,5
Электроснабжение	31,8	33,9	37,8	43,2	47,7	49,6	59,5	58,1	56,0
Водоснабжение	15,4	5,2	10,2	8,01	1,48	2,7	13,3	4,0	7,4
Общепроизводственные расходы	21,6	28,7	31,0	30,6	37,0	34,6	30,1	43,0	40,4
Общехозяйственные расходы	45,1	31,5	30,1	53,9	41,0	33,8	56,9	43,5	37,6
Всего затрат	972,2	1090,9	1202,8	1213,2	1160,3	1205,7	1250,9	1311,0	1300,9

* Данные за 2013 г. представлены за 9 месяцев.
 Источник: Данные получены в ходе прохождения стажировки в Департаменте сельского хозяйства и продовольственных ресурсов Вологодской области.

В результате можно сделать вывод о том, что беспривязная технология (с доением в доильном зале) обладает определенными техническими, технологическими и экономическими преимуществами по сравнению с привязной технологией содержания коров и доением в молокопровод.

Также положительный опыт модернизации молочного скотоводства, накопленный в хозяйствах Ленинградской области, позволил ей занимать лидирующие позиции в России по валовым удоям молока и продуктивности коров.

В хозяйствах области применяются технологии роботизированного доения и современные автоматизированные системы, позволяющие идентифицировать корову, считывать все данные о ней, в том числе показывать ожидаемый и фактический удой. По показаниям электропроводности молока можно вовремя выявить изменения его качества (субклинический мастит, стадия половой охоты, физиологическое состояние животного), при которых аппарат блокирует доение в общую систему, и оно осуществляется в отдельные маркированные бачки. В итоге современные технологии позволяют не только до минимума свести применение ручного труда, но и улучшить качество молока, повысить производительность и рентабельность предприятия.

Например в ОАО ПЗ «Красногвардейский» благодаря трудосберегающим технологиям повысилась производительность труда: прямые затраты труда на 1 ц молока снизились на 14,4% – до 0,85 чел/часа на 1 ц молока, что выше среднеобластного показателя более чем в 2 раза; выручка на одного работника в молочном животноводстве выросла на 55,7% (в 3,8 раза). Таким образом комбинированное сочетание технологий в Ленинградской области позволило избежать сокращения поголовья и объемов производства молока [4].

Если говорить в целом о модернизации молочного скотоводства в Вологодской области, то в сельскохозяйственных организациях за 2003–2013 гг. внедрялись новые технологии производства молока с беспривязным содержанием коров и доением в доильных залах в хозяйствах ряда районов [1]. Всего на беспривязное содержание с доением в современных доильных залах переведено около трети имеющегося поголовья. Также по состоянию на начало 2013 года в регионе работают 17 автоматических станций с использованием системы добровольного доения, которыми обслуживаются 980 коров. В 11 сельскохозяйственных организациях проводится новое строительство животноводческих объектов на 4,7 тыс. скотомест. В 2012 году реконструкция и модернизация животноводческих объектов проведена в 23 сельскохозяйственных организациях 15 районов области. В 2013 году отремонтированы 12 телятников на 3,7 тыс. скотомест и 16 молочно-товарных ферм на 4,5 тыс. скотомест [1].

Таким образом, техническая и технологическая модернизация животноводческих объектов региона позволит повысить эффективность и найти пути выхода из сложившейся в подотрасли ситуации, а также сохранить лидирующие позиции на рынке. Однако для ее продолжения необходимо преодоление существующего ряда проблем, без решения которых нельзя будет сохранить набранные темпы модернизации; обеспечить выполнение поставленных целевых показателей и задач Государственной программы².

Во-первых, на наш взгляд, ключевой проблемой является высокая закредитованность и нехватка свободных собственных средств хозяйств подотрасли. В этой ситуации необходимо пересмотреть аграрную политику в данной отрасли и осуществить поиск финансовых источников модернизации, поскольку основным условием начала модернизации должна стать доступность инвестиционных кредитов.

Например с 2013 года эффективным механизмом государственной поддержки сельхозпроизводителей являются субсидии на 1 кг молока, реализованного высшим и первым сортом. На эти цели из областного и федерального бюджета в 2013 году было выделено 524,8 млн. руб. На 2014 год в областном бюджете предусмотрены средства в размере 52,5 млн. руб. (субсидия на 1 литр молока высшего сорта в 2013 году составила 1,53 руб., на 1 литр молока первого сорта – 1,73 руб.). В свою очередь, на федеральном уровне вопрос о выделении субсидий на 1 литр реализованного товарного молока остался не решен.

Во-вторых, актуальной на протяжении всего периода исследования является проблема устаревшей материально-технической базы, нехватки или полного отсутствия у ряда хозяйств техники и оборудования (табл. 3). Так, количество доильных установок и агрегатов с 2009 года сократилось на 17,5%.

² Развитие агропромышленного комплекса и потребительского рынка Вологодской области на 2013–2020 годы [Электронный ресурс]: Государственная программа. – Режим доступа: <http://vologda-agro.ru/gprogrammms>

**Таблица 3. Материально-техническая база молочного скотоводства
Вологодской области**

Показатель	Год				2012 г. к 2009 г., %
	2009	2010	2011	2012	
Наличие доильных установок и агрегатов на начало года, ед.	710	672	618	586	82,5
Коэффициент ликвидации доильных установок и агрегатов в сельхозорганизациях, %	6,6	14,0	3,7	4,9	74,2
Коэффициент обновления доильных установок и агрегатов в сельхозорганизациях, %	1,3	3,6	2,4	2,2	169,2
Источник: Данные ведомственной статистики Департамента сельского хозяйства и продовольственных ресурсов Вологодской области.					

Для выхода из сложившейся ситуации целесообразно создание адаптированного к условиям хозяйствования и доступного по стоимости объектов рынка машиностроительной продукции, т.к. проводимая в настоящее время модернизация основывается в большей мере на апробированной технике и технологиях [2]. Необходимо отметить, что создание и производство инновационной техники необходимо осуществлять с учетом требований адаптивности ее к животным, особенностям осуществления технологических процессов и операций производства отдельных видов продукции в регионе.

Существенное влияние на развитие молочного скотоводства оказывает нехватка квалифицированных кадров, поскольку трудности с внедрением новых технологий возникают не только из-за недостатка средств на покупку новой техники, но и в связи с недостаточной квалификацией специалистов, обслуживающих ее. Так, среднегодовая численность работников, занятых в сельхозпроизводстве, в 2012 году по сравнению с 2011 года сократилась на 18% (17 819 человек в 2012 году). Кадровый дефицит на селе обусловлен, в частности, размером оплаты труда, который находится на более низком уровне по сравнению со средней зарплатой по области. Также данные статистики подтверждаются и результатами проведенного мониторингового исследования сельского хозяйства региона [2, с. 160].

Еще одной проблемой для модернизации молочного скотоводства является отсутствие интегрированного подхода, предусматривающего создание кластеров технологически сопряженных производств, взаимодействия отраслей АПК между собой, с другими отраслями экономики, с органами государствен-

ной власти и местного самоуправления, поскольку для эффективного развития отрасли животноводства региона целесообразно иметь системно-сетевую структуру управления, включая в себя государственные, частные, общественные, хозяйственные, научные и социальные институты. Активное подключение к процессам принятия решений по развитию АПК всех этих организаций означает мобилизацию дополнительных информационных, управленческих и организационных ресурсов экономического и социального процесса.

Литература

1. Анищенко, А.Н. К вопросу о технологической модернизации отрасли молочного скотоводства региона / А.Н. Анищенко // Research Journal of International Studies. – 2013. – № 10 (17). – Ч. 2. – С. 9-11.

2. Анищенко, А.Н. Оценка функционирования сельского хозяйства региона / А.Н. Анищенко, Р.Ю. Селименков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 5. – С. 156-168.

3. Сравнение эффективности технологий производства молока на фермах с доением в стойлах, в доильных залах и на установках добровольного доения (роботах) / Г. Легошин, В. Бильков, А. Анищенко, Г. Шиловский, В. Жильцов // Молочное и мясное скотоводство. – 2013. – № 4. – С. 1-5.

4. Суровцев, В.Н. Оценка экономической эффективности инновационных технологий доения и содержания молочного стада [Электронный ресурс] / В.Н. Суровцев, Ю.Н. Никулина. – Режим доступа: <http://www.agritimes.ru/articles/1481/ocenka-ekonomicheskoy-effektivnosti-innovacionnyh-tehnologij-doeniya-i-soderzhaniya-molochnogo-stada>

5. Туваев, В.Н. Оценка экономической эффективности научно-технического прогресса в молочном скотоводстве / В.Н. Туваев, А.В. Туваев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 4. – С. 163-173.

ИНВЕСТИЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ В РЕГИОНЕ: АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ

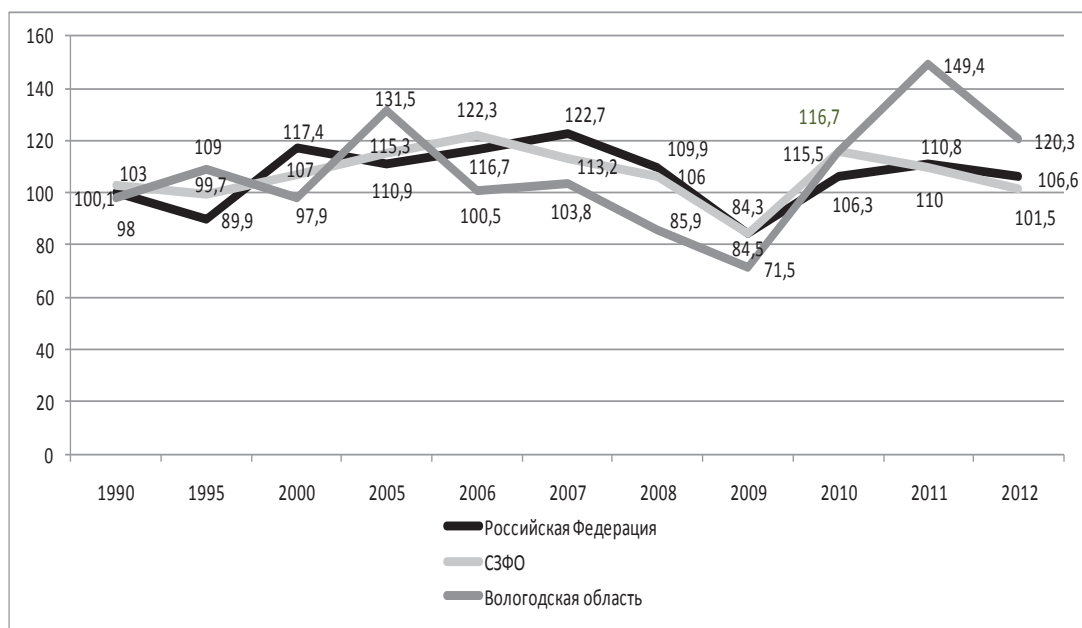
Инвестиционная активность в регионе представляет собой реальную интенсивность инвестиционной деятельности, характеризующуюся объемом и темпами привлечения инвестиций на конкретную территорию. Проблема инвестиционной активности является одной из ключевых при выработке политики, направленной на обеспечение стабильности экономического роста.

В настоящее время экономика Вологодской области развивается в достаточно сложных внешних условиях. На экономическую ситуацию в Вологодской области оказывают влияние как нестабильность в мировой экономике, так и сохранение факторов замедления экономического роста в России.

Развитие мировой экономики в последние годы характеризуется тенденцией последовательного снижения темпов экономического роста: с 5,2% в 2010 году до 3,1% в 2012 году и до 2,9% в 2013 году [7]. Это связано как со стагнацией экономики в отдельных развитых странах, так и со снижением динамики роста развивающихся стран.

В России после 2011 года в соответствии с общемировыми тенденциями также наблюдается замедление экономического роста. Одним из основных факторов, повлиявших на снижение экономического роста, стало ухудшение внешнеэкономической конъюнктуры и снижение внешнего спроса. Со стороны внутреннего спроса тенденция замедления роста в наибольшей степени связана с негативной динамикой инвестиционного спроса. Согласно прогнозным данным за 2013 год прирост валового внутреннего продукта составит 1,8% (2012 год – 3,4%) [7].

На основании данных, представленных на рисунке , можно отметить, что инвестиционные процессы в России, Северо-Западном федеральном округе и Вологодской области развиваются достаточно синхронно.

Динамика индексов физического объема инвестиций в основной капитал в сопоставимых ценах (в % к предыдущему году)

С 2008 года прослеживается общее снижение инвестиционной активности, которое обусловлено влиянием мирового финансового кризиса. С 2010 года наблюдается непродолжительный рост объема инвестиций в основной капитал, а после 2011 года в соответствии с общемировыми тенденциями вновь наблюдается замедление инвестиционной активности. В Вологодской области снижение объема инвестиций связано с сокращением инвестиционных планов крупных компаний (ОАО «Северсталь» в Вологодской области). Ситуация усугубляется дефицитом бюджета области и значительным объемом государственного долга (табл. 1) [3].

Таблица 1. Основные параметры областного бюджета и долговой нагрузки, млрд. руб.

Показатель	Фактически		2014 г., проект	Прогноз	
	2012 г.	2013 г.		2015 г.	2016 г.
Доходы, всего	36,0	40,7	40,9	41,8	45,1
Расходы	40,4	46,0	44,1	43,8	46,6
Дефицит, профицит+	-4,4	-5,3	-3,2	-2,0	-1,4
Государственный долг	25,9	28,0	34,0	36,1	37,5

Анализ структуры инвестиций Вологодской области по источникам финансирования показал, что на протяжении длительного периода собственные средства предприятий были основным источником финансирования, до 2000 года их доля составляла около 50%. Нехватка собственных средств у предприятий на инвестиционные цели привела к росту числа привлеченных финансовых ресурсов (табл. 2).

Таблица 2. Структура инвестиций по источникам финансирования, %

Источник инвестиций	1990	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
В том числе:											
Собственные средства	87,3	49,3	48,9	39,8	38,9	34,2	44	36,7	36,9	29,0	25,9
Из них:											
Прибыль	н/д	15,2	29,5	28,2	25	16	21,8	10,2	9,5	12,0	8,2
Амортизация	н/д	-	20,3	11,2	13,6	17,8	20,9	25,8	26,9	16,5	17,3
Привлеченные средства	32,5	50,2	50,1	60,2	61,1	65,8	56	63,3	63,1	71,0	74,1
Из них:											
Бюджетные	29,5	13,2	20,6	6,3	5	6,3	11,5	10,2	11,7	4,3	5,7
В том числе:											
Федерального бюджета	26,9	3,2	6,6	2,7	1,3	1,8	3,4	5,5	4,5	1,5	3,6
Бюджета субъекта федерации	2,6	9,7	10	1,1	1,7	3,1	6,6	3,6	5,9	2,2	1,8
Заемные средства	н/д	3,6	3,8	0,7	0,9	1,1	2,3	0,5	0,9	0,8	0,5
Внебюджетные фонды	н/д	24,4	0,6	0,0	0,1	0,2	0,2	0,2	0,1	0,1	0,05
Кредиты банков	н/д	-	3,8	7,5	3,6	11,4	7,2	9,2	10,8	4,9	3,6
Прочие	н/д	11,9	21,3	45,7	51,5	46,8	34,8	42,5	39,6	60,9	64,25

Следует отметить также, что большие надежды связаны с привлечением в экономику региона иностранного капитала. В 2009 году очевиден спад активности иностранных инвесторов, обусловленный кризисными явлениями экономики (табл. 3). Согласно данным статистики по объему иностранных инвестиций, поступивших в экономику области, к 2012 году так и не удалось достичь уровня 2008 года. Незначительный удельный вес иностранных инвестиций в

экономику региона свидетельствует о снижении инвестиционной привлекательности Вологодской области для иностранных инвесторов. Следует отметить нерациональность структуры иностранного капитала, в которой ведущее место занимают кредиты (99,7% от общего объема инвестиций), хотя наибольшее значение для формирования конкурентоспособности региона имеют прямые инвестиции.

Таблица 3. **Объем иностранных инвестиций, поступивших в экономику региона**
(млн. долл. США)

Иностранные инвестиции	1993	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	Изменение 2012 г. к 1993 г., раз
Всего	6,1	20,0	19,9	430,9	161,5	177,8	4142,8	69,1	1079,9	1106	3481,5	570,7
Прямые	5,9	3,5	9,2	14,59	18,61	55,76	5,87	1,6	0,98	6,8	1,3	0,22
Портфельные (акции)	-	0,27	2,6	10,99	22,37	2,53	0,15	0,27	0,03	4,7	6,02	-
Прочие инвестиции (кредиты)	0,22	16,3	8,2	405,38	120,49	119,55	4136,7	67,2	1078,9	1094,4	3474,1	15790,9

Отраслевая структура капитальных вложений Вологодской области свидетельствует о несбалансированности развития региональной экономики. Значительная часть инвестиционных вложений приходится на основную отрасль экономики региона – промышленность (23,5% в 2012 г.; табл. 4). В структуре инвестиций значительно увеличилась доля финансовых средств, направляемых в сырьевые производства, а в отраслях высокого передела наблюдалось её снижение (в машиностроении – в 14 раз, в деревообрабатывающем производстве – в 2,4 раза, в производстве пищевых продуктов – в 1,2 раза). Сохранение данных тенденций будет сдерживать качественное социально-экономическое развитие региона.

Таблица 4. Структура инвестиций в основной капитал промышленности по видам экономической деятельности в Вологодской области, %

Отрасль	1991	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	Изменение 2012 г. к 1991 г., п.п.
Промышленность	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	-
Металлургическое производство	39,4	52,1	46,9	71,9	58,9	43,3	55,3	57,4	49,3	30,5	23,2	-16,2
Химическое производство	12,8	13,6	10	11,2	25,2	37,6	24,1	25,7	20,4	46,8	50,6	37,8
Деревообрабатывающее и целлюлозно-бумажное производство	17,2	7,6	14,9	3,2	4,7	10,6	8,2	5,5	9,2	8,4	7,6	-9,6
Производство пищевых продуктов	7,9	5,4	5,7	6	3	3,1	4,7	5,8	6,8	5,8	6,4	-1,5
Производство машин и оборудования	14,2	5,6	4	0,4	1,5	1,2	1,5	1	2,3	1,7	0,9	-13,3
Текстильное производство	2,7	0,4	0,2	0,3	0,3	0,6	0,5	1,9	2,9	1,6	1,4	-1,3
Производство прочих неметаллических изделий	0,8	0,7	0,9	6,3	5,7	2,6	4,4	1,3	8,2	4,5	7,9	7,1
Прочие производства	5	14,6	17,4	0,7	0,7	1	1,3	1,4	0,9	0,7	2	-3

Начиная с 2000-х годов наблюдается активное развитие инвестиционной деятельности в отраслях транспорта и связи (табл. 5), что в большей части обусловлено финансированием строительства трубопровода, соединяющего газосырьевые месторождения Сибири со странами Западной Европы [4].

Таблица 5. Отраслевая структура инвестиций в Вологодской области, %

Отрасль	1991	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	Изменение 2012 г. к 1991 г., п.п.
Промышленность	31	41	40,3	42,3	32,7	31,5	37,1	39,7	42,9	30,5	23,5	-7,5
С/х	24	3,5	5,9	2,5	3,6	4,5	4,4	1,5	4,4	2,8	1,7	-22,3
Строительство	21,3	23,6	1,5	0,6	0,9	1,3	1,3	0,8	0,7	0,2	0,4	-20,9
Транспорт и связь	12,3	15,5	30,4	47,2	53,9	49,9	39,9	42,8	40	60,3	68,0	55,7
Торговля	1,8	2	1,6	0,8	1,1	2,2	1,2	1,1	1,3	0,5	0,8	-1
Прочие	9,6	14,4	20,3	6,6	7,8	10,6	16,1	14,1	10,7	5,7	5,6	-4
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	-

Вологодская область имеет все условия для производства важнейших продуктов питания не только для внутреннего потребления, но и для вывоза их за пределы области. Однако за исследуемый период значительно сократилась доля инвестиций в сельское хозяйство, что ставит под угрозу продовольственную безопасность региона. Данная проблема становится особо актуальной в связи с введенными Правительством России санкциями, заключающимися в годовом запрете на поставки продовольствия из ряда зарубежных стран.

Таким образом, в результате проведенного анализа следует выделить характеристики, которые затрудняют повышение инвестиционной активности в регионе:

1. Обусловленность инвестиционной активности в первую очередь крупными экспортерами, т.е. зависимость от внешней конъюнктуры.
2. Отсутствие сбалансированности в отраслевой структуре капитальных вложений.
3. Сокращение доли инвестиций в сельское хозяйство.
4. Нерациональная структура иностранного капитала.
5. Неустойчивая динамика показателей инвестиционной деятельности, которая является следствием отсутствия согласованности и координированности в действиях участников инвестиционного процесса.

Согласно прогнозу на 2014–2016 годы ожидается последующее снижение инвестиционной активности Вологодской области (табл. 6). В 2013 году инвестиции оцениваются в 97,7 млрд. рублей с уменьшением к 2012 году в действующих ценах на 35% (в сопоставимых ценах – на 38,7%). Снижение связано с завершением основной части объектов по строительству системы магистральных газопроводов.

Таблица 6. Прогноз инвестиционной активности Вологодской области на 2014–2016 гг.

Основные показатели	Единица измерения	Оценка	Прогноз		
		2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Инвестиции в основной капитал за счет всех источников финансирования					
В действующих ценах	млрд. руб.	97,7	107,5	78,3	98,5
В сопоставимых ценах	% к предыдущему году	61,3	104,6	69,3	119,8
Объем инвестиций в основной капитал (за исключением бюджетных средств)	млрд. руб.	91,0	99,8	70,6	91,8
Количество приоритетных проектов, реализуемых субъектами инвестиционной деятельности, которым предоставлена государственная поддержка в форме налоговых льгот	Ед.	0	9	12	16

Инвестиции в основной капитал на 2014 год прогнозируются в сумме 107,5 млрд. рублей с увеличением к 2013 году в действующих ценах на 10% (в сопоставимых ценах – на 4,6%), на 2015 год – 78,3 млрд. рублей (уменьшение к 2014 году в действующих ценах на 27,2%, в сопоставимых ценах – на 30,7%), на 2016 год – 98,5 млрд. рублей (рост к 2015 году в действующих ценах – на 25,9%, в сопоставимых ценах – на 19,8%).

Инвестиции в основной капитал по прочим видам деятельности (за исключением транспортирования по трубопроводам) на 2014 год прогнозируются в сумме 72 млрд. рублей с увеличением к 2013 году в действующих ценах на 10,5%, на 2015 год – 67 млрд. рублей (снижение к 2014 году в действующих ценах на 6,9%), на 2016 год – 76 млрд. рублей (рост к 2015 году в действующих ценах на 13,5%).

В среднесрочном периоде в химическом производстве планируется реализация крупного инвестиционного проекта по созданию энергоэффективного агрегата по производству аммиака. В электроэнергетике завершится строительство энергоблока, парогазовой установки, продолжится реконструкция и техническое перевооружение подстанций. В сфере теплоэнергетического комплекса продолжится реализация проекта по строительству, реконструкции и техническому перевооружению объектов теплоэнергетического комплекса муниципальных образований области. В лесопромышленном комплексе планируется

создание энергетического лесопромышленного кластера «Сокол–Вытегра» с выпуском продукции глубокой механической переработки березового пиловочника. В производстве пищевых продуктов продолжится реализация проекта по созданию и функционированию круглогодичного производства по выращиванию и полной (глубокой) переработке садовых ягодных и овощных культур. Для развития региональной системы устойчивого снабжения нефтепродуктами потребителей продолжится строительство автозаправочных станций. В целях развития транспортной инфраструктуры планируется строительство и реконструкция автомобильных дорог, реконструкция аэропортного комплекса в г. Великом Устюге, реализация проектов развития объектов Волго-Балтийской водной системы.

Объем инвестиций в основной капитал за счет бюджетных средств на 2014 год прогнозируется в сумме 7,7 млрд. рублей, на 2015 год – 7,7 млрд., на 2016 год – 6,8 млрд. рублей.

В рамках инвестирования строительства социальных объектов в сложившихся условиях жесткого ограничения бюджетных средств финансирование капитальных вложений планируется сосредоточить на объектах с высокой степенью готовности, а также имеющих наибольшую социальную направленность. Всего в 2014–2016 годах планируется ввод в эксплуатацию 15 объектов социальной сферы.

По итогам анализа инвестиционной активности и обобщенным прогнозным данным можно сделать вывод, что одним из главных направлений инвестиционной политики должно стать создание условий для активизации инвестиционной деятельности с целью диверсификации экономики региона.

Для создания благоприятного инвестиционного климата региона необходимо совершенствовать инвестиционное законодательство, расширять формы и методы государственного регулирования инвестиционной деятельности на территории области.

В целях развития инвестиционной активности в Вологодской области были внедрены новые инструменты по привлечению инвестиций:

- 1) создана ОАО «Корпорация развития Вологодской области»[5];
- 2) создан инвестиционный портал области, который содержит всю необходимую информацию для инвестора на русском, английском и немецком языках;
- 3) в каждом районе и городском округе области назначены инвестиционные уполномоченные;
- 4) создан постоянно действующий Инвестиционный совет при Губернаторе области;
- 5) ведется активная работа по внедрению требований федерального Стандарта деятельности органов исполнительной государственной власти по обеспечению благоприятного инвестиционного климата, разработанного Агентством стратегических инициатив.

Однако целесообразно проводить дальнейшие мероприятия, направленные на повышение инвестиционной активности области:

- 1) совершенствование мер налогового и финансового стимулирования инвестиций;
- 2) формирование инфраструктуры обеспечения инвестиционной деятельности и снижение административных барьеров;
- 3) формирование и поддержание привлекательного инвестиционного имиджа области.

В условиях экономической нестабильности кредитные организации крайне неохотно идут на реализацию инвестиционных проектов. Коммерческие банки не стремятся давать кредиты без залогового обеспечения, либо предоставляют их, как правило, под очень высокие проценты, что делает бизнес нерентабельным (табл. 7).

Таблица 7. Распределение организаций по оценке факторов, ограничивающих инвестиционную деятельность (в % от общего числа организаций)

Факторы, ограничивающие инвестиционную деятельность	2005 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Недостаточный спрос на продукцию	42	18	15	13	19	20
Недостаток собственных финансовых средств	56	43	50	74	37	44
Высокий процент коммерческого кредита	36	26	40	49	19	32
Сложный механизм получения кредитов для реализации инвестиционных проектов	14	20	21	15	7	18
Инвестиционные риски	42	35	21	35	37	44
Неудовлетворительное состояние технической базы	8	5	8	27	7	1
Низкая прибыльность инвестиций в основной капитал	10	10	9	12	7	11
Неопределенность экономической ситуации в стране	9	56	46	41	37	23
Несовершенная нормативно-правовая база, регулирующая инвестиционные процессы	41	5	2	4	7	4

Одним из выходов в данной ситуации может стать создание муниципальных залоговых фондов. В предоставлении залогового обеспечения муниципальными залоговыми фондами видится альтернатива муниципальным гарантийным фондам, которые не способны нормально функционировать в виду экономической нестабильности и отсутствия достаточных средств в местных бюджетах. В перечень залогового фонда города могут быть включены находящиеся в собственности города объекты недвижимого имущества, в том числе объекты незавершенного строительства, одновременно с земельными участками, на которых они находятся. Кроме того, в указанный перечень могут быть включены и пакеты акций муниципального образования в уставных капиталах хозяйственных обществ. В настоящее время с использованием механизма залогового фонда в Череповце планируется реализация первого проекта. Других подобных примеров на территории области пока нет. Инвестиционные проекты должны быть направлены, в первую очередь, на импортозамещение и удовлетворение потребностей населения и промышленных предприятий.

Также эффективным инструментом диверсификации экономики и повышения инвестиционной активности на территории Вологодской области является развитие государственно-частного партнерства (ГЧП). Согласно рейтингу «ГЧП-старт» в области создан благоприятный климат для реализации проектов на принципах ГЧП. Примерами уже реализуемых проектов являются: инвестиционный проект по модернизации моногорода Сокол, «Индустриальный парк «Шексна», проект «Развитие льняного комплекса Вологодской области». При всей важности предпринимаемых Правительством мер, можно констатировать, что процесс использования ГЧП как инструмента привлечения инвестиций в экономику страны и её регионов находится на начальном этапе. Основной задачей государственной власти и бизнеса остается выработка эффективных механизмов применения данного инструмента и его апробация на инвестиционных проектах. Главными направлениями развития взаимоотношений между государством и бизнесом в целях повышения инвестиционной активности могут стать:

- 1) разработка отраслевых планов ГЧП с учетом приоритетных задач роста экономики региона;
- 2) анализ и разработка мероприятий и рекомендаций по улучшению сотрудничества с бизнес-структурами в конкретных секторах экономики;
- 3) информационно-аналитическая поддержка, мониторинг и распространение наиболее эффективной практики взаимодействия органов власти и бизнес-структур [1].

Актуальным мероприятием является создание Центра развития государственно-частного партнерства, а также создание регионального инвестиционного фонда. Инвестиционный фонд области представляет собой часть средств областного бюджета, подлежащую использованию в целях реализации на территории Вологодской области инвестиционных проектов, осуществляемых на принципах государственно-частного партнерства.

Таким образом, в сложившихся условиях экономической нестабильности и дефицита регионального бюджета наблюдается снижение инвестиционной активности Вологодской области. В перспективе, согласно прогнозу на 2014–2016 годы, ожидается последующее падение показателей инвестиционной деятельности. В связи с этим возникает необходимость поиска консолидированных решений, направленных на содействие стимулированию инвестиционной активности Вологодской области, что поспособствует созданию благоприятных условий для развития экономики и развития региона в целом.

Литература

1. Атаева, Н.Ю. Экономическая нестабильность как фактор снижения инвестиционной активности в регионе / Н.Ю. Атаева // Управление и экономика в условиях экономической нестабильности: проблемы и перспективы. – Вологда: Вологодский филиал РАНХиГС, 2014. – С. 167-177.
2. Инвестиционные процессы в области [Текст]: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2013. – 122 с.
3. Об областном бюджете на 2014 год и плановый период 2015 и 2016 годов: Закон Вологодской области от 11 декабря 2013 года № 3246-ОЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
4. Об утверждении Программы социально-экономического развития Вологодской области на 2014–2016 годы: Закон Вологодской области от 11 декабря 2013 года № 3234-ОЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
5. Инвестиционный портал регионов России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.investinregions.ru/>
6. Официальный сайт Корпорации развития Вологодской области. – Режим доступа: <http://www.invest35.ru/>
7. О прогнозе социально-экономического развития Вологодской области на 2014–2016 годы: Постановление от 28 октября 2013 г. № 1113 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
8. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации – 2013 г. [Электронный ресурс]: стат. сб. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

О ПРЕДСТОЯЩЕЙ ГАЗИФИКАЦИИ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

В конце 2012 г. – середине 2013 г., на фоне обсуждения хода реализации мер по недопущению очередного «мазутного кризиса», в региональном Правительстве и областных законодательных органах с новой силой возобновилась дискуссия на тему поиска путей преодоления одной из основных нерешенных проблем территориальной экономики Мурманской области – проблемы мазутозависимости. Из всех субъектов Российской Федерации Мурманская область остается единственным регионом, куда до настоящего времени в наибольших количествах завозится и сжигается для производства тепловой энергии дорогостоящий вид котельно-печного топлива – топочный мазут. На этот раз речь велась о возможности диверсификации топливно-энергетического баланса Мурманской области на основе перевода систем снабжения отдельных категорий потребителей на использование сжиженного природного (СПГ) или сжиженного углеводородного газа (СУГ). Предприятия областной теплоэнергетики, которые сейчас обеспечиваются преимущественно мазутным топливом, станут снабжаться сжиженным газом. В результате, помимо улучшения экологической ситуации, ожидается получение ряда социально-экономических эффектов. В частности, возможность значительно сократить объемы субсидий теплоснабжающим организациям, выплачиваемые им из регионального бюджета на компенсацию выпадающих доходов от изменения цен на мазут. Цены на сетевой и сжиженный газ для населения, бюджетных организаций и социально значимых потребителей подлежат государственному регулированию. В течение года они остаются фиксированными, что теоретически позволит областным теплоснабжающим предприятиям избегать необходимости привлекать кредиты для закупок топлива в периоды сезонного роста цен. Размер выплат указанных субси-

дий в Мурманской области в 2013 году составил около 2,512 млрд. рублей. Региональные власти рассчитывают перераспределить эти деньги на другие социально значимые нужды. Кроме того, считается, что сжиженное газовое топливо более эффективно с точки зрения своей теплотворной способности, и за счет этого свойства завозить потребуется намного меньше, что сократит как физические объемы закупок, так и транспортную нагрузку на региональные железнодорожные коммуникации.

О важности предстоящей газификации Мурманской области неоднократно упоминалось на самом высоком федеральном уровне. В частности, говоря о перспективах развития предприятий топливно-энергетического сектора в Северо-Западном федеральном округе, будучи в 2011 году Председателем Правительства РФ, Владимир Путин заявил: «Для нас не менее важно, что развитие газодобычи позволит существенно продвинуться в газификации регионов Северо-Запада, в том числе и Мурманской области, которая до сих пор практически не газифицирована» [4]. В этом же году ОАО «Газпром» была утверждена «Генеральная схема газоснабжения и газификации Мурманской области» (разработчик – Проектный институт ОАО «Газпром промгаз»). Основной упор при подготовке этого планового документа был сделан на перспективу появления к 2014–2016 гг. в Мурманской области ключевых элементов инженерной и сырьевой базы проекта освоения Штокмановского газоконденсатного месторождения. В 2013 году «Газпром» существенным образом пересмотрел свои инвестиционные планы, и в 2014 году планируется выполнить корректировку уже принятой Схемы [14].

Помимо ОАО «Газпром», свою заинтересованность в участии в крупных нефтегазовых инвестиционных проектах, планируемых к реализации в Мурманской области, уже более десяти лет демонстрирует другая ведущая отечественная компания – ОАО «НК «Роснефть»». 21 июня 2013 года в рамках работы Петербургского международного экономического форума Президент «Роснефти» Игорь Сечин и Губернатор Мурманской области Марина Ковтун под-

писали договор о сотрудничестве при реализации проекта Мурманского транспортно-перевалочного узла, где в числе прочих вопросов предварительно оговаривались некоторые аспекты решения проблемы топливного обеспечения региона. В частности, речь шла о возможностях развертывания на территории Мурманской области объектов нефтеперевалки, нефтепереработки и автономной газификации [3] [13]. В ноябре того же года состоялась II Мурманская международная деловая неделя, в ходе мероприятий которой вице-президент «Роснефти» Влада Русакова на заседании совместной рабочей группы Правительства Мурманской области и представителей компании «Роснефть» озвучила ряд возможных вариантов осуществления целевых поставок газового топлива в регион [7]. Наибольшее внимание было уделено трем перспективным схемам организации поставок: импорту и морской доставке сжиженного природного газа от газоперерабатывающих заводов Норвегии, а также с предполагаемых к строительству заводов проектов «Ямал СПГ», «Печора СПГ», ОАО «Газпром газэнергосеть» (завод СПГ в Выборгском районе Ленинградской области); железнодорожной транспортировке сжиженного углеводородного и природного газа от ближайших поставщиков в Ленинградской области (в перспективе из республики Карелия); проекту добычи, подготовки и транспортировки газа Мурманского газового месторождения на шельфе Баренцева моря. В настоящее время специалистами «Роснефти», «Газпрома», Минэнерго России и Правительства Мурманской области ведется совместная работа по определению основных параметров перспективной модели транспортировки газового топлива в регион. Единого представления по этому вопросу пока выработано не было. Представители областной администрации считают, что прогнозный уровень потребления газа на территории Мурманской области способен составить до 7,8 млрд. куб. м [5]. Об этом в рамках своего визита на XVIII Санкт-Петербургском международном экономическом форуме заявила врио губернатора Мурманской области Марина Ковтун. По ее мнению, сама возможность достижения столь высоких показателей потребления позволит привлечь внимание потенциальных

инвесторов и значительно ускорить процесс проработки новой скорректированной Схемы газификации и газоснабжения региона. О необходимости создания для этого специальной рабочей группы было сказано там же на встрече с Председателем Правления ОАО «ФосАгро» Андреем Гурьевым, который подтвердил заинтересованность компании в участии и реализации предложенных инициатив при создании новых производственных мощностей холдинга. В частности, он уточнил, что развертывание такой схемы территориального топливно-энергетического снабжения позволит «ФосАгро» и входящему в эту группу ОАО «Апатит» переориентировать свои системы материально-технического снабжения для топливных нужд нового завода по производству сложных химических удобрений в Мурманской области. Его строительство и ввод в эксплуатацию планируется осуществить после 2017 года [15]. Объем потребности в газовых поставках для этого предприятия может составить до 1 млрд. куб. м в год. Еще 200 млн. куб. м будет необходимо ОАО «Апатит» для замещения осуществляемых сейчас в его адрес поставок мазутного топлива [там же]. Через месяц, на встрече с Председателем Правления «Газпрома» Алексеем Миллером, которая состоялась в Москве 18 мая 2014 г., М. Ковтун повторно озвучила свою точку зрения о возможности дополнительного годового прироста территориального потребления в объеме не менее 3,52 млрд. куб. м газа в случае заключения соглашений с наиболее крупными потребителями энергоносителей в Мурманской области: ОАО «Апатит», ЗАО «Северо-Западная Фосфорная Компания», Кольской ГМК, Оленегорским ГОК (ОАО «Олкон»), ОАО «Ковдорский ГОК». По ее словам, предварительные договоренности с указанными компаниями уже имеются, и это дает основания считать «...целесообразным провести корректировку генеральной схемы магистрального газопровода, который соединил бы Кольский полуостров с газотранспортной системой Северо-Западного региона Российской Федерации» [6]. По итогам встречи А. Миллер поручил соответствующим департаментам «Газпрома» про-

вести дополнительную работу по формированию и подтверждению заявок указанных потребителей, которую планируется закончить к концу 2014 года.

Всего же в рамках долгосрочной целевой программы Мурманской области «Комплексное развитие систем коммунальной инфраструктуры Мурманской области на 2011–2015 годы» (действие прекращено с 1 января 2014 г.) предусматривалось к реализации три проекта реконструкции систем муниципального теплоснабжения с включением в их структуру объектов газогенерации: строительство блочно-модульных котельных в с. Минькино, с.п. Междуречье, строительство станции по газификации угля в г. Кандалакша (район Нива-3). Сумма инвестиционных вложений по ним составила 392,8 млн. рублей. Два из них вошли в плоскость практической реализации (строительство газовых котельных в селах Минькино, Междуречье (Кольский район)) [8]. Для своих технологических и производственных нужд эти потребители должны будут закупать сжиженный углеводородный газ, который в качестве основного вида топлива для производства тепловой энергии на территории Мурманской области не используется и поставляется в основном для обеспечения бытовых нужд населения и заправки автомобильного транспорта. Поэтому основным сценарием газификации территории пока остается вариант автономного снабжения отдельных категорий потребителей на основе существующей транспортной сети с использованием железнодорожных поставок СПГ (когда появятся его крупные производители в Европейской части РФ) или СУГ. Такая позиция была озвучена начальником Управления формирования и реализации политики в области энергетики и жилищно-коммунального комплекса Министерства энергетики и жилищно-коммунального хозяйства Мурманской области Д.А. Латышевым 22 октября 2013 года на заседании Комитета Мурманской областной Думы по энергетике и жилищно-коммунальному хозяйству [14].

Выполненные автором оценки позволяют сделать вывод о том, что вариант замещения мазута сжиженным газовым топливом с его доставкой по железной дороге может быть реализован лишь ограниченно. Он способен сравниться

по уровню транспортных издержек с существующим «мазутно-угольным» только в случае минимизации «транспортного плеча» планируемых железнодорожных перевозок газа (поставки от производителей СУГ в Ленинградской области или, в перспективе, от поставщиков СПГ в республике Карелия). В настоящее время поставки СУГ для нужд потребителей Мурманской области осуществляют несколько предприятий. Крупнейшим поставщиком СУГ в адрес региональной монополии ОАО «Мурманоблгаз» является ОАО «Газпром газэнергосеть», которое в 2013 году поставляло сюда порядка 55% от общего объема поставок компанией балансового газа [1]. Основные объемы СУГ поступают в область от поставщиков, расположенных в республике Коми и Пермском Крае (более 80% от общего размера поставок). Доля завоза СУГ от близкорасположенных поставщиков из Ленинградской области составляет не более 10–11% [2]. Поэтому пересмотр существующих транспортно-экономических связей в сфере поставок сжиженного газа по железной дороге в Мурманскую область будет являться неременным условием успешной газификации ее территории. Предполагается, что организация контрактной привязки потребителей Мурманской области к ближайшим поставщикам взамен существовавшего ранее прикрепления балансовым заданием Министерства энергетики России – еще одно значимое направление работы территориальной газификации, которое самым прямым образом будет отражаться на конечной стоимости топлива для потребителей, росте уровня тарифов газоснабжения.

Таким образом, на ближайшую перспективу (до конца 2014 г.) остается неясным, что же станет базовой технологией транспорта газового топлива в Мурманскую область. Будет ли это поставка сжиженного газа по железной дороге, его автомобильная доставка с использованием спецтранспорта из Карелии, морская транспортировка танкерами на терминал СПГ или трубопроводная поставка сетевого природного газа – неизвестно. Этот вопрос является ключевым для понимания возможных перспектив газификации региона. Именно поэтому специалистами и представителями общественности неоднократно

поднимался вопрос о целесообразности столь быстрой и необратимой газификации Мурманской области [10, 11, 12]. Сама глава региона, прекрасно осознавая трудности предстоящей работы, уже сейчас признает, что в ближайшие семь лет проблема мазутозависимости Мурманской области решена не будет [9]. На основании изложенных материалов представляется очевидным вывод о необходимости дальнейшего продолжения в Мурманской области выполнения опытных («пилотных») и локальных проектов газификации области. Апробация полученного опыта при осуществлении планов модернизации коммунальных объектов и инженерной инфраструктуры муниципальных образований региона даст однозначный ответ о принципиальной необходимости газификации территории в ближайшее время или среднесрочной перспективе, а также о целесообразности включения в ее зону отдельных районов Мурманской области.

Литература

1. «Газпром газэнергосеть» продлила срок оплаты за сжиженный газ, поставляемый в Мурманскую область. 19 сентября 2013 года [Электронный ресурс] // Газета «Мурманский вестник». – Режим доступа: <http://www.mvestnik.ru/shwpgn.asp?pid=2013091960>.
2. Годовой отчет об итогах работы ОАО «Мурманоблгаз» за 2011 год. Текст // Интернет сайт ОАО «Мурманоблгаз». – Режим доступа: <http://muroblgaz.narod.ru>.
3. Губернатор Мурманской области Марина Ковтун встретилась с президентом компании «Роснефть» Игорем Сечиным. 4 октября 2013 года [Электронный ресурс] // ИА «Би-порт». – Режим доступа: <http://www.b-port.com/officially/item/114984.html>.
4. Доклад Председателя Правительства РФ В.В. Путина «Стратегия социально-экономического развития Северо-Запада России до 2020 года». Межрегиональная конференция отделений партии «Единая Россия». Россия, г. Череповец. 4–5 сентября 2011 г.
5. Инвесторы поддержат. 23 мая 2014 года [Электронный ресурс] // Газета «Мурманский вестник». – Режим доступа: <http://www.mvestnik.ru/print.asp?pid=201405238>.
6. Комлев, И. Рабочая встреча М. Ковтун с А. Миллером в Москве [Электронный ресурс] / И. Комлев // ГТРК «Мурман». – 2014. – 18 мая. – Режим доступа: <http://murman.tv/news/5422-rabochaya-vstrecha-m-kovtun-s-a-millerom-v-moskve.html>.

7. Марина Ковтун: при рассмотрении вариантов газификации мы должны четко видеть вектор экономии в ТЭК региона. 11 ноября 2013 года // Официальный сайт Губернатора Мурманской области. – Режим доступа: <http://gubernator.gov-murman.ru/news/events/?newsid=658&page=33>.

8. Модернизация котельных в Мурманской области: наступаем на старые грабли. 27 марта 2013 года [Электронный ресурс] // ИА «Nord-News». – Режим доступа: http://www.nord-news.ru/murman_news/2012/03/27/?newsid=28103.

9. Мурманская область не уйдет от мазутной зависимости еще 7 лет. 28 мая 2014 года [Электронный ресурс] // ИА «Би-Порт». – Режим доступа: <http://www.b-port.com/news/item/130519.html>.

10. Нужна ли области газификация без Штокмана? 23 октября 2012 года [Электронный ресурс] // ИА «Би-Порт». – Режим доступа: <http://www.b-port.com/analytics/item/90335.html>.

11. Нужно ли Мурманской области «слезать с мазутной иглы». 2 декабря 2013 года // Интернет сайт телекомпании «Арктик-ТВ». – Режим доступа: <http://www.arctic-tv.ru/news/murmanskaya-oblast-arktika/nuzhno-li-murmanskoj-oblasti-slezat-s-mazutnoj-igly>.

12. «Роснефть» – волшебник для северного города. 22 января 2014 года [Электронный ресурс] // Газета «Московский Комсомолец – Мурманск». – Режим доступа: <http://murmansk.mk.ru/article/2014/01/22/973748-rosneft-volshebnyk-dlya-severnogo-goroda.html>.

13. «Роснефть» заинтересовалась возможностью участия в ПОЭЗ Мурманской области. 3 апреля 2013 г. [Электронный ресурс] // ИА «PortNews». – Режим доступа: <http://portnews.ru/news/157932>.

14. Схема газификации Мурманской области пройдет корректировку. 27 октября 2013 года [Электронный ресурс] // Телекомпания «ТВ-21». – Режим доступа: <http://www.tv21.ru/news/2013/10/27/?newsid=62571>.

15. «ФосАгро» может построить завод удобрений в Мурманской области после 2017 года. 22 мая 2014 года [Электронный ресурс] // ИА «ИТАР-ТАСС». – Режим доступа: <http://itar-tass.com/ekonomika/1205917>.

ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ: МЕЖСТРАНОВОЙ АНАЛИЗ

Проводимая автором работа по межстрановому анализу влияния природно-географических условий на формирование экономических институтов на данном этапе осуществляется в рамках проекта «Макроинституциональная циклическая динамика: теория и моделирование», осуществляемого под руководством С.Г. Кирдиной и основной своей целью имеет доказательство гипотезы о непосредственном влиянии природно-географических условий на формирование основных общественных институтов, в данном случае институтов экономических¹.

Безусловно, мысль о том, что изначальный природный ландшафт влияет на формирование структуры общества во всех ее плоскостях: от структуры хозяйствования вплоть до формирования ментальности, культурных стандартов и поведенческих принципов не нова. Еще в XVIII веке известный философ эпохи Просвещения Шарль Луи Монтескье в своем труде «Дух законов» развивал теорию географического детерминизма, пытаясь показать влияние климатических условий на формирование национального характера.

В самом деле, идея о том, что природа является основополагающей детерминирующей силой, кажется более чем разумной и в некоторой степени очевидной, ведь ландшафт, климат, растительность, реки и озера, все, что нас окружает, дает человеку и социуму одновременно и определенный вызов, и вместе с тем силы и великие возможности этот вызов преодолеть, выжить и продлить свой род. На наш взгляд, крайне удачное свое преломление теория географического детерминизма нашла в работах британского историка и фило-

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 14-02-14022.

софа XX века Арнольда Тойнби. Он разрабатывал свою собственную теорию локальных цивилизаций, в рамках которой предполагалось, что всемирную историю можно представить в виде существования различных условно выделяемых цивилизаций, каждая из них проходит одни и те же этапы развития от своего зарождения до гибели. Основным двигателем цивилизационного развития Тойнби видел способность «творческого меньшинства» находить ответы на вызовы окружающей среды. Среди вызовов он выделял в том числе и вызов природы.

Отчасти развивая идеи Тойнби, скажем, что совокупность «творческих решений» с течением времени и по мере становления норм хозяйственной деятельности, превращается в целостную структуру социально-экономических отношений и институтов, анализируя и сопоставляя которые мы обнаружим, что, несмотря на то что все люди разные, над нами восходит одно солнце, и структуры в итоге получаются у нас схожие. Там, где климат и ландшафт тяжелы для выживания и требуют огромных трудозатрат, как правило формируются институты, нацеленные на активную мобилизацию населения и ресурсов и как правило подобные ресурсы обретают форму ярко выраженной централизованной власти. Там же, где природа не бросает людям столь интенсивный вызов, могут формироваться более гибкие институты власти, не направленные на мобилизацию социума, понятие коллективного труда теряет свою актуальность и, напротив, создаются предпосылки для формирования института частной собственности.

В своей работе мы исходим из задачи расширить представления о географическом детерминизме за счет понятия материально-технологической среды. С.Г. Кирдина дает следующее определение этому термину: «обусловленная природными условиями общественная инфраструктура и отрасли, приоритетные для обеспечения жизнедеятельности населения, с присущими им технологиями и системами управления» [5, с. 83]. Она же предлагает деление на коммунальную и некоммунальную среды. «Коммунальность означает такое свой-

ство материально-технологической среды, которое предполагает ее использование как единой нерасчленимой системы, части которой не могут быть обособлены без угрозы распада всей системы», – отмечает С.Г. Кирдина [5, с. 83]. Отличнейшим и древнейшим примером коммунальной среды можно назвать систему заливного рисоводства, характерную для сельского хозяйства Китая и ряда стран Юго-восточной Азии, а также Кореи и Японии, где в процессе выращивания риса участвуют не отдельными семьями, а целыми деревенскими общинами или даже группами общин, руководимыми центральной властью. Технически сложные ирригационные системы, без которых немислимо выращивание риса, заставляют людей объединяться для их создания и поддержания в надлежащем работоспособном состоянии.

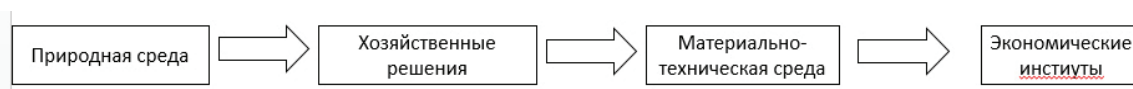
И, напротив, некоммунальная среда позволяет хозяйственным единицам действовать обособленно друг от друга без ущерба для общественного блага.

Внимательный читатель может возразить нам, что материально-техническая среда есть совокупность природных условий и реализации человеческих решений по созданию собственной инфраструктуры и структуры хозяйствования. В самом деле это именно так. Но если мы попробуем представить ситуацию в исторической перспективе развития, то обнаружим, что материально-техническая среда по существу есть результат воспроизводства, развития и модернизации первоначальных решений «творческого меньшинства», в основе которых – потребность ответить на вызовы природы с использованием всех даваемых природой для того возможностей и ресурсов. Поэтому, так или иначе, но в основе все равно лежит детерминирующая сила природы, упрямая и несомненная.

Наша гипотеза состоит в том, что степень коммунальности/некоммунальности материально-технической среды напрямую влияет на формирование общественных, политических и экономических институтов. Например, там, где среда носит характер коммунальной, формирование инсти-

тутов частной собственности маловероятно и затруднительно, так как они как таковые не соответствуют внутренней логике функционирования среды и поэтому не жизнеспособны.

В свою очередь если мы «отмотаем» назад историю формирования среды, то в самом начале мы видим те самые «творческие решения», принятые в ответ на вызов природно-географических условий. Если же мы попытаемся проследить путь от начальной точки в виде изначальных природно-географических условий до конечного результата в виде сформированных экономических институтов, то получится схема (рисунок): изначальные природные условия толкают людей к принятию определенных хозяйственных решений, совокупность которых приводит к формированию материально-технической среды и уже она напрямую обуславливает конечное формирование экономических институтов.

**Процесс формирования экономических институтов
под влиянием природной среды**

Таким образом, мы предполагаем показать прямую связь и обусловленность между природно-географическими условиями и экономическими институтами путем проведения межстранового анализа природно-географических условий, установления связи между определенными особенностями природных условий и формированием той или иной материально-технической среды и, наконец, экономических институтов.

В настоящее время нами выделен целый ряд индикаторов природно-географической среды, составлены соответствующие базы данных по каждому индикатору, где указано, каков показатель по каждому индикатору для каждой выбранной нами страны. В результате окончательно проведенных подсчетов предполагается получить результат, из которого будет ясно, какие природные

условия обуславливают формирование рыночных институтов, а какие – институтов редистрибутивной экономики².

Условно выбранные нами индикаторы природно-географических условий можно разделить на следующие группы:

1. Климатические условия (температура, количество осадков).
2. Уровень обеспеченности природными ресурсами.

Первая группа индикаторов имеет двоякое значение, так как климатические условия одновременно могут быть и вызовом, риском для хозяйственной деятельности и в то же время благом и возможностью. Вторая же группа более однозначна, так как означает уровень возможностей, даруемых природой.

И, соответственно, имеется ряд стран, по которым собираются требуемые данные и о которых у нас имеется изначальная гипотеза о том, какие экономические институты в них доминируют. Всего в списке присутствует 70 государств, выборка которых из числа прочих проходила в несколько этапов. В первую волну попали страны, выступившие инициаторами создания ООН и подписавшие устав организации в 1945 году (всего 50 государств). Из их числа были исключены те, которые затем распались на отдельные государства (за исключением России – как преемницы СССР), страны с населением менее 5 млн. чел. (Коста-Рика, Либерия, Люксембург, Уругвай) и площадью территории менее 30 тыс. кв. км (Сальвадор), а также Республика Гаити – одна из самых нестабильных стран мира. В результате в списке осталась 41 страна. Далее в выборку были добавлены страны с населением более 5 млн. чел., территорией не менее 30 тыс. кв. км и имеющие период независимости не менее 55 лет – всего 28 стран. На основе предварительного анализа можно предположить, что в 1/3 государств доминируют Y-институты, а в 2/3 – X-институты, что говорит о том, что в выборке достаточно представлены обе группы стран.

² Первым термин «редистрибуция» (redistribution) ввел К. Поланьи [1, с. 36], противопоставив ему понятие «обмен» (exchange). Последний понимается как ключевая составляющая рыночной экономики, основанной на обмене благами между экономическими акторами, редистрибуция же по большому счету есть категория распределительной экономики. С.Г. Кирдина в своей матричной теории опирается на деление экономик на рыночную и редистрибутивную, последняя характерна для X-экономик, первая – для Y-экономик [5, с. 99].

Наша гипотеза состоит в том, что там, где природные риски невысоки, а ресурсы могут быть потреблены по частям, формируется некоммунальная среда и, соответственно, формируются рыночные экономические институты там же, где уровень рисков выше, а ресурсы могут быть освоены в основном совместно, формируется коммунальная среда и редистрибутивная экономика.

На данном этапе исследования уже проведена работа по формированию соответствующей единой таблицы, содержащей показатели по каждому выбранному индикатору для каждого включенного в список государства. На следующем этапе планируется проведение расчетов, а также целый ряд мероприятий, необходимых для более точной проверки правильности выбранных индикаторов, их группирования и группирования стран по признаку коммунальности/некоммунальности среды, а также проведение исследования по установлению форм экономических институтов в отобранных для исследования государствах.

Все это необходимо для более точного определения связи между природно-географическими факторами, представленными в виде индикаторов и формированием тех или иных экономических институтов и институтов исключения вероятности появления в исследовании «неверных» индикаторов, влекущих за собой ложные причинно-следственные связи.

Источники

1. Polanyi, K. *The Livelihood of Man (Studies in Social Discontinuity)* / K. Polanyi. – New York: Academic Press, Inc, 1977.
2. Гринин, Л.Е. Природный фактор в аспекте теории истории. *Философия и общество* / Л.Е. Гринин. – 2011.
3. Кирдина, С.Г. X- и Y-экономики: институциональный анализ / С.Г. Кирдина. – М.: Наука, 2004.
4. Кирдина, С.Г. Институциональная самоорганизация экономики: теория и моделирование / С.Г. Кирдина. – М.: Институт экономики РАН, 2008.

5. Кирдина, С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию / С.Г. Кирдина. – СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2014.
6. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М: Соцэкгиз, 1962.
7. Поланьи, К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / К. Поланьи. – СПб.: Алетейя, 2002.
8. Поланьи, К. Экономика как институционально оформленный процесс (перевод М.С. Добряковой) / К. Поланьи // Экономическая социология. Электронный журнал. – 2002. – Т. 3. – № 2.
9. Тойнби, А.Дж. Постигание истории: сборник. / А.Дж. Тойнби; пер. с англ. Е.Д. Жаркова. – М., Рольф, 2001. – Т. II. Генезис цивилизаций. Вызов-и-Ответ.
10. Монтескье, Шарль-Луи // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 томах (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890–1907.

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ ПО УРОВНЮ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Для России, самого крупного государства в мире, занимающего площадь 17,1 млн. кв. км., характерны огромные различия в природно-климатических условиях, наличии и разнообразии природных ресурсов, национальном и культурном составе населения. При этом около 2/3 страны находится в климатической зоне Севера с неблагоприятными и крайне неблагоприятными природно-климатическими условиями. На территории страны проживают более 190 народов и народностей, исповедующие все мировые религии, со своими историческими, культурными, национальными традициями и особенностями.

Переход России к рыночным отношениям сопровождался усилением дифференциации развития регионов (субъектов РФ): различия между «лучшими» и «худшими» территориями по основным параметрам социально-экономического развития составляют десятки и сотни раз. Кроме того, имеющиеся объективные различия в предпосылках и потенциале развития (совокупности разного рода средств, ресурсов и источников, факторов и условий развития) ещё более усиливают неоднородность территорий как в экономическом, так и в политическом (управленческом) смыслах. Так, по показателю валового регионального продукта соотношение максимального и минимального значений показателей среди всех субъектов РФ выросло с 44 раз в 2000 г. до 64 раз – в 2011 г. При этом, учитывая объективные межрегиональные различия, данное неравенство составило по итогам 2011 г. 33,7 раза [1, с. 340].

Отсюда возникает необходимость выделения (группировки) территорий со сходным потенциалом, особенностями и тенденциями социально-экономического развития с целью разработки и реализации специфических методов и инструментов государственной поддержки (федеральной для субъектов

РФ и внутрирегиональной со стороны субъекта РФ по отношению к муниципалитетам).

Нами предложен [2] методический инструментарий оценки уровня социально-экономического развития субъектов РФ. Под *уровнем социально-экономического развития* считаем целесообразным понимать среднюю степень достижения регионом параметров относительно средних, эталонных или лучших значений. Сущность методики заключается в расчёте интегрального показателя уровня социально-экономического развития субъектов РФ, агрегирующего 22 исходных статистических показателя, и выделение на его основе пяти групп регионов.

Последовательность оценки уровня развития субъектов РФ представлена следующим алгоритмом [2]:

На *первом этапе* формируются перечень и блоки показателей, которые отражают различные стороны социально-экономического развития территорий. Они представлены в таблице 1.

Таблица 1. Показатели оценки уровня социально-экономического развития регионов

Блок показателей	Показатель	Вид показателя
R ₁ Экономика	1. Валовой региональный продукт в расчёте на 1 жителя, тыс. руб.	+
	2. Степень износа основных фондов, %	-
	3. Объём инвестиций в основной капитал в расчёте на 1 жителя, тыс. руб.	+
	4. Инновационная активность организаций, %	+
	5. Удельный вес убыточных организаций, %	-
	6. Оборот розничной торговли в расчёте на 1 жителя, тыс. руб.	+
	7. Расходы консолидированного бюджета субъектов РФ в расчёте на 1 жителя, тыс. руб.	+
R ₂ Демография и здравоохранение	1. Общий коэффициент рождаемости, ‰	+
	2. Общий коэффициент смертности, ‰	-
	3. Общий коэффициент младенческой смертности, ‰	-
	4. Численность врачей на 10000 населения	+
	5. Число больничных коек на 10000 населения	+
R ₃ Уровень жизни	1. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, руб.	+
	2. Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума	-
	3. Объём платных услуг в расчёте на 1 жителя, тыс. руб.	+
	4. Индекс потребительских цен, в % к предыдущему году	-
	5. Уровень официально зарегистрированной безработицы, %	-

R ₄ Благоустройство	1. Общая площадь жилых помещений, приходящихся в среднем на 1 жителя, кв.м.	+
	2. Доля жилья, оборудованного водопроводом, %	+
	3. Доля жилья, оборудованного канализацией, %	+
	4. Доля жилья, оборудованного центральным отоплением, %	+
	5. Ввод в действие жилых домов в расчёте 1 на жителя, кв.м.	+
Примечание: (+) – прямой показатель; (-) – обратный показатель.		

На *втором этапе* показатели, составляющие содержание блоков, стандартизируются относительно среднероссийских значений:

$$k_i = x_i / x_{\text{срРФ}i}, \quad (1)$$

$$k_i = x_{\text{срРФ}i} / x_i, \quad (2)$$

где k_i – стандартизированный коэффициент, который рассчитывается по формуле 1 для прямых показателей¹, а для обратных² – в соответствии с формулой 2; x_i – значение i -го показателя в субъекте РФ; $x_{\text{срРФ}i}$ – среднее значение i -го показателя по всем субъектам РФ.

На базе стандартизированных показателей определяется синтетический показатель по каждому из блоков (R_j) по формуле:

$$R_j = \left(\sum_{i=1}^n k_i \right) / n, \quad (3)$$

где n – число показателей в блоке.

На *третьем этапе* рассчитывается интегральный показатель уровня социально-экономического развития субъекта РФ ($I_{\text{общ}}$):

$$I_{\text{общ}} = (R_1 + R_2 + R_3 + R_4) / 4, \quad (4)$$

где R_1 – интегральный показатель по блоку «Экономика»; R_2 – интегральный показатель по блоку «Демография и здравоохранение»; R_3 – интегральный показатель по блоку «Уровень жизни»; R_4 – интегральный показатель по блоку «Благоустройство».

¹ Увеличение значений прямых показателей свидетельствует о положительных тенденциях развития, улучшении ситуации.

² Увеличение значений обратных показателей свидетельствует об ухудшении ситуации, проблемах в развитии.

На *четвёртом* этапе осуществляется группировка регионов по уровню социально-экономического развития, который определяется следующими интервальными оценками интегрального показателя $I_{\text{общ}}$:

Уровень	Диапазон $I_{\text{общ}}$
Высокий	$I \geq 1,15$
Выше среднего	$1,05 \leq I < 1,15$
Средний	$0,95 \leq I < 1,05$
Ниже среднего	$0,85 \leq I < 0,95$
Низкий	$I < 0,85$

Результаты апробации данного методологического аппарата представлены в таблице 2. Все расчёты проведены автором данной статьи на основе официальной статистической информации по регионам России [3].

Таблица 2. Результаты группировки субъектов РФ по уровню социально-экономического развития (УСЭР) по итогам 2012 года

УСЭР	Субъект РФ
Высокий	1. Ненецкий АО (2,073); 2. Ямало-Ненецкий АО (1,980); 3. Ханты-Мансийский АО – Югра (1,593); 4. Тюменская обл. (1,493); 5. Чукотский АО (1,481); 6. г. Москва (1,450); 7. Сахалинская обл. (1,448); 8. г. Санкт-Петербург (1,366); 9. Магаданская обл. (1,269); 10. Камчатский край (1,183); 11. Московская обл. (1,183); 12. Респ. Татарстан (1,156)
Выше среднего	13. Респ. Саха (Якутия) (1,147); 14. Ленинградская обл. (1,101); 15. Респ. Коми (1,089); 16. Краснодарский край (1,080); 17. Белгородская обл. (1,072); 18. Липецкая обл. (1,066); 19. Мурманская обл. (1,057); 20. Хабаровский край (1,056);
Средний	21. Свердловская обл. (1,042); 22. Нижегородская обл. (1,034); 23. Калужская обл. (1,023); 24. Калининградская обл. (1,009); 25. Приморский край (1,001); 26. Красноярский край (0,997); 27. Чувашская Респ. (0,993); 28. Самарская обл. (0,988); 29. Новосибирская обл. (0,983); 30. Респ. Башкортостан (0,982); 31. Архангельская обл. (0,978); 32. Томская обл. (0,978); 33. Тамбовская обл. (0,975); 34. Воронежская обл. (0,970); 35. Оренбургская обл. (0,962); 36. Пермский край (0,954);
Ниже среднего	37. Челябинская обл. (0,947); 38. Амурская обл. (0,942); 39. Омская обл. (0,941); 40. Курская обл. (0,939); 41. Рязанская обл. (0,938); 42. Астраханская обл. (0,937); 43. Еврейская АО (0,928); 44. Ярославская обл. (0,928); 45. Новгородская обл. (0,927); 46. Ульяновская обл. (0,925); 47. Тульская обл. (0,925); 48. Ростовская обл. (0,923); 49. Иркутская обл. (0,914); 50. Удмуртская Респ. (0,914); 51. Кемеровская обл. (0,912); 52. Саратовская обл. (0,910); 53. Вологодская обл. (0,907); 54. Респ. Северная Осетия – Алания (0,904); 55. Пензенская обл. (0,904); 56. Респ. Карелия (0,901); 57. Ставропольский край (0,900); 58. Тверская обл. (0,894); 59. Орловская обл. (0,893); 60. Владимирская обл. (0,884); 61. Респ. Мордовия (0,881); 62. Респ. Бурятия (0,876); 63. Респ. Дагестан (0,873); 64. Волгоградская обл. (0,873); 65. Кабардино-Балкарская Респ. (0,867); 66. Респ. Марий Эл (0,867); 67. Смоленская обл. (0,857); 68. Респ. Хакасия (0,856); 69. Кировская обл. (0,854); 70. Брянская обл. (0,851); 71. Респ. Ингушетия (0,850); 72. Респ. Алтай (0,850);
Низкий	73. Костромская обл. (0,848); 74. Ивановская обл. (0,840); 75. Забайкальский край (0,840); 76. Респ. Адыгея (0,834); 77. Алтайский край (0,828); 78. Псковская обл. (0,819); 79. Чеченская Респ. (0,794); 80. Карачаево-Черкесская Респ. (0,767); 81. Курганская обл. (0,766); 82. Респ. Калмыкия (0,761); 83. Респ. Тыва (0,744).
Источник: расчёты автора.	
Примечание. В скобках рядом с каждым субъектом представлено значение интегрального показателя уровня социально-экономического развития (УСЭР).	

Результаты группировки субъектов РФ позволяют сделать следующие выводы.

В группу территорий, характеризующихся высоким уровнем социально-экономического развития, вошли по итогам 2012 г. регионы добычи нефти и газа, а также столичные города, Московская область и ряд других регионов. Во всех из них наблюдается превышение среднероссийского показателя объема валового регионального продукта (ВРП) на душу населения (в сырьевых регионах – выше в 3,7–11 раз), объёма инвестиций на душу населения (за исключением Москвы, Санкт-Петербурга и Московской области, которые имеют максимальную численность населения среди регионов), а также достаточно высокой является бюджетная обеспеченность (за исключением Московской области и Республики Татарстан). Размер заработной платы во всех регионах (за исключением Татарстана) превышает среднероссийский уровень, и максимален он в автономных округах, которые характеризуются и более высокой стоимостью жизни в силу неблагоприятных природно-климатических условий. Кроме того, данные территории характеризуются невысокой долей (менее 12%, за исключением Камчатского края) бедного населения (с доходами ниже прожиточного минимума). Однако уровень рождаемости (за исключением опять же сырьевых регионов, Татарстана и Чукотского АО) и уровень смертности не превышают среднероссийских значений (за исключением Московской и Сахалинской областей).

В группу с уровнем социально-экономического развития выше среднего по итогам 2012 г. вошли 8 регионов. 3–4 из них имеют уровень ВРП, бюджетной обеспеченности в расчёте на 1 жителя и размер заработной платы ниже среднего по стране. Все они характеризуются относительно высокой (более 70%, за исключением Якутии) долей благоустройства жилого фонда водопроводом, канализацией и центральным отоплением. В ряде регионов (Белгородская, Липецкая и Ленинградская области) отмечается высокий уровень смерт-

ности (более 14%). Во многом эти и другие факты обусловили отставание регионов данной группы от предыдущей.

В группу со средним уровнем развития по итогам 2012 года вошли 16 регионов. В этой группе значения показателей в среднем выше или ниже среднероссийского уровня не более чем на 5%. Вместе с тем в ряде субъектов ситуация существенно хуже, чем в среднем по России, по ряду параметров. Так, в Нижегородской, Калужской, Калининградской, Самарской, Новосибирской, Омской, Самарской, Архангельской, Тамбовской, Воронежской и Оренбургской областях, республиках Башкортостан и Чувашия, Пермском крае размер заработной платы меньше среднероссийского уровня на 3–10 тыс. руб., а в 5 регионах доля населения с доходами ниже прожиточного минимума превышает 14% (в среднем по России – 10,9%). В 14 регионах бюджетная обеспеченность также ниже среднероссийской, в 8 регионах – ниже обеспеченность жильём.

В самую большую группу, с уровнем социально-экономического развития ниже среднего, вошли 36 субъектов РФ, представляющие все федеральные округа. Значения большинства показателей, используемых для расчёта интегрального рейтинга, не превышают среднероссийских значений. Однако в их развитии имеются позитивные тенденции: республики данной группы (за исключением Мордовии) характеризуются высоким уровнем рождаемости и низкой смертностью, а Челябинская, Кемеровская, Курская, Брянская и Тульская области, республики Дагестан и Алания имеют невысокую долю «бедного» населения (менее 10,9%).

В группу с низким уровнем социально-экономического развития вошли по итогам 2012 г. 11 субъектов РФ: ряд регионов Северного Кавказа и Юга (Чеченская и Карачаево-Черкесская республики, республики Калмыкия и Адыгея), Юга Сибири (Республика Тыва, Алтайский и Забайкальский края) и Урала (Курганская область), а также ряд регионов Центрального (Ивановская и Костромская области), Северо-Западного (Псковская) федеральных округов. Почти во всех из них объём среднедушевого валового продукта и инвестиций не

достигает и половины от среднероссийских значений. В то же время все республики данной группы (за исключением Адыгеи) характеризуются высокой рождаемостью (более 13‰) и низкой смертностью (менее 12‰), а остальные регионы данной группы, наоборот, отличает невысокая рождаемость и высокая смертность (за исключением Забайкальского края). Уровень оплаты труда ни в одном регионе не превышает среднероссийского уровня, а доля «бедного» населения практически во всех из них (за исключением Ивановской области и Республики Адыгея) превышает 15%. Также в большинстве регионов группы отмечается невысокий уровень благоустройства жилого фонда, низкий объём вводимого жилья (менее 0,4 кв.м/чел., за исключением Республики Марий Эл). В Чеченской Республике и в Республике Тыва – также самый высокий уровень зарегистрированной безработицы в стране (27,9 и 5% соответственно). Таким образом, регионы данной группы являются наименее развитыми и наиболее проблемными в стране. В них практически нет крупных и эффективно функционирующих производств, что обуславливает невысокий уровень жизни проживающего там населения, а также невозможность самостоятельного решения всех социально-экономических проблем [2].

Таким образом, результаты группировки позволяют утверждать: как в 2000 г., так и в 2012 г. более половины регионов (47–50) попали в группы с уровнем развития ниже среднего, что говорит о наличии множества комплексных проблем в их развитии. Отсюда необходимо чётко идентифицировать проблемные регионы, которые должны стать особым объектом государственной региональной политики. Анализ показал, что большинство российских учёных под данной категорией понимают отсталые (слаборазвитые, отстающие в развитии) и депрессивные регионы. При этом большинство исследований относят регион к депрессивному или отсталому лишь на основе качественных критериев, которые не всегда могут дать объективную картину, как и количественные показатели (которые обозначены, например, в работе А.О. Польшина для депрессивных регионов).

Как показало наше исследование, группа отсталых регионов характеризуется существенными отклонениями в худшую сторону от среднероссийских параметров социально-экономического развития в силу невысокого их потенциала, определённой ограниченности развития. Нами предлагается следующий критерий отнесения региона в группу *отсталых*: нахождение региона в течение нескольких лет в группе с низким уровнем социально-экономического развития и значение интегрального показателя уровня развития менее 0,85. Таким образом, к территориям с низким уровнем социально-экономического развития все годы относились Брянская, Псковская, Курганская области, республики Калмыкия, Тыва, Карачаево-Черкесская и Чеченская. В отдельные годы группу отсталых регионов входили Ивановская, Пензенская, Ульяновская, Костромская, Кировская области, республики Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Марий Эл, Забайкальский и Алтайский края (среднее значение интегрального показателя уровня социально-экономического развития за 2000–2012 годы было ниже 0,85).

К регионам с признакам депрессии, на наш взгляд, целесообразно относить те субъекты РФ, которые переместились по уровню социально-экономического развития на 2 группы вниз и/или переместились в интегральном рейтинге более чем на 15 мест вниз за исследуемый период (не менее 10 лет, в нашем случае это 2000–2012 гг.) и при этом не относились к категории отсталых. К таким субъектам РФ по итогам проведённых расчётов можно отнести Оренбургскую, Астраханскую, Вологодскую, Орловскую, Смоленскую и Волгоградскую области, Пермский и Ставропольский края, республики Карелия и Северная Осетия–Алания.

Таким образом, результаты проведённых расчётов наглядно убеждают нас в том, что имеют место существенные различия в уровне социально-экономического развития субъектов РФ, что обуславливает множество комплексных проблем в отстающих регионах.

На наш взгляд, федеральная региональная политика должна носить дифференцированный характер и сочетать в себе как элементы выравнивания, так и элементы поляризованного развития. При этом наибольшие усилия федеральной поддержки необходимо сконцентрировать на регионах с низким уровнем социально-экономического развития, для которых помимо обеспечения минимальных стандартов жизни населения и благоприятных условий ведения бизнеса, необходим активный поиск путей их саморазвития. Также должны учитываться не только уровень их развития, но и динамические особенности. Для решения данной проблемы необходима главным образом корректировка федеральной региональной политики. Для этого необходимо, на наш взгляд, следующее:

1. Разработка и принятие стратегии пространственного развития страны, схемы размещения и развития производительных сил, концепции региональной политики.

2. Более полный учёт особенностей развития регионов в федеральных целевых программах и принятие решений с учётом различий регионов в уровне и потенциале их социально-экономического развития.

3. Активизация деятельности федеральных институтов развития (в том числе Инвестиционного фонда РФ) во всех субъектах РФ и выделение специальных их подразделений для депрессивных и отсталых регионов. Также необходима федеральная поддержка развития кластеров в регионах.

4. Возможно принятие федеральной целевой программы сокращения различий в уровне социально-экономического развития субъектов РФ (она была принята в начале 2000-х годов, но была достаточно узкой, и многие её цели не достигнуты), которая объединит в себе разные институты развития и программы.

5. Дальнейшее совершенствование межбюджетных отношений в направлении повышения финансово-экономической самостоятельности регионов и муниципальных образований.

Литература

1. Ворошилов, Н.В. Оценка экономического неравенства регионов России / Н.В. Ворошилов // Экономика и предпринимательство. – 2013. – № 12 (ч. 1). – С. 338-343.
2. Ворошилов, Н.В. Оценка уровня социально-экономического развития регионов России / Н.В. Ворошилов, Е.С. Губанова // Экономика и предпринимательство. – 2013. – № 12 (ч. 3). – С. 325-332.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013 [Текст] : стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – 990 с.

ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ДОХОДНОЙ БАЗЫ БЮДЖЕТА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

В качестве одной из ключевых задач бюджетной политики на среднесрочную перспективу, обозначенной Президентом РФ в Бюджетном послании на 2014–2016 гг., выступает обеспечение устойчивости и сбалансированности бюджетной системы. Переход к долгосрочной политике развития, направленной на увеличение расходов, выделяемых на повышение уровня и качества жизни населения, развитие человеческого капитала, стимулирование предпринимательской инициативы и инвестиционной активности, невозможен без повышения качества бюджетной политики, обеспечивающей стабильность наполнения централизованных фондов денежных средств.

Текущие реалии экономических процессов таковы, что высокие темпы прироста доходной базы субфедеральных бюджетов сменились стагнацией, а по ряду бюджетобразующих показателей были отмечены первые тенденции снижения. Ситуация осложняется ростом социальных обязательств государства перед населением. Так, майские указы Президента РФ, финансирование которых легло в основном на регионы, от одной только Вологодской области в 2014–2016 гг. потребуют дополнительно порядка 35,8 млрд. руб. (24% собственных доходов консолидированного бюджета области за 2014–2016 гг.).

Текущее положение Вологодской области таково, что его финансовая независимость (сумма доходов, получаемых по региональным и местным налогам, неналоговых доходов и безвозмездных поступлений от физических и юридических лиц) по состоянию на 2013 год не превышала 32% собственных доходов консолидированного бюджета (табл. 1). То есть в настоящее время территория реально может обеспечить формирование собственных доходов за счёт

своих возможностей только на треть. Это является свидетельством того, что объём налоговых и неналоговых доходов Вологодской области почти на 70% зависит от поступления денежных средств, получаемых по федеральным налогам.

Таблица 1. **Коэффициент чистой финансовой независимости Вологодской области, СЗФО и РФ**

Регион	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2006-2013 гг., п. п.
Вологодская область	38,6	13,9	25,1	19,9	20,4	25,2	32,2	-6,4
РФ	32,1	24,1	42,1	23,7	22,8	21,5	23,1	-9,0
СЗФО	45,8	34,6	33,8	31,7	31,8	23,5	24,5	-21,3

Источник: отчётность Казначейства России. – Режим доступа: <http://roskazna.ru/byudzhetov-subektov-rf-i-mestnykh-byudzhetov/>; расчёты автора.

Увеличение почти в 3 раза за 2007–2013 гг. объёмов доходов, полученных по региональным и местным налогам в Вологодской области, обусловило рост (на 14,6 п.п.) коэффициента чистой налоговой независимости региона (табл. 2). Вместе с тем территория остается на 75% зависимой от налоговой политики, проводимой на федеральном уровне, изменение которой (варьирование ставок налогов, введение льгот и прочее) создает риски выпадения доходов Вологодской области.

Таблица 2. **Коэффициент чистой налоговой независимости Вологодской области, СЗФО и РФ**

Регион	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2007-2013 гг., п. п.
Вологодская область	10,3	8,7	17,8	14,5	14,2	18,6	24,9	14,6
РФ	11,4	11,3	15,1	13,9	12,9	13,6	15,1	3,7
СЗФО	12,0	11,6	15,5	13,6	12,6	13,6	15,2	3,2

Источник: отчётность Казначейства России. – Режим доступа: <http://roskazna.ru/byudzhetov-subektov-rf-i-mestnykh-byudzhetov/>; расчёты автора.

Уровень текущей финансовой устойчивости, определяемый из соотношения собственных доходов и текущих расходов консолидированного бюджета Вологодской области, за 2007–2013 гг. снизился почти на 5 п.п. – до 82% (табл. 3). Рост дефицита финансирования текущих операций за счет налоговых и неналоговых доходов бюджета региона позволяет говорить о том, что территория объективно не располагает ресурсами не только для осуществления бюджетных инвестиций, но также зависима и от поступления помощи со стороны

федерального центра для обеспечения нормального текущего функционирования бюджетной сферы.

Таблица 3. Коэффициент текущей финансовой устойчивости
Вологодской области, СЗФО и РФ

Регион	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2007-2013 гг., п. п.
Вологодская область	86,9	106,3	66,5	75,3	77,7	83,2	82,1	-4,8
РФ	92,4	100,8	52,8	87,8	н/д	89,9	87,1	-5,3
СЗФО	93,5	102,3	99,0	103,7	102,5	92,1	92,9	-0,5

Источник: отчётность Казначейства России. – Режим доступа: <http://roskazna.ru/byudzhetrov-subektov-rf-i-mestnykh-byudzhetrov/>, расчёты автора.

Диспропорциональное изменение доходных возможностей территории и принимаемых расходных обязательств явилось причиной разбалансированности бюджета Вологодской области. Адаптация расходов к соответствующему объёму доходов происходит с определенным запаздыванием ввиду значительной волатильности поступления денежных средств в казну в течение календарного года, ограниченной возможности по сокращению расходных статей без снижения общей эффективности использования бюджетных средств, в результате принятия решений «политической воли» руководства страны.

Для Вологодской области в 2007–2013 гг. был свойственен дефицит собственных доходных возможностей по финансированию закрепленного за субфедеральным уровнем комплекса расходных обязательств. Его размер по состоянию на 2013 год составлял без малого 78% (табл. 4). Текущее положение отражает отсутствие возможностей по дальнейшему расширению расходных полномочий, возлагаемых на региональный и местный уровни без их пересмотра, либо увеличения финансовой поддержки со стороны федерального центра.

Таблица 4. Коэффициент покрытия собственных расходов* налоговыми и неналоговыми доходами Вологодской области, СЗФО и РФ, %

Регион	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2007-2013 гг., п. п.
Вологодская область	79,2	94,2	67,1	75,4	74,6	80,3	78,3	-0,9
РФ	74,5	80,9	46,4	79,6	79,4	79,2	77,2	2,7
СЗФО	77,7	81,0	85,0	90,0	90,2	83,7	84,0	6,3

* За вычетом делегированных расходов.
Источник: отчётность Казначейства России. – Режим доступа: <http://roskazna.ru/byudzhetrov-subektov-rf-i-mestnykh-byudzhetrov/>, расчёты автора.

Дестабилизирующим фактором финансовой устойчивости доходной базы территориальных бюджетов является также превышение темпов роста текущих расходов над темпами роста собственных доходных возможностей территорий. Так, в Вологодской области соотношение изменения объемов текущих расходов превысило изменение налоговых и неналоговых доходов более чем в два раза (табл. 5). Значительное превышение темпов роста данных расходов над величиной собственных доходов влечет ухудшение финансовой устойчивости доходной базы территориальных бюджетов в результате разбалансировки доходных возможностей и необходимости исполнения первостепенных расходных обязательств.

Таблица 5. Соотношение роста текущих расходов и собственных доходов Вологодской области, СЗФО и РФ, раз

Регион	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Вологодская область	1,06	0,82	2,03	0,69	0,97	0,93	1,01
РФ	0,94	0,92	2,43	0,47	н/д	н/д	1,03
СЗФО	1,03	0,91	1,31	0,75	1,01	1,11	0,99

Источник: отчётность Казначейства России. – Режим доступа: <http://roskazna.ru/byudzheto-subektov-rf-i-mestnykh-byudzheto/>, расчёты автора.

Механизмом, не способствующим повышению финансовой устойчивости доходной базы территориальных бюджетов, является практика выделения значительной доли (порядка 20–40% всего объема) межбюджетных трансфертов из федерального бюджета в конце года. Подобное положение не способствует их эффективному использованию. Более того, часть средств, которую нижестоящие уровни управления не успевают освоить, возвращается в федеральный бюджет, не участвуя, тем самым, в реализации мероприятий социально-экономического развития территории.

За 2007–2013 гг. объемы выделенной финансовой поддержки федерального бюджета Вологодской области в реальном выражении увеличились в 1,6 раза. В результате этого коэффициент дотационности (сумма дотаций и субсидий) в регионе увеличился более чем на 7 п.п. (максимальный рост среди регионов СЗФО). Зависимость от поступления финансовой помощи федерального бюджета Вологодской области увеличивалась последние 4 года и в 2013 году превысила отметку в 11% (табл. 6).

чем в 20 раз (табл. 7). Объем государственного (без муниципального) долга региона в 2013 году превысил уровень собственных доходов территориального бюджета, фактически отражая его неплатежеспособность.

Таблица 7. Объем государственного и муниципального долга Вологодской области, СЗФО и РФ в 2007–2013 гг.

Регион	2007		2013		2013 к 2007 гг.	
	млрд. руб.	%*	млрд. руб.	%*	Раз	п. п.
Вологодская область	1,7	4,1	34,9	81,1	20,5	77,0
РФ	456,9	10,6	2026,3	30,8	4,4	20,2
СЗФО	28,4	5,3	201,2	26,2	7,1	20,9

* К собственным доходам консолидированного бюджета.
 Источник: данные Министерства финансов РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minfin.ru/ru/>

Немаловажным в анализе платежеспособности территорий является исследование структуры долгового портфеля. Так, по состоянию на 01.07.2014 г. в Вологодской области основную долю государственного долга (41%) занимали кредиты, полученные от кредитных организаций. Бюджетные кредиты формировали 26% задолженности, на государственные ценные бумаги приходилось 19%, еще 14% составляли государственные гарантии. Преобладание в структуре долга кредитов финансовых организаций и государственных гарантий является более рискованным по сравнению с остальными источниками ввиду того, что данные ресурсы являются более дорогими в обслуживании (по сравнению с бюджетными кредитами).

Растущая долговая нагрузка увеличивает объемы средств, необходимые для обслуживания портфеля заимствований. Оценить уровень ликвидности консолидированных бюджетов можно путем соотношения объема расходов консолидированных бюджетов на обслуживание государственного и муниципального долга с доходами, оставшимися в распоряжении органов управления после финансирования обязательных (текущих) расходов.

Величина данных расходов в Вологодской области увеличилась с 0,2% в 2007 году до 4,2% в 2013 году или в 21 раз. Рост затрат на обслуживание заимствований сокращает и без того ограниченные возможности субфедеральных бюджетов для исполнения социальных обязательств и обеспечения устойчивого социально-экономического развития за счёт осуществления бюджетных капиталовложений.

Проведённый анализ финансовой устойчивости доходной базы бюджета Вологодской области позволяет резюмировать следующее:

1) Регион, несмотря на увеличение роли субфедеральных налогов в консолидированном бюджете области, остается в значительной степени зависимым от федерального центра. В особенности данный тезис проявляется в проведении налоговой политики.

2) Проблема несбалансированности бюджета Вологодской области за 2007–2013 гг. значительно усугубилась. Этому способствовали более высокие темпы роста текущих (первостепенных для финансирования) расходов по сравнению с темпами роста собственных доходов, централизация финансовых ресурсов в федеральном центре, выделение значительной части безвозмездных поступлений в конце года, низкое качество предоставляемой финансовой помощи.

3) Рост долговой нагрузки Вологодской области, преобладание в структуре государственного долга коммерческой составляющей (кредитов кредитных организаций), предоставление государственных гарантий свидетельствует о снижении долговой устойчивости (платежеспособности) региона. Растущий объем расходов на обслуживание займов дополнительно усиливает проблему несбалансированности бюджета.

Решение названных проблем, по нашему мнению, можно свести к следующим направлениям:

- пересмотр существующей модели бюджетного федерализма в направлении обеспечения наращивания доходного потенциала территории путём перераспределения нормативов зачисления налогов и полномочий в сфере доходов;

- повышение уровня и качества финансовой помощи федерального центра с целью повышения заинтересованности субфедеральных органов управления в реализации проектов и направлений социально-экономического развития, увеличения бюджетных инвестиций, ведущих к росту валового продукта и генерирования дополнительного потока доходов в бюджеты всех уровней;

- совершенствование системы социально-экономического и бюджетного планирования и прогнозирования, обеспечивающее их согласованность по целевым индикаторам и показателям, направленное на повышение эффективности затрачиваемых ресурсов.

Без сомнения, масштабность отмеченных направлений различна, как и степень их осуществимости. Во многом решение проблемных аспектов устойчивости территориальных бюджетов зависит от «политической воли» руководства страны. Вместе с тем мотивацией для претворения их на практике для всех уровней власти является повышение координации в достижении целей стратегического развития территорий, повышения их финансовой независимости в выполнении полного комплекса расходных обязательств.

В целом обеспечение стабильности и устойчивости территориальных бюджетных систем на долгосрочную перспективу свидетельствует о качестве управления общественными финансами. Обеспечение самостоятельности, платёжеспособности и сбалансированности субфедеральных бюджетов будет способствовать социально-экономическому развитию территорий под воздействием совокупности внешних и внутренних факторов, оказывающих влияние на стабильность наполняемости централизованных фондов денежных средств.

Литература

1. Бюджетное послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию «О бюджетной политике в 2014–2016 годах» от 13.06.2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: КонсультантПлюс.
2. Галухин, А.В. Устойчивость бюджетной системы региона: проблемы и пути их решения / А.В. Галухин // Известия высших учебных заведений. Серия «Экономика, финансы и управление производством». – 2014. – № 2. – С. 41-49.
3. Галухин, А.В. Устойчивость как базовый принцип ответственной бюджетной политики / А.В. Галухин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 2 (32). – С. 225-238.

4. Зубаревич, Н. Ржавые скрепы сверхцентрализации [Текст] / Н. Зубаревич // Эксперт. – 2014. – № 3 (882). – Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2014/03/rzhavyie-skrepyi-sverhtsentralizatsii/>

5. Печенская, М.А. Бюджетная перспектива региона 2014–2016: исполнение социальных указов Президента или избежание риска дефолта? [Текст] / М.А. Печенская // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 1 (31). – С. 145-160.

6. Программа повышения эффективности управления общественными (государственными и муниципальными) финансами на период до 2018 года [Электронный ресурс] : проект Министерства финансов РФ от 22.02.2010 г. – Режим доступа: <http://www.minfin.ru/>

7. Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике [Электронный ресурс]: доклад РАН / под ред. А.Д. Никипелова, В.В. Ивантера, С.Ю. Глазьева. – М.: РАН, 2013. – Режим доступа: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=4f0a07fe-8853-4eda-9428-574f5fcf0654>.

ОСОБЕННОСТИ ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЯ В РЕГИОНАХ СЕВЕРА

Сегодня энергоснабжение играет ключевую роль в развитии и функционировании практически всех отраслей экономики. Перебой или недоставка электрической энергии может породить кризисные явления в любой из экономических сфер, особенно в производственных. Прекращение подачи электрической и тепловой энергии в дома и учреждения, особенно в холодное время года, может привести к нанесению вреда здоровью людей. Поэтому вопросам организации энергоснабжения следует уделять повышенное внимание.

При этом надо понимать, что не существует одной идеальной схемы организации энергоснабжения потребителей. То, что подходит для одной территории, может оказаться трудноосуществимым или экономически неэффективным для другой. В работе [4] систематизированы факторы региональной дифференциации энергетической политики. Нам представляется, что эти же факторы (табл. 1) необходимо учитывать при анализе системы энергоснабжения в регионе, перспектив развития электроэнергетики региона, а также при выборе механизмов государственного регулирования электро- и теплоэнергетики, в том числе цен и тарифов в этих отраслях.

Российская Федерация занимает огромную территорию, и указанные в таблице факторы по-разному проявляются в различных ее регионах (в данной работе под регионом понимается субъект РФ). Более того, даже в пределах одного региона могут быть районы, сильно отличающиеся друг от друга по условиям хозяйствования, особенностям энергопотребления и даже по климатическим условиям.

Факторы, влияющие на развитие электроэнергетики региона

Группа факторов	Энергоэкономические характеристики региона
Природно-сырьевые особенности региона	<ul style="list-style-type: none"> - обеспеченность ресурсами котельно-печного топлива; - потенциал возобновляемых источников энергии; - климатические условия;
Структура производительных сил	<ul style="list-style-type: none"> - энергоемкость продукции; - уровень электрификации территории; - структура топливно-энергетического баланса; - удельный вес промышленности в электропотреблении;
Система энергоснабжения	<ul style="list-style-type: none"> - структура генерирующих мощностей; - топливный баланс энергогенерирующих установок; - резервы мощностей в генерации и транспорте энергоносителей; - износ основных фондов в системах электро- и теплоснабжения;
Особенности энергопотребляющего комплекса	<ul style="list-style-type: none"> - обеспеченность населения электроэнергией, теплом и природным газом; - резервы энергосбережения и повышения энергоэффективности в экономике региона; - резервы повышения уровня электрификации и газификации; - соотношение цен на взаимозаменяемые энергоносители.

Данная работа сосредоточена на регионах Севера. Для Севера в целом характерны холодный климат, слабая освоенность значительной части территории, низкая плотность населения, очаговый характер размещения производительных сил, высокая энергоемкость экономики. Эти особенности определяют повышенную значимость надежного энергообеспечения потребителей Севера. Однако противопоставления Север–Юг недостаточно при выполнении анализа особенностей энергоснабжения. Север занимает огромную территорию, неоднородную по условиям хозяйствования и уровню социально-экономического развития. Регионы Севера неодинаково удалены от транспортных и промышленных центров, расположенных в умеренных и южных широтах. В зависимости от преобладающих на их территории минерально-сырьевых, лесных или других природных ресурсов отличается структура экономики северных регионов.

В целом Север выступает поставщиком топливно-энергетических ресурсов. Но не все регионы одинаково обеспечены топливом. В некоторых регионах нет собственных топливно-сырьевых баз, или они недостаточно освоены. Так, остро стоит вопрос топливообеспечения Мурманской, Магаданской, Архангельской областей, Чукотского автономного округа. Но даже там, где развернута масштабная добыча углеводородных ресурсов, возникают потребности в за-

возе топлива – нефтепродуктов и угля. Примером может служить Сахалинская область. Этот регион обладает мощной топливно-сырьевой базой, но практически полностью зависит от завоза нефтепродуктов с материка: нефть, добываемая в Сахалинской области, реализуется на экспорт или направляется на переработку в Хабаровский край, а затем вновь ввозится на территорию области уже в виде готовых нефтепродуктов [7, с. 93]. Похожая ситуация наблюдается и в других нефтегазодобывающих регионах. Даже Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, республики Коми и Саха (Якутия), Камчатский край характеризуются различной степенью зависимости от поставок того или иного вида топливно-энергетических ресурсов из других регионов [7].

Характерной особенностью Севера является очаговое размещение производительных сил, концентрация производства в промышленных узлах, в то время как большая часть территории остается промышленно не освоенной. В промышленных узлах присутствуют как крупные производители, так и крупные потребители энергии (промышленные предприятия, крупные населенные пункты), здесь относительно высока плотность населения. Для промышленных узлов характерно централизованное энергоснабжение, при котором передача электрической энергии от производителей к потребителям осуществляется по линиям электропередачи различных напряжений. Надо сказать, что системы централизованного энергоснабжения охватывают значительную часть потребителей (но не значительную часть территории) Севера. В некоторых регионах (Республика Карелия, Мурманская область) энергоснабжение осуществляется централизованно почти на 100%. В то же время большая часть территории Севера вне зон промышленного освоения представляет собой районы с низкой плотностью населения, с рассредоточенными малыми населенными пунктами, слабыми транспортными и энергетическими связями [6]. В основном это удаленные районы проживания сельского и коренного населения. Потребители, проживающие в удаленных районах, снабжаются энергией децентрализованно. Они не подключены к региональной энергосистеме, и тем более к Единой элек-

троэнергетической системе (ЕЭС) России. Для нужд малых удаленных потребителей энергию вырабатывают автономные источники – малые государственные или ведомственные электростанции. На Севере в общем объеме энергии децентрализованно производится лишь несколько процентов [6]. Но эти несколько процентов очень важны для малых потребителей, которым они предназначены. Без этой энергии произойдет деградация условий жизни населения на огромных просторах Севера, произойдет обезлюдение территорий.

Таким образом, наличие удаленных потребителей обуславливает необходимость децентрализованной выработки энергии на автономных электростанциях. На практике в большинстве случаев это малые дизельные электростанции, для работы которых необходимо топливо. К этому примыкает еще одна особенность и проблема энергообеспечения потребителей Севера – необходимость «северного завоза». Многие территории сталкиваются с проблемой ограниченной транспортной доступности, и топливно-энергетические ресурсы, а также продовольствие и другие необходимые товары могут быть доставлены туда лишь в короткие периоды морской и речной навигации. Необходимость доставлять топливо издалека, создавать его значительные межсезонные запасы, а также большая продолжительность отопительного периода обуславливают дороговизну вырабатываемой с использованием этого топлива электрической и тепловой энергии.

В качестве перспективного направления развития электроэнергетики северных регионов, позволяющего снизить остроту проблемы «северного завоза» топлива и дороговизны электрической и тепловой энергии, рассматривается расширение использования нетрадиционных возобновляемых источников энергии (НВИЭ). Роль традиционной и альтернативной (нетрадиционной) энергетики в регионах Севера была проанализирована автором в работе [2], в которой были рассмотрены преимущества и недостатки традиционной и альтернативной энергетики, выполнен обзор осуществленных и планируемых проектов в сфере альтернативной энергетики в регионах Севера России. Как оказалось, в некото-

рых регионах Севера есть удачные примеры работы объектов малой энергетики на основе альтернативных источников, но строительство крупных электростанций на их основе не происходит – на бумаге остались проекты ветропарков на побережье Баренцева моря в Мурманской области, остается неясным, будет ли реализован проект Мезенской ПЭС в Архангельской области. Показано, что эксплуатация нетрадиционных энергоустановок целесообразна там, где присутствует множество децентрализованных потребителей, то есть там, где нужна малая энергетика. В пользу этого утверждения выступает сооружение отдельных ветроустановок и малых ГЭС в ряде регионов Севера (малые ГЭС в Республике Карелия, Камчатском крае; ветродизельные комплексы в Архангельской области, Чукотском автономном округе; ветроустановки в республиках Коми и Саха (Якутия), Камчатском крае; малые солнечные электростанции в Республике Саха (Якутия)). Нетрадиционные энергоустановки ориентированы на использование местных энергоресурсов, основные из которых – ветер, гидроэнергия малых рек, солнце. Вовлечение в оборот местных энергоресурсов позволит снизить остроту проблемы «северного завоза» топлива, уменьшить стоимость выработки электроэнергии, повысить надежность энергоснабжения местных малых потребителей. На основании выполненного анализа сделан вывод, что в целом роль альтернативной энергетики в регионах Севера выше, чем в несевверных регионах [2].

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос государственного регулирования цен на электроэнергию в регионах Севера. Проведенное в России реформирование электроэнергетики было направлено на создание конкурентной среды в генерации и сбыте электроэнергии, что должно было привести к сдерживанию роста цен на энергию. Обязательным условием для осуществления замысла реформы было достаточное развитие технологической инфраструктуры рынка электроэнергии, то есть развитая сеть ЛЭП, которая делала бы возможной переброску потребителям электроэнергии от разных генерирующих компаний и тем самым обеспечивала бы возможность конкуренции последних

между собой. Однако значительная часть территории Севера не охвачена системами централизованного энергоснабжения. Энергосистемы Дальнего Востока технологически изолированы от Единой электроэнергетической системы России, а энергосистемы европейского Севера относительно изолированы от нее.

На территориях с децентрализованным энергоснабжением оптовый рынок электроэнергии фактически отсутствует, а тарифы регулируются исполнительной властью.

В технологически изолированных территориальных электроэнергетических системах конкуренция производителей электроэнергии невозможна по технологическим причинам. Перечень таких энергосистем утвержден Постановлением Правительства РФ «Об утверждении Правил оперативно-диспетчерского управления в электроэнергетике» от 27 декабря 2004 года № 854, в него входят: электроэнергетические системы Камчатского края, Магаданской, Сахалинской областей, Чукотского, Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономных округов, западный и центральный районы электроэнергетической системы Республики Саха (Якутия). На этих территориях поставка электроэнергии осуществляется в рамках регулируемых розничных рынков, то есть тарифы утверждаются региональными регулирующими органами исходя из предельных уровней тарифов, утвержденных Федеральной службой по тарифам РФ на период регулирования [5].

Помимо изолированных энергосистем, государственное регулирование сохранено в неценовых зонах, где на данный момент по технологическим причинам организация рыночных отношений в электроэнергетике также невозможна. Согласно Постановлению Правительства РФ «Об определении территорий неценовых зон оптового рынка электрической энергии (мощности)» от 29 сентября 2010 года № 770 к неценовым зонам относятся территории Республики Коми, Архангельской области, а также Дальнего Востока (Амурская область, Приморский, Хабаровский край, Южно-Якутский район Республики Саха (Яку-

тия), Еврейская автономная область) и Калининградской области (в силу ее географической удаленности). На территории указанных регионов реализация электроэнергии и мощности осуществляется также по регулируемым тарифам, которые утверждаются региональными регулирующими органами исходя из предельных уровней тарифов, утвержденных ФСТ.

Регионы европейского Севера на сайте бывшего ОАО «РАО ЕЭС России» характеризовались как относительно изолированные [1] (в настоящее время данная информация на сайте недоступна). По информации, доступной на сайте компании, в 2007 году относительно изолированными являлись две зоны: первая – зона Архэнерго и Комизэнерго, вторая – зона Колэнерго и Карелэнерго. Относительная изоляция территориальных энергосистем означает, что их связь с ЕЭС характеризуется недостаточной пропускной способностью линий электропередачи. В таких условиях генерирующие компании не могут полноценно выходить на оптовый рынок электроэнергии. С учетом данного обстоятельства в работе [3] сформулированы отрицательные последствия структурных преобразований электроэнергетики в ходе реформы для регионов европейского Севера. К ним, в частности, отнесены: сохранение жесткой привязки потребителей и производителей электроэнергии друг к другу, что противоречит идее выбора контрагентов на рынке электроэнергии; необходимость использования специальных инструментов в виде неценовых зон (для двух регионов) с целью недопущения неоправданного роста цен на электроэнергию; сложность согласования интересов всех участников «энергетической цепочки» от производителей до потребителей энергии в условиях невозможности конкурентного рынка электроэнергии. Несмотря на относительную изоляцию энергосистем, только два региона европейского Севера – Архангельская область и Республика Коми – были включены в неценовую зону. Однако надо отметить, что в настоящее время реализуется проект «Северный транзит» – сооружение ЛЭП, связывающей энергообъекты Кольской и Карельской энергосистем, а также рассматривается вопрос о продолжении ЛЭП до Киришской ГРЭС (Ленинградская область)

[8]. Реализация данного проекта позволит преодолеть изоляцию Кольской и Карельской энергосистем.

Таким образом, можно указать следующие особенности энергоснабжения потребителей в регионах Севера:

- повышенная значимость энергоснабжения;
- неодинаковая обеспеченность регионов топливными ресурсами, необходимость «северного завоза» топлива, что сказывается на удорожании производимой электрической и тепловой энергии;
- наличие множества малых удаленных потребителей;
- децентрализованное энергоснабжение на большей части территории Севера;
- более высокая роль нетрадиционной энергетики по сравнению с регионами, расположенными в умеренных и южных широтах;
- невозможность рынка электрической энергии на территориях с децентрализованным энергоснабжением, и в регионах, энергосистемы которых изолированы от ЕЭС России, что ведет к необходимости государственного регулирования тарифов на энергию.

Данные особенности обуславливают значимость роли государства в сфере развития электро- и теплоэнергетики и обеспечения надежного энергоснабжения на территории Севера.

Литература

1. Внутренние и внешние ограничения локальных рынков [Электронный ресурс] / ОАО РАО «ЕЭС России». – Режим доступа: <http://www.rao-ees.ru/ru/reforming/show.cgi?tech.htm>
2. Гасникова, А.А. Роль традиционной и альтернативной энергетики в регионах Севера / А.А. Гасникова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 5. – С. 77-88.
3. Гасникова, А.А. Электроэнергетика европейского Севера на современном этапе / А.А. Гасникова // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2011. – № 2. – С. 19-22.

4. Гительман, Л.Д. Энергетический бизнес / Л.Д. Гительман, Б.Е. Ратников. – М.: Дело, 2006. – 600 с.
5. Описание тарифной политики, изменения в 2013 году [Электронный ресурс]: годовой отчет «РАО Энергетические системы Востока» по результатам работы за 2013 год. – Режим доступа: <http://ar2013.gao-esv.ru/#/ru/1597>
6. Север как объект комплексных региональных исследований / отв. ред. В.Н. Лаженцев. – Сыктывкар, 2005. – 512 с.
7. Северные территории в общероссийском, региональном, муниципальном пространстве / под науч. ред. д.э.н. Т.П. Скуфьиной: монография. – Апатиты: изд. Кольского научного центра РАН, 2012. – 121 с.
8. ФСК продолжает работы по созданию Северного транзита // Интернет-портал «ИнтерЭнерго». – Режим доступа: <http://ieport.info/news/46918-fsk-prodolzhaet-raboty-po-sozdaniyu-severnogo.html>

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ КАК РЕЗУЛЬТАТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ СОЦИАЛЬНОГО КОРПОРАТИЗМА

На современном этапе развития общества актуальным направлением для исследований становится изменение характера взаимоотношений власти, бизнеса и общества. Интерес к данному вопросу обусловлен осознанием ценности человеческого капитала, важностью регулирования социальной стабильности в государстве, усложняющимися общественными взаимоотношениями и изменением роли органов власти в целом.

Характер современных процессов, происходящих в обществе, проявляющийся в быстром развитии сферы обслуживания и информационных технологий, вызывает необходимость поиска оптимальных социально-экономических отношений. Объединяющим звеном этих концепций должно стать признание важности партнерских взаимодействий власти и общества для поддержания социально-экономического развития как на общегосударственном, так и на муниципальном уровне.

Процессы изменения и реформирования системы городского управления определяются не только потребностями и желаниями, стимулами и мотивацией населения, но и его готовностью взаимодействовать с властью на принципах самоорганизации и самоуправления, выработать общие цели и ценности. Именно модель самоорганизации на принципах социального корпоратизма имеет, на наш взгляд, значительный потенциал, развитие которого способно дать синергетический эффект на каждом этапе социальных преобразований (табл. 1).

Таблица 1. Принципы социального корпоратизма

№	Принцип
1	Единоначалие в принятии решений и коллегиальность при их обсуждении
2	Единство воздействия всех методов управления для поддержания целостности социальной системы
3	Сочетание отраслевого, территориального и общественного управления
4	Приоритетность в достижении стратегических целей
5	Мотивация всех участников партнерства
6	Ответственность за результаты социального управления
7	Экономичность и эффективность управления
8	Системность (рассмотрение объекта или субъекта управления как системы, состоящей из различных элементов)
9	Необходимое разнообразие (управляющая система должна обладать не меньшей сложностью и разнообразием, чем управляемая система)
10	Обязательность обратной связи
11	Использование программно-целевого и проектного подходов к управлению
12	Делегирование полномочий
13	Гуманизм и нравственность в управлении
14	Гласность в принятии решений

В городе действует система по разработке, реализации и продвижению проектов, которая работает под общим брендом «Вологда – город добрых дел». Ее главным элементом является Управление информации и общественных связей Администрации, сотрудники которого вырабатывают идеи, координируют деятельность участников и осуществляют информационное сопровождение проектов, объединяющих жителей и бизнес. Основная задача системы заключается в повышении активности граждан, с тем чтобы они стали главными инициаторами преобразований, научились совместно решать имеющиеся проблемы, а не перекладывать ответственность друг на друга.

Среди проектов есть уже много лет успешно работающие и знакомые каждому жителю города «Забота», «Цветущий город», «Город детства», «Молодежные трудовые бригады», «Снежная крепость». Без них жизнь в городе уже просто немыслима. И есть новые, только запущенные проекты, которые тоже находят своих участников и сторонников – «Семь чудес цвета», «Веселый автобус», «Дружные соседи», «Дыхание улиц» и многие другие.

Для оценки результатов применения данной проектной системы нами было решено использовать такой инструмент, как мониторинг общественного мнения, осуществляемый Институтом социально-экономического развития территорий РАН с 1994 года.

Очередной мониторинг условий проживания был проведен сотрудниками ИСЭРТ РАН в марте-июне 2014 года на основе стандартизированной анкеты, содержащей широкий перечень вопросов о состоянии городской инфраструктуры, работе городских служб, удовлетворенности населения деятельностью органов власти. В опросе принимали участие члены домохозяйств в возрасте старше 18 лет. Основные характеристики выборки представлены в таблице 2.

На основе результатов опроса, проведенного в 2014 году, можно сделать вывод о том, что в последние годы наблюдается незначительное снижение положительных оценок условий проживания. 59,6% жителей считают их «хорошими» и «скорее хорошими, чем плохими», что на 5 п.п. ниже уровня 2008 года (рис. 1).

Рисунок 1. Оценка населением условий проживания в г. Вологде (% от числа опрошенных, без затруднившихся ответить)

Кроме того, растет доля негативных оценок (в 2008–2014 гг. данный показатель увеличился с 30,6 до 34,8%).

При этом необходимо отметить повышение комфортности проживания по ряду районов города. По итогам опроса 2014 года 74% населения микрорайона Лоста оценили условия проживания в своем районе как «хорошие» и «скорее хорошие, чем плохие» (для сравнения в 2008 году – 52% опрошенных). Положительная динамика ответов характерна также для жителей Лукьянова¹. Исходя из этого, можно отметить, что проблемы социально-экономического развития окраинных территорий города в последние годы стали решаться городскими

¹ Тем не менее проблемной территорией продолжает оставаться с. Молочное, где за период с 2008 по 2014 г. произошло сокращение положительных оценок на 46 п.п. и по итогам 2014 года 84% жителей оценили свои условия проживания как «плохие» и «скорее плохие, чем хорошие». Также вызывает тревогу ситуация в Прилуках, по итогам опроса 86% жителей микрорайона дают негативные оценки условиям своего проживания.

властями более эффективно, но по-прежнему существуют и требуют вмешательства.

Постепенное сокращение различий в уровне комфортности районов города подтверждается также значениями индекса комфортности. В 2014 году он составлял 0,61 в Западном, 0,61 и 0,60 в Восточном районе. На протяжении 2008–2014 гг. отмечается тенденция к росту уровня комфортности проживания в Лукьяново, Лосте и Восточном районе. Наименее благоприятными для жизни с точки зрения населения является с. Молочное и микрорайон Прилуки, где по итогам опроса 2014 года индекс комфортности имел отрицательное значение (табл. 2).

Таблица 2. Динамика индекса комфортности в районах г. Вологды*

Район	2008 г.	2009 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
1. Центральный	0,42	0,24	0,43	0,47	0,31	0,38
2. Заречье	0,52	-0,15	0,03	0,21	-0,12	0,02
3. Восточный	0,32	0,61	0,41	0,43	0,22	0,60
4. Западный	0,36	0,15	0,08	0,47	0,53	0,61
5. с. Молочное	0,35	0,26	0,49	-0,57	-0,64	-0,71
6. Прилуки	-0,94	-0,67	-0,44	0,33	0,49	-0,79
7. Лоста	0,08	-0,10	0,09	0,13	0,56	0,54
8. Лукьяново	0,27	0,6	0,08	0,79	0,56	0,45

Оценочный индекс Выше среднего (0,34; 1,0) Средний (-0,33; 0,33) Ниже среднего (-1,0; -0,34)

* Примечание: Индекс комфортности проживания рассчитывается по следующей формуле:

$$I_k = \frac{\text{Доля положительных оценок условий проживания} - \text{Доля отрицательных оценок условий проживания}}{\text{Доля положительных оценок условий проживания} + \text{Доля отрицательных оценок условий проживания}}$$

Местной администрацией предпринимаются активные и отчасти успешные меры для повышения комфортности проживания в областном центре. Так, в Центральном микрорайоне в 2008–2014 гг. городским властям удалось успешно решить проблему частых перебоев с водоснабжением населения (на 21,7% сократилась доля людей, признавших неудовлетворительным холодное водоснабжение, на 23,9% – горячее водоснабжение), теплоснабжения (сокращение отрицательных оценок на 10,9%) и телефонизации (на 9,1%; табл. 3).

Таблица 3. Оценка вологжанами значимости проблем жизнеобеспечения города
(в % от числа опрошенных)

Проблемы	Год опроса						Отклонение 2013 г. от 2008 г., п.п.
	2008 г.	2009 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	
Неудовлетворительное качество питьевой воды	82,1	88,5	77,5	88,0	79,5	74,4	-7,7
Плохое состояние тротуаров и дорог	82,8	89,9	70,9	90,1	74,9	83,0	0,2
Нехватка мест для парковки автомобилей на придомовой территории	72,8	83,8	70,5	85,4	72,8	72,9	0,1
Неудовлетворительное состояние дворов	79,8	82,9	71,5	85,3	71,1	75,4	-4,4
Неудовлетворительная криминогенная обстановка	63,6	69,3	55,9	78,6	68,9	59,1	-4,5
Пробки на дорогах*	-	-	-	78,5	67,2	73,6	-4,9
Сильная загазованность в районе	67,5	72,5	54,0	74,8	63,1	60,6	-6,9
Неудовлетворительная транспортная связь с другими районами города	61,6	68,4	51,9	78,8	61,9	59,9	-1,7
Частые перебои с горячей водой	75,9	72,8	54	71,1	54,0	52,0	-23,9
Неудовлетворительное теплоснабжение	62,9	67,9	53,6	73,5	53,6	52,0	-10,9
Частые перебои с холодной водой	74,1	74,4	57,1	71,4	53,0	52,4	-21,7
Недостаточная телефонизация	60,4	62,9	48,3	72,0	49,8	51,3	-9,1
Другие значимые проблемы	25,1	25,6	17,3	16,4	7,5	18,1	-7

* В 2003–2011 гг. данный вариант ответа не предлагался, поэтому рассчитывалось отклонение 2014 г. к 2012 г.

Вместе с тем одной из самых главных проблем г. Вологды продолжает оставаться невысокое качество жилищно-коммунальных услуг. Недовольство населения по-прежнему вызывает плохое состояние тротуаров и дорог (83% опрошенных в 2014 году) и неудовлетворительное состояние дворов (75,4%), а также низкое качество питьевой воды (74,4%). Также остро стоит проблема нехватки мест для парковки автомобилей на придомовых территориях.

Повышение комфортности проживания невозможно без достаточно высокого уровня развития городской инфраструктуры. В 2014 году уровень обеспеченности населения бытовыми услугами в среднем по городу оценивался большинством горожан достаточно высоко. Наиболее широко представлены учреждения, оказывающие парикмахерские услуги (83,9% ответивших оценили обеспеченность как «хорошую» и «скорее хорошую, чем плохую»), услуги по ремонту и индивидуальному пошиву обуви (62,1%), а также услуги по пошиву одежды (49,9%). В то же время отмечается недостаточное количество учреждений, предоставляющих услуги по ремонту бытовых машин и приборов (рис. 2).

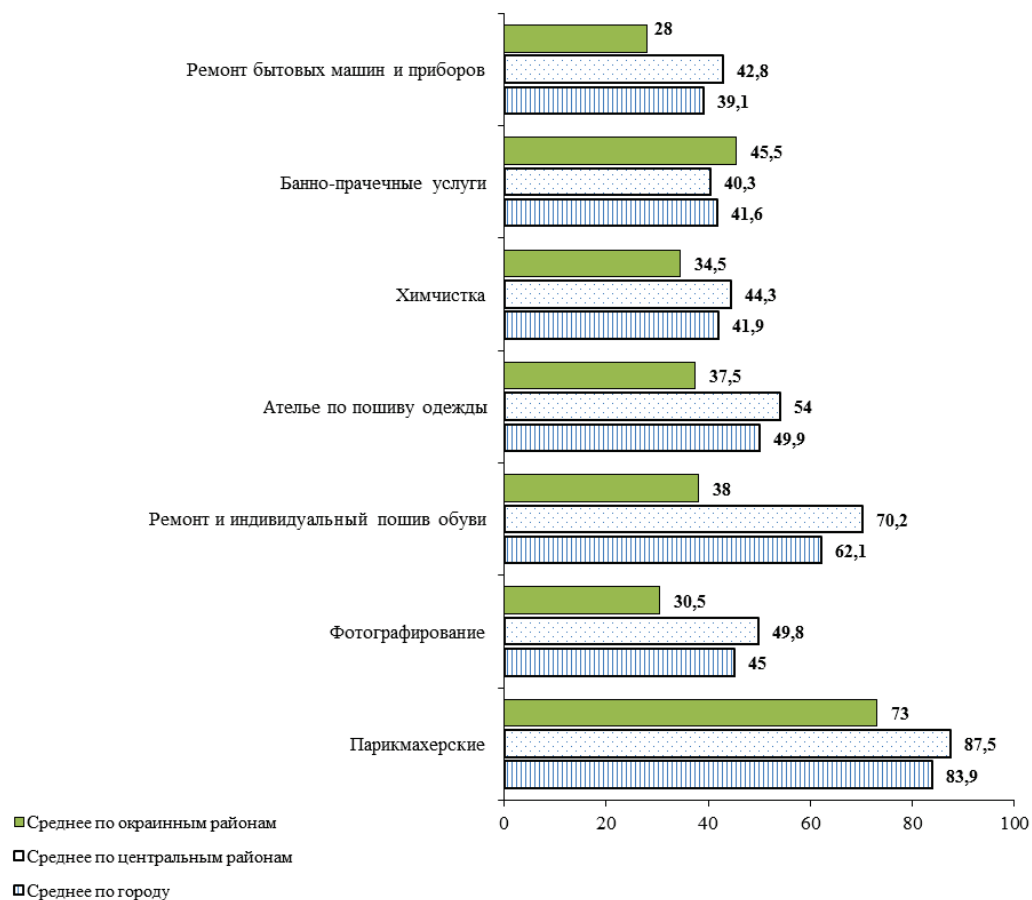

Рисунок 2. **Обеспеченность населения услугами бытового характера в 2014 году** (в % опрошенных, выбравших вариант ответа «хорошее» и «скорее хорошее, чем плохое»)

Положительным моментом можно признать частичное изменение повышение качества бытовых услуг по отношению к 2012 году. В течение 2012–2014 гг. снизилась доля людей, признавших низким качество практически всех услуг (табл. 4).

Таблица 4. Оценка населением качества бытовых услуг (в среднем по городу, в % от числа ответивших)

Вид услуги	Высокое			+/-, п.п.	Среднее			+/-, п.п.	Низкое			+/-, п.п.
	2012	2013	2014		2012	2013	2014		2012	2013	2014	
Парикмахерские	19,8	30,2	15,6	-4,2	62,6	60,3	71,0	+8,4	14,5	7,2	10,6	-3,9
Фотографирование	7,3	19,5	8,0	+0,7	50,6	45,9	56,8	+2,2	22,9	15,0	20,5	-2,4
Химчистка	5,5	11,4	5,8	+0,3	42,5	44,2	56,0	+13,5	30,8	23,2	22,3	-8,5
Ателье по пошиву одежды	7,8	8,3	6,0	-1,8	45,9	51,1	58,6	+12,7	26,9	24,4	21,9	-5,0
Ремонт и индивидуальный пошив обуви	9,9	7,7	7,5	-2,4	51,1	59,3	63,6	+12,5	25,5	20,5	17,4	-8,1
Банно-прачечные услуги	8,6	6,3	4,5	-4,1	42,6	49,1	55,4	+12,8	32	26,8	24,0	-8,0
Ремонт бытовых машин и приборов	4,3	3,1	3,4	-0,9	40,6	44,7	56,5	+11,8	34,1	29,9	23,9	-10,2

К числу важнейших элементов городской инфраструктуры, непосредственно влияющих на комфортность проживания в районе, относятся учреждения социальной инфраструктуры (организации здравоохранения, образования, культуры и т.п.). Как следует из рисунка 5, в 2014 году большинство жителей отмечают относительно высокий уровень обеспеченности своего района учреждениями социальной инфраструктуры. В целом по городу 86,8% жителей оценили обеспеченность аптеками как «хорошую» и «скорее хорошую, чем плохую», 69,7% ответивших были удовлетворены обеспеченностью объектами дошкольного, а 65,8% – школьного образования (рис. 3).

Оценка населением качества услуг, предоставляемых учреждениями социальной инфраструктуры, представлена в таблице 5. В течение последних лет отмечается наибольшая удовлетворенность населения качеством услуг аптечной сети (25,5% жителей областного центра назвали его высоким). Кроме того, в течение 2012–2014 гг., с точки зрения населения, произошло увеличение качества услуг учреждений физической культуры и спорта (на 2 п.п. увеличилась доля людей, признавших его высоким).

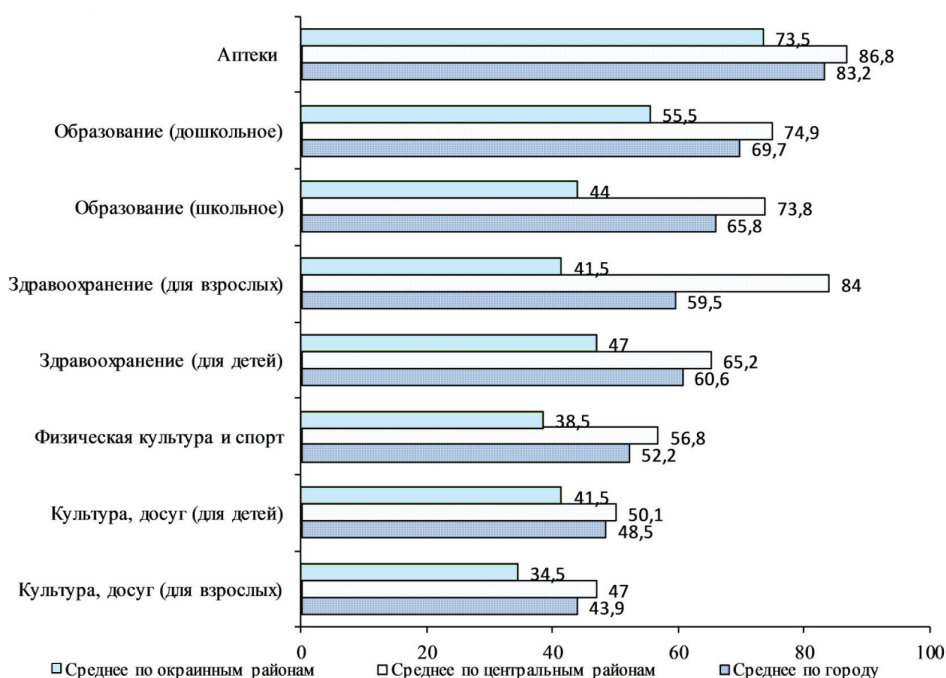

Рисунок 3. Обеспеченность населения учреждениями социальной инфраструктуры в 2014 году (в % опрошенных, выбравших вариант ответа «хорошее» и «скорее хорошее, чем плохое»)

В то же время оставляет желать лучшего качество предоставления услуг учреждениями культуры и досуга для взрослых и детей (39,4 и 32,6% ответивших признали уровень обслуживания низким), а также здравоохранения для взрослых (34,8%).

Таблица 5. Качество предоставления услуг учреждениями социальной инфраструктуры (в % опрошенных, без затруднившихся ответить)

Вид услуги	Высокое			+/-, п.п	Среднее			+/-, п.п	Низкое			+/-, п.п
	2012	2013	2014		2012	2013	2014		2012	2013	2014	
Физическая культура и спорт	6,8	20	8,8	2	46,4	40,7	54,9	8,5	38	29,4	28	-10
Культура и досуг (для детей)	8	10,3	8,3	0,3	51,1	50,6	50,6	-0,5	35,3	35,6	32,6	-2,7
Культура и досуг (для взрослых)	7,8	9	7,4	-0,4	47,5	46,6	45	-2,5	39,8	41,5	39,4	-0,4
Образование (школьное)	13,9	13,4	11,8	-2,1	64,3	62,3	61,6	-2,7	14,1	16,4	18,4	4,3
Образование (дошкольное)	13	12,8	12,8	-0,2	65,1	64,7	60,3	-4,8	17,1	18,9	24,1	7
Аптеки	27,1	35,7	25,5	-1,6	60,9	55,3	65,3	4,4	10,6	8,1	8,1	-2,5
Здравоохранение (для детей)	7,6	8,1	6,6	-1	61,3	63,9	58,4	-2,9	10,6	19,6	27	16,4
Здравоохранение (для взрослых)	5,4	5,4	5,5	0,1	61,6	66,3	57,8	-3,8	30,8	26,8	34,8	4

Развитие массовой физической культуры и спорта является одним из главных ориентиров местных органов власти в социально-экономическом развитии областного центра. Результаты оценки населением в 2014 году обеспеченности города объектами и инфраструктурой для занятий активным отдыхом представлены на рисунке 4.

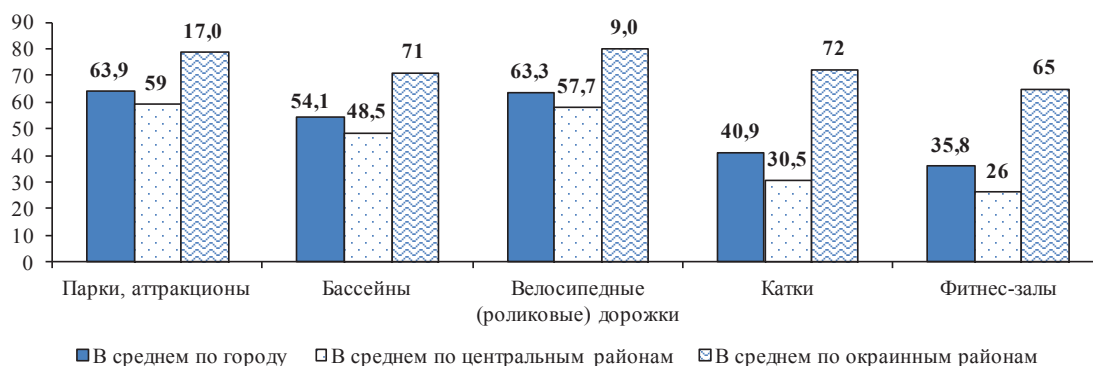

Рисунок 4. Удельный вес жителей, считающих недостаточной обеспеченность города объектами и инфраструктурой для активного отдыха (в % от числа опрошенных)

Наиболее остро, с точки зрения вологжан, встает проблема с обеспеченностью города парками и аттракционами (в среднем по городу 63,9% ответивших считают ее недостаточной) и велосипедными (роликовыми) дорожками (63,3%).

Высокий уровень развития сферы культуры является важным условием роста человеческого потенциала. В рамках опроса 2014 году населению г. Вологды было предложено оценить уровень обеспеченности их районов учреждениями культуры, а также разнообразие и доступность предоставляемых ими услуг.

В целом по городу 43,9% жителей оценивают уровень проведения мероприятий как высокий. При этом жители окраинных районов дают более высокие оценки, нежели жители центральных районов (рис. 5).

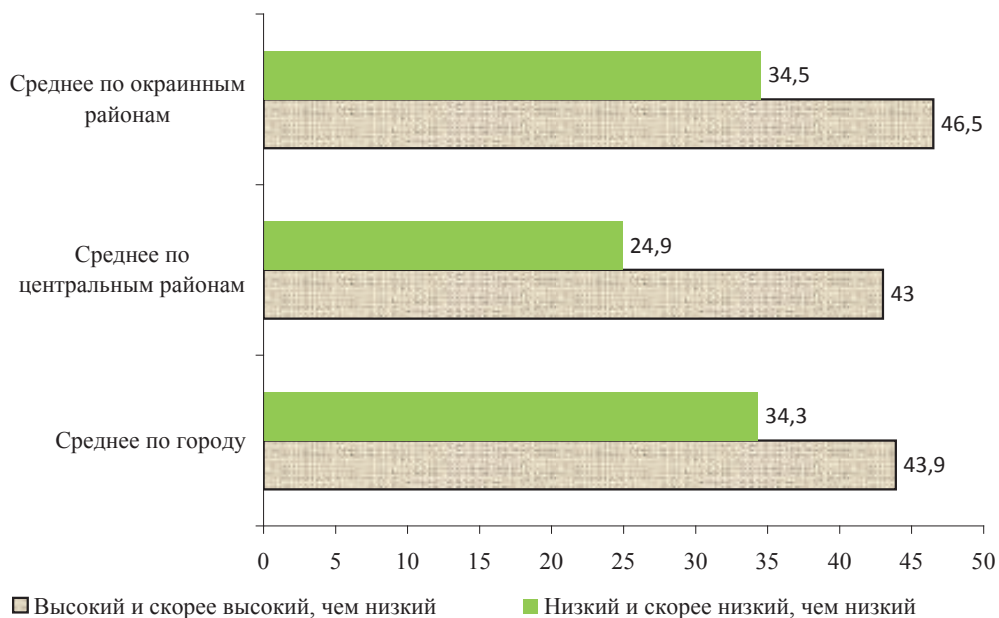

Рисунок 5. Оценка уровня развлекательных и праздничных мероприятий в 2014 году (в % от числа опрошенных, без затруднившихся ответить)

В то же время около 40% жителей города удовлетворены разнообразием услуг культуры и досуга в Вологде, тогда как качество данных услуг оценивают не так высоко (36,6%).

В течение последних лет в рамках реализации Стратегии «Вологда – комфортный город» Администрацией областного центра реализуется целый ряд проектов, направленных на создание благоприятных условий для проживания. В связи с этим в анкету 2013 года был включен вопрос, позволяющий оценить не только осведомленность жителей города о данных проектах, но и целесообразность их реализации.

Так, согласно результатам опроса, наиболее востребованной, с точки зрения населения областного центра, является реализация проекта «Городская дисконтная карта “Забота”», направленного на поддержку социально незащищенных категорий граждан (в среднем по городу на это указали 88,2% ответивших).

Важными также являются проекты, направленные на благоустройство города («Чистый город», «Цветущий город»), реализацию которых три четверти населения считают целесообразной (табл. 6).

Кроме того, каждый второй житель Вологды считает целесообразным реализацию таких городских проектов, как «Вологда – культурная столица Русского Севера», «Дружному дому – уютный двор», «Город Детства», «Удобный город для маломобильных групп населения», «Резной палисад», «Детские сады – детям», «Электронная Вологда».

В целом, следует отметить, что 25–35% населения не осведомлены о большинстве проектов, реализуемых в городе. Наименее целесообразным по мнению вологжан является осуществление проекта «Сетевая школа».

Таблица 6. Распределение ответов жителей города на вопрос «Считаете ли Вы целесообразным осуществление следующих проектов администрации г. Вологды, направленных на создание комфортной городской среды?» (в % от числа опрошенных)

Проект	Вариант ответа					
	Да и скорее да, чем нет		Нет и скорее нет, чем да		Ничего не слышал об этом проекте	
	2013 г.	2014 г.	2013 г.	2014 г.	2013 г.	2014 г.
Городская дисконтная карта «Забота»	83,7	88,2	10,4	7,2	3,6	3,0
«Чистый город»	75,5	78,5	8,8	6,7	11,0	12,8
«Цветущий город»	74,9	79,9	9,4	6,6	10,7	11,1
«Вологда – культурная столица Русского Севера»	60,1	68,5	13,7	13,2	18,5	15,3
«Дружному дому - уютный двор»	57,3	65,6	12,1	9,4	25	21,0
«Город Детства»	56,1	56,2	13,2	10,5	23,5	28,0
«Резной палисад»	52,1	54,1	13,3	15,0	27,7	27,6
«Детские сады – детям»	50,7	65,9	14,7	7,4	26,6	23,9
«Вологда – город профессионалов»	47,2	49,8	14,9	13,1	29,4	32,9
«Удобный город для маломобильных групп населения (безбарьерная среда)»	38,4	51,7	18,1	12,0	34,6	33,0
«Сетевая школа»	38,2	43,8	15	10,5	37,9	42,0
«Электронная Вологда»*	-	68,0	-	19,8	-	10,1

* Данный вопрос впервые включен в анкету в 2014 году.

Таким образом, можно отметить следующие положительные итоги реализации принципов социального корпоратизма:

- в рамках новых проектов успешно решаются вопросы озеленения и благоустройства (более 40% жителей оценивают уровень благоустройства как высокий);

- за последние годы снизилась дифференциация районов города по условиям проживания;

- повысилось качество бытовых услуг;
- улучшилось транспортное обеспечение (более половины жителей города оценивают транспортную связь как хорошую).

В то же время жители города отмечают низкое качество работ по уборке улиц и дворов от мусора, снега, ремонтных работ на улицах, недостаточную обеспеченность местами отдыха (в 2014 году уборку улиц от мусора негативно оценили 44% населения).

Заметно снижает эффективность реализации новых проектов низкая социальная и политическая активность жителей. Значительная часть населения занимает пассивную позицию при решении проблем областного центра (в среднем по городу только 8,9% опрошенных готовы обратиться к Администрации городского округа за помощью в решении проблем).

Из этого следует вывод о том, что властям следует уделять больше внимания чистоте города, а также апробировать современные способы взаимодействия с населением.

Литература

1. Ускова, Т.В. Проблемы повышения комфортности проживания населения города [Текст] / Т.В. Ускова, С.А. Кожевников // Вопросы территориального развития. – 2013. – № 9. – С. 1-11.
2. Мониторинг условий проживания населения областного центра [Текст] / Т.В. Ускова, С.А. Кожевников // Проблемы развития территории. – 2012. – № 6. – С. 31-44.
3. Ускова, Т.В. Мониторинг развития муниципальных образований [Текст] / Т.В. Ускова, А.Н. Зуев, А.А. Смирнов. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2002. – 126 с.
4. Ускова, Т.В. Условия проживания в г. Вологде (по данным опроса общественного мнения 2006 г.) [Текст] / Т.В. Ускова, М.Н. Рогозина // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. – 2006. – Вып. 35. – С. 39-44.
5. Условия проживания населения: оценка и проблемы управления [Текст] / В.А. Ильин, Е.М. Жирнов, А.С. Якуничев. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 1997. – 75 с.
6. Шулепов, Е.Б. Социальный корпоратизм: теоретические основы и опыт реализации [Текст] / Е.Б. Шулепов. – Вологда, 2014. – 154 с.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОМ ХОЗЯЙСТВЕ РЕГИОНА

Жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ) является одной из ключевых отраслей российской экономики, обеспечивающих население жизненно важными услугами, а промышленность, сельское хозяйство, торговлю и другие отрасли – необходимыми ресурсами для производственной и коммерческой деятельности (электроэнергией, газом, теплом, водой и др.). Оборот жилищно-коммунального хозяйства составляет 4,2 трлн. руб. (7% ВВП России), на данную отрасль приходится более ¼ основных фондов страны, объем платежей за оказанные услуги превышает 1,3 трлн. рублей¹.

Вместе с тем в настоящее время ЖКХ России находится в кризисном состоянии и является одним из главных источников социальной напряженности в обществе. Так, в 2013 году 60% населения признали ситуацию, сложившуюся в данной сфере, одной из важнейших проблем в стране (в 2010 году такого мнения придерживались только 40% россиян)². Высокий уровень износа основных фондов, аварийности, ежегодный рост тарифов без существенного повышения качества предоставляемых услуг, значительные непроизводительные потери коммунальных ресурсов – это далеко не полный перечень проблем российского ЖКХ.

Вышеперечисленные проблемы характерны для большинства регионов страны, в том числе и для Вологодской области. При этом причины кризисного состояния ЖКХ кроются как в неэффективной системе управления, так и в его

¹ О мерах по повышению качества предоставления жилищно-коммунальных услуг [Текст]: доклад / Государственный совет Российской Федерации. – СПб., 2013. – С. 3.

² Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). – Режим доступа: <http://wciom.ru>.

хроническом недофинансировании на протяжении последних десятилетий. Внедрение рыночных механизмов хозяйствования и сокращение при этом объемов государственной поддержки отрасли на фоне низкой платежеспособности конечного потребителя услуг (прежде всего населения) привело к ухудшению финансового состояния большинства организаций, снижению инвестиционной активности в ЖКХ. В связи с этим в течение последних лет темпы обновления основных фондов в отрасли остаются весьма низкими: ежегодно заменяется лишь 1–2% от общей протяженности коммунальных сетей (при потребности для полноценной их модернизации – 10–12%); в 2–3% площади жилищного фонда страны проводится капитальный ремонт, тогда как для прекращения дальнейшего нарастания уровня его износа необходимо ежегодно ремонтировать как минимум в 2 раза больше. При этом для полноценной модернизации отрасли необходимо осуществление в ближайшее время огромных инвестиционных вложений, оцениваемых на сумму в 58 млрд. руб.

В связи с этим является очевидным, что без консолидации усилий власти и бизнеса решение накопившихся в отрасли проблем является невозможным. Как свидетельствует мировой опыт, эффективное взаимодействие органов власти и частного сектора в ЖКХ возможно на основе *государственно-частного партнерства (ГЧП)*. Успешная мировая практика свидетельствует, что ГЧП позволяет привлекать внебюджетные ресурсы, инновационные технологии и частный управленческий опыт в данную сферу экономики. В связи с этим российские органы власти рассматривают партнерство как эффективный инструмент управления развитием ЖКХ. Вместе с тем имеющийся потенциал и эффект синергии от сотрудничества публичного и частного секторов в ЖКХ используется в настоящее время не в полной мере. Одной из главных причин этого является отсутствие единого понимания природы и сущности государственно-частного партнерства (табл. 1).

Таблица 1. Подходы к определению государственно-частного партнерства

Подход	Содержание
1. «Широкий»	Государственно-частное партнерство как любые формы взаимодействия между частным и публичным сектором (государственные заказы, налоговые льготы, ярмарки, лоббизм и т.п.).
2. «Проектный»	Государственно-частное партнерство как юридически закрепленные формы взаимоотношений государственного и частного сектора, реализуемые в рамках проектного финансирования и основанные на разделении рисков, полномочий и компетенции участников.
3. «Институциональный»	Государственно-частное партнерство как институт, совокупность норм и правил, регулирующих совместную деятельность публичного и частного сектора для достижения стратегических целей государственного управления.

Источник: составлено автором на основе изучения зарубежных и отечественных источников.

В нашей работе будем придерживаться проектного подхода, при котором под *государственно-частным партнерством в ЖКХ* будем понимать договорные формы средне- и долгосрочного сотрудничества государственного и частного секторов, связанные с реализацией общественно значимых инвестиционных проектов на принципах перекрестного разделения рисков, полномочий и компетенции участников (рис. 1).

Рисунок 1. Принципиальная схема государственно-частного партнерства в ЖКХ

Вместе с тем в настоящее время имеющийся потенциал государственно-частного партнерства в отрасли используется не в полной мере. Большинство предприятий владеют объектами инфраструктуры на основе договора аренды. Однако данные соглашения являются краткосрочными и не обязывают предприятия к осуществлению капиталовложений в обновление инженерной инфра-

структуры. Иными словами, в настоящее время бизнес привлекается преимущественно к управлению объектами ЖКХ и не несет какой-либо ответственности за их модернизацию. В связи с высоким уровнем рисков для частного сектора концессионные соглашения и другие формы государственно-частного характера не получили распространения.

Это подтверждают и результаты ежегодных опросов глав муниципальных образований Вологодской области, проводимых ИСЭРТ РАН с 2007 года. Согласно полученным результатам в настоящее время к развитию ЖКХ бизнес привлекается в традиционных формах сотрудничества органов власти и бизнеса, а именно поставки товаров и услуг для муниципальных нужд (в соответствии с ФЗ-45), совместные предприятия, краткосрочные договора аренды. На это указали 58% глав городских и 57% сельских поселений региона. Имеет место также социальная ответственность бизнеса, когда регулярно и на безвозмездной основе предприятия вкладывают средства в поддержку коммунальной инфраструктуры муниципального образования – соответственно 16 и 17% опрошенных (рис. 2).

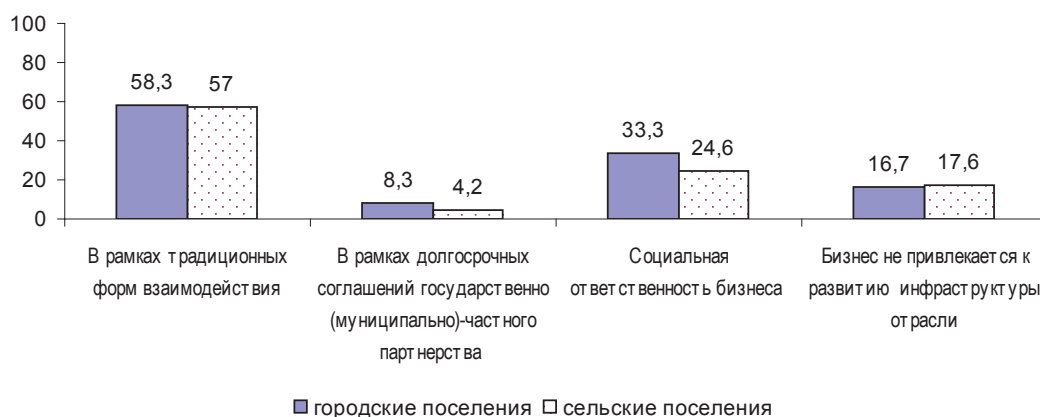

Рисунок 2. **Формы участия бизнеса в развитии жилищно-коммунального хозяйства территории** (в % от числа ответивших глав муниципальных образований региона)

Примечание: респондент мог выбрать несколько вариантов ответа.

В свою очередь, использование государственно- муниципально-частного партнерства власти и бизнеса в ЖКХ (концессия, аренда с инвестиционными обязательствами) крайне ограничено. На использование данных механизмов

партнерства власти и бизнеса в своем муниципальном образовании указали только 8% глав городских поселений и 4% руководителей сельских поселений области. При этом порядка 17% глав отметили, что бизнес вовсе не привлекается к развитию сферы ЖКХ территории.

При этом основными факторами, сдерживающими развитие государственно-частного партнерства в ЖКХ, с точки зрения органов местного самоуправления, являются следующие (табл. 2).

Таблица 2. **Факторы, сдерживающие развитие механизмов государственно-частного партнерства (в % от числа ответивших)**

Фактор	Муниципальное образование		
	муниципальные районы	городские поселения	сельские поселения
Несовершенство и нестабильность нормативно-правовой базы	78,9	41,7	46,9
Сложность получения государственной поддержки на реализацию инвестиционных проектов	63,2	50,0	52,4
Отсутствие эффективных механизмов обеспечения мотивации частного инвестора	47,4	41,7	37,9
Убыточность большинства таких проектов без наличия значительной бюджетной поддержки	31,6	41,7	45,5
Неготовность кредитных организаций финансировать проекты государственно-частного партнёрства ввиду высокого уровня рисков	31,6	16,7	17,9
Недостаточные навыки у работников местных органов власти в разработке и реализации совместных с бизнесом проектов	15,8	58,3	31,0
Отсутствие согласованности стратегических ориентиров развития муниципалитета и интересов частного бизнеса	15,8	8,3	14,5
Длительность и сложность процедур согласования ГЧП-проектов	10,5	16,7	19,3

Источник: результаты опросов глав муниципальных образований Вологодской области в 2014 году.

В связи с этим крайне актуальным является создание организационных условий и формирование финансового механизма, позволяющих эффективно управлять ГЧП-проектами на всех стадиях их жизненного цикла. Кроме того, в связи с острой социальной направленностью ЖКХ, огромным масштабом накопившихся проблем, а также недостатком бюджетных средств и собственных ресурсов хозяйствующих субъектов для их решения, возникает необходимость активной государственной поддержки партнерских отношений власти и бизнеса в отрасли.

Нами предлагается создание на уровне региона в форме некоммерческой организации *Фонда модернизации ЖКХ*, к основным функциям которого отно-

сится *организационное сопровождение* (информационное, консалтинговое, правовое, девелопмент и т.п.) и *финансовое участие в проектах государственно-частного партнерства*. Данный институт развития создается по инициативе органа государственной власти региона, ответственного за реализацию политики по развитию жилищно-коммунального хозяйства, и ему подотчетен. Имущество Фонда образуется за счет первоначального имущественного взноса его учредителя (средств регионального бюджета), кредитных ресурсов, иных доходов.

Штат Фонда должен состоять из профессионалов-практиков, имеющих опыт реализации ГЧП-проектов в жилищно-коммунальном хозяйстве. На наш взгляд, создание данной структуры должно происходить одновременно с оптимизацией численности персонала в органах исполнительной государственной власти региона (подразделений, ответственных за решение проблем инвестиционного развития и модернизации ЖКХ) и прочих институтов развития.

Ввиду того что в настоящее время всей на территории страны формируется новая система капитального ремонта многоквартирных домов, а поддержка остальных подотраслей ЖКХ носит весьма ограниченный характер, основной задачей деятельности Фонда является консолидация и эффективное использование ограниченных бюджетных ресурсов и создание условий для привлечения частных инвестиций преимущественно в модернизацию коммунальной сферы региона.

При этом финансирование совместных проектов возможно двумя основными способами. *Во-первых*, Фонд может выступать в качестве «канала» привлечения бюджетных средств с федерального и регионального уровня путем подготовки заявок и участия потенциальных получателей в государственных программах поддержки жилищно-коммунального хозяйства (например, в мероприятиях региональной программы энергосбережения и повышения энергетической эффективности, ФЦП «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года», Федеральной адресной инвестици-

онной программы (ФАИП) и т.п.), программах Фонда содействия реформированию ЖКХ и т.п.

Во-вторых, эффективным инструментом поддержки инвестиционных проектов в ЖКХ, реализуемых с привлечением внебюджетных ресурсов, является прямое государственное финансовое участие в ГЧП-проектах. Бюджетные средства должны использоваться исключительно в качестве «катализатора», способствующего привлечению частных инвестиций в отрасль, либо как инструмент, обеспечивающий окупаемость проектов для бизнес-структур, в следующих направлениях:

- ✓ для обеспечения организациям сферы ЖКХ доступа к длинным и дешевым кредитным ресурсам государственных институтов развития, финансовых структур;

- ✓ для поддержки социально и экологически значимых, но не окупаемых в приемлемые сроки инвестиционных проектов в малых и средних муниципальных образованиях (перекладка сетей, строительство очистных сооружений, полигонов твердых бытовых отходов и т.п.);

- ✓ для разработки типовых технологических и технических решений, проектов модернизации и строительства объектов коммунальной инфраструктуры, типовой банковской и типовой конкурсной документации для организации конкурсов на привлечение частных инвесторов.

К дополнительным функциям Фонда можно отнести:

- а) компенсацию части процентной ставки по привлеченным кредитам или предоставление гарантий по таким займам (прежде всего для хозяйствующих субъектов, действующих на территории крупных муниципальных образований (города с численностью населения 200–300 тыс. чел.) и обладающих достаточно высокой инвестиционной привлекательностью);

- б) краткосрочное кредитование предприятий (на срок до 1 года); финансовые средства могут выделяться на проведение подготовки к отопительному сезону, устранение аварийных ситуаций, проведение планово-

предупредительного ремонта под меньший процент, чем в настоящее время кредитуют коммерческие банки.

В целях недопущения «распыления» ограниченных финансовых ресурсов и их эффективного использования для потенциальных получателей устанавливаются минимальные требования к размерам зоны обслуживания, объемам ежегодной выручки организации и т.п. (например, количество потребителей услуг должно быть не менее 500 единиц). Соблюдение данных критериев является минимальным условием, обеспечивающим финансовую устойчивость и долгосрочную платежеспособность предприятия в ходе реализации инвестиционного проекта и позволяющим включить его в дальнейший процесс отбора в адресную инвестиционную программу.

Для исключения субъективизма при отборе для каждого субъекта, претендующего на получение финансовой поддержки за счет средств Фонда, рассчитывается интегральный показатель, характеризующий приоритетность его включения в адресную программу.

Данный показатель состоит из следующих компонентов:

1) *Износ основных фондов:*

$$I_{Иi} = \frac{K_{Иi} - K_{Иmin}}{K_{Иmax} - K_{Иmin}}; \quad (1.1)$$

где: $I_{Иi}$ – индекс износа основных фондов i -го субъекта;

$K_{Иi}$ – коэффициент износа основных фондов i -го субъекта, %;

$K_{Иmax}$ – максимальный коэффициент износа основных фондов среди всех субъектов, участвующих в отборе, %.

$K_{Иmin}$ – минимальный коэффициент износа основных фондов среди всех субъектов, участвующих в отборе, %.

2) *Зона обслуживания предприятия* (количество абонентов (физических и юридических лиц), находящихся на обслуживании у компании):

$$I_{O_i} = \frac{Z_i - Z_{max}}{Z_{min} - Z_{max}}; \quad (1.2)$$

где: I_{O_i} – индекс зоны обслуживания i -го субъекта;

Z_i – зона обслуживания i -го субъекта, ед.;

Z_{max} – минимальное значение зоны обслуживания среди всех субъектов, участвующих в отборе, ед.

3) *Платежеспособный спрос конечного потребителя* (среднедушевые доходы населения как главного потребителя жилищно-коммунальных услуг):

$$I_{\Pi_i} = \frac{\Pi_i - \Pi_{max}}{\Pi_{min} - \Pi_{max}}; \quad (1.3)$$

где: I_{Π_i} – индекс платежеспособного спроса потребителей (текущих и потенциальных) услуг i -го субъекта;

Π_i – платежеспособный спрос потребителей услуг i -го субъекта, тыс. руб.;

Π_{max} – минимальное значение платежеспособного спроса потребителей среди всех субъектов, участвующих в отборе, тыс. руб.

Интегральный оценочный индекс претендента (I) рассчитывается как среднее арифметическое значение частных составляющих:

$$I = \frac{I_{H_i} + I_{O_i} + I_{\Pi_i}}{3}; \quad (1.4)$$

Максимально возможное значение интегрального индекса – 1, а минимальное – стремится к нулю. Чем выше значение данного показателя, тем более приоритетным для включения является проект для включения в адресную инвестиционную программу. При этом количество проектов, вошедших в нее, лимитировано бюджетом Фонда, выделяемого на данные цели на очередной финансовый год. Каждый проект, включенный в адресную программу, должен реализоваться в рамках законодательно утвержденной Программы комплексного развития коммунальной инфраструктуры муниципального образования, иметь долгосрочный утвержденный тариф и уровень софинансирования за счет частных инвестиций (кредиты, займы и др.) и местного бюджета не менее 30% от общего объема капиталовложений. Все проекты, реализуемые с участием средств данного института развития, должны иметь утвержденные показатели окупаемости, экономической эффективности.

Финансовые ресурсы предоставляются на условиях возвратности и платности. Снижение себестоимости предоставления услуг и возникшая экономия в ходе реализации проекта является источником возврата данных средств. При этом дополнительная прибыль распадается на две части: одна идет на уплату процентов по кредитам (k), а другая – возвращается в Фонд в форме ежемесячных платежей в качестве уплаты долга (f):

$$П = k + f; \quad (1.5)$$

Фонд ежегодно проводит контроль целевого использования финансовых средств, мониторинг технического состояния модернизированных объектов.

Таким образом, создание на уровне региона Фонда модернизации ЖКХ позволит аккумулировать и эффективно использовать ограниченные бюджетные ресурсы, повысить инвестиционную привлекательность отрасли и провести ее полное технологическое обновление без галопирующего роста тарифов на жилищно-коммунальные услуги на основе эффективного использования механизмов государственно-частного партнерства.

Литература

1. Кожевников, С.А. Организационно-экономический механизм государственно-частного партнерства в жилищно-коммунальном хозяйстве региона [Текст] / С.А. Кожевников // Экономика и предпринимательство. – 2014. – № 5 (ч. 2). – С. 318-323.

ИНФРАСТРУКТУРА ПОДДЕРЖКИ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Развитие кооперации малых, средних и крупных предприятий – экономическая необходимость, вызванная обострением международной обстановки и повышением конкурентной борьбы на промышленных рынках. Крупные предприятия стараются концентрировать свои ресурсы на важнейших направлениях деятельности, передавая значительную часть производственных функций малым и средним компаниям на субконтракт (производственную кооперацию) и аутсорсинг. Это позволяет всем участникам рынка добиваться высокого уровня специализации и, тем самым, повышать конкурентоспособность как отдельного предприятия, так и территориальных производственных систем в целом [2, 4].

Инфраструктурная поддержка развития кооперационных связей малого, среднего и крупного производственного бизнеса в России осуществляется **на разных уровнях** (страны, региона, города, отрасли и отдельных предприятий). **В пределах страны** специализированной площадкой для поиска партнеров по развитию производственной кооперации является *портал информационной поддержки малого и среднего производственного бизнеса – SUBCONTRACT.RU*. Работу этой информационной системы обеспечивает НП «Национальное Партнерство развития субконтрактации», объединяющее 32 региональных центра субконтрактации¹. Портал в сети интернет включает в себя базу данных [3, 9]:

- производственных возможностей промышленных предприятий, детализированных до уровня отдельного производственного заказа;
- поступающих заказов и информацию о предприятиях-заказчиках;

¹ Первый центр субконтрактации на территории России – это созданный в 1998 году Межрегиональный Центр промышленной субконтрактации и партнерства. Инструментарий его работы после успешной апробации в городе Москве был принят на вооружение многими регионами России [3, 9].

- спроса и предложений по оборудованию и производственным помещениям.

Все базы данных выполнены в едином формате и объединены автоматизированной системой поиска (по классификаторам основных видов деятельности, субконтрактной продукции и производственных процессов, принятым в ЕС). Использование единого информационного пространства позволяет существенно оптимизировать совместную работу центров субконтрактации и обеспечить быстрый и удобный поиск партнеров по производственной кооперации во всех регионах. В системе субконтрактации сейчас активно работают порядка 20 тыс. предприятий машиностроения, металло- и деревообработки, электроники и электротехники. Большой интерес к данной форме взаимодействия проявляют компании, предлагающие различные промышленные услуги: разработка конструкторской и технологической документации, промышленный дизайн. На сегодняшний день на интернет-сайте SUBCONTRACT.RU размещено около 4 тыс. актуальных заказов. За 8 мес. 2014 года проведено шесть «Бирж субконтрактов» – целевых мероприятий по поиску и квалификационному отбору партнеров по производственной кооперации для выполнения 71 заказа на общую сумму свыше 2 млрд. руб. [9].

На территории Вологодской области также функционирует центр субконтрактации, созданный в ноябре 2013 года при Вологодской торгово-промышленной палате. В настоящее время 87 вологодских предприятий зарегистрировано на портале SUBCONTRACT.RU, в том числе 25 компаний оперативно получают информацию о появляющихся в системе производственных заказах, пользуются возможностью размещения коммерческих предложений на сайте и информации в специализированных каталогах для продажи оборудования [6].

Одним из инструментов развития кооперационных связей между предприятиями в **пределах региона** (в нашем случае – Вологодской области) является *проект «Электронная бизнес-кооперация»* (курирует НП «Агентство Го-

родского Развития» в г. Череповце). Проект представляет собой единую информационную площадку на территории Вологодской области, с помощью которой малый и средний бизнес получает возможность найти дополнительные заказы и рынки сбыта своей продукции, а крупный бизнес – расширить круг своих поставщиков.

Функционал электронной площадки позволяет любой вологодской компании размещать заявки по следующим направлениям:

- перечень актуальных на данный момент заказов предприятий с указанием срока размещения и выполнения заказа, требований к поставщикам, контактных данных для направления заявки, условий исполнения заказа (участие в тендере);

- перечень перспективных заказов (с пояснительной информацией об условиях участия);

- перечень производственных и офисных помещений, земельных участков, сдаваемых в аренду либо выставленных предприятием на продажу с указанием характеристик объекта и контактной информации;

- перечень реализуемой продукции, неликвидного имущества и подержанного оборудования предприятий.

«Электронная бизнес-кооперация» стартовала в 2012 году². На сегодняшний день среди участников проекта насчитывается уже 55 предприятий Вологодской области (такие как ОАО «Северсталь», ОАО «ФосАгро-Череповец», ОАО «Северсталь-Метиз», ОАО «Вологодский оптико-механический завод», ОАО «Вологодский машиностроительный завод» и др.), размещено более 300 предложений, посещаемость ресурса порядка 100 пользователей ежедневно.

О результатах деятельности проекта говорят следующие факты [5]:

² Идея проекта «Электронная бизнес-кооперация» возникла в феврале 2012 года во время проведения круглого стола с участием Губернатора Вологодской области, генерального директора ОАО «Северсталь», руководителей крупных промышленных предприятий и малого бизнеса, на котором была достигнута договорённость о создании механизма информационного обмена и сотрудничества малого и среднего бизнеса.

- 15% из 200 проведенных деловых переговоров завершились подписанием договоров;

- оборотная сумма закупок за 2013 год двух крупнейших участников вологодской площадки составила более 12 млрд. руб. (ОАО «Северсталь» – объем закупок 8,8 млрд. руб., 11,4% заказов выполняет малый и средний бизнес города Череповца³; ОАО «ФосАгро-Череповец» – объем закупок 500 млн. руб.). В первом полугодии 2014 года доля закупок ОАО «Северсталь» у череповецких предприятий составила 16% всего объема потребляемых товаров и услуг, ОАО «ФосАгро-Череповец» в рамках сотрудничества более чем со 100 организациями Вологодской области закупило на конкурсной основе продукции на сумму свыше 300 млн. руб. [5, 8].

Вопросы кооперации малого и среднего бизнеса с крупными предприятиями в пределах **ограниченной территории и/или вида деятельности** лежат в основе концепции создания *индустриальных парков и кластеров*. Данные образования позволяют эффективно выстроить технологические цепочки, начиная от использования сырья и заканчивая производством готовой высокотехнологичной продукцией. В основе их создания лежит принцип государственно-частного партнерства. Государство предоставляет инженерную инфраструктуру, которая, если бы объекты строились с нуля, отняла у предприятий до четверти затрат. Бизнес на выделенных обустроенных участках строит производство на собственные средства [4].

В настоящее время на территории Вологодской области действуют четыре индустриальных парка и промплощадки:

- Индустриальный парк «Шексна»;
- Индустриальный парк «Сокол»;
- Индустриальный парк «Череповец»;
- Промышленный парк «Вологда-Восток».

³ Интерес ОАО «Северсталь» вызвали предложения малых компаний в таких областях, как упрочение металлов, жидкая теплоизоляция, технологии экономии топлива.

Проект «Промышленный парк «Восток»⁴ был презентован в городе Вологде в 2012 году. В настоящее время в парке «Восток» работает 30 предприятий. Это дерево- и металлообрабатывающие производства, предприятия по производству пластиковых и газовых труб, внедряется сталелитейное производство. По итогам 2013 года предприятия показали стабильную динамику роста. Объем отгруженной продукции составил 5 млрд. руб., а количество рабочих мест увеличилось до 3 тыс. С территории парка в бюджеты всех уровней поступило налогов на сумму более 500 млн. руб. [1, 7].

Кластерная политика в регионе реализуется АНО «Центр кластерного развития Вологодской области». Центр был создан в конце 2013 года для разработки и координации программ развития кластеров на территории Вологодской области, проведения маркетинговых исследований в интересах участников кластера, организации обучения и информационных кампаний. В настоящее время в регионе функционирует три кластера:

- международный кластер деревянного домостроения и деревообработки;
- туристский кластер;
- кластер информационных технологий.

В 2014 году на развитие кластерных инициатив в регионе из федерального бюджета выделено 16 млн. руб. Реализация запланированных мероприятий позволит реализовать более 35 кластерных проектов, имеющих важное значение для экономики региона [10].

Еще одной ступенью установления взаимодействия является создание специализированных советов и подписание соглашений о сотрудничестве между **конкретными предприятиями** (в том числе по инициативе и при участии органов власти). Так, в целях расширения кооперационных связей между орга-

⁴ Промышленный парк «Восток» расположен между рекой Вологодой и дорогой на Лосту, охватывая район улиц Турундаевской, Элеваторной и Промышленной. Это более 500 гектаров свободного пространства с прилегающими к нему железнодорожными ветками, газо- и электромагистральными линиями, водопроводом и канализацией [7].

низациями малого, среднего и крупного бизнеса Вологодской области в июле 2014 года был создан *Совет по внутрорегиональной кооперации* при Департаменте экономического развития области. В его состав вошли представители ОАО «Северсталь», ОАО «ФосАгро-Череповец», НП «Агентство городского развития», Вологодской торгово-промышленной палаты, АНО «Региональный центр поддержки предпринимательства Вологодской области». На первом заседании состоялась презентация потенциала промышленных предприятий ОАО «Вологодский вагоноремонтный завод», Управляющей компании «РП-Групп», ЗАО «Мезон», ООО «ИММИД» и обсуждались вопросы их возможной кооперации с участниками совета – градообразующими предприятиями г. Череповца [8].

В продолжение этого Правительство Вологодской области, ОАО «Северсталь» и ОАО «ФосАгро» в августе 2014 года подписали *Протокол о партнерстве* для повышения эффективности взаимодействия, направленного на развитие экономической и социальной сферы Вологодской области. Среди направлений сотрудничества – разработка и реализация программ по охране окружающей среды, корпоративной социальной ответственности, обмен лучшей практикой в области управления инвестиционными проектами, закупок сырья, материалов и услуг, а также логистики железнодорожных грузов и авиаперевозок.

Подводя итог рассмотрению вопросов развития инфраструктурной поддержки кооперации малого, среднего и крупного бизнеса, можно отметить следующее:

Применение механизма производственной кооперации позволяет крупному предприятию избавиться от издержек на содержание непрофильных производств и ускорить технологические процессы. Малые же предприятия, выполняя работы по субконтрактам, достигают полной загрузки оборудования и высокой производительности.

В настоящее время развитие инфраструктуры поддержки производственной кооперации является важным инструментом привлечения инвестиций под конкретные проекты и создания условий для эффективного взаимодействия бизнеса.

Использование механизма производственной кооперации, как показывает практика, дает мощный экономический рост как предприятию/отрасли, так и территории в целом.

Литература

1. Стратегия привлечения инвестиций в экономику города Вологды до 2020 года «Вологда – комфортный город для бизнеса»: утверждена решением Вологодской городской Думы № 1027 от 20 февраля 2012 года.
2. Глобальная перестройка / под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Иванова. – М.: Весь Мир, 2014. – 528 с.
3. Методическое пособие по субконтрактации. – Ярославль, 2005. – 72 с.
4. Кластеры в институциональной экономике: монография / М.П. Войнаренко. – СПб.: АНО ИПЭВ, 2013. – 496 с.
5. База «Электронная бизнес-кооперация» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.agr-city.ru/ru/ebc>
6. Вологодский центр субконтрактации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vologdatpp.ru/vologodskiy-centr-subkontraktacii>
7. Инвестиционный портал города Вологды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://invest.vologda-portal.ru/>
8. Официальный портал Правительства Вологодской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vologda-oblast.ru/>
9. Портал информационной поддержки малого и среднего производственного бизнеса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.subcontract.ru/>
10. Центр кластерного развития Вологодской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy.gov35.ru/klaster35/>

ВЛИЯНИЕ РИСКОВ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТОВ

«О воздухах, водах и местностях»

Проводимая автором работа по анализу влияния рисков хозяйственной деятельности на становление экономических институтов на данном этапе осуществляется в рамках проекта «Макроинституциональная циклическая динамика: теория и моделирование», осуществляемого под руководством С.Г. Кирдиной. Основная цель данной работы состоит в попытке продемонстрировать непосредственное определяющее влияние природно-географических условий в лице природных рисков на формирование основных экономических институтов¹.

Наше исследование проходит в парадигме теории X-Y матриц, автором и разработчиком которой стала С.Г. Кирдина. С нашей точки зрения суть теории состоит в том, что все государства мира с их сложившимися комплексами социально-общественных и политических институтов можно подразделить на две группы, в основе же деления лежит их принадлежность к той или иной матрице: X или Y. Матрица же предстает как совокупность трех элементов: экономика, политическая система и идеология. Y-матрица – это матрица с рыночной экономикой, индивидуалистской идеологией и тягой к демократическому политическому устройству, X-матрица есть та матрица, где экономика – централизованная; политическое устройство также тяготеет к централизации, а идеология – к коллективному мировосприятию.

Становление институтов той или иной матрицы происходит в определенных материально-технических средах. Под этим понятием мы понимаем некую совокупность, сплав изначальных природно-географических условий, рисков и

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 14-02-14022.

ресурсов и созданной человеческим трудом структуры хозяйствования, позволяющей социуму выживать в конкретных условиях данной местности.

Формирование Y-институтов происходит в той материально-технической среде, где хозяйственные (климатические, природные) риски относительно невысоки, а ресурсы внешней среды рассредоточены и могут быть потреблены по частям. В теории институциональных матриц, или в X-Y-теории, такая материально-технологическая среда называется *некоммунальной*.

Напротив, формирование X-институтов проходит в коммунальной материально-технологической среде, где природные риски высоки, а ресурсы требуют слаженной, единой, технически мощной среды для их освоения и потребления населением.

Наше исследование направлено на изучение влияния хозяйственных природных рисков на формирование материально-технической среды. Исследование проводится следующим образом: был отобран список индикаторов для определения уровня рисков и составлен список стран, для которых был произведен поиск соответствующих данных по каждому индикатору. Идея состоит в том, чтобы посмотреть, какой уровень рисков обнаруживается в каждой стране, а затем, путем проведения соответствующих исследований, понять, каков характер материально-технической среды в каждой стране.

Наша предварительная гипотеза состоит в том, что коммунальная среда формируется в тех условиях, где уровень рисков слишком высок (рисунок). Подобную закономерность, несмотря на то что она нуждается в научном подтверждении, можно, тем не менее, объяснить с помощью простого здравого смысла: высокий уровень хозяйственных рисков создает трудности для ведения хозяйственной деятельности и ставит под вопрос её результативность. Несомненно, это подталкивает к развитию духа коллективизма, к объединению людей для создания мощной, способной противостоять внешним условиям, бедствиям и трудностям среды, обеспечивающей стабильность их материального положения.

Каковы же индикаторы, выбранные нами для определения уровня рисков? Наш мир сложен и парадоксален, состоит из противоречий и условностей, и то, что где-то понимается как благо, в каких-то условиях становится злом и приносит беду. Например, к числу индикаторов уровня рисков мы отнесли уровень осадков. Совершенно очевидно, что низкий уровень осадков приводит к засухам, а это влечет за собой неурожайность. Но также очевидно и то, что высокий уровень осадков, приводящий к регулярным наводнениям, тоже является риском, и в каких-то случаях более страшным, чем низкий уровень осадков.

К числу важных индикаторов мы решили отнести также такие показатели, как число человеческих жертв от природных бедствий и катаклизмов различного порядка. Эти показатели крайне важны для представления о масштабности и интенсивности уровня хозяйственных рисков.

Мы полностью уверены в том, что природно-географические условия, природные риски есть важное условие для формирования экономических институтов. Стоит отметить, что с исторической точки зрения наша теория не является новой.

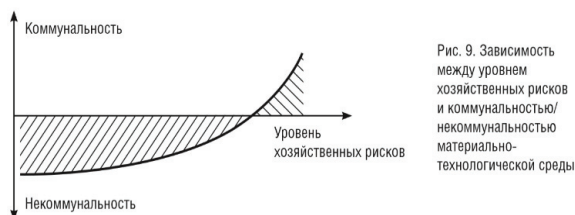

Рис. 9. Зависимость между уровнем хозяйственных рисков и коммунальностью/некоммунальностью материально-технологической среды

Зависимость между уровнем хозяйственных рисков и коммунальностью/некоммунальностью материально-технологической среды

Источник: составлено по [8, с. 86].

Идея географического детерминизма в зачаточной форме присутствовала в рассуждении знаменитого античного ученого и врача Гиппократ (ок. 460–370 до н.э.) «О воздухах, водах и местностях» [1, с. 304]. Большое значение придавал влиянию климата уже известный нам историк Полибий (ок. 200–120 до н.э.). «...Природные свойства всех народов, – писал он, – неизбежно складываются в зависимости от климата. По этой, а не по какой-либо иной причине народы представляют столь резкие отличия в характере, строении тела и в цвете кожи, а также в большинстве занятий» [3, с. 363].

Одним из главных идеологов географического детерминизма в Новое время стал французский просветитель Ш. Монтескье, приписывавший природно-географическим условиям важнейшее значение в формировании государств и национального духа. «Есть страны, – писал он, – жаркий климат которых настолько истощает тело и до того обессиливает дух, что люди исполняют там всякую трудную обязанность только из страха наказания. В таких странах рабство менее противно разуму; и так как там господин столь же малодушен по отношению к своему государю, как его раб по отношению к нему самому, то гражданское рабство сопровождается в этих странах политическим рабством». [4, с. 366]. Важным фактором он считал рельеф. «В Азии, – читаем мы у Монтескье, – всегда были обширные империи; в Европе же они никогда не могли удержаться. Дело в том, что в известной нам Азии равнины гораздо обширнее и она разрезана горами и морями на более крупные области; а поскольку она расположена южнее, то ее источники скорее иссякают, горы менее покрыты снегом и не очень многоводные реки составляют более легкие преграды. Поэтому власть в Азии должна быть всегда деспотической, и если бы там не было такого крайнего рабства, то в ней очень скоро произошло бы разделение на более мелкие государства, несовместимое, однако, с естественным разделением страны» [4, с. 391]. Показатели плодородности он считал весьма важным фактором. «Бесплодная почва Аттики, – утверждал он, – породила там народное правление, а на плодородной почве Лакедемона возникло аристократическое правление, как более близкое к правлению одного – правлению, которого в те времена совсем не желала Греция» [4, с. 392].

В заключении хотелось бы добавить, что, несмотря на нашу веру в определяющую силу природы, конечное решение о том, как поступить и какое решение принять, зависит прежде всего от самого человека, в нашем случае – от группы людей, их представлений о том, «что такое хорошо, а что такое плохо», что ценно, а что нет. В связи с этим примечательна история, случившаяся во французском Индокитае в начале XX века, когда колониальное правительство завезло более урожайные сорта риса для лаосских фермеров. Урожайность привезенных сортов превышала урожайность традиционных для Лаоса сортов

практически в три раза. В конце сезона фермеры собрали в три раза больше риса, а на следующий год посеяли риса в три раза меньше, рассудив, что больше риса, чем обычно у них составляла урожайность, не нужно. Это ярко свидетельствует о том, что на тот момент у лаосских фермеров не было рыночного мышления, и они просто не могли себе представить, что рис может стать объектом продажи. И, кроме того, в мышлении лаосского крестьянина базовым было представление о том, что хозяйство должно удовлетворять только их потребности, уровень которых не должен высок. А это уже привело к тому, что у соседей по Юго-восточной Азии сложилось представление о лаосцах как о лентяях. «Лаосец спит и слышит, как растет его рис», – гласит вьетнамская поговорка.

На данном этапе нами создана база данных с показателями уровня рисков для выбранных нами стран. Впереди нас ожидает проведение расчетов, а также определение коммунальности-некоммунальности среды. Когда все работы будут окончены, мы сможем подвести итог и вынести соответствующее суждение о том, подтвердилась наша гипотеза или нет.

Литература

1. Гиппократ. О воздухах, водах и местностях / Гиппократ // Избранные книги. – М., 1994.
2. Аристотель. Политика / Аристотель // Соч. в 4-х т. – М., 1983. – Т. 4.
3. Полибий. Всеобщая история. I / Полибий. – СПб., 1994.
4. Монтескье, Ш. О духе законов / Ш. Монтескье // Избранные произведения. – М., 1955.
5. Кирдина, С.Г. ПРОЕКТ РГНФ 2014–2016 «Макроинституциональная циклическая динамика: теория и моделирование» / С.Г. Кирдина.
6. Кирдина, С.Г. X- и Y-экономики: институциональный анализ / С.Г. Кирдина. – М.: Наука, 2004.
7. Кирдина, С.Г. Институциональная самоорганизация экономики: теория и моделирование / С.Г. Кирдина. – М.: Институт экономики РАН, 2008.
8. Кирдина, С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию / С.Г. Кирдина. – СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2014.
9. Polanyi, K. The Livelihood of Man (Studies in Social Discontinuity) / K. Polanyi. – New York: Academic Press, Inc, 1977.

РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Межбюджетные отношения формируют финансовый потенциал региона и обеспечивают поддержание стабильности его социально-экономического развития. Наличие дифференциации российских регионов по уровню социально-экономического развития и территориальная неравномерность размещения потребителей бюджетных услуг объективно требует движения финансовых потоков между бюджетами для обеспечения минимальных социальных стандартов проживания (МРОТ, пособия, стипендии, пенсии и т.д.). Всё это обусловило актуальность темы исследования и его цель.

Согласно Бюджетному кодексу РФ, межбюджетные отношения трактуются как взаимоотношения между публично-правовыми образованиями по вопросам регулирования бюджетных правоотношений, организации и осуществления бюджетного процесса. Однако данная формулировка является неоправданно широкой, поскольку относит к межбюджетным отношениям практически все бюджетные отношения, связанные с организацией и осуществлением бюджетного процесса. Исследование данного вопроса позволило сформулировать собственное определение межбюджетных отношений. Это – комплексная система экономико-правового горизонтального и вертикального взаимодействия публично-правовых образований в лице их уполномоченных органов по поводу формирования, распределения, перераспределения и регулирования бюджетных полномочий и источников их финансирования для максимизации обеспеченности населения территории собственными бюджетными ресурсами. Данное определение в отличие от имеющихся указывает на цель межбюджетных отношений, а также наиболее полно, чем в других трактовках, описывает сферу их действия и основания возникновения.

Межбюджетные отношения являются объектом государственного регулирования. Согласно действующему законодательству, межбюджетное регулирование является частью бюджетного [7, с. 45]. Р.Ю. Рыбакова считает, что межбюджетное регулирование осуществляется органами власти вышестоящего уровня путём вертикального (между разными звеньями бюджетной системы) и горизонтального (в разрезе бюджетов одного звена) выравнивания бюджетной обеспеченности территориальных образований, у которых она ниже минимально необходимого уровня [8, с. 16]. В.С. Назаров понимает под государственным регулированием межбюджетных отношений управление территориальным развитием с помощью налогового и трансфертного механизмов межбюджетной политики [4]. Систематизируя вышеуказанные определения, будем рассматривать в качестве межбюджетного регулирования специфический вид управленческой деятельности, осуществляемый в жёстких правовых границах максимизации бюджетной обеспеченности населения территории посредством применения комплекса межбюджетных инструментов. В экономической теории механизм регулирования рассматривается как совокупность методов, инструментов, финансовых нормативов. По мнению А.М. Балтиной и В.А. Волохиной, механизм межбюджетного регулирования – это совокупность законодательных норм, методов, инструментов, посредством которых государственные органы власти и местного самоуправления воздействуют на процессы формирования и использования бюджетных фондов для достижения целей, определённых социально-экономической и бюджетной политикой государства. Таким образом, это процесс распределения и перераспределения средств между бюджетами разного уровня, результат которого оказывает влияние на социально-экономическую ситуацию в обществе [3, с. 18].

Ведущую роль в регулировании межбюджетных отношений в РФ играет Министерство финансов и его территориальные органы (рис. 1).

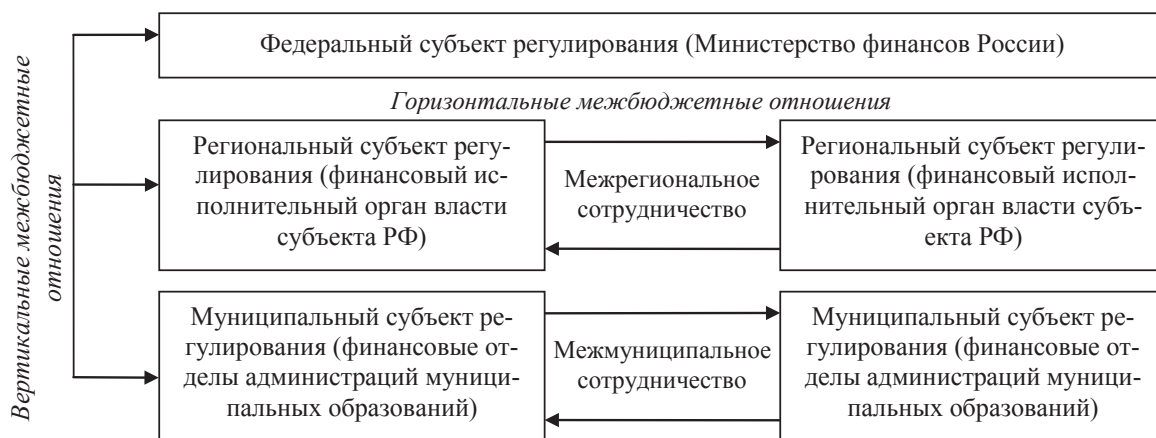

Рисунок 1. Иерархическая структура субъекта регулирования межбюджетных отношений в Российской Федерации (составлено автором)

Совершенствование системы межбюджетных отношений, как и любой управляемой системы, следует начинать с алгоритмического описания процесса регулирования. Такая необходимость вызвана разделением процесса регулирования на последовательность разнообразных операций. Возможный алгоритм регулирования межбюджетных отношений региональными органами государственной власти нам видится следующим образом (рис. 2).

Рисунок 2. Алгоритм межбюджетного регулирования в регионе (составлено автором)

Алгоритм регулирования, как подобие инструкции, содержит указания о том, что и в каком порядке надо делать, чтобы достичь цели. Поэтому приведённый алгоритм регулирования межбюджетных отношений позволит активизировать процессы повышения ответственности и создания стимулов у территориальных властей при проведении бюджетной политики на местах.

После первых двух этапов возникает необходимость оценки действующего механизма регулирования межбюджетных отношений. Это позволит оценить инструменты межбюджетного регулирования, выявить направления их совершенствования, обосновать и предложить внедрение новых инструментов, способствующих совершенствованию межбюджетных отношений. В связи с чем разработана авторская методика, целью которой является выявление степени соответствия поставленных государством задач в сфере межбюджетного регулирования в регионе с фактическими результатами. Конечную цель оценки можно рассматривать в системе критериев, в качестве которых предлагается установить степень достижения задач межбюджетного регулирования. Проведено обобщение и систематизация государственных приоритетов в сфере межбюджетных отношений, обозначенных в ряде основополагающих законодательных документов РФ, и выявлены четыре наиболее актуальные задачи межбюджетных отношений в регионе: повышение финансовой автономии территориальных органов власти; достаточность бюджетных ресурсов для выполнения ими возложенных полномочий; обеспечение качества и оперативности планирования; результативность бюджетного выравнивания территорий. По каждому из направлений предложена система показателей и их пороговые значения, которые определены на основе требований федерального законодательства и метода коллективных экспертных оценок (метода Дельфи; табл. 1).

Таблица 1. Система направлений и показателей для оценки результативности межбюджетного регулирования региона

<i>Направление 1</i> <i>Степень финансовой автономии</i>	<i>Направление 2</i> <i>Достаточность финансовых ресурсов</i>
1. Коэффициент финансовой автономии	1. Коэффициент обеспечения текущих и капитальных расходов собственными доходами
2. Коэффициент чистой налоговой автономии	2. Коэффициент соотношения дефицита бюджета с объёмом собственных доходов
3. Коэффициент соотношения доходов, собранных в регионе и поступивших в вышестоящий бюджет	3-4. Подушевая бюджетная обеспеченность доходами / расходами
4. Доля межбюджетных трансфертов в доходах бюджета	5. Показатель распределения доходов и расходов между уровнями бюджетной системы
<i>Направление 3</i> <i>Качество и оперативность планирования</i>	<i>Направление 4</i> <i>Результативность бюджетного выравнивания</i>
1. Соотношение планового и фактического объёма межбюджетных трансфертов	1. Коэффициент вариации муниципалитетов по обеспечению их бюджетов доходами с учётом дотаций
2. Доля межбюджетных трансфертов, выделяемых в IV квартале финансового года	2. Коэффициент вариации муниципалитетов по обеспечению их бюджетов доходами с учётом дотаций и субсидий
3. Доля делегированных расходов в структуре расходов бюджета	3. Показатель выравнивания бюджетной обеспеченности муниципалитетов
4. Показатель финансирования делегированных расходов бюджетов	4. Доля иных межбюджетных трансфертов в общем объёме межбюджетных трансфертов

На основании изложенных методических положений проведена апробация оценки результативности межбюджетного регулирования в регионе.

Оценка финансовой автономии органов местного самоуправления области показала, что в период с 2006 г. самостоятельность муниципальных властей в решении собственных бюджетных вопросов выросла на 15%, тем не менее, в 2012 г. составила лишь 52%. В первую очередь, это вызвано централизацией доходов, особенно налоговых, на вышестоящих уровнях.

Оценка достаточности бюджетных ресурсов свидетельствует о том, что муниципалитетам не хватает средств на финансирование текущих расходов, не говоря уже о формировании бюджетов инновационного развития. Собственных местных доходов достаточно для покрытия лишь 40% текущих расходов. Более того, полномочия распределяются между уровнями бюджетной системы в регионе в ущерб местным бюджетам, что проявляется в передаче на нижестоящий уровень до 5% расходных обязательств, не обеспеченных соответствующими доходными источниками.

Качество и оперативность планирования в регионе в исследуемом периоде оставались недостаточно высокими, поэтому оценены в 2012 г. на 66%, что

во многом связано со сложившейся практикой недофинансирования утверждённых бюджетных ассигнований местным бюджетам.

Оценка выявила проблемы и в региональной системе бюджетного выравнивания муниципалитетов. Так, разрыв по уровню бюджетной обеспеченности муниципалитетов составил 4,2 раза. После выделения дотаций он незначительно снизился – до 3,4 раза. Однако осуществление субсидиарной поддержки вновь увеличило локальную дифференциацию муниципалитетов до 4,3 раза, что свидетельствует о предпочтении софинансировать инвестиционные проекты развитых муниципальных образований, а не развивающихся. Таким образом, в 2006–2012 гг. оценка межбюджетного регулирования в Вологодской области свидетельствовала о низкой и средней степени его результативности. В 2012 году результаты регулирования соответствовали поставленным задачам лишь на 69% (рис. 3).

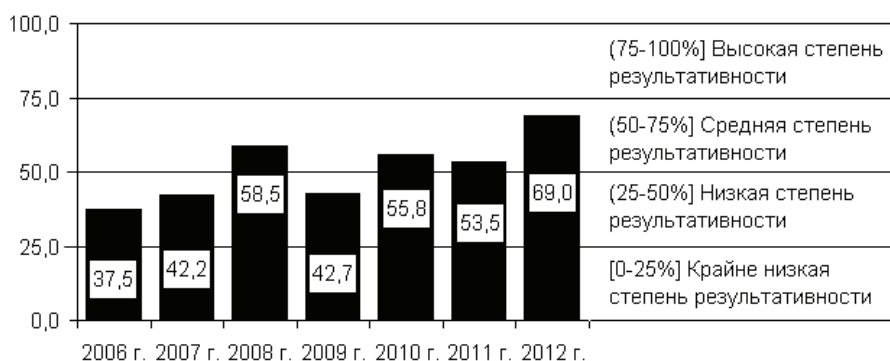

Рисунок 3. Оценка степени результативности межбюджетного регулирования Вологодской области, рассчитанная по авторской методике

Потеря равновесия между централизацией финансовых ресурсов и федерализацией бюджетных отношений в России указывает на недостаточно результативное межбюджетное регулирование, которое не способствует оседанию достаточного объёма собственных бюджетных ресурсов на территории региона и приумножению бюджетного потенциала.

Основываясь на полученных оценках результативности регулирования межбюджетных отношений, можно сделать вывод о необходимости развития

существующих инструментов межбюджетного регулирования. Для этого на федеральном уровне требуется осуществить комплекс правовых мер, а на региональном уровне – приложить максимум усилий по наращиванию доходного потенциала и оптимизации расходов (табл. 2).

Таблица 2. Инструменты повышения результативности межбюджетного регулирования и повышения доходного потенциала территории

Группа инструментов	Содержание инструментов
Распределение полномочий между уровнями бюджетной системы	<ul style="list-style-type: none"> • Разработка на федеральном уровне методики расчёта социально необходимых размеров территориальных бюджетов с учётом специфических особенностей каждого региона. • Передача делегированных полномочий не Федеральными законами, а актами Президента или Правительства для повышения оперативности подготовки нормативно-правовой базы. • Внесение в БК РФ ограничения объёма делегируемых полномочий (например, установить предел в виде определённого процента от общих расходов регионального или местного бюджета, свыше которого полномочия принимаются к исполнению и реализуются нижестоящими органами власти только на добровольной основе). • Разработка на федеральном уровне механизма компенсации не только полной стоимости передаваемых полномочий, но и стоимости дополнительных затрат, связанных с их осуществлением на местах.
Налогообложение доходов физических лиц	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Разработка и реализация программ повышения финансовой грамотности населения (например, информирование населения о социальных последствиях выплат зарплаты в «конвертах»). ▪ Введение в НК РФ минимальных налоговых ставок на трудовые доходы и максимальных – на пассивные доходы, а также налогообложение предметов роскоши и освобождение от него малообеспеченных слоёв населения. ▪ Пересмотр действующего порядка обложения дивидендов, в частности низких ставок и освобождения от уплаты страховых взносов в государственные внебюджетные фонды.
Собираемость территориальных налогов	<ul style="list-style-type: none"> ○ Использование дифференцированного подхода при определении инвентаризационной стоимости имущества, а также при налогообложении транспортных средств (ТС) в зависимости от их нагрузки на дорожное полотно и степени воздействия на экологию. ○ Закрепление в НК РФ как максимальных, так и минимальных предельных ставок территориальных налогов. ○ Упрощение процедур оформления документов по регистрации прав на недвижимое имущество (в т.ч. снижение их стоимости).
Налоговое стимулирование	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Разработка на федеральном уровне механизма компенсации территориальным бюджетам доходов, выпадающих в результате предоставления федеральных льгот по территориальным налогам. ▪ Введение в обязанности получателей налоговых льгот формировать и предоставлять отчётность о размерах и путях их использования. ▪ Учёт информации о предоставлении и действии налоговых преференций на всех стадиях бюджетного процесса: при формировании проекта бюджета – включение величины налоговых льгот в прогнозируемый объём налоговых поступлений; в процессе исполнения бюджета – контроль использования налоговых льгот; при составлении отчёта об исполнении бюджета – включение данных об эффективности и результативности льгот.
Бюджетное планирование	<ul style="list-style-type: none"> • Исключение субсидий из перечня целевых трансфертов, подлежащих в случае неосвоения возврату, т.к. они передаются на софинансирование программ социально-экономического развития. • Применение сценарного подхода при составлении бюджета для создания маневренной бюджетной политики и гарантированного исполнения социально значимых обязательств при неблагоприятной конъюнктуре. • Повышение взаимосвязи бюджетного планирования и составления отчётности об исполнении бюджета.

Предложенные автором меры совершенствования межбюджетного регулирования позволят нейтрализовать существующую фрагментарность управленческих воздействий, а также позволят повысить прозрачность и ответственность органов власти в бюджетно-налоговой сфере, закрыть возможности для минимизации доходной базы территориальных бюджетов, привлечь в них дополнительные доходы, повысить эффективность использования бюджетных средств, что повысит результативность межбюджетного регулирования и, в конечном итоге, максимизирует обеспеченность населения региона собственными бюджетными ресурсами.

Литература

- 1) Бюджетный кодекс РФ. – М.: Эксмо, 2013. – 448 с.
- 2) Налоговый кодекс Российской Федерации. Части первая и вторая : текст с изм. и доп. – М.: Эксмо, 2013. – 800 с.
- 3) Балтина, А.М. Межбюджетные отношения в регионе: модели организации и регулирования [Текст] : монография / А.М. Балтина, В.А. Волохина. – Оренбург : ОГУ, 2004. – 197 с.
- 4) Назаров, В.С. Государственное регулирование межбюджетных отношений российской модели федерализма [Текст] : дис. на соиск. уч. ст. к.э.н.: 08.00.05, 08.00.10 / В.С. Назаров. – Москва, 2007. – 193 с.
- 5) Печенская, М.А. Проблемы совершенствования межбюджетных отношений региона и федерального центра [Текст] / М.А. Печенская // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции и прогноз. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2012. – № 5. – С. 173-182.
- 6) Печенская, М.А. Регион и федеральный центр: состояние и оценка результативности бюджетных отношений / М.А. Печенская // Аудит и финансовый анализ. – 2013. – № 5. – С. 397-405.
- 7) Правовое регулирование межбюджетных отношений в Российской Федерации [Текст] / под ред. Г.В. Петровой. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. – 835 с.
- 8) Рыбакова, Р.Ю. Теоретические основы построения межбюджетных отношений [Текст] / Р.Ю. Рыбакова // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. – 2007. – № 9. – С. 16-21.

ЦЕНОВЫЕ ПРОПОРЦИИ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ

Либерализация цен и внешней торговли в ходе рыночных реформ 1990-х гг., принятые принципы регулирования естественных монополий привели к резкому изменению ценовых пропорций в российской экономике. По данным Росстата, в 1991–2012 гг. базисный индекс цен производителей на нефть в 4,3 раза превысил аналогичный показатель по экономике в целом, на нефтепродукты – в 7,2 раза, на природный газ – в 2,6 раза, на электроэнергию – в 2,8 раза, на металлы – в 1,6 раза, на грузовые перевозки – в 2,8 раза. При этом цены производителей на продукцию машиностроения снизились относительно среднего по экономике уровня в 1,3 раза, сельского хозяйства – в 2,7 раза, лёгкой промышленности – в 4,3 раза. Наблюдавшиеся в 1990-х гг. масштабные сдвиги ценовых пропорций и обусловленные ими изменения в структуре распределения добавленной стоимости между различными секторами национальной экономики предопределили спад производства (особенно в обрабатывающей промышленности и сельском хозяйстве), падение уровня реальных доходов населения страны, бюджетный кризис и иные негативные явления. Та роль, которую ценовые пропорции сыграли и в развёртывании воспроизводственного кризиса в 1990-х гг., и в создании благоприятных условий для восстановительного экономического роста после дефолта 1998 г., определяет значимость их изучения как важнейших характеристик складывающегося режима развития национальной экономики. Для того чтобы сделать исследование различных аспектов влияния ценовых пропорций на ход воспроизводственных процессов более наглядным и конкретным, здесь они рассматриваются преимущественно на примере сельского хозяйства РФ.

Анализ ретроспективных изменений ценовых пропорций показывает, что для большинства сельхозпроизводителей проблема *текущего ценового диспаритета* (краткосрочных и среднесрочных периодов опережающего роста цен на производственные ресурсы для аграрного сектора) в настоящее время менее актуальна, чем проблема *«накопленных» ценовых диспропорций*. Цены приобретения сельхозорганизациями промышленных товаров росли в 1991–1999 гг. в 3 раза быстрее по сравнению с ценами реализации продукции сельского хозяйства (среднегодовые темпы прироста составили примерно 15%), тогда как в 2000–2011 гг. – лишь в 1,1 раза быстрее (1,5% в год). При этом показатели выхода продукции в растениеводстве (с гектара пашни) и в животноводстве (на голову скота) выросли в 2000–2011 гг. в 2,2 и 1,8 раза соответственно, а средние темпы снижения удельного расхода ресурсов производства составили в 2000–2011 гг. около 6,5% в год. Это позволяет сделать вывод о том, что опережающий рост цен на ресурсы в этот период в значительной степени компенсировался сокращением ресурсоёмкости сельского хозяйства.

Проблема накопленного диспаритета цен состоит в несоответствии сложившихся в сельском хозяйстве ценовых пропорций технологическому уровню основной массы предприятий отрасли, а следовательно, и эффективности использования ресурсов. В соответствии с этим, уровень доходов производителей аграрной продукции должен обеспечивать не просто поддержание текущей финансовой сбалансированности, а возможности для перехода к нормальному режиму воспроизводства ресурсного потенциала отрасли, для ее технологической и структурной модернизации.

Другим значимым ограничением развития российского сельского хозяйства являются риски перепроизводства сельхозпродукции. Ограничения по спросу на сельскохозяйственную продукцию явились одним из ключевых факторов формирования ценовых диспропорций в 1990-х гг. и, несомненно, будут оказывать влияние на процессы ценообразования на аграрных рынках и в перспективе. Вариантный сценарный прогноз потенциального роста спроса на аг-

рарную продукцию показывает, что уже в среднесрочной перспективе существуют *риски ухудшения ценовых пропорций* для сельского хозяйства России, обусловленные приближением внутреннего аграрного производства к границам насыщения традиционных рынков сбыта. Исходные гипотезы этих расчётов представлены в таблице. В соответствии с полученными оценками, потенциал прироста производства аграрной продукции, согласованный с ёмкостью рынков сбыта, оказывается значительным (около 50% к уровню 2006–2011 гг.) лишь в случае заметного роста численности населения страны и повышения его благосостояния, успешного импортозамещения на внутренних рынках молочной и мясной продукции, наращивания объёмов экспорта зерна¹. Последовательный переход к менее оптимистическим гипотезам приводит к снижению оценок потенциала почти до нулевого значения в 6-м сценарии (рис. 1–3).

Сценарные условия прогнозных расчётов по оценке потенциала наращивания внутреннего аграрного производства

	Кормоёмкость* (к уровню 2010 г.)	Численность населения, млн. чел.	Среднедушевое потребление продовольствия, кг/чел./год	Доля импорта в ресурсах внутреннего рынка	Объёмы экспорта, млн. т
Вариант 1	100%	147,8	хлеб: 90; мясо: 90; молоко: 390; овощи: 110; картофель: 70	мясо: 15% молоко: 10%	зерно: 40 мясо: 0,4 молоко: 3,0
Вариант 2	85%	147,8	хлеб: 90; мясо: 90; молоко: 390; овощи: 110; картофель: 70	мясо: 15% молоко: 10%	зерно: 40 мясо: 0,4 молоко: 3,0
Вариант 3	85%	126,9	хлеб: 90; мясо: 90; молоко: 390; овощи: 110; картофель: 70	мясо: 15% молоко: 10%	зерно: 40 мясо: 0,4 молоко: 3,0
Вариант 4	85%	126,9	хлеб: 105; мясо: 75; молоко: 320; овощи: 120; картофель: 100	мясо: 15% молоко: 10%	зерно: 40 мясо: 0,4 молоко: 3,0
Вариант 5	85%	126,9	хлеб: 105; мясо: 75; молоко: 320; овощи: 120; картофель: 100	мясо: 33% молоко: 26%	зерно: 40 мясо: 0,1 молоко: 0,5
Вариант 6	85%	126,9	хлеб: 105; мясо: 75; молоко: 320; овощи: 120; картофель: 100	мясо: 33% молоко: 26%	зерно: 15 мясо: 0,1 молоко: 0,5
* Сводный индекс изменения кормоёмкости в животноводстве получен усреднением индексов изменения кормоёмкости в отдельных подотраслях животноводства с весами, соответствующими доле подотраслей в общем объёме потребления кормов в 2010 г.					

¹ При этом одним из факторов, способствующих расширению внутреннего спроса в рассматриваемом гипотетическом сценарии развития сельского хозяйства, оказывается сохранение высокой кормоёмкости животноводства. Рост эффективности использования аграрной продукции, в частности кормов будет объективно обуславливать снижение оценок потенциала наращивания внутреннего сельскохозяйственного производства.

к уровню 2006-2011 гг.

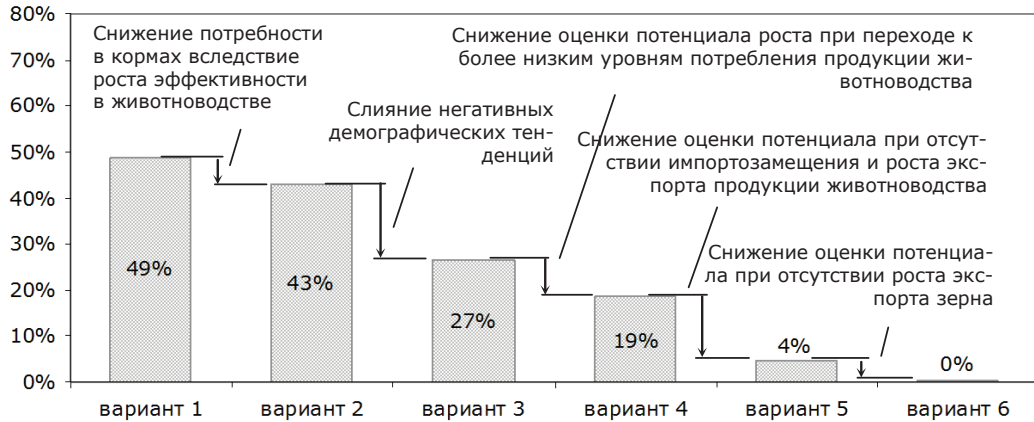

Рисунок 1. Оценки прироста спроса: сельское хозяйство в целом

Источник: расчёты автора.

к уровню 2006-2011 гг.

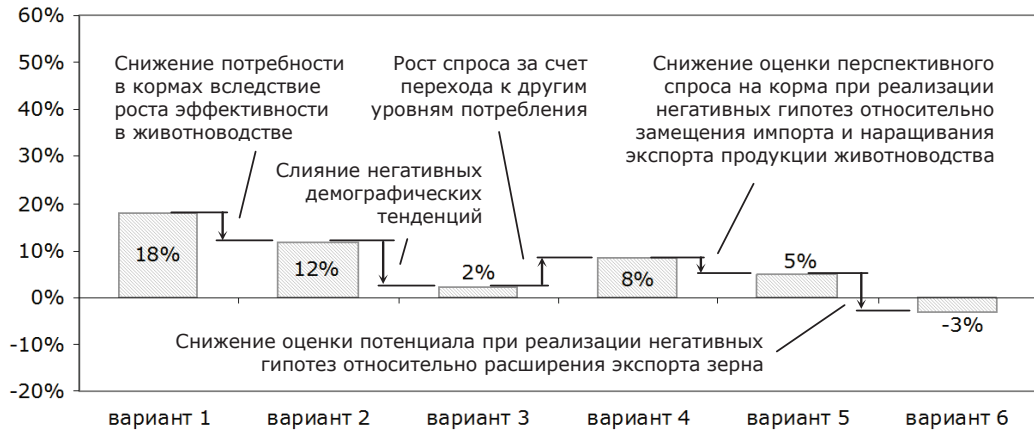

Рисунок 2. Оценки прироста спроса: растениеводство

Источник: расчёты автора.

к уровню 2006-2011 гг.

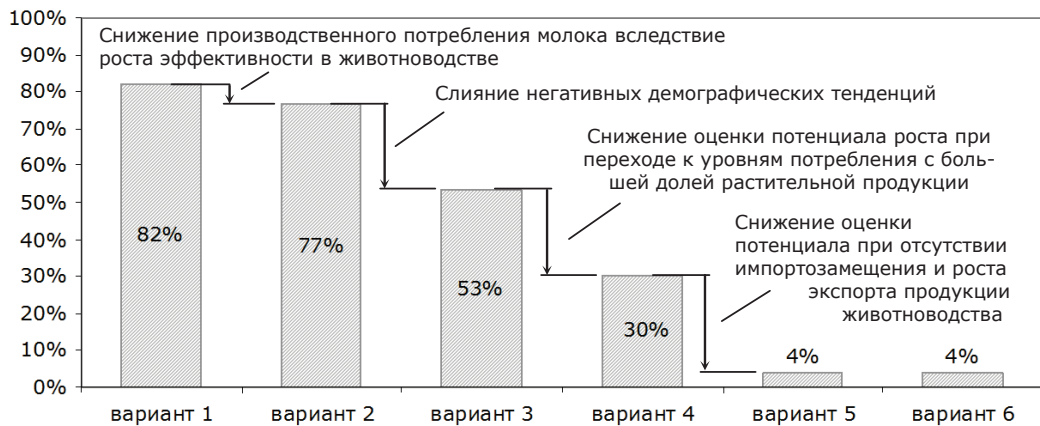

Рисунок 3. Оценки прироста спроса: животноводство

Источник: расчёты автора.

Сохранение действующих механизмов стимулирования аграрного производства по мере приближения внутренних рынков к состоянию насыщения может стать фактором ухудшения ценовых пропорций для сельского хозяйства и провоцирования нового воспроизводственного кризиса. Его механизм будет содержательно подобен механизму кризиса в сельском хозяйстве в 1990-х гг. По мере исчерпания потенциала емкости внутреннего рынка и актуализации ограничений со стороны спроса могут обостриться проблемы перепроизводства аграрной продукции, что неизбежно отразится на динамике ценовых пропорций.

Снижение относительных цен в сельском хозяйстве не только ухудшит текущее финансовое состояние аграрных производителей, но и увеличит сроки окупаемости запущенных ранее инвестиционных проектов, поставив под вопрос их эффективность. В ретроспективе подобные эффекты уже наблюдались в развитии, например, зернового хозяйства, птицеводства и свиноводства. Следствием учащения кризисов перепроизводства станут динамичные изменения в подотраслевой и региональной структуре аграрного производства, повышение рисков ведения агробизнеса и снижение его инвестиционной привлекательности, обострение социально-экономических проблем в сельской местности, рост расходов госбюджета на решение социальных проблем и на поддержание финансовой устойчивости сельхозпредприятий. Это означает, что уже в среднесрочной перспективе одним из важнейших направлений государственной агропродовольственной политики, способствующих формированию благоприятных финансовых условий развития сельского хозяйства, должно стать гибкое регулирование не только рыночной конъюнктуры, но и собственно масштабов производства. Необходимо скорректировать стандартную установку государственной аграрной политики на наращивание объемов выпуска, привязав целевые ориентиры развития к оценкам возможностей эффективной реализации продукции, начать более активно разрабатывать и применять меры регулирования объемов и структуры сельхозпроизводства, а также создавать пред-

посылки расширения ёмкости традиционных рынков и выхода отечественных производителей на новые рынки.

Потенциал адаптации сельхозпроизводителей к сложившейся ценовой среде за счёт структурно-технологических сдвигов является недостаточным. Наряду с дефицитом внутренних финансовых ресурсов для инвестирования, высокой долговой нагрузкой², ограничивающей возможности кредитования, технологические сдвиги в ряде подотраслей сельского хозяйства будут сдерживаться тем, что широкое распространение получили «упрощённые» технологии производства, в рамках которых экономия обеспечивается за счёт низкой оплаты труда, отказа от ряда технологических операций, а также от нормального воспроизводства имеющихся капитальных активов. Новые технологии в стандартном их воплощении характеризуются более высокими затратами, чем эти «упрощённые» технологии, и не обеспечивают доходов, достаточных для окупаемости инвестиций. В условиях жёсткой конкуренции предприятия, использующие современные технологии, вынуждены продавать продукцию по ценам, не позволяющим им воспроизводить достигнутый технологический уровень. В результате у них накапливаются финансовые и производственные проблемы, со временем заставляющие их также нарушать технологии производства с целью текущей экономии. Это в свою очередь приводит к деградации производственного потенциала и вовлечению их в замкнутый круг низкой эффективности и низких доходов.

Ограниченность потенциала нормализации воспроизводственной ситуации в сельском хозяйстве за счёт технологических сдвигов определяет необходимость активизации политики опосредованного регулирования ценовых пропорций с целью относительного повышения аграрных цен.

Возможности перераспределения в сельское хозяйство части финансовых ресурсов сопряжённых отраслей (пищевой промышленности и торговли) суще-

² По данным Росстата, в 2012 г. суммарная задолженность сельхозорганизаций составила 1431,4 млрд. рублей или около 104% к годовой выручке.

ствуют, но не являются достаточными. Анализ структуры розничных цен на продовольствие показывает, что рентабельность в торговле заметно выше, чем в сельском хозяйстве и пищевой промышленности. Между тем даже двукратное снижение массы прибыли в торговле от реализации молочной продукции позволит (при прочих равных условиях) повысить цены производителей в молочном скотоводстве не более чем на 5–7%³. Снижение в молочной переработке затрат на энергоресурсы и общецеховых/общезаводских расходов, например позволит на 30% (при прочих равных затратах) повысить цены на сырое молоко на 3–7%. Но реализация этого сценария потребует значительных инвестиций в модернизацию производства в пищевой промышленности.

Существует значительный потенциал нормализации ценовых пропорций в сельском хозяйстве за счёт повышения цен реализации⁴, но эти возможности заблокированы особенностями принятой концепции социально-экономической политики. Социальная значимость продовольствия, которая лежит в основе существенной части аргументов в пользу ограничения роста цен на продовольствие, определяется высокой долей бедного населения. Остальные слои населения, для которых расходы на продовольствие составляют незначительную часть бюджета домашних хозяйств, могут достаточно легко адаптироваться к росту цен на продовольствие.

Важно понимать, что с учётом структуры розничных цен рост цен реализации аграрного сырья не будет означать повышение цен на продовольствие в тех же масштабах. Например, если 10%-ный рост цен на сырое молоко для производства питьевого молока будет полностью перекладываться в цены конечной продукции (при сохранении неизменными прочих затрат), то повышение розничных цен составит: на питьевое молоко и сыры – лишь 4–5%, на сливоч-

³ Это объясняется тем, что доля торговой надбавки в структуре розничных цен на молочную продукцию относительно мала – примерно 13–15%. Для сравнения доля сельхозпроизводителей составляет от 40 до 85% от розничной цены молочных продуктов.

⁴ По данным Росстата, начиная с 1999 г. уровень реальных располагаемых доходов населения РФ вырос почти в 3 раза. При этом данный масштабный рост покупательной способности населения происходил на фоне сохранения ценовых пропорций в сельском хозяйстве, сложившихся к началу 2000-х гг.

ное масло – около 8%⁵. Поскольку, по данным Росстата, в структуре использования доходов населения на потребительские расходы приходится менее 75%, а в структуре потребительских расходов на покупку продуктов питания – менее 30%, то дополнительный 1%-ный рост розничных цен на продовольствие (при прочих равных условиях) будет вызывать 0,2% прироста расходов населения. В итоге даже 10–20%-ный прирост цен на сельхозсырьё (по широкому спектру аграрной продукции) не должен вызвать прирост общих расходов населения выше 1,5–2%, что не выглядит неприемлемым в сценариях динамичного экономического роста. А возможные негативные последствия для низкодоходных групп населения могут быть смягчены мерами адресной социальной поддержки.

Финансовые ограничения развития сельского хозяйства и ряда других отраслей АПК, ЖКХ, регулируемых естественных монополий или отраслей социальной сферы возникают вследствие сходных причин, важнейшей из которых являются неблагоприятные ценовые пропорции. Существует практика прямой адресной поддержки домохозяйств при повышении тарифов на услуги ЖКХ, на электро- и теплоэнергию и т.д. Исходя из этого, в отношении сельского хозяйства можно рассмотреть дилемму: «использование инструментов сдерживания цен на аграрную продукцию в сочетании с масштабной бюджетной поддержкой сельского хозяйства» или «прямая бюджетная поддержка бедных слоев населения, компенсирующая негативные последствия роста цен на аграрную продукцию и продовольствие, в результате которого восстанавливаются благоприятные для развития сельского хозяйства ценовые пропорции». Выбор следует делать и с учетом того обстоятельства, что принятая в рамках социальной политики установка на сдерживание цен на продовольствие как форма поддержки бедных слоев населения также становится барьером на пути улучшения поло-

⁵ Поскольку доля затрат на сырьё в розничной цене молокопродуктов составляет: по питьевому молоку и сырам – 40–50%, по сливочному маслу – примерно 80%.

жения той значительной части малообеспеченных домашних хозяйств, которые получают доходы от сельского хозяйства⁶.

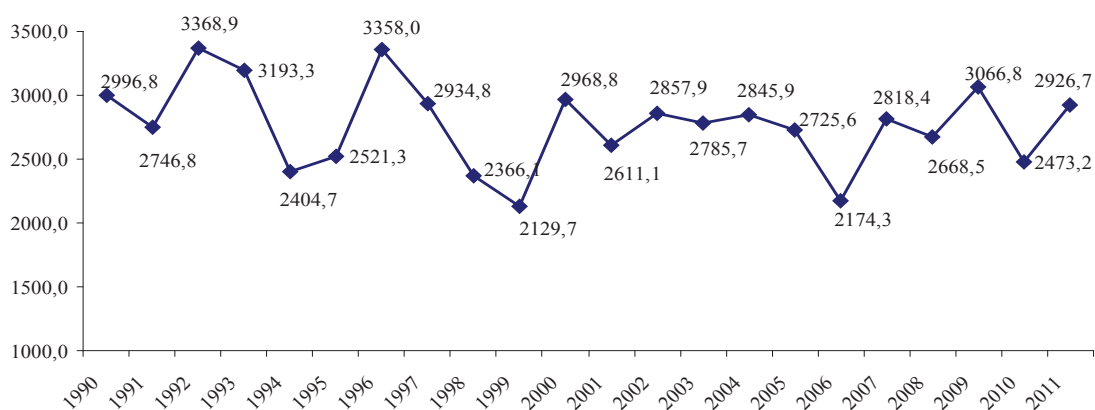
Это определяет актуальность и адекватность установки на проведение активной политики опосредованного регулирования ценовых пропорций в сельском хозяйстве (мерами косвенного ценового, внешнеторгового, антимонопольного регулирования, валютной и денежно-кредитной политики и т.д.) и формирования ценовой среды, способствующей реализации целевых установок стратегии развития сельского хозяйства.

⁶ Значительная часть бедного населения сосредоточена в сельской местности. По данным Росстата, в 2012 г. 40% малоимущего населения составляло сельское население (при доле в 26% от общей численности населения).

СОВРЕМЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА ПЛОДОВО-ЯГОДНОЙ ПРОДУКЦИИ

Вопросы активизации экономического роста и решение на этой основе задачи социально-экономического развития территории выступают в качестве приоритетных для региональных органов государственной власти. Направлением экономического роста является ориентация всего имеющегося потенциала на повышение конкурентоспособности и увеличение производства конкурентных товаров, эффективное и рациональное использование природных ресурсов [9]. Один из таких природных ресурсов представляют плоды и ягоды, производство которых имеет важное значение и для региональной экономики, и для повышения качества жизни населения.

Переход экономики Российской Федерации в начале 1990-х годов к рыночным отношениям самым негативным образом сказался на развитии плодово-ягодного подкомплекса АПК, выступающего основным поставщиком на рынки культивируемых плодов и ягод. Их производство было неустойчивым в течение всего пореформенного периода (рис. 1).

**Рисунок 1. Валовое производство плодов и ягод в Российской Федерации
в хозяйствах всех категорий, тысяч тонн [6]**

В условиях рыночных отношений большинство российских предприятий, специализирующихся на производстве плодово-ягодной продукции, стали убыточными. Тенденция спада производства наблюдается на предприятиях переработки плодово-ягодного сырья. На переработку поступает всего около 20% валового сбора плодов и ягод. В структуре выпускаемой продукции более 90% составляет переработка плодов и ягод на консервы и лишь 0,5% – быстрая заморозка и производство сухофруктов [2].

Серьезные проблемы присутствуют и в сфере, производящей средства производства для всех звеньев плодово-ягодного подкомплекса АПК. Отечественная техника отстает от зарубежных аналогов по производительности (в 2 раза), имеет бóльший удельный расход электроэнергии, воды, пара (на 12–18%) и металлоемкость (на 30–40%). Технический уровень машин для мойки тары, подготовки сырья и вспомогательных материалов для консервирования характеризуется как крайне низкий. Особенно тяжелая ситуация сложилась в плодово-ягодной консервной промышленности: большинство ее предприятий оснащены устаревшим оборудованием для фасовки продукции [2].

Вышеназванные проблемы привели к тому, что в настоящее время собственное производство не в полной мере удовлетворяет потребность населения страны в плодово-ягодной продукции, поскольку обеспечивает лишь 18–20 кг плодов и ягод в год на человека, или 25–30% минимально необходимого количества. Дефицит продукции покрывается ее импортом (рис. 2).

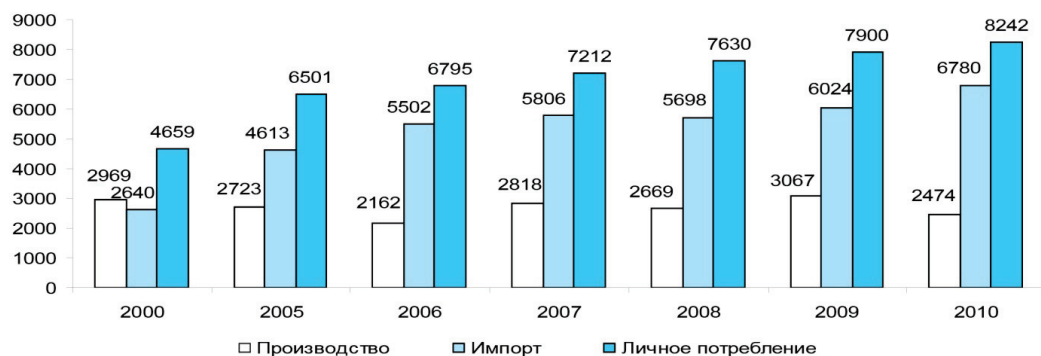

Рисунок 2. Ресурсы и использование фруктов и ягод в Российской Федерации, тысяч тонн [6]

Основа импортных поставок фруктов – цитрусовые, яблоки, груши, абрикосы, персики, вишня, черешня и бананы (рис. 3). Но даже с учетом импорта фактическое потребление в РФ плодов и ягод в расчете на душу населения (в пересчете на свежие, без переработки на вино) составляет только 40–50% от рациональной нормы, рекомендованной Российской академией медицинских наук.

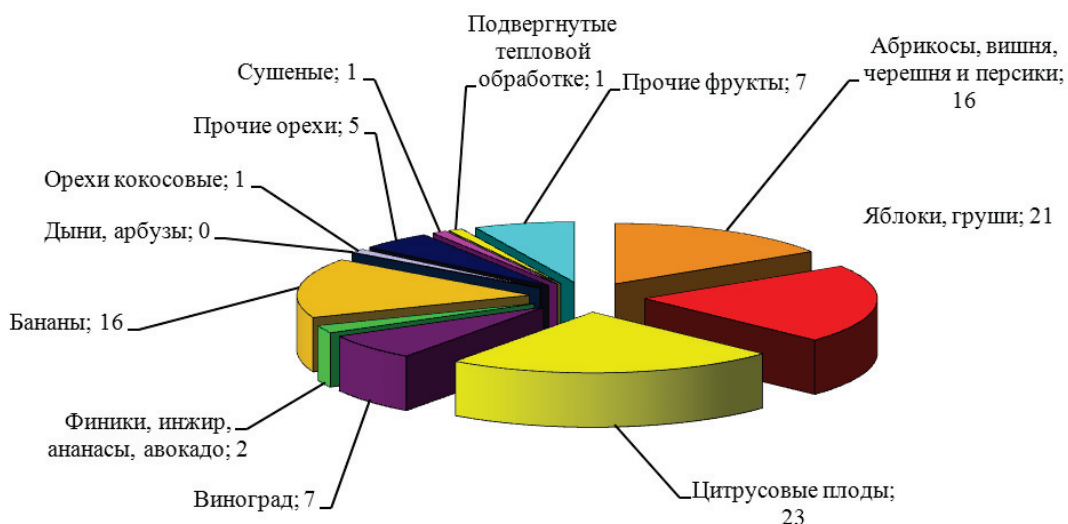

Рисунок 3. Товарная структура импорта фруктов и ягод в Россию в 2012 г., % [8]

Основные причины недостаточного уровня обеспечения потребителей отечественной плодово-ягодной продукцией видятся в следующем.

Во-первых, это крайне низкая государственная поддержка сельского хозяйства и такой его отрасли, как плодово-ягодное растениеводство. Отсутствие инвестиций в отрасль, в создание и развитие сельскохозяйственной инфраструктуры, в том числе качественных хранилищ, приводит к тому, что Россия импортирует даже яблоки.

Во-вторых, незрелость рынка продукции российских товаропроизводителей. Система сбыта отечественной продукции до сих пор не создана, в то время как каналы распределения иностранных фруктов и ягод работают эффективно. В результате существенные резервы развития отечественной плодово-ягодной сферы остаются неиспользованными.

Проблема обеспечения населения плодово-ягодной продукцией является особенно острой для жителей северных территорий России, в числе которых регионы Нечерноземной лесной зоны. Их природно-климатические условия не позволяют динамично развивать плодово-ягодное растениеводство, в связи с этим значительная часть плодово-ягодной продукции ввозится из-за рубежа и из южных регионов страны.

Вместе с тем даже в условиях Нечерноземной зоны имеется существенный потенциал для обеспечения населения плодово-ягодной продукцией. Хорошей сырьевой базой для этого могут служить значительные запасы дикорастущих ягод: клюквы, брусники, черники, голубики, которые представляют заметный резерв в продовольственном балансе страны.

За последние годы в ней сложились три ведущих центра по заготовке и переработке дикоросов (табл. 1).

Таблица 1. Ведущие регионы России по заготовке и переработке дикорастущих ягод

Регион	Особенности
Северо-Западный	Стимулом к развитию заготовок в Карелии, Псковской, Архангельской и других областях в значительной мере стали прямые инвестиции со стороны заинтересованных шведских, финских и норвежских компаний. Причины интереса иностранцев понятны: этот российский регион находится в непосредственной близости от границ стран, где потребление дикоросов (прежде всего – ягод) находится на очень высоком уровне. По сути, компании, традиционно занимавшиеся переработкой лесных ягод, всерьез занялись относительно дешевым российским рынком сырья. Сегодня в Карелии действуют уже до 40 компаний, занимающихся сбором дикоросов и поставкой их в страны Северной Европы. Все они работают на условиях полного финансирования со стороны западных партнеров. Но переработка дикорастущего сырья в регионе не получила развития: подавляющее большинство операторов этого рынка собирают ягоду и поставляют ее на экспорт «как есть». Возникла достаточно развитая система заготовительных пунктов, да и местное население активно вовлечено в процесс заготовки.
Центральный	Заготовители из Ивановской, Владимирской и других областей ориентируются на рынок Москвы. Свою заготовительную базу сформировало несколько крупных компаний, занимающихся консервированием грибов, ягод и соков: «Экопродукт», «Богородская трапеза», «Вимм-Билль-Данн». Лидером в регионе, по имеющимся данным, остается ивановская компания «Кантарелла», специализирующаяся на производстве замороженных ягод и грибов.
Сибирский	Доминирующие позиции пока принадлежат Томской области: местные заготовительные компании успешно работают уже и на Алтае, и в Красноярском крае. Кроме того, в регионе сложился круг компаний, которые позиционируют себя не только как заготовители, но и как переработчики сырья: удаленность от границ естественным образом стимулирует развитие более глубоких стадий переработки продукции на месте, чтобы свести к минимуму расходы при доставке продукции на внешние рынки. Этот фактор толкает сибирские компании и к более серьезной работе на внутреннем рынке.

Вовлечение в экономический оборот традиционных местных природных ресурсов – дикорастущих ягод – следует рассматривать в качестве одного из источников роста экономики как региональной, так и территорий Европейского Севера России, где биологический запас брусники составляет 160 тыс. тонн в год, черники – 372, голубики – 37, клюквы – 214 тыс. тонн.

Следует подчеркнуть, что для освоения этих ресурсов необходима развитая система коммуникаций, позволяющая осуществлять закупку ягодного сырья на всех территориях региона.

В течение длительного периода времени основными заготовителями дикорастущих ягод были потребительская кооперация и предприятия лесной отрасли [4]. Однако их планы заготовок ягод крайне малы. Одна из главных причин, по которым лесное хозяйство утратило свои позиции на рынке дикорастущей пищевой продукции леса, стало разрушение прежней сбытовой системы.

Отметим, что, согласно прогнозам, реализация лесничествами планируемых объемов заготовки ягодных ресурсов позволит бюджетной системе Вологодской области получить дополнительные доходы. В среднем они составят около 4000 тыс. руб. в год (табл. 2). Суммарная величина поступлений в бюджет за период с 2014 по 2017 г. достигнет почти 16 млн. руб.

Таблица 2. Прогнозные доходы бюджетной системы в Вологодской области от заготовки ягод лесничествами [3]

Показатель	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Итого за период 2014 – 2017 гг.
Планируемый объем заготовок ягод в лесничествах, тонн	499,2	504,3	509,2	514,3	2027,0
Средняя величина платы за заготовку ягод, руб.	4,84	4,84	4,84	4,84	–
Поступление доходов в бюджет от заготовки и сбора недревесных ресурсов, тыс. руб.	300	304	307	310	1221
Поступление доходов в бюджет от заготовки лесных пищевых ресурсов и лекарственных растений, тыс. руб.	3651	3691	3725,1	3765,3	14832,4
Всего поступлений в бюджет от заготовки и сбора недревесных ресурсов, лесных пищевых ресурсов и лекарственных растений, тыс. руб.	3951	3995	4032,1	4075,3	16053,4

Однако нужно иметь в виду, что речь идет только о доходах, поступающих в бюджетную систему региона от заготовительной деятельности лесничеств, т.е. от организованных сборщиков. Вместе с тем более значительные объемы дикорастущих ягод собираются местным населением и реализуются частично в пунктах приема районных отделений потребительской кооперации, а преимущественно – скупщикам ягод и, следовательно, бюджет региона недополучает весьма существенную прибавку.

Приведенные данные позволяют утверждать, что в настоящее время вопрос, связанный с развитием инфраструктуры рынка, обеспечивающей реализацию плодово-ягодной продукции, стоит в регионе весьма остро. За годы рыночных трансформаций произошло фактическое разрушение системы реализации ягодной продукции. Это вызвало уменьшение объемов продажи продукции государству, возникновение стихийных продовольственных рынков, формиро-

вание новых, преимущественно рыночных каналов реализации и рост удельного веса таких продаж.

Таким образом, современное состояние локального рынка плодово-ягодной продукции в северных регионах свидетельствует о необходимости усиления государственного регулирования этой сферы, развития его инфраструктуры с целью формирования нового источника роста и модернизации региональной экономики.

В целях создания условий для эффективного и инновационного развития на территории региона плодово-ягодного рынка, превращения его в новый территориальный источник конкурентоспособности обеспечения и обеспечение регионального потребительского рынка качественными и доступными плодами и ягодами в Вологодской области, на наш взгляд, следует разработать и принять концепцию «Развитие локального рынка плодово-ягодной продукции».

Концепция развития рынка плодово-ягодной продукции в Вологодской области на период до 2020 года (далее – Концепция) должна устанавливать систему приоритетов и направлений деятельности органов государственной власти региона (далее – органы государственной власти) и органов местного самоуправления по реализации долгосрочной государственной политики в сфере развития рынка плодово-ягодной продукции. Она должна быть направлена на поддержку личных подсобных хозяйств, создание и развитие конкурентоспособных предприятий по производству ягод, заготовительных и перерабатывающих организаций, обеспечивающих занятость населения. Задачи концепции представлены на слайде.

Как показывают исследования, в современных условиях хозяйствования важное место в решении задачи повышения инновационности плодово-ягодного растениеводства и обеспечения на этой основе роста эффективности производства принадлежит поиску наиболее эффективных форм сотрудничества путем объединения сфер производства, переработки плодово-ягодного

сырья, материально-технического обеспечения и других сфер обслуживания на основе развития интеграционных процессов.

Побудительным мотивом процессов интеграции является эффект за счет увеличения масштабов производства, соединения разрозненных стадий единого технологического процесса и возможности иметь законченный цикл производства, переработки и реализации разнообразной и конкурентоспособной продукции, а также достижения экономии ресурсов в совместной сфере деятельности, появления согласованности действий и более эффективной реализации продукции на рынке.

В условиях Вологодской области для стимулирования инновационной активности и вовлечения в экономический оборот ресурсов дикорастущих плодов и ягод целесообразно, на наш взгляд, сформировать как особую интегрированную структуру территориально-производственный комплекс, базирующийся на создании регионального некоммерческого партнерства – объединения физических и юридических лиц с целью взаимного сотрудничества при сохранении их самостоятельности и независимости.

Данная интегрированная структура может объединить разные субъекты хозяйственной деятельности, среди которых: инвесторы, посредники, лизинговые организации, заказчики, информационно-консультационные организации, органы государственной власти, инвестиционно-инновационные институты, финансово-кредитные учреждения, страховые и научно-исследовательские организации и т.п.

Создание территориально-производственного комплекса – приоритетное направление развития региона (точка экономического роста), способствующее концентрации необходимых ресурсов на тех направлениях, которые приносят максимальную отдачу и повышают эффективность и конкурентоспособность продукции сельского хозяйства и перерабатывающих предприятий [1].

По нашему мнению, важным принципом формирования территориально-производственного комплекса является конкурентоспособность продукции, ее

спрос на внешнем и внутреннем рынке. В настоящее время исследуемый рынок находится в стадии планомерного роста и имеет достаточно большой потенциал.

На российском рынке ягодной продукции наблюдается устойчивый спрос на неё. Так, за период с 2008 по 2012 г. объем реализации замороженных фруктов и ягод возрос на 37%. Всего в 2012 г. было реализовано 76 тыс. тонн замороженных фруктов и ягод. Судя по прогнозу, к 2015 г. объем реализации данной продукции достигнет 87,5 тонны.

Добавим, что за указанный период розничная цена на замороженные фрукты и ягоды увеличилась более чем на 50% (196,38 руб. за кг в 2012 г. против 128,96 руб. в 2008 г.), а к 2015 г. она составит 268,87 руб. за кг (рис. 4).

Рисунок 4. Объем реализации замороженных фруктов и ягод и их розничная цена

Фруктово-ягодная продукция пользуется большим спросом и за рубежом. За период с 2007 по 1-е полугодие 2012 г. российскими предприятиями было экспортировано 35 847,4 т замороженных фруктов и ягод на сумму 132 252 тыс. долл. (рис. 5).

Рисунок 5. Объем экспорта замороженных фруктов и ягод и их розничная цена

Принципиально важное значение для формирования территориально-производственного комплекса имеет наличие основной компании, выпускающей на рынок готовую (несырьевую) продукцию. На наш взгляд, в Вологодской области как головную компанию плодово-ягодного территориально-производственного комплекса следует рассматривать предприятие по переработке ягод – ООО «Вологодская ягода», имеющее мощности в г. Вологде, Усть-Кубинском и Великоустюгском районах.

В настоящее время оборот ООО «Вологодская ягода» достиг 8 млрд. руб. Предприятие имеет сеть заготовительных центров – стационарных точек, куда любой желающий может сдать ягоды. Есть свой банк, чтобы оперативно рассчитываться с населением за сданное сырье, собственная логистика – склады и автопарк.

За период с 2006 по 2012 г. предприятие «Вологодская ягода» увеличило оборот с 2,2 до 8 млрд. руб. (рис. 6).

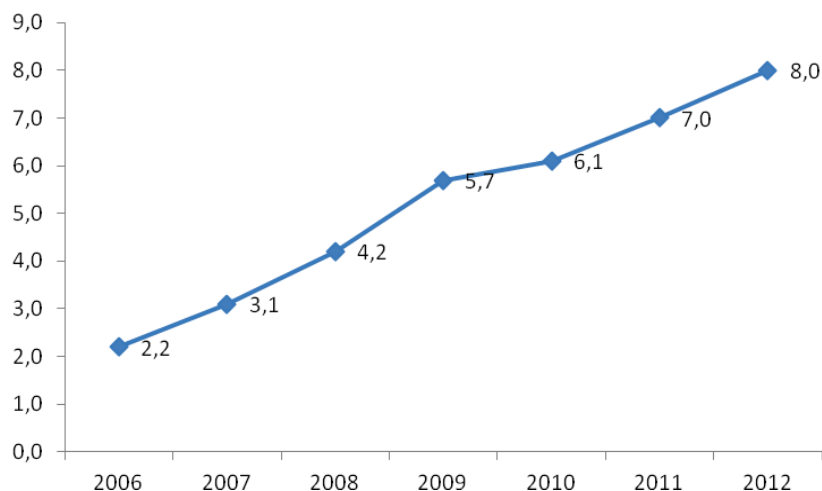

Рисунок 6. **Оборот ООО «Вологодская ягода», млрд. руб.**

В настоящее время ООО «Вологодская ягода» занимает ведущую позицию на российском рынке ягодной продукции. Доля предприятия на рынке замороженных ягод, ягодного пюре, ягод в модифицированной газовой среде варьируется от 85 до 100% (табл. 3).

Таблица 3. **Некоторые показатели деятельности ООО «Вологодская ягода»**

Товар	Текущий объем производства, тонн/год	Доля ООО «Вологодская ягода» на российском рынке, %	
		дикорастущих ягод	культурных ягод
Замороженная ягода	35000	85	10
Ягодное пюре	4000	85	10
Концентрированное ягодное пюре	4000	-	-
Ягоды в модифицированной газовой среде	0,5	100	
Концентрированный сок культурных плодов и ягод	0,5	1	
Черника (фармацевтика)	4000	5	

В целом объем производства и реализации плодово-ягодной продукции ООО «Вологодская ягода» имеет устойчивую тенденцию роста. Выручка от реализации продукции с каждым годом увеличивается, исключение составил только 2010 год, когда объемы реализации упали в связи с неблагоприятными погодными условиями, вызванными аномально жарким летом и, как следствие, резким снижением урожайности и сбора дикорастущих ягод.

Готовая продукция предприятия поступает и в торговые сети – «Ашан», «Метро», «Дикси», «Лента», «Глобус Гурмэ» и др., а полуфабрикаты – ягодные концентраты – продаются соковым, молочным, кондитерским и фармацевтическим компаниям. Основные потребители продукции ООО «Вологодская ягода» – наиболее крупные покупатели такой готовой продукции, как свежая и замороженная ягода, концентрированные соки и пюре, – ОАО «Лебедянский», ОАО «Вимм-Биль-Данн Напитки», ООО «Агрона Фрут – Данон», ООО «СКФрут» и другие намерены и в дальнейшем продолжать сотрудничество с предприятием, а в связи с устойчивым ростом российского рынка соков и детского питания (в 2009 г. рост потребления составил 18,5%) предполагают наращивать закупки исходного сырья для производства соков и сокосодержащих продуктов.

Таким образом, ООО «Вологодская ягода» имеет шансы стать головной компанией создаваемого плодово-ягодного территориально-производственного комплекса. В число его участников могут войти специализированные садоводческие и малые перерабатывающие предприятия региона, например ООО «Вологодский комбинат пищевых продуктов леса», крупнейший производитель культивируемых плодов и ягод СХПК «Племзавод Майский».

Участниками сетевых структур выступают малые предприятия. В настоящее время приобретают актуальность те из них, которые расположены в небольших городах и сельских поселениях и занимаются переработкой сельскохозяйственной продукции из имеющегося местного сырья и дикоросов. Эти производства играют ключевую роль в реализации таких социальных задач, как повышение уровня занятости, создание новых рабочих мест, улучшение качества жизни населения. Вместе с тем они решают проблему устойчивой поставки продукции по ценам, доступным для различных социальных слоев населения. О важности этой роли предприятий малого бизнеса свидетельствует тот факт, что производство этими предприятиями консервированных грибов, овощей и фруктов достигает 45–50% общего объема производства [7].

Наличие существенных запасов дикорастущих ягод практически во всех районах Вологодской области позволяет создать сеть малых предприятий по

переработке ягодного сырья, в частности в г. Вытегре, г. Красавино и п. Майский.

Переработка ягод на месте снизит себестоимость продукции за счет уменьшения транспортных издержек. Целесообразность создания малых предприятий по переработке ягод отмечается и в Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2020 года. Данные предприятия следует создавать в коридорах развития области (рис. 7): западном – «Кириллов–Белозерск–Липин Бор–Вытегра»; северном – «Вохтога–Грязовец–Сокол–Харовск–Вожега»; восточном – «Тотьма–Нюксеница–Великий Устюг». Коридоры развития расположены вдоль крупнейших транспортных магистралей, что обеспечивает доступ всех участников хозяйственных комбинаций к региональному (локальному) рынку сбыта и максимальный охват всех районов области. Кроме того, подобная схема размещения предприятий даст импульс развитию потребительской кооперации как одного из ключевых элементов инфраструктуры рынка ягодной продукции. Следовательно, в коридорах развития необходимо вести планомерную работу по формированию инженерных, транспортных, информационных, социальных и административных инфраструктур.

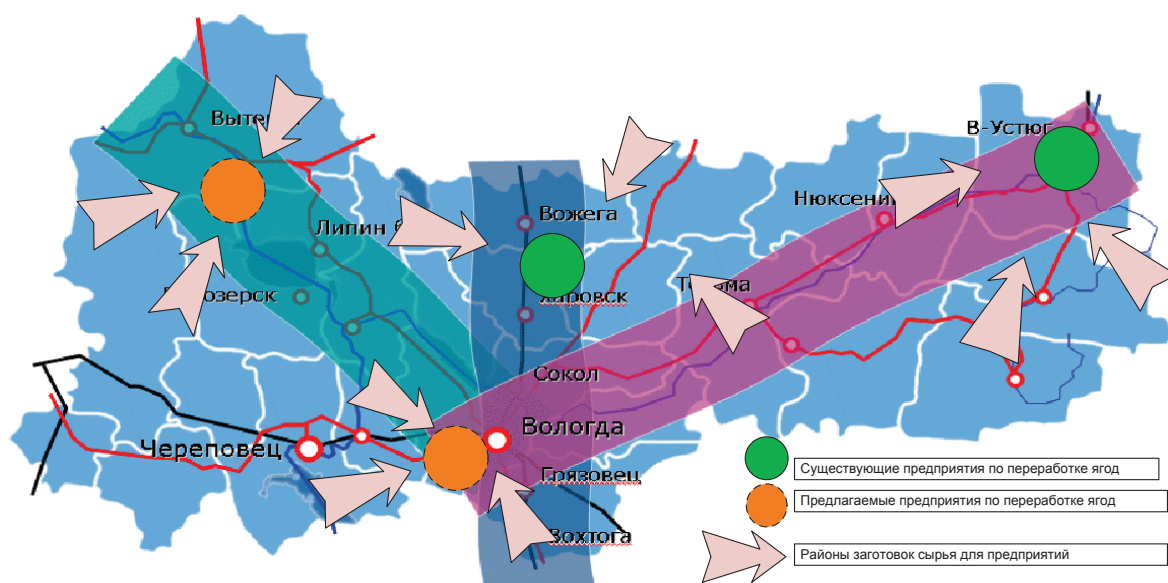

Рисунок 7. Возможные места создания малых предприятий по переработке ягод в рамках существующих коридоров развития Вологодской области

С учетом особенностей экономики территорий в структуру плодово-ягодного территориально-производственного комплекса региона должны быть, по возможности, встроены личные подсобные хозяйства, являющиеся главными производителями культурных и сборщиками дикорастущих ягод. Несмотря на то что они не могут стать основой прогресса отрасли в силу мелкотоварности производства и ограниченности ресурсов для модернизации, их отличает максимально рациональное использование имеющихся ресурсов и высокий уровень личной заинтересованности в результатах труда. Поддержка личных подсобных хозяйств носит скорее социальное, нежели экономическое, значение и предполагает постепенную эволюцию более успешных из них в предприятия малого и среднего бизнеса.

Одними из наиболее эффективных с точки зрения стимулирования интеграции субъектов плодово-ягодного рынка выступают транспортно-распределительные центры, позволяющие проводить анализ, аккумуляцию и перераспределение потоков товарно-материальных ценностей внутри региона, между отдельными предпринимательскими структурами внутри территориально-производственного комплекса. Создание в регионе сети транспортно-распределительных центров на основе реализации механизмов государственно-частного партнёрства обеспечит синергетический эффект за счёт экономии затрат предпринимательских структур при совместном использовании инфраструктуры и специального оборудования и приведёт к росту и превращению потенциальных сетевых интеграционных структур в сильные и устойчивые [5].

Обеспечивать квалифицированной рабочей силой предприятия территориально-производственного комплекса могут Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина, Вологодский государственный университет и др. Как видится, данные вузы совместно внесут свою лепту в научно-технологическое обеспечение производства и переработки пло-

дово-ягодной продукции в предлагаемом комплексе. Подобное взаимодействие особенно важно в контексте необходимости создания инновационной системы и инфраструктуры для производства конкурентоспособной плодово-ягодной продукции.

Обновлять материально-техническую базу и технологии производства позволит участие в данном комплексе машиностроительных фирм, научно-исследовательских институтов.

Внешними партнерами плодово-ягодного территориально-производственного комплекса выступают органы государственной власти различного уровня, инновационная инфраструктура, система высшего профессионального образования. Сформировать благоприятную внешнюю среду для его создания должны, в частности, региональные и муниципальные органы власти территориально-производственного комплекса. На региональном уровне необходима соответствующая корректировка социально-экономической стратегии развития Вологодской области, определение места плодово-ягодного территориально-производственного комплекса как одного из ориентиров приоритетного развития. В то же время требуется разработка адекватной системы мер государственного регулирования и поддержки отрасли. На начальном этапе создания плодово-ягодного территориально-производственного комплекса весьма важна организующая роль органов власти.

В общем виде структуру плодово-ягодного территориально-производственного комплекса в Вологодской области можно представить следующим образом (рис. 8).

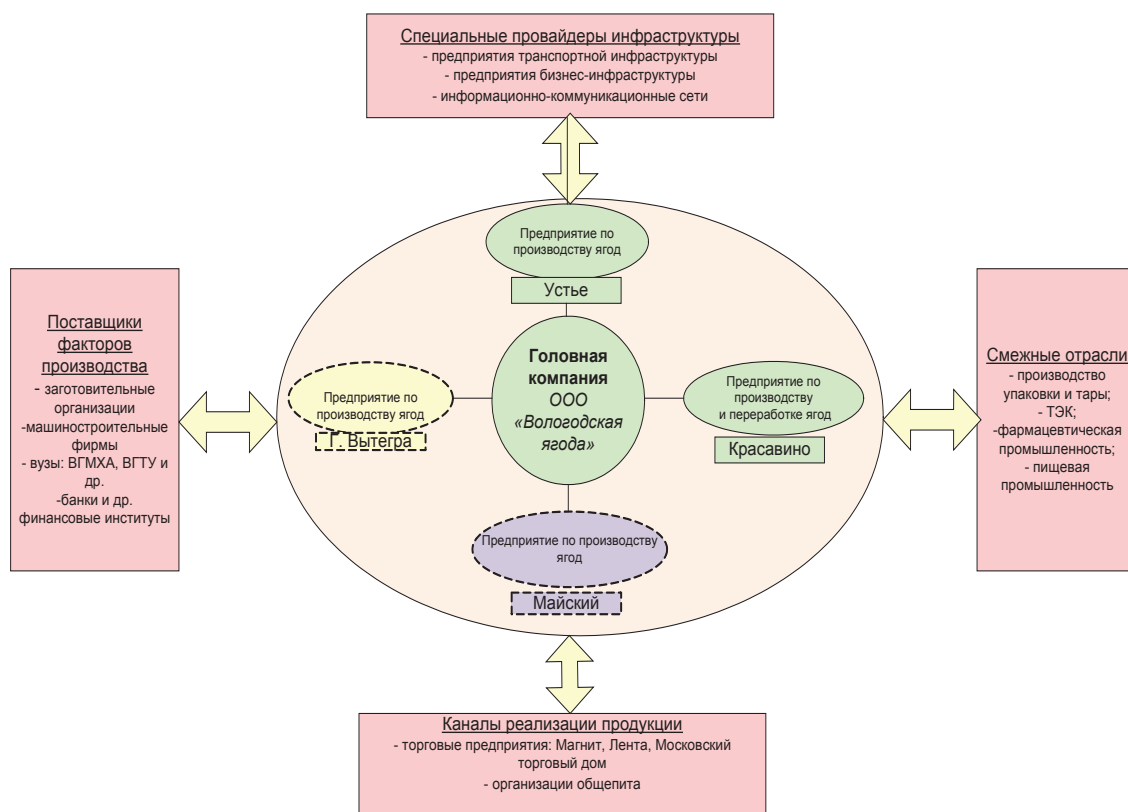

Рисунок 8. Состав плодово-ягодного территориально-производственного комплекса Вологодской области

Развитие плодово-ягодного территориально-производственного комплекса, по нашим расчетам, будет характеризоваться к 2020 г. следующими показателями (табл. 4). Кроме того, до 2020 г. перерабатывающие предприятия, которые войдут в его состав, внесут в бюджет порядка 430–450 млн. руб.

Таблица 4. Основные показатели развития плодово-ягодного территориально-производственного комплекса в Вологодской области (по расчетам автора)

Доля на рынке	Вид рынка					
	Мировой		Российский		Региональный (СЗФО)	
	Факт 2012 г.	План 2020 г.	Факт 2012 г.	План 2020 г.	Факт 2012 г.	План 2020 г.
Быстрозамороженные ягоды, овощи и грибы, %	1,5	2,2	9	14	73	91
Концентрированные ягодные соки и пюре, %	3	5	53	71	62	89
Концентрированные овощные соки и пюре, %	0	1	0	11	0	24
Объем производства замороженных ягод, т	Факт 2012 г.			План 2020 г.		
	39 000			94 200		
Численность работающих на предприятиях по переработке ягодного сырья, в том числе:						
– постоянно	210				580	
– временно	1700				4000	

Увеличению экономического оборота дикорастущих ягод в северных территориях будет способствовать также содействие со стороны органов власти в формировании инфраструктуры локального рынка плодово-ягодной продукции путем формирования условий для обеспечения нормального функционирования рынка, включающих:

- согласование текущих и перспективных направлений развития региональной и национальной экономики;
- обеспечение бюджетного и товарно-денежного равновесия;
- разработку законодательства, обеспечивающего правовую основу и защиту интересов всех субъектов локального рынка плодов и ягод;
- создание необходимых условий и контроль в целях обеспечения свободной и добросовестной конкуренции на рынке;
- обеспечение рационального и правомерного товародвижения.

Ввиду того, что методы государственного регулирования процессов формирования инфраструктуры рынка плодов и ягод носят многоаспектный характер, их реализацию должны осуществлять соответствующие законодательные, исполнительные, контролирующие и другие органы государственной власти.

На наш взгляд, это будет способствовать формированию и устойчивому развитию локального рынка плодово-ягодной продукции, превращению его в источник роста региональной экономики.

Литература

1. Глотко, А.В. Формирование и развития кластера садоводства в региональном АПК [Электронный ресурс] / А.В. Глотко. – Режим доступа: <http://oldvak.ed.gov.ru/common/img/uploaded/files/vak/2010/announcements/economich/12-04/GlotkaAV.doc>
2. Куликов, И.М. Оптимизация размещения предприятий плодово-ягодного подкомплекса АПК в Центральном федеральном округе РФ на период 2009–2012 гг. [Текст] / И.М. Куликов, С.М. Медведев, В.Ф. Урусов // Садоводство и виноградарство. – 2009.– № 3. – С. 25-32.

3. Лесной план Вологодской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.forestvologda.ru/page/wood_plan
4. Милосердов, В.В. Этапы развития Российской кооперации: взлеты и падения [Текст] / В.В. Милосердов, К.В. Милосердов // Экономика сельского хозяйства и перерабатывающих предприятий. – 2012. – № 4. – С. 10-16.
5. Морозов, Н.М. Агропромышленные кластеры малой формы [Текст] / Н.М. Морозов, М.А. Конаков // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2009. – № 2. – С. 30-33.
6. Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. 2011: стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 446 с.
7. Серегин, С.Н. Принципы и особенности территориального размещения производственной базы пищевой промышленности России [Текст] / С.Н. Серегин, О.Н. Каширина, К.В. Колончин // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2012. – № 5. – С. 12-19.
8. Таможенная статистика внешней торговли России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ved-stat.ru/pub/81-fruitimport>
9. Цибульникова, М.Р. Развитие методологии учета и оценки природных ресурсов на региональном уровне (на примере Томской области) [Электронный ресурс] / М.Р. Цибульникова. – Режим доступа: <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/341/image/341-243.pdf>

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ВЕНЧУРНОГО БИЗНЕСА В РОССИИ

Мировой опыт свидетельствует, что без эффективного венчурного бизнеса невозможно обеспечить инновационное развитие экономики. Инновации становятся движущей силой экономики. В отличие от естественных сырьевых источников наука и технология – это ресурсы, которые создаются человеком, возможности их использования непрерывно повышаются, возрастает их значение с точки зрения будущих перспектив мирового развития.

Интенсивное развитие системы венчурного инвестирования в США и Западной Европе получили по целому ряду причин. Прежде всего стоит упомянуть интенсивное развитие новых технологий. Для того чтобы свести обладателей потенциально высокодоходных идей с обладателями средств для финансирования этих идей, стали создаваться венчурные фонды и компании.

Другой важной причиной стала озабоченность правительств различных стран проблемой занятости. По мере развития мировой экономики и вышеупомянутых высоких технологий потребность в рабочей силе у крупных корпораций, все в большей степени определяющих облик современного мира, непрерывно снижается. Национальные правительства, озабоченные сохранением социальной стабильности, считают необходимым стимулировать развитие малых предприятий, прежде всего в наиболее перспективных отраслях. Для венчурного бизнеса во многих европейских странах создаются льготные условия за счет прямого или скрытого субсидирования их деятельности, предоставляются налоговые льготы и т.д.

Венчурные фонды занимаются рискованым инвестированием. Любые инвестиции сопряжены с риском, но в данном случае риски потерять деньги особенно высоки. Как правило, венчурные фонды вкладывают деньги в небольшие, малоизвестные компании, которые, если инвестор не ошибся, способны быстро

окупить вложения. Получателями средств венчурных фондов являются обычно малые и средние предприятия, действующие в сфере высоких технологий. Таким компаниям, не имеющим ни кредитной истории, ни имущества для залога, средства для развития получить очень непросто, даже в западных странах. Именно для подобных случаев и создается венчурный фонд. Цель его работы, по сути, совпадает с основной задачей любого инвестиционного фонда: деньги владельцев должны приносить прибыль за счет вложений в определенные активы. Проблема высокого риска венчурных капиталовложений решается тщательным управлением инвестициями и диверсификацией вложений – финансирование получают порядка 1–2% претендентов. В европейских странах венчурные фонды приносят владельцам в среднем 12–17% годового дохода, что по тамошним меркам является очень хорошим показателем. Как правило, фонд создается для финансирования нескольких проектов на срок 8–10 лет, при этом основные инвестиции осуществляются обычно в течение 3–5 лет. По истечении этого срока фонд и управляющая компания прекращают свою деятельность, активы распродаются. Именно на этом этапе вкладчики фонда получают основную часть дохода.

Развитием систем венчурного инвестирования в России занимаются Европейская Ассоциация прямого инвестирования и венчурного Капитала (EVCA), действующая под эгидой программы TACIS, и Российская Ассоциация Венчурного Инвестирования (РАВИ). Венчурные фонды в России стали создаваться в 1994 г. по инициативе Европейского Банка Реконструкции и Развития. Региональные венчурные фонды были образованы в 10 регионах России. Одновременно с Европейским Банком другая крупная финансовая структура – Международная финансовая корпорация – также решила принять участие в создаваемых венчурных структурах совместно с некоторыми известными в мире корпоративными и частными инвесторами. В 1997 г. 12 действующих на территории России венчурных фондов образовали Российскую Ассоциацию Венчурного Инвестирования со штаб-квартирой в Москве и

отделением в Санкт-Петербурге. К настоящему времени число членов РАВИ увеличилось до 13.

В настоящее время, по оценке РАВИ, в венчурных фондах аккумулировано порядка 2,5–3 млрд. евро¹, которые могут быть инвестированы в Россию. При этом все фонды зарегистрированы за рубежом и финансируются исключительно иностранным капиталом, что представляет собой уникальное явление в мировой практике. Для сравнения – в Англии около 50% капитала венчурных фондов финансируется за счет национальных средств, в Финляндии в первые годы развития венчурные фонды работали только на местном капитале. В России же главными инвесторами являются Европейский Банк Реконструкции и Развития и американское правительство.

Для выяснения причин, мешающих развитию венчурного предпринимательства у нас в стране, и для выработки рекомендаций правительству России по преодолению препятствий EVCA совместно с европейской комиссией провела исследование этого рыночного сегмента в нашей стране. Исследование увенчалось выпуском Белой книги.

Основные препятствия для деятельности венчурных фондов в России – это, во-первых, налогообложение. Отсутствие возможности относить на издержки такие расходы, как НИОКР, закупки нового оборудования и продвижение товара. А для инновационной фирмы именно эти затраты являются основными расходами. Большую опасность представляет также возможность введения налогов задним числом, – венчурный бизнес и сам по себе достаточно рискованное занятие. Нарекания аналитиков вызвали и защита прав мелких акционеров, и общее состояние хозяйственного права в России. Другой важной проблемой являются многочисленные регулирующие органы. Дополнительные трудности создает своеобразие финансовой инфраструктуры. В отличие от развитых стран, в России запрещено вкладывать средства в венчурные фонды институциональным инвесторам, таким как пенсионные фонды и страховые

¹ URL: <http://www.rvca.ru/rus/resource/library/Emerging-Best-Practices-for-the-Next-Generation-of-Venture-backed-Leadership/>

компании. Наконец, продать набравшую силы компанию, ради чего, собственно, все и затевается, совсем непросто. На фондовых биржах в основном торгуются акции нескольких крупнейших корпораций, и продажа небольшой молодой компании может превратиться в весьма длительную и сложную процедуру с неясным исходом. Последним, но отнюдь не самым малозначачим препятствием для развития венчурного бизнеса является отсутствие предпринимательской культуры. Эксперты EVCA деликатно указывают, что правительство должно само подавать пример аккуратности в расчетах с компаниями, поскольку хождение иных форм оплаты, кроме денежных, делает рынок неэффективным, медленным и уязвимым. Все препятствия созданию новых компаний должны устраняться. Процедуры исполнения судебных решений также требуют совершенства. В общем, вся система правовой защиты собственности должна быть изменена коренным образом.

Все вышеперечисленные факторы самым пагубным образом воздействуют на малый бизнес вообще и на венчурные компании в частности. По данным РАВИ, 2013 году занятость в малом бизнесе сократилась почти в два раза, прекратился рост численности малых предприятий. В этом случае мы имеем либо стагнацию малого бизнеса, либо уход его в тень. По данным того же источника, реальная занятость в малом бизнесе превышает официально регистрируемую на 60%, зарплата – на 90%, отслеживаемый оборот на 70% меньше фактического². При этом примерно половина МП вообще не регистрируется в качестве субъектов экономической деятельности.

Разыскивать перспективные компании венчурным фондам в таких условиях, мягко говоря, проблематично. Не исключено, конечно, что правительство, изучив изложенные в Белой книге факты и предложения, озаботится созданием условий для развития венчурного бизнеса.

² URL: <http://www.rvca.ru/rus/resource/library/Emerging-Best-Practices-for-the-Next-Generation-of-Venture-backed-Leadership/>

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ТРАНСФОРМАЦИИ СБЕРЕЖЕНИЙ В ИНВЕСТИЦИОННЫЙ РЕСУРС РЕГИОНА

Сбережения населения являются одним из важных инвестиционных источников региона, поэтому исследование условий, в которых протекает процесс трансформации сбережений в инвестиционный ресурс региона, имеет теоретическую и практическую значимость.

На современном этапе развития экономики к основным условиям, обеспечивающим трансформацию сбережений в инвестиции, можно отнести:

1. Институты (формальные и неформальные).
2. Инфраструктура (развитая инфраструктура ослабляет эффект удаленности регионов, стимулирует сбережения, обеспечивает доступность разнообразных форм сбережений).
3. Стабильность макроэкономической среды: снижение инфляции.
4. Развитость финансового рынка, обеспечение эффективности и надежности финансовых инструментов.

В рамках данного исследования процесс трансформации сбережений в инвестиции рассмотрен с точки зрения институциональной теории, и особое внимание уделено институтам как определенным рамкам, которые формируют систему стимулирования и сдерживания сберегательных процессов.

В научных трудах Дж. Шмоллера, Д. Норта, Т. Эггертссона, Г.Б. Клейнера, А.А. Аузана, А.Н. Олейника, В.Г. Гребенникова и др. можно столкнуться с различными трактовками понятия «институт».

Существуют различные подходы к определению понятия «институт». Так, Дж. Шмоллер под *институтом* понимает «...определенный порядок совместной жизни, который служит конкретным целям и обладает потенциалом самостоятельной эволюции. Он закладывает прочную базу для упорядочивания

социальных действий на длительный период времени, как, например, собственность, рабство, брак, опека, рыночная система, монетная система, свобода торговли...» [1].

Е. Остром определяет *институт* как «...совокупность действующих правил, на основе которых устанавливается, кто имеет право принимать решения в соответствующих областях, какие действия разрешены или ограничены, какие общие правила будут использоваться, каким процедурам необходимо следовать, какая информация должна предоставляться... Все правила содержат предписания, которые запрещают, разрешают или требуют определенных действий или решений...» [2].

Понятию института А.А. Аузан дает следующее определение: *институт* – это совокупность, состоящая из правила или нескольких правил и внешнего механизма принуждения индивидов к исполнению этого правила [3].

В.Г. Гребенников предлагает связывать термин «институт» с понятием «внешняя норма» и утверждает, что *институт* – это и есть фактически действующая рефлексивная норма и ничего кроме нее [4].

При исследовании процессов трансформации сбережений в инвестиции будем придерживаться определения Д. Норта, который определяет *институт* как «правила игры» в обществе или созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми [5]; «правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми» [6]; «набор формальных правил, неформальных ограничений и механизмов их принудительного осуществления» [7]. Отметим, что Д. Норт в своих работах часто приводит определения институтов, которые заметно различаются между собой. Не всегда в определениях Д. Норта упоминаются механизмы принуждения к выполнению правил, как и соответствующие санкции, но при этом в них всегда просматривается социальный характер тех норм, которые составляют понятие института.

Сберегательный процесс с позиций институциональной теории предполагает наличие индивида, стремящегося к удовлетворению своих потребностей, институтов (формальных и неформальных правил), в рамках которых индивид принимает сберегательные решения, и целенаправленную деятельность.

Институты, представленные формальными и неформальными правилами, образуют институциональную среду сберегательного процесса, в рамках которой население, государство и финансовые посредники взаимодействуют с целью создания дохода, повышения экономического благосостояния и обеспечения социально-экономического развития.

Институциональная среда имеет сложную структуру, в которой различные правила могут тесно переплетаться между собой, образуя сложные взаимосвязи норм, не допускающих какого-либо изменения только одной из них или какой-то группы в результате случайного или целенаправленного воздействия.

Формальные правила, влияющие на сберегательное решение индивида, определяются действующей нормативно-правовой базой, а именно федеральными, региональными и местными законами, а также инструкциями, положениями и актами, характеризующими деятельность сберегательных институтов.

Формальные правила условно можно разделить на правила, косвенно влияющие на сберегательный процесс (регулирование рынков, валютное регулирование), и на правила, оказывающие прямое влияние на формирование сбережений (например, система гарантирования вкладов). Одни из наиболее существенных формальных правил представлены системой налогообложения, которая оказывает влияние на объемы сбережений через регулирование заработной платы (налог на доходы физических лиц), а также определяет приоритеты вложения временно свободных денежных средств в финансовые инструменты.

Формальные институты должны быть направлены на оптимизацию сберегательно-инвестиционного климата в стране (регионе) с учетом требований социально-экономической, финансовой и денежно-кредитной политики. Они призваны поддерживать стабильность сберегательной системы и не допускать сбе-

регательных кризисов, защищать экономические интересы сберегателей, расширять и совершенствовать объекты сбережений.

Государство, устанавливая те или иные формальные правила, может как способствовать формированию сбережений и их последующей трансформации в инвестиции, так и сдерживать сберегательный процесс (например, с помощью фискальной политики). Отметим, что региональные власти могут влиять на сберегательный процесс лишь косвенными методами, поскольку деятельность финансовых посредников, обеспечивающих процесс трансформации сбережений в инвестиции, в основном регулируется федеральным и отраслевым законодательством. Тем не менее, ряд мер может быть направлен на формирование благоприятных условий функционирования финансовых посредников в регионе.

Экономические интересы различных участников процесса трансформации сбережений в инвестиции (государства, предприятий, финансовых посредников, населения) взаимосвязаны, но при этом могут как дополнять друг друга, так и быть противоположными.

Интересы государства, например такие, как создание рабочих мест, увеличение благосостояния населения, социальная стабильность в обществе и др., соответствуют таким интересам населения, как увеличение дохода, стабильный уровень цен и соответственно расширение возможностей формировать сбережения.

Основной интерес предприятий – получение прибыли – отвечает интересам государства, связанным с получением налогов. Интересы финансовых посредников коррелируют с интересами предприятий. Финансовые посредники стремятся привлечь свободные денежные ресурсы и направить их на кредитование, а предприятия – получить необходимые инвестиции.

В основном участники процесса трансформации сбережений в инвестиции (население, финансовые посредники, предприятия) преследуют различные интересы, которые направлены, прежде всего, на максимизацию собственного дохода.

Противоречие интересов участников процесса трансформации сбережений в инвестиции, например, может проявляться в том, что цель населения – получить максимальный доход за счет надежных вложений денежных средств; цель финансовых посредников – привлечь свободные денежные ресурсы и разместить их на рыночных условиях, при этом обеспечив максимальную маржу; цель предприятий получить необходимые инвестиции под низкие процентные ставки. В результате получается, что интересы населения противопоставляются интересам финансовых посредников, а интересы финансовых посредников не совпадают с интересами предприятий.

Согласование интересов и соответственно эффективное использование сбережений населения как потенциальных инвестиционных ресурсов возможно при соблюдении «процентных ножниц» (вкладчик получает привлекательные (не менее инфляции) проценты по вкладу, но и не слишком высокие, поскольку ресурсы должны быть достаточно дешевыми для инвесторов).

В современных условиях роста российской экономики усиливаются противоречия между частным и общественным интересами. Противоречивость интересов участников приводит к выбыванию из экономического оборота значительной части сбережений и их размещению в неорганизованной форме. В этой связи государству в лице федеральных и региональных властей необходимо с помощью изменений в формальных правилах стремиться максимально согласовывать интересы участников процесса трансформации сбережений в инвестиции.

Таким образом, основой развития процесса трансформации сбережений в инвестиции выступают институциональные изменения (изменения формальных правил), направленные на согласование интересов участников, т.е. решение проблемы «принципал–агент», возникающей в результате конфликта интересов.

Кроме формальных правил, оказывающих воздействие на процесс трансформации сбережений в инвестиционный ресурс региона, существуют и не-

формальные, которые закреплены обычаями, нормами, религиозными убеждениями, стереотипами. Эти правила в большей мере влияют на процесс формирования сбережений, население учитывает их, принимая сберегательные решения. Следует отметить, что неформальные правила значительно разнятся в разных субъектах России, для разных профессиональных и возрастных групп населения.

Несмотря на существование тесной связи между формальными и неформальными институтами, они отличаются друг от друга по целому ряду параметров. Неформальные правила в отличие от формальных правил могут претерпевать изменения без всякой целенаправленной деятельности, изменения в неформальных нормах часто «являются подсознательными, формируя у индивидов альтернативные модели поведения, связанные с новым восприятием выгод и издержек» [8]. Неформальные правила опираются на культурные ценности и традиции. Они формируются на протяжении длительного периода и более устойчивы, чем формальные правила.

Кроме институциональной среды на формирование сбережений и их последующую трансформацию в инвестиции непосредственное влияние оказывают институциональное доверие, финансовая грамотность населения и информационная среда. Отметим, что перечисленные факторы взаимосвязаны между собой. Уровень институционального доверия зависит от финансовой грамотности населения и наличия информации о различных финансовых инструментах и услугах.

Информированность при формировании сбережений выступает важным фактором, поскольку дает возможность сопоставлять альтернативные решения о вложении денежных средств в зависимости от квалификации субъекта. Например, навыки использования информационных ресурсов Интернета позволяют принимать решения в условиях большей информированности.

В условиях сложившейся институциональной среды возможность населению управлять своими денежными средствами дают знания в области финансов, позволяющие правильно оценивать ситуацию и принимать рациональные сберегательные

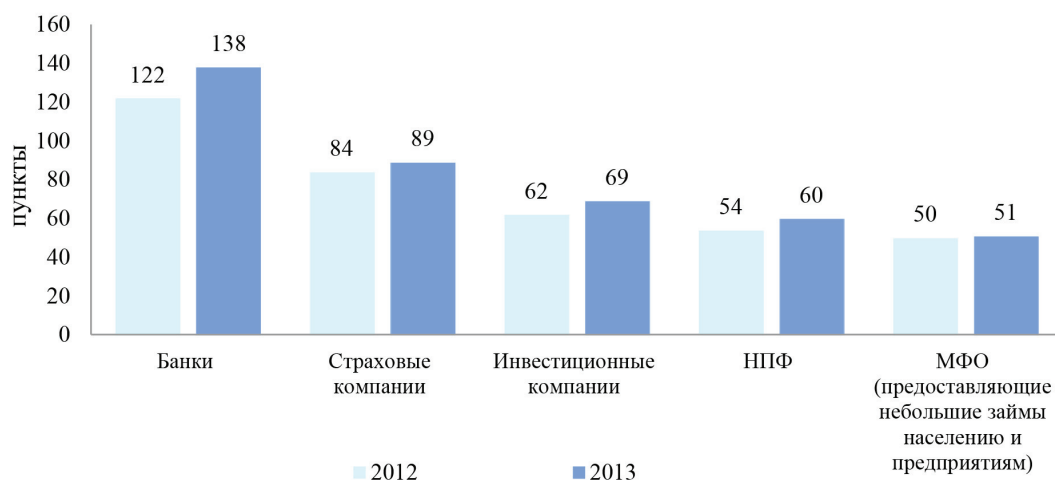
решения. При низком уровне финансовой грамотности население не будет проявлять спрос на финансовые услуги, не понимая в них выгоды и имея по отношению к ним низкую степень доверия. И, как следствие, это также отрицательно скажется на государстве, финансовых посредниках, предприятиях и обществе в целом.

Для повышения финансовой грамотности населения в 2013 году в российских школах появился новый предмет – финансовая грамотность, – который изучают школьники всех возрастов с 1-го по 11-й класс. Пилотный проект является частью масштабной программы Минфина «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования РФ», стартовавшей в июле 2011 года, и осуществляется в пяти регионах (в частности, в Калининграде и Волгограде) [9].

Степень развития институциональной среды влияет на формирование институционального доверия, уровень которого особенно важен для формирования организованных сбережений в российских условиях. Для России характерна тенденция потери доверия населения к рыночным преобразованиям, проводимым в стране. После нескольких финансовых кризисов, сопровождавшихся банкротством банковских институтов и обесцениванием сбережений, население отреагировало снижением уровня институционального доверия.

В 2013 году максимальный уровень доверия у населения по-прежнему наблюдается в отношении банков и продолжает уверенно расти (вырос за год на 16 пунктов и составил 138 пунктов). Данная ситуация может быть объяснена дальнейшим развитием системы страхования вкладов, а также активным распространением банковских услуг. Доля пользователей различными банковскими услугами в 2013 г. достигла 77% населения. Уровень доверия страховым, инвестиционным компаниям и негосударственным пенсионным фондам (НПФ) находится на низком уровне. Максимальное недоверие у населения вызывают микрофинансовые организации (МФО; рисунок).

Кредитными организациями, занимающими лидирующее положение почти на всех региональных рынках банковских услуг остаются региональные подразделения Сбербанка России с долей на рынке вкладов от 35 до 85%. Прежде всего, это связано с тем, что основным предпочтением большинства населения остается надежность и сохранность денежных средств.

Индекс доверия финансовым институтам* [10]

* Инициативные всероссийские опросы НАФИ в 2012–2013 гг. Опрошено 1600 человек в 140 населенных пунктах в 42 регионах России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. Минимальное значение индекса – 0 пунктов, максимальное значение – 200 пунктов. Если значение индекса ниже 100 пунктов, то доля людей, не доверяющих данной категории финансовых институтов, выше доли доверяющих.

Таким образом, в ходе анализа условий трансформации сбережений в инвестиции с точки зрения институциональной теории установлено, что на сберегательные решения населения, которое заинтересовано в надежности финансовых сделок и сохранности своих сбережений, в значительной степени влияют институциональные факторы, из которых наиболее существенным становится институциональное доверие, базирующееся на развитой институциональной среде в виде финансового законодательства и других гарантий. При этом институциональная среда должна обеспечивать снижение неопределенности и обеспечение уверенности в сохранности денежных средств. Для этого должны выполняться как минимум следующие условия: правила, образующие институ-

циональную среду, должны быть более или менее *согласованы* одно с другим, *понятны* участникам, действия которых с их помощью регламентируются, в достаточной степени *стабильными*, что в условиях неопределенности позволяет согласовывать ожидания субъектов, принимающих решения.

Литература

1. Фуруботн, Э.Г. Институты и экономическая теория: Достижения новой институциональной экономической теории / Э.Г. Фуруботн, Р. Рихтер; пер. с англ. под ред. В.С. Катькало, Н.П. Дроздовой. – СПб., 2005.
2. Ostrom, E. Governing the Commons: The Evolution of Institution for Collective Action / E. Ostrom. – Cambridge, 1990.
3. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория: учебник / под ред. д.э.н., проф. А.А. Аузана. – М., 2005. – 416 с.
4. Введение в институциональную экономику: учеб. пособие / под ред. Д.С. Львова. – М., 2005. – 639 с.
5. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М., 1997.
6. Норт, Д. Институты и экономический рост: историческое введение / Д. Норт // THESIS. – Т. 1. – Вып. 2. – 1993. – С. 73.
7. Норт, Д. Вклад неоинституционализма в понимание проблем переходной экономики [Электронный ресурс] / Д. Норт. – Режим доступа: http://www.institutional.boom.ru/North/Ponimanie_tranzitologia.htm
8. Норт, Д. Институциональные изменения: рамки анализа / Д. Норт // Вопросы экономики. – 1997. – № 3. – С. 9.
9. Научат ли школьников финграмотности выясняли Известия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nacfin.ru/novosti-i-analitika/publications/article/single/10635.html>
10. Банкам доверяют больше всего [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nacfin.ru/novosti-i-analitika/press/press/single/10653.html>

Секция 2

Формирование нового технологического уклада в условиях глобализации

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА ИННОВАЦИОННЫХ РЕГИОНОВ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Учитывая современные тенденции развития промышленности РФ, правительство принимает меры по развитию промышленной политики на федеральном уровне. Однако многие регионы, реагируя на изменения социально-экономического положения, проводят собственные мероприятия в этой сфере. Но это требует разработки мер, адекватно отражающих текущее состояние промышленного сектора, а также учета специфики и отраслевой направленности регионов.

Большинством авторов промышленная политика понимается либо в узком смысле (как отраслевая политика), либо в широком смысле (призвана структурировать промышленную систему в направлении тенденций развития мировой промышленности). Однако определения не отражают иерархичность понятия, смешиваются понятия государственной промышленной политики и региональной промышленной политики.

Под региональной промышленной политикой понимаем, что это система мер, осуществляемых субъектами промышленной политики, направленных на создание условий для эффективного достижения стратегических целей развития отраслей промышленности данного региона, через использование методов и инструментов, находящихся в их распоряжении.

При этом региональная промышленная политика имеет два уровня реализации: промышленная политика Федерального центра в отношении регионов и собственная промышленная политика регионов.

Субъекты промышленной политики, таким образом, могут действовать с разных уровней. Роль каждого субъекта различна. Роль государства, в частности, определяется видом промышленной политики.

Каждому методу промышленной политики соответствуют свои инструменты, но для федерального и регионального уровня осуществления промышленной политики они будут различны, что обусловлено, прежде всего, разницей в полномочиях федерального и регионального уровня власти. Инструменты промышленной политики, находящиеся в распоряжении органов субъекта РФ, значительно сужены по сравнению с инструментами, находящимися в распоряжении федеральных властей.

Какую бы промышленную политику ни проводило правительство страны, общие черты есть у всех успешных примеров. В первую очередь, необходимы органы по реализации промышленной политики. Даже в США, где официально промышленной политики нет, есть свои институты и инструменты по ее проведению, начиная от различных советов при президенте и заканчивая системой по выделению грантов по тем или иным государственным программам, в тех или иных областях.

У активной политики выделяется трехфазная структура:

1) на первом этапе формируются специальные органы промышленной политики, они выделяют приоритеты и способы проведения; по мере укрепления экономики высвобождаются ресурсы для более технологичных производств;

2) на втором этапе, чем сложнее в технологическом смысле становится экономика, тем сложнее становится государству определять приоритеты дальнейшего развития промышленности;

3) третий этап (инновационный) связан с уходом от активной промышленной политики, с передачей инициативы от государства к негосударственным структурам [3, с. 112-113].

Возможность заимствования успешного зарубежного опыта реализации промышленной политики на прямую зависит от условий формирования политики в регионах России.

Объектом изучения стали субъекты Сибирского федерального округа, вошедшие в межрегиональную «Ассоциацию инновационных регионов России»: Томская, Новосибирская, Иркутская области и Красноярский край.

Исследования инновационной активности регионов, проводимые российскими и зарубежными исследователями, предполагают использование разнообразных методик, включающих, в свою очередь, набор разнообразных индикаторов. Данные показатели иллюстрируют потенциал регионов в создании инноваций, в коммерциализации инновационных разработок, результативность инновационной политики и др. В данной работе использовались, в частности, рейтинги субъектов РФ по значению российского регионального инновационного индекса, разработанного Институтом статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2010 г.:

1) Новосибирская область занимает 7 место, Томская область – 9 место (группа с самым высоким инновационным рейтингом);

2) Иркутская область занимает 37 строчку (группа с высоким инновационным рейтингом);

3) Красноярский край занимает 57 строчку (группа со средним инновационным рейтингом) [2, с. 54-55].

В Новосибирской области инновационную деятельность можно охарактеризовать следующим образом:

– среди субъектов РФ СФО занимает первое место по производству инноваций на душу населения и эффективности затрат на технологические инновации, однако в непромышленном секторе;

– в отраслевой структуре инновационной деятельности доля промышленности в 1,5 раза ниже сферы услуг;

– инновационный процесс развивается, в основном, по части приобретения техники, а не приобретения и разработки новых технологий;

– в структуре производства инновационной продукции преобладает производство пищевых продуктов (3/5 объемов);

– развитие малого инновационного бизнеса (значительная часть которых относится к высокотехнологичным отраслям обрабатывающей промышленности).

Для оценки развития и эффективности промышленности региона была разработана и применена методика, включающая ряд основных этапов:

- 1) анализ развития промышленности региона по входящим в него субъектам;
- 2) рейтинговая оценка промышленного развития регионов;
- 3) расчет интегрального показателя эффективности развития промышленности региона;
- 4) расчет интегрального показателя развития промышленности региона;
- 5) определение промышленной специализации субъекта;
- 6) группировка регионов на основе кластерного и портфельного анализа исходя из характеристик развития промышленности;
- 7) итоговая оценка развития промышленного комплекса региона.

Результаты оценки приведены в разрезе основных видов промышленной деятельности для сравнения в 2008 и 2010 годах.

Рост показателей эффективности происходит на фоне реализации инвестиционных проектов и введения в действие производственных мощностей за счет строительства новых, расширения и реконструкции действующих организаций преимущественно по видам промышленного производства в регионах с соответствующей специализацией.

Региональные краткосрочные и среднесрочные программы охватывают основные сферы промышленного производства лишь в Красноярском крае, однако анализ показателей эффективности развития промышленности в регионе ставит под вопрос результативность их реализации.

На фоне проводимых мероприятий и реализации программ наблюдается колебание (и даже снижение) показателей эффективности развития видов в ряде регионов.

Первоочередной представляется задача повышения эффективности того вида промышленного производства в регионе, на котором он специализируется (при низких значениях или негативной динамике показателей эффективности).

Меры активной промышленной политики должны быть приняты с учетом индикаторов развития и эффективности, предложенных в работе.

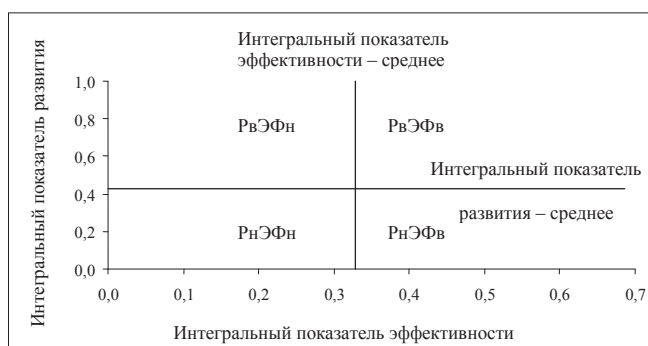
Расположение регионов по траектории развития промышленности включает 4 квадрата (рисунок):

РвЭФн – высокие показатели развития, но низкие показатели эффективности;

РвЭФв – высокие показатели развития и эффективности;

РнЭФн – низкие показатели развития и эффективности;

РнЭФв – высокие показатели эффективности, но низкие показатели развития.

Матрица развития промышленности региона СФО

Изучение основных тенденций промышленного развития рассматриваемых в работе инновационных субъектов позволяет говорить о существующих проблемах: высокий уровень полностью изношенных основных фондов, низкая доля организаций, осуществляющих технологические инновации, снижение численности занятых и др. Таким образом, развитие инновационного потенциала сдерживается нерешенными проблемами в развитии промышленности инновационных регионов [1, с. 166-168].

С учетом проведенной оценки могут быть сформулированы меры стимулирования развития и эффективности промышленности региона.

Результативность промышленной политики можно измерить посредством ее воздействия на базовые характеристики развития промышленности: отрасле-

вую структуру производства, динамику выпуска, производительность труда отдельных видов промышленной деятельности.

При оценке результативности промышленной политики мы столкнулись с рядом определенных трудностей:

1) отсутствие единой концепции промышленной политики на федеральном уровне, как следствие – несогласованность (лишь в Томской области есть закон о промышленной политике);

2) отсутствие уполномоченных органов по реализации промышленной политики;

3) низкая заинтересованность федеральных органов власти: эффективность региональной промышленной политики зависит от соблюдения баланса стимулов (будущие налоговые поступления) и инициатив (законотворчество, прямые инвестиции, антикризисные и стимулирующие меры).

4) отсутствие полной и сопоставимой статистической информации.

Литература

1. Гахова, Н.А. Региональная промышленная политика в инновационных регионах / Н.А. Гахова // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 1. – С. 166-168.

2. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации: аналитический доклад / под ред. Л.М. Гохберга. – М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2012. – 105 с.

3. Россия в условиях глобальной конкуренции: от антикризисных мер к промышленной политике / Ю.З. Саакян и др. – М.: ИПЕМ, 2012. – 132 с.

ВОЗДЕЙСТВИЕ ТРАНСАКЦИОННЫХ ИЗДЕРЖЕК НА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Анализ предшествующих исследований и авторских разработок позволил сформулировать ряд рабочих гипотез для исследования. Первая и основная гипотеза имеет следующий вид.

Гипотеза 1. Результативность научной деятельности подразделений университета, описываемая генерацией знаний в виде опубликованных статей, полученных патентов, участия в выставках и конференциях, во многом определяется транзакционными издержками на научную деятельность.

Следует подчеркнуть, что под транзакционными издержками на научную деятельность авторы понимают выделяемые в бухгалтерской отчетности затраты на поиск информации, командировочные, представительские и прочие расходы, связанные с научной работой. Заработная плата и стимулирующие выплаты преподавателям и научным работникам университета в транзакционных издержках не учитываются.

Для обеспечения возможности сравнения получаемых результатов были выбраны сходные подразделения университета – ряд институтов Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Поскольку учебные институты в процессе генерации знаний отличаются численностью исследователей, то вторая рабочая гипотеза по зависимости опубликования научных статей может иметь следующий вид.

Гипотеза 2. Транзакционная скорость генерации знаний в виде опубликования научных статей пропорциональна численности исследователей института, включая сотрудников, имеющих научные степени, а также аспирантов данного института.

По мнению авторов данного исследования число экспонатов, представляемых на выставки должно соответствовать количеству малых инновационных предприятий, созданных при анализируемых институтах. Отсюда третья гипотеза в следующей формулировке.

Гипотеза 3. Трансакционная скорость генерации знаний в виде экспонатного участия в выставках пропорциональна количеству хозяйственных обществ, созданных при учебных институтах университета для использования научных разработок.

Также возможна взаимосвязь между зарегистрированными патентами и малыми инновационными предприятиями в виде следующей гипотезы.

Гипотеза 4. Трансакционная скорость генерации знаний в виде регистрации патентов пропорциональна количеству хозяйственных обществ, созданных при учебных институтах университета для использования научных разработок.

Отдельного обсуждения заслуживает оценка неявных знаний, проявляемых в виде докладов на научных конференциях. На взгляд авторов данного исследования, интенсивность докладов может быть связана с хозяйственными договорами учебных институтов, или более корректно, с долей хозяйственных договоров, приходящейся на одного сотрудника института. Следовательно, возможна следующая формулировка пятой гипотезы.

Гипотеза 5. Трансакционная скорость генерации знаний в виде докладов на научных конференциях пропорциональна объему хоздоговорной выработки на одного сотрудника учебного института.

Верификация рабочих гипотез была проведена на основе широкого эмпирического исследования.

Для обсуждения сопоставимости результатов в качестве репрезентативной выборки были исследованы четыре крупных института естественнонаучного профиля УрФУ им. Б.Н. Ельцина. Для сравнения результатов обозначили исследованные учебные институты порядковыми номерами по ко-

личеству работающих в них преподавателей: первый – 297 чел., второй – 254, третий – 193 и четвертый институт – 126 чел. соответственно [1].

При исследовании документации институтов были сформированы массивы данных информационного эффекта и объема выполненных научных исследований за 2002–2011 годы. В результате были получены эмпирические зависимости изменения показателей явных и неявных знаний от изменений транзакционных издержек, а также скорости прироста генерации знаний.

Развитие инновационной деятельности зачастую сопровождается транзакциями с высокой специфичностью активов. Проблема специфичности активов была обозначена О. Уильмсоном [5, с. 456]. Наличие данной особенности транзакций также свидетельствует о необходимости выявления взаимодействия знаний и транзакционных издержек в деятельности организации.

При этом скорость прироста знаний рассчитана по следующей формуле:

$$v_{ij} = dk_j / dTC_i, \quad (1)$$

где v_{ij} – скорость прироста j -ого РИД (или СИ) при изменении i -ой транзакционной издержки;

dk_j – прирост j -ого типа знания;

dTC_i – прирост i -ой транзакционной издержки [2, с. 2-11].

Значение v_{ij} показывает скорость прироста знаний при приросте транзакционных издержек на 1%.

Для оценки значения показателя v рассмотрим возможные случаи:

- Если значение v_{ij} меньше 0, то при росте транзакционных издержек происходит снижение знаний ($dTC_i > 0$, $dk_j < 0$). Наличие данного явления свидетельствует о том, что мы имеем дело с непродуктивными транзакционными издержками и необходимо применять меры по их перераспределению.

- Значение $v=0$ свидетельствует о том, что прироста знаний не происходит, хотя транзакционные издержки растут ($dTC_i > 0$, $dk_j = 0$). В данном случае процесс генерации знаний неэффективен и необходимо пересмотреть целесообразность такого типа инвестирования денежных средств.

- Если значение данного показателя находится в диапазоне от 0 до 1, то это, по-видимому, свидетельствует о том, что данный тип знаний в организации создается, однако прирост транзакционных издержек в рассматриваемый период больше, чем прирост знаний ($dTC_i > 0$, $dk_j > 0$, $dk_j < dTC_i$).

- Значение v_{ij} больше 1 означает, что прирост знаний происходит быстрее, чем изменение транзакционных издержек ($dTC_i > 0$, $dk_j > 0$, $dk_j > dTC_i$). Данная ситуация свидетельствует об эффективности процессов генерации знаний и благоприятно влияет на развитие инновационной деятельности организации.

Расчет скорости прироста знаний v_{ij} может быть использован для принятия решения, в какие виды деятельности инвестировать денежные средства. Расчитать значения приведенной скорости v_{ij}' можно следующим образом (2):

$$v_{ij}' = v_{ij} * r_{ij}^{2-1}, \quad (2)$$

где v_{ij}' – модифицированная скорость прироста j -ого типа знания при изменении i -ой транзакционной издержки;

v_{ij} – скорость прироста j -ого типа знания при изменении i -ой транзакционной издержки.

r_{ij} – корреляция прироста j -ого типа знания при изменении i -ой транзакционной издержки [2, с. 2-11].

Положительная величина данной величины означает, что прирост определенного типа знаний больше, чем изменение выбранного типа затрат.

Так, на прирост изобретений оказывают влияние все виды представленных здесь издержек. Можно заметить, что порядковый номер той или иной транзакционной издержки зависит от доли ее изменения во всем множестве рассматриваемых издержек. Высокая чувствительность таких видов результатов интеллектуальной деятельности, как изобретения, полезные модели, ноу-хау и опубликованные результаты НИР, к изменению транзакционных издержек обусловлены следующими факторами [4, с. 21-24].

В первую очередь в результате проведенного исследования была доказана первая рабочая гипотеза о высокой корреляции между транзакционными из-

держками и результативностью научной деятельности в университетах (табл. 1).

Таблица 1. Коэффициенты корреляции между транзакционными издержками и результативностью научной деятельности в университете

Транзакционные издержки институтов	Коэффициенты парной корреляции			
	Статьи	Доклады на конференциях	Экспонаты выставок	Патенты
Первый институт	0,8	0,79	0,79	0,88
Второй институт	0,8	0,86	0,76	0,79
Третий институт	0,88	0,82	0,83	0,87
Четвертый институт	0,98	0,81	0,79	0,94

Таким образом, в результате эмпирического исследования доказано, что результативность научной деятельности подразделений университета, описываемая генерацией знаний в виде опубликованных статей, полученных патентов, участия в выставках и конференциях, определяется транзакционными издержками на научную деятельность.

Для проверки второй гипотезы сопоставили численность исследователей, включая сотрудников, имеющих ученые научные степени, а также аспирантов, с транзакционными скоростями генерации знаний в виде опубликованных статей (табл. 2).

Исходя из данных таблицы 2 видно, что вторая рабочая гипотеза не подтверждена, так как транзакционная скорость генерации знаний в виде опубликования научных статей непропорциональна численности исследователей института, включая сотрудников, имеющих научные степени, а также аспирантов данного института. По-видимому, транзакционная скорость генерации знаний в виде статей определяется не совокупным набором исследователей, а их индивидуальным мастерством, что требует отдельного изучения. Результаты эмпирической проверки гипотезы о пропорциональности скорости генерации знаний при участии в выставках количеству хозяйственных обществ, созданных с участием университета, для использования научных разработок и результатов интеллектуальной деятельности подразделения представлены в таблице 3.

Таблица 2. Трансакционные скорости прироста знаний в виде статей и численность исследователей

Институт	Скорость прироста знаний в виде статей	Численность исследователей, чел.
Первый институт	3,09	344
Второй институт	0,41	253
Третий институт	1,49	165
Четвертый институт	0.21	173

Данные, приведенные в таблице 3, полностью подтверждают гипотезу о том, что трансакционная скорость генерации знаний в виде экспонатного участия в выставках пропорциональна количеству хозяйственных обществ, созданных при учебных институтах университета для использования научных разработок.

При этом скорость прироста знаний при участии в выставках первого института равна 0,04. Это, по-видимому, свидетельствует о том, что данный тип знаний в институте создается, однако прирост трансакционных издержек в рассматриваемый период больше, чем прирост знаний. Предположительно, такая незначительная скорость связана с наименьшими значениями количества хозяйственных обществ, созданных с участием университета с использованием научных разработок и результатов интеллектуальной деятельности.

Таблица 3. Трансакционные скорости прироста знаний в виде экспонатного участия в выставках и количество малых инновационных предприятий (хозяйственных обществ)

Институт	Скорость прироста знаний в виде экспонатов выставок	Количество хозяйственных обществ, шт.
Второй институт	3,09	10
Четвертый институт	1,70	7
Третий институт	0,72	4
Первый институт	0,04	2

Явные знания во втором институте, полученные при участии в выставках, соответствуют минимальному значению корреляции (0,76) и максимальному значению скорости прироста результатов интеллектуальной деятельности (3,09). Высокая скорость прироста может быть вызвана большим количеством хозяйственных обществ, созданных с участием университета с использованием научных разработок и результатов интеллектуальной деятельности подразделе-

ния. Результаты эмпирической проверки четвертой гипотезы о пропорциональности генерации знаний в виде патентов количеству малых инновационных предприятий представлены в таблице 4. Исходя из данных таблицы видно, что четвертая рабочая гипотеза не подтверждена, так как транзакционная скорость генерации знаний в виде регистрации патентов не пропорциональна количеству хозяйственных обществ, созданных при учебных институтах университета для использования научных разработок. По-видимому, так же, как и в случае второй гипотезы, подготовка патентов является характеристикой личностных новаторских качеств отдельных исследователей.

Таблица 4. Транзакционные скорости прироста знаний в виде патентов и количество малых инновационных предприятий (хозяйственных обществ)

Институт	Скорость прироста знаний в виде патентов	Количество хозяйственных обществ, шт.
Четвертый институт	1,43	7
Третий институт	0,70	4
Первый институт	0,30	2
Второй институт	0,29	10

В таблице 5 представлены результаты эмпирической проверки пятой гипотезы о пропорциональности скорости генерации знаний при выступлениях на конференциях объему хозяйственной деятельности на одного сотрудника института.

Таблица 5. Транзакционные скорости прироста знаний в виде докладов на конференциях и объемы хозяйственных работ на одного сотрудника в год

Институт	Скорость прироста знаний в виде докладов на конференциях	Объем хозяйственных работ на 1 сотрудника в год, тыс. руб.
Первый институт	2,59	259,1
Четвертый институт	1,39	204,0
Второй институт	0,30	202,2
Третий институт	0,29	17,2

Данные таблицы 5 убедительно доказывают жизнеспособность пятой гипотезы о том, что транзакционная скорость генерации знаний в виде докладов на научных конференциях пропорциональна объему хозяйственной работы на одного сотрудника учебного института.

В целом проведенное исследование об оценке транзакционных скоростей генерации знаний университетом в виде различных результатов интеллектуаль-

ной деятельности носит пилотный характер и служит основанием для обращения внимания исследователей на изучение стимулирования инвенционной активности транзакционными издержками.

Литература

1. Постановление ученого совета Уральского федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина «Политика модернизации инновационной деятельности УрФУ» [Электронный ресурс]. – 25 апреля 2011 г., протокол № 4. – Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/docs/index-126174.html> (дата обращения: 07.04.2013).
2. Попов, Е.В. Скорость прироста знаний организацией / Е.В. Попов, М.В. Власов, А.Ю. Веретенникова // Экономический анализ: теория и практика. – 2012. – № 18. – С. 2-11.
3. Попов, Е.В. Функциональная классификация транзакционных издержек приращеня знаний / Е.В. Попов, М.В. Власов, А.Ю. Веретенникова // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. – 2010. – № 2. – С. 4-10.
4. Попов, Е.В. Влияние транзакционных издержек на результативность научной деятельности / Е.В. Попов, М.В. Власов, Н.В. Орлова // Экономический анализ: теория и практика. – 2010. – № 19. – С. 21-24.
5. Уильямсон, О.И. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контрактаця / О.И. Уильямсон. – СПб., 1996. – С. 456.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНАЛЬНОЙ АВТОДОРОЖНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Развитие автодорожной инфраструктуры является одним из важных факторов, влияющих на промышленное производство и повышение конкурентоспособности производимой продукции. Политика в сфере транспорта в целом, автомобильного транспорта и дорожного хозяйства в частности призвана решать экономические и социальные задачи общенационального масштаба, поэтому развитие данных отраслей является одной из ключевых проблем.

Главной целью развития автодорожной инфраструктуры является выравнивание уровней автодорожной обеспеченности регионов страны с учетом особенностей их территориальной организации. Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач в области экономики и социальной сфере:

- расширение сфер деятельности и усложнение структуры экономики, обеспечивающей жизнестойкость транспортной инфраструктуры;
- сокращение потерь и упущенной выгоды от бездорожья,
- увеличение валового общественного продукта и доходов бюджета за счет сокращения эксплуатационных затрат пользователей дорог;
- повышение жизненного и культурного уровня населения путем удовлетворения спроса на автомобильные перевозки, снижение стоимости товаров и услуг, повышение мобильности населения;
- снижение социальной напряженности в обществе за счет развертывания общественных работ с созданием дополнительных рабочих мест в дорожном секторе, других областях общественного производства и сфере услуг, с привлечением к этим работам лиц, потерявших работу в других отраслях;

- сокращение дорожно-транспортных происшествий и отрицательного воздействия на окружающую среду за счет повышения уровня качества дорожного покрытия, применения альтернативных видов топлива и экологичного общественного транспорта.

Автомобильная инфраструктура в составе транспортной системы достаточно широко рассматривалась в исследованиях следующих отечественных и зарубежных ученых: Г.Д. Дубелир, В.Ф. Бабков, А.Г. Гланберг, В.Д. Клюев, А.И. Кузнецова, И.В. Кочетов, Ю.В. Лебедев, И.В. Найденов, В.Н. Федоров и другие.

Развитая инфраструктура – индикатор уровня общественного развития, в значительной степени определяющий «качество жизни» населения [5] (В.Н. Федоров). В настоящее время выделяются производственная, институциональная, социальная и ряд других инфраструктур. А.И. Кузнецова [3] подчеркивает, что автомобильная инфраструктура обладает признаками, которые раскрывают ее назначение, особенность формирования и целевой характер. К основным признакам следует отнести: производственные, социальные и экономические [3].

По мнению автора, уровень показателей социально-экономического развития регионов напрямую зависит от ряда факторов транспортно-эксплуатационного состояния автомобильной инфраструктуры (рис. 1):

1. Затраты на содержание, ремонт и реконструкцию автодорог ведут к улучшению качества автомобильных дорог. Уменьшение транспортных расходов имеет прямую связь с количеством автомобилей в собственности населения, что является одним из показателей социального признака от улучшения состояния сети автодорог. Понижение (или повышение) транспортных расходов оказывает прямое влияние на уровень цен на продукцию. Состояние автодорог отражается на качестве работы автотранспорта, интенсивности, скорости движения, пассажирообороте. Износ автотранспорта имеет влияние на расход

горючего, что сказывается на состоянии окружающей среды и уровне жизни населения.

2. Продолжительность доставки грузов и продолжительность поездки, т.е. время, потраченное пассажирами на поездку, прямо пропорционально связано со скоростью движения, обеспечиваемой качественным состоянием дорожной сети. От фактора времени напрямую зависит необходимость создания дополнительных запасов промышленным предприятием, вероятность простоя по вине организации–грузоотправителя, а следовательно, и дополнительные затраты, вероятность потери скоропортящихся грузов. Все эти факторы отражаются на экономическом развитии региона и на производственной деятельности предприятий.

3. Уменьшение количества дорожно-транспортных происшествий (ДТП), гибели и травматизма людей, уровень социально-экономического состояния региона (уменьшение потери грузов, порчи автотранспорта, сокращение количества ДТП) зависит от улучшения качества автомобильных дорог.

4. Автомобильные дороги стимулируют развитие большинства отраслей экономики в регионах, что способствует развитию новых производств и образованию дополнительных рабочих мест. В строительстве автомобильных дорог, кроме дорожных организаций, принимают участие предприятия строительных материалов, нефтепереработки, транспорта и ряда других отраслей, обеспечивающих поставку и транспортировку продукции для выполнения дорожных работ.

Рисунок 1. Основные признаки автодорожной инфраструктуры*

* Составлено автором.

Важным направлением в развитии автодорожной инфраструктуры области является создание эффективной и современной системы обслуживания автомобильных перевозчиков на маршрутах, проходящих по территории области (техническое обслуживание, заправочная инфраструктура и наличие гостиниц и охраняемых стоянок и т.д.).

На основании вышеизложенного можно сделать вывод (рис. 2): автодорожная инфраструктура – это совокупность инженерных сооружений, предназначенных для движения транспортных средств (автодороги и искусственные сооружения), объектов дорожного сервиса и обустройства дорог, а также дорожных служб, осуществляющих их обслуживание [6]. К искусственным сооружениям относятся мосты, путепроводы, тоннели и т.д., объекты дорожного

сервиса – это площадки-стоянки, парковки, АЗС, пункты питания, установки защитных сооружений и малых архитектурных форм. Все элементы автодорожной инфраструктуры состоят на балансе территориальных дорожных служб (управлений), осуществляющих их эксплуатацию в границах региона [6].

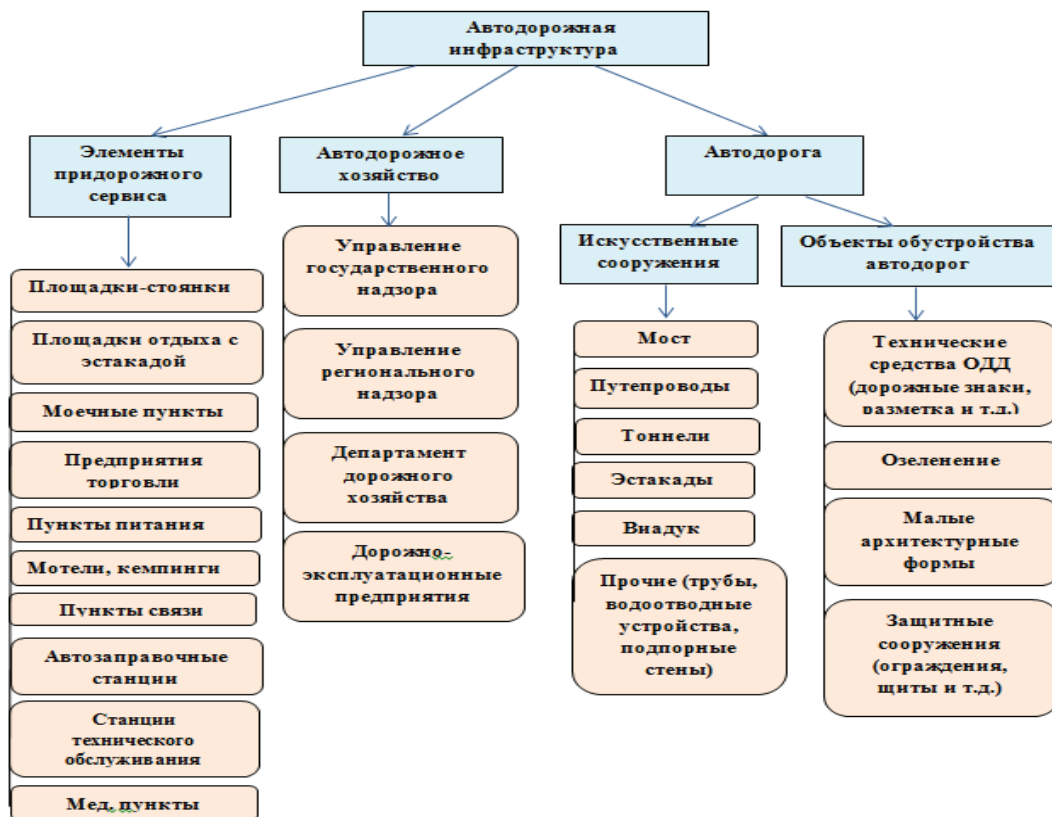

Рисунок 2. Состав элементов автодорожной инфраструктуры*

* Составлено автором.

В свою очередь, региональная «автодорожная инфраструктура» – это один из элементов региональной транспортной инфраструктуры, играющий важную роль в устойчивом поступательном экономическом развитии региона и страны в целом, повышении уровня жизни населения, интеграции автодорожной сети области в систему федеральных дорог и международную транспортную систему.

По мнению архитектора Патрика Котласа, дороги создают сети из линий и точек, характер этих сетей определяет градостроительный характер города,

его композицию, являясь первоочередным фактором урбанизации [7]. Транспортная инфраструктура, как правило, вписывается в рельеф, определяя и экологическую ситуацию [7].

Современное состояние региональной экономики, повышение ее конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности, создание условий для перехода на инновационный путь развития, успешная интеграция России в мировое хозяйство, сглаживание дифференциации развития субъектов РФ зависят от развитости инновационной автодорожной инфраструктуры.

Инновационная автодорожная инфраструктура как составная часть (элемент) транспортной системы является объектом изучения в исследованиях многих отечественных и зарубежных ученых. Вопросы непосредственного управления развитием инноваций в автодорожной отрасли отражены в работах П.Л. Виленского, В.И. Воропаева, А.Ю. Егорова, К.А. Ефимова, В.Н. Лившиц, С.П. Лазуренко, С.А. Смоляк, В.А. Трапезникова и ряда других ученых.

«Инновационная инфраструктура» – подсистема региональной инновационной системы, представленная в виде совокупности определенных организаций, способствующая развитию инновационного бизнеса на разных стадиях его жизненного цикла, а также реализации инновационного процесса в регионе [4].

По мнению автора «Инновационная автодорожная инфраструктура» – это:

- результат инновационной деятельности в виде нового или усовершенствованного элемента автодорожной инфраструктуры;
- нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого при строительстве дорожного полотна и в области организации, и управления труда автодорожной инфраструктурой;
- совокупность коммерческих, производственных, технических мероприятий ведущих к появлению в автодорожной инфраструктуре новых промышленных процессов и оборудования.

«Региональная инновационная автодорожная инфраструктура» – это один из элементов региональной транспортной инфраструктуры, играющий важную роль в устойчивом поступательном экономическом развитии региона и страны в целом, повышении уровня жизни населения, интеграции автодорожной сети области в международную транспортную систему и систему федеральных дорог.

Необходимо подчеркнуть, что недостаточный уровень развития автодорожной инфраструктуры в РФ сдерживает расширение хозяйственного освоения территории региона и ограничивает доступ к новым потенциальным источникам природных ресурсов [1]. Имеется целый ряд проблемных вопросов, сдерживающих развитие инновационной деятельности в автодорожном хозяйстве, создание полноценного рынка высоких технологий, к которым относятся:

- отсутствие системы эффективного экономического планирования и прогнозирования инновационной деятельности в среднесрочной перспективе;
- нерешенность вопроса полноценного организационно-экономического и правового регулирования в среде инновационной деятельности, стимулирующего заказчиков, подрядчиков дорожных работ, проектные технологии и материалы;
- отсутствие в отрасли центров передачи новых технологий, обеспечивающих применение прогрессивных технологий, материалов, техники в конкретных условиях строительства и эксплуатации дорог.

На основании вышеизложенного необходимо отметить, что автодорожная деятельность – это деятельность, требующая серьезных финансовых вложений, т.к. она связана с проектированием, строительством, реконструкцией, капитальным ремонтом, а также ремонтом и содержанием автомобильных дорог, все это наталкивает на мысль о создании дорожных фондов. В этой связи от 27.07.2010 г. было принято решение Президентом РФ о создании Федерального дорожного фонда, который и в дальнейшем будет аккумулировать средства на

создание, и строительство дорог¹ [2]. Дорожные фонды – вид государственных внебюджетных фондов, которые созданы для финансирования затрат, связанных с содержанием, ремонтом, реконструкцией и строительством автомобильных дорог общего пользования (внегородских автомобильных дорог) [2].

В соответствии с Законом «О федеральном бюджете на 2014 год и плановый период 2015 и 2016 годов» от 02.12.2013 № 349-ФЗ с 1 января 2014 года установлены нормативы распределения доходов от уплаты акцизов на автомобильный бензин, прямогонный бензин, дизельное топливо, моторные масла для дизельных и карбюраторных (инжекторных) двигателей в федеральный бюджет по нормативу 28%, а в бюджеты субъектов РФ – по нормативу 72%. В ближайшее время вносятся изменения в закон об автомобильных дорогах, которые создают правовые основы возмещения вреда, наносимого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения транспортными средствами с разрешенной максимальной массой свыше 12 тонн.

Основной проблемой в развитии федеральной и региональной автодорожной инфраструктуры является несоответствие между уровнем развития экономики и качеством функционирования существующей сети автомобильных дорог. На сегодняшний день существующая сеть автомобильных дорог не соответствует по своим параметрам социально-экономическим потребностям и, в первую очередь темпам развития автомобилизации. Не до конца используется транзитный потенциал страны в целом, основные фонды в виде специализированной дорожной техники обновляются недостаточными темпами, их износ достиг 55–70% и продолжает нарастать. Ухудшение технического состояния автодорог и снижение их пропускной способности способствует росту дорожно-транспортных происшествий.

¹ Вести. – URL: <http://www.vesti.ru>

Подводя итог вышесказанному можно сделать вывод: анализ научной литературы показал, что термином «автodorожная инфраструктура» часто заменяется понятие «автodorожная транспортная сеть» или «автомобильная дорога», тогда как автodorожная инфраструктура включает в себя не только инженерные сооружения, предназначенные для движения транспортных средств – автodorоги и искусственные сооружения, но и объекты придорожного сервиса.

Перспективы развития регионов РФ во многом зависят от состояния дорог, и в первую очередь необходимо провести обновление региональной автodorожной инфраструктуры, существенно увеличить объём ассигнований на дорожное строительство и содержание автodorог, добиться ритмичного финансирования работ, перейти к применению новых материалов, позволяющих кардинально увеличить срок эксплуатации дорожного покрытия.

Чтобы осуществить перестройку автodorожной инфраструктуры на инновационные методы, необходимо включать следующие факторы: стимулировать рост знаний, умений, навыков принимать системные решения; перестроить управление инновационной автodorожной инфраструктурой на решение системных вопросов и проблем; стимулировать применение современных технологий, в связи с этим повысить роль дорожных фондов.

Источники

1. Организационно-экономический механизм инновационной деятельности дорожно-го хозяйства [Электронный ресурс] / С.П. Аржанухина, А.А. Сухов, А.В. Кочетков, Л.В. Янковский // Развитие инновационной инфраструктуры. – Изд-во: ИнВестРегион. – 2012. – № 4. – С. 40-45. – Режим доступа: <http://www.v-itc.ru/investregion/2012/04/pdf/2012-04-08.pdf>

2. Еремеева, А.С. Актуальные проблемы финансового обеспечения дорожной отрасли [Электронный ресурс] / А.С. Еремеева // Экономические исследования. – 2012. – № 3. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-finansovogo-obespecheniya-dorozhnoy-otrasli> (дата обращения: 13.03.2014); Научная библиотека КиберЛенинка: <http://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-finansovogo-obespecheniya-dorozhnoy-otrasli#ixzz2voeREvvQ>

3. Кузнецова, А.И. Инфраструктура: Вопросы теории, методологии и прикладные аспекты современного инфраструктурного обустройства. Геоэкономический подход [Текст]: монография / А.И. Кузнецова. – М.: КомКнига, 2010. – 456 с.
4. Мелихов, И.В. Какая нанотехнологическая программа нужна России [Электронный ресурс] / И.В. Мелихов // Нанометр: нанотехнологическое сообщество. – URL: <http://www.nanometer.ru/2006/11/17/7458256.html>.
5. Федоров, В.Н. Социально-экономический потенциал инфраструктуры: содержание, оценка и анализ развития [Текст] / В.Н. Федоров. – Ульяновск: УлГПУ, 2000. – 195 с.
6. Шелестов, Н.Е. Совершенствование управления развитием инновационной автодорожной инфраструктуры: автореф. дис. ...к.э.н (08.00.05) / Н.Е. Шелестов. – М., 2012.
7. Doc. Ing. arch. Patrik Kotas Dopravní systémy a stavby. – Praha: Nakladatelství ČVUT, 2007. – 353 с.

К ВОПРОСУ О МОДЕЛИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА

Социальное самочувствие является ключевым индикатором уровня социальной напряженности в обществе и государстве. Самочувствие граждан определяется укладом и качеством жизни, а также тем, насколько людям «комфортно – дискомфортно» в обществе и государстве, в котором они живут и работают.

Помимо социологического сопровождения анализа данной категории в последнее время все больше внимания ученые исследователи и органы власти уделяют проблеме снижения риска социальных потрясений, возникающих как следствие не согласованности управленческих и хозяйственных действий в общей системе стратегического управления социально-экономическим развитием региона.

На наш взгляд, не только принятие управленческих решений, адекватных экспертным аналитическим оценкам развития региональной экономики, может стать решением данной проблемы. Особое внимание стоит уделять в целом причинам возникновения таких социальных потрясений и снижать вероятность их возникновения.

В рамках решения данной задачи возникла гипотеза о том, что любое управленческое решение имеет свои социальные последствия в будущем с определенным лагом. Управленческое решение в итоге выливается в динамике социально-экономических индикаторов развития территории, а социальные последствия такого решения находятся в оценках социального самочувствия населения региона.

Для подтверждения гипотезы были отобраны социально-экономические индикаторы регионального развития (в ценах декабря 2013 года) с 2008 по 2013

год и статистические данные о социальной составляющей из мониторинга общественного мнения о состоянии российского общества за аналогичный период. Мониторинг проводится 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3% (Ильин, 2014: 12).

Относительно зафиксированных значений социально-экономических показателей сдвигались влево значения индикаторов социального самочувствия общества. В случае существования связи между показателями, лаг определялся по значениям коэффициента корреляции. Наибольшее значение коэффициента указывает на наступление реакции в обществе на изменение социально-экономических процессов в прошлом (таблица). Коэффициент корреляции по нашим условиям должен удовлетворять условиям:

$$\begin{cases} -1 \leq R_{xy} \leq -0,4 \\ 0,4 \leq R_{xy} \leq 1 \end{cases}$$

Связь социально-экономических показателей и индикаторов самочувствия населения региона

Показатель	Оценка состояния населения		R_{xy} (лаг)*							Max / Min	
			0	1	2	3	4	5	6		7
Объем отгруженных товаров обрабатывающих производств, млн. руб.	Настроение	Нормальное состояние, прекрасное настроение	0,75	0,80	0,79	0,65	0,60	0,48	0,46	0,38	0,797
		Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	-0,73	-0,75	-0,65	-0,56	-0,62	-0,57	-0,55	-0,49	-0,755
	Запас терпения	Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно и терпеть	0,63	0,65	0,63	0,59	0,47	0,42	0,52	0,52	0,653
		Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	-0,46	-0,52	-0,47	-0,43	-0,42	-0,47	-0,52	-0,40	-0,523
Оборот розничной тор-	Настроение	Нормальное состояние, прекрасное настроение	0,67	0,51	0,52	0,51	0,58	0,62	0,60	0,51	0,675

говли, млн. руб.		Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	-0,58	-0,44	-0,50	-0,51	-0,62	-0,64	-0,59	-0,40	-0,635
	Запас терпения	Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно и терпеть	0,50	0,37	0,49	0,52	0,53	0,64	0,81	0,62	0,805
		Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	-0,33	-0,22	-0,23	-0,28	-0,46	-0,51	-0,67	-0,40	-0,674
Общая численность безработных, тыс. чел.	Настроение	Нормальное состояние, прекрасное настроение	-0,85	-0,67	-0,47	-0,31	-0,16	-0,08	-0,01	0,05	-0,849
		Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	0,82	0,67	0,50	0,38	0,24	0,15	0,03	-0,14	0,821
	Запас терпения	Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно и терпеть	-0,68	-0,61	-0,49	-0,45	-0,40	-0,35	-0,40	-0,31	-0,675
		Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	0,61	0,56	0,43	0,39	0,34	0,28	0,23	0,09	0,608
Среднедушевые денежные доходы, руб.	Настроение	Нормальное состояние, прекрасное настроение	0,36	0,11	0,29	0,39	0,41	0,40	0,33	0,07	0,414
		Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	-0,26	-0,05	-0,27	-0,45	-0,50	-0,41	-0,25	0,06	-0,503
	Запас терпения	Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно и терпеть	0,42	0,09	0,18	0,40	0,31	0,31	0,67	0,17	0,667
		Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	-0,21	0,05	0,01	-0,27	-0,47	-0,21	-0,48	0,02	-0,484
*«0» без сдвига, 1..7 – лаги на величину одного периода (2 месяца).											

Проанализировав полученные результаты можно заключить, что любые изменения у большинства социально-экономических показателей вначале влияет на настроение, а затем уже на запас терпения в будущем. Так, какие-либо изменения в денежных доходах населения повлияют в первую очередь с лагом в 6–8 месяцев на настроение, а во вторую на запас терпения через 12 месяцев. В свою очередь рост общей численности безработных в регионе незамедлительно приведет к снижению нормального состояния и запаса терпения.

Полученные зависимости социально-экономических показателей и оценки состояния населения можно использовать при моделировании регионального развития.

Например, полиномиальное уравнение регрессии для случая нормальное состояние, прекрасное настроение и показателя общей численности безработных будет иметь вид:

$$y = 2E-08x^2 - 0,0014x + 79,502 \quad (1)$$

где y – оценка состояния населения (нормальное состояние, прекрасное настроение), x – значение показателя общей численности безработных.

В таком случае коэффициент детерминации $R^2 = 0,73$.

Однако стоит оговориться, что выявленные зависимости и связи между социально-экономическими показателями и оценкой самочувствия человека не совсем тесные, на что указывают коэффициенты как корреляции, так и детерминации. Причиной этого является воздействие социального статуса человека, исполняемых им социальных ролей, переживаемых социальных настроений и других факторов.

Таким образом, смоделировать ситуации социальной обстановки в региональном сообществе по прогнозным значениям социально-экономических индикаторов представляется возможным только на ближайшую перспективу от 1 года до 3 лет. Принимаемые решения и как следствие изменяющаяся динамика экономических показателей имеют прямое отражение в социальном самочувствии населения региона. При этом негативные явления в социально-экономическом развитии приведут к социальным недовольствам и потрясениям как незамедлительно, так и с некоторым лагом в будущем.

Применяя данный подход в рамках моделирования социально-экономического развития региона при прогнозировании того или иного сценария, можно отслеживать, как будет изменяться социальный фон и тем самым установить характер тенденций с целью не допущения выхода социальной ситуации в обществе из-под контроля. В свою очередь, постоянный прогноз и мониторинг социальной обстановки в обществе существенно повысит эффективность оперативного и текущего управления региональных органов власти и может лечь в основу разработки новых стратегий.

Литература

1. Зубаревич, Н.В. Социальное развитие регионов России: что показывают индикаторы Программы развития ООН [Текст] / Н.В. Зубаревич // Региональная социология в России: сб. материалов социологических исследований / отв. ред. В.В. Маркин; Институт социологии РАН. – М.: Экскилибрис-Пресс, 2007. – С. 49-60.

2. Ильин, В.А. Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества [Текст] / В.А. Ильин, А.А. Шабунова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 3 (33). – С. 16-22.

3. Малов, К.В. Влияние социально-экономических факторов на электоральное поведение [Текст] / К.В. Малов // Регион: экономика и социология. – 2007. – № 2. – С. 226-238.

4. Медведев, Н.П. Социальное самочувствие личности: вопросы содержания, измерения и оценки [Текст] / Н.П. Медведев // Социальное самочувствие населения в современной России: тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции. – Ростов н/Д, 2010.

5. Социально-экономическое положение Вологодской области в 2013 году: доклад [Текст] / Вологдастат. – Вологда, 2014. – 137 с.

РОЛЬ НОВОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Нынешний мир уже не тот, что раньше. Провальные попытки исследователей социальных наук спрогнозировать и даже описать такие явления, как глобализация, гиперконкуренция, ускорение НТР, рост энтропии мировой финансовой системы, кризисы и перекраивание мира по политическим мотивам демонстрируют текущую несостоятельность социально-экономической модели развития общества. В последние десятилетия экономисты стали осознавать, что неоклассические принципы, базирующиеся на понятиях совершенной конкуренции, полной рациональности и механизма цен уже потеряли свою актуальность, и назрела необходимость в альтернативной теории, способной преодолеть несовершенство предыдущей.

Наша гипотеза состоит в том, что новая институциональная экономическая теория может справиться с подобной задачей.

Новая институциональная экономическая теория исходит из двух предпосылок: институты имеют значение и поддаются стандартным методам экономического анализа. В контексте данного изложения нам интересен первый постулат.

Согласно Д. Норту, институты – это правила игры в обществе, формирующие человеческие взаимоотношения и структурирующие политические, экономические и социальные стимулы¹. В этой связи представляется необходимым понять, почему правила и следование им так критичны в сегодняшнем мире.

Неоклассическая экономическая модель оперирует следующими базовыми предпосылками:

¹ Douglass North. Transaction Costs, Institutions and Economic Performance. – An International Center for Economic Growth, 1992. – P. 5

1) Индивиды действуют рационально и стабильны в своих предпочтениях (модель «экономического человека»).

2) Обмениваемые блага однородны, права собственности чётко определены (принцип «совершенной конкуренции»).

3) Издержки на поиск информации для совершения сделок отсутствуют (принцип «полноты информации»).

Парадоксальность этих базовых предпосылок, разработанных для функционирования свободного рынка, заключается в том, что они могут быть реализованы либо в условиях локального рынка наподобие средневековой ярмарки, где репутация торговцев была лучшей гарантией против оппортунизма, либо в условиях централизованного планирования ценообразования. В системе глобального освоения рынков и их монополизации крупными игроками неоклассическая модель не работает. Однако данное рассуждение представляет лишь одну сторону описываемой проблемы.

Как известно, глобальное освоение рынков было спровоцировано международным разделением труда и доктриной фритрейдерства, разработанной Адамом Смитом и модифицированной Давидом Рикардо. Однако, в то время как классики экономической мысли могли только предположить насыщение рынков в долгосрочной перспективе, нынешние поколения столкнулись с ним в реальности. Отсутствие торговых барьеров вылилось в явную и неявную конфронтацию фирм за ресурсы и сферы влияния. Экономика никогда не была подвержена такой колоссальной напряжённости, вызванной стремлением фирм завоевать или сохранить лидерство. Эта конфронтация обеспечивается механизмом присвоения, отчуждения, передачи или контроля прав собственности, иными словами – трансакциями.

Производной величиной от трансакций выступают трансакционные издержки, определяемые Т. Эггертсоном как затраты, возникающие, когда индивиды обмениваются правами собственности на экономические активы и обес-

печивают свои исключительные права². Иными словами, это издержки экономических агентов, возникающие в связи с присвоением, отчуждением, передачей и (или) контролем прав собственности ради извлечения определённых выгод.

Сегодня, в системе всё усложняющихся социально-экономических отношений, подверженных кризисным явлениям и неспособных преодолеть экономические дисбалансы, транзакционные издержки велики как никогда по причине борьбы фирм за рыночное господство. Когда транзакционные издержки значительны, институты играют определяющую роль в функционировании экономической системы. Иными словами, когда транзакционные издержки велики, институты обретают свою значимость.

Преимущество новой институциональной экономики состоит в том, что она принимает во внимание несовершенную человеческую природу и стремится создать экономическую парадигму без присущих неоклассической модели упрощений. Эта парадигма должна брать в расчёт неопределённость, действующую разрушительным образом на экономическую систему, находящуюся под гнётом кризисов, валютных войн, финансовых пузырей и гиперконкуренции. Только твёрдые правила и механизмы принуждения к их выполнению смогут сократить издержки, препятствующие её развитию. Эти правила и есть институты, и их роль должна быть должным образом оценена в рамках новой институциональной экономической теории.

² Thrainn Eggertsson. *Economic Behavior and Institutions*. – Cambridge University Press, 1990. – P. 14.

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ НАКОПЛЕННОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УЩЕРБА

В современных условиях значительно актуализируются вопросы, связанные с необходимостью ликвидации накопленного экологического ущерба. При этом одной из общепризнанных проблем в данной области является оценка экологического ущерба. Ряд авторов [4, 6, 8] отмечают, что от ее результатов напрямую зависят ключевые решения в области управления экологическим ущербом и экологической реабилитацией территорий. Оценка и дообследование объектов экологического ущерба также является целью первого этапа федеральной целевой программы «Ликвидация накопленного экологического ущерба на 2014–2025 годы» [7]. Это позволяет утверждать, что обобщение существующих методических и практических подходов к оценке экологического ущерба с целью разработки единого инструментария является актуальной задачей.

Среди основных причин, сформировавших направление оценки экологического ущерба, следует выделить следующие [10]:

- обеспокоенность людей условиями проживания;
- жесткие нормы финансовой ответственности (в частности, закон США о Суперфонде (1980 г.); директивы ЕС в области охраны окружающей среды, Конвенция о гражданской ответственности за ущерб окружающей среде (Лугано, 1993 г.), другие нормативные акты, регулирующие состояние окружающей среды);
- давление общественности на финансовые институты и, в частности, Орхусская конвенция 1998 года об участии общественности в процессе принятия решений по конкретным видам деятельности, затрагивающей окружающую среду, и доступе к правосудию и экологической информации;

➤ нежелание инвесторов и кредитных организаций рисковать из-за возможных финансовых потерь, обусловленных экологическими факторами.

В настоящее время, развитию оценки экологического ущерба на современном этапе препятствует ряд проблем экологического, организационного и экономического характера. Среди экологических проблем следует в первую очередь выделить проблему определения границ экологического ущерба. В результате, внимание концентрируется на отдельных объектах ПЭУ, а не их негативном влиянии на окружающую среду. Экономические проблемы обычно связаны с высокими (или, наоборот, слишком низкими) оценками затрат на ликвидацию экологического ущерба, что не позволяет эффективно применять экономические инструменты управления. Организационные проблемы связаны с тем, что не определена ответственность за экологический ущерб, условия и взаимодействие при его ликвидации.

Во многих случаях расчет потенциального ущерба, причиняемого компонентам окружающей среды, зависит от применяемого подхода и целевых установок, в связи с чем стоимостное выражение ущерба может различаться на порядки. Для примера можно привести проведенный Госкомэкологией России в 2002 г. эксперимент по страхованию лесов от пожаров в Северо-Западном регионе, где был применен практически экосистемный подход, с учетом многофункциональности лесных экосистем, с максимальным учетом всех полезностей лесного участка [4]. Страховая стоимость кадастровых участков при этом оказалось настолько высокой, что страховые компании отказались брать их в страхование. Налицо противоречие экологических и экономических аспектов, когда с одной стороны в качестве целевых установок выступает необходимость сохранения экосистемных функций лесных участков, с другой стороны – финансовые возможности российского страхового рынка, не позволяющие страховать особо ценные природные объекты в соответствии с их реальной (экосистемной, биосферной) стоимостью. В то же время применяемый в российской практике подход на основе такс для расчета размера

взыскания за причиненный ущерб объектам животного и растительного мира из-за очень низкой расчетной стоимости находится в некотором противоречии с целевой установкой – сохранением биоразнообразия – в связи с тем, что применяемый механизм платежей и штрафов, тем более в условиях финансового кризиса и высокой инфляции, не стимулирует причинителей ущерба к сохранению окружающей среды [6].

Таким образом, в связи со сложностью исчисления всех элементов убытков необходимо создание специальных методик расчета. При предъявлении исковых требований не всегда удастся определить характер и объем всех последствий причиненного вреда в связи с его возможным «отложенным» действием и возможность вторичного загрязнения. Поэтому установление специальных такс и методик для исчисления размера взысканий за ущерб, причиненный нарушением законодательства о природных ресурсах, призвано облегчить на практике определение размера взысканий. Между тем применение такс и методик для расчета размера причиненного вреда не всегда обеспечивает реализацию принципа полного возмещения вреда, в особенности при причинении крупномасштабного вреда [4].

Отличительными особенностями действующей системы экономической оценки экологического ущерба являются, во-первых, покомпонентный подход и, как следствие, отсутствие комплексности в расчетах; во-вторых, преобладание нормативных методов оценки и, в-третьих, отсутствие законодательно признаваемых методов оценки ущерба (вреда), причиняемого жизни и здоровью людей загрязнением окружающей природной среды и методов оценки компенсации экосистемных услуг (методов оценки экосистем и их функций).

Среди современных методик, позволяющих наиболее полно оценивать загрязнение отдельных аспектов окружающей среды и накопленный в ней экологический ущерб, стоит выделить методику исчисления размера ущерба от загрязнения подземных вод [4]. Она содержит рекомендации по исчислению

размера ущерба, причиненного окружающей природной среде и природопользователям в результате экологических правонарушений, аварий на предприятиях, транспорте и других объектах, приведших к загрязнению питьевых и минеральных подземных вод, а также других типов подземных вод (технических, теплоэнергетических, промышленных), если загрязнение последних приводит к загрязнению других компонентов окружающей природной среды (почва, поверхностные воды суши и морские воды, флора и фауна).

Общий ущерб по данной методике рассчитывается как суммарное стоимостное выражение всей совокупности затрат, ущерба подземным водам и другим компонентам окружающей среды и убытков, вызванных экологическим правонарушением. К таким затратам и ущербам предлагается относить:

- затраты на изучение объекта загрязнения подземных вод, прогноз дальнейшего развития этого процесса и выработку решения по ликвидации загрязнения или компенсации его последствий;

- ущерб подземным водам как полезному ископаемому, использование которого в связи с загрязнением должно быть ограничено или невозможно;

- убытки, которые несут недропользователи, эксплуатирующие подземные воды, в связи с их загрязнением, включая упущенную выгоду;

- ущерб другим компонентам окружающей природной среды (почва, поверхностные воды суши и морские воды, флора и фауна) в связи с загрязнением подземных вод, затрудняющим или делающим невозможным использование этих компонентов по заданному назначению;

- убытки природопользователей в связи с ограничением использования других компонентов окружающей природной среды из-за загрязнения подземных вод.

Величина ущерба подземным водам как полезному ископаемому складывается из ущерба, который понесет собственник ресурсов (государство) в связи с уменьшением (прекращением) платы за пользование недрами, и затрат,

связанных с проведением мероприятий по санации очага загрязнения в случае необходимости. Таким образом, эта методика довольно полно описывает современные процедуры и технологии экономической оценки ущерба, возникающего при различных случаях загрязнения подземных вод, что делает возможным ее применение при оценке прошлого экологического ущерба.

Особое внимание следует обратить на существующий в этой области опыт регионов. Собственные методики, в рамках которых производится оценка отдельных аспектов экологического ущерба, разработаны в Москве, Томске, Нижнем Новгороде и ряде других городов, при этом наиболее подробной и проработанной является московская методика. Она позволяет определять экологический ущерб, нанесенный следующим компонентам окружающей среды [6]:

- зеленым насаждениям при их рубках;
- объектам животного мира;
- землям при их загрязнении, захламлении и последующей деградации;
- поверхностным водным объектам при их загрязнении, засорении (включая затопление судов);

Кроме того, существует методика экономической оценки экологического ущерба, причиняемого строительством автомобильных дорог на территории Москвы и Московской области.

Среди недостатков данных методик отмечают то, что они построены на применении нормативного метода. Размер ущерба связывается с законодательно установленными нормативами затрат на освоение новых земель взамен изымаемых сельскохозяйственных угодий для несельскохозяйственных нужд. Нормативы дифференцируются посредством жестко установленных коэффициентов в зависимости от местоположения объекта оценки, степени нарушения и ряда других факторов. Как показывает опыт работ, из-за применения необоснованной величины поправочного коэффициента результаты оценки, проводимой по данной технологии, обычно бывают сильно завышены [4].

Таким образом, говоря о проблемах, возникающих в области оценки экологического ущерба в России и регионах, можно заключить следующее:

- комплексная оценка экологического ущерба, накопленного в Российской Федерации в результате хозяйственной деятельности, до настоящего времени не проводилась, и имеющиеся данные носят фрагментарный характер;

- законодательством РФ не определены понятия «экологический ущерб», «экологические обременения», не регламентированы вопросы ответственности за экологические обременения, нанесенные в результате прошлой хозяйственной деятельности;

- отсутствует единая методика выявления, учета и оценки «экологического ущерба», связанного с хозяйственной деятельностью;

- отсутствует актуализированная и систематизированная информация об объектах/источниках «экологического ущерба», о территориях, загрязненных в результате хозяйственной деятельности, об уровнях их загрязнения и о масштабах «экологического ущерба», накопленного в результате прошлой хозяйственной деятельности;

- отсутствуют механизмы финансирования соответствующих мероприятий по ликвидации «экологического ущерба», связанного с хозяйственной деятельностью, и реабилитации загрязненных территорий на основе государственно-частного партнерства.

Таким образом, можно отметить, что уже на самом раннем этапе (прогнозирования) процесс управления ликвидацией накопленного экологического ущерба сталкивается с определенными трудностями, которые возникают вследствие отсутствия единого подхода к определению объекта управления данным механизмом. Причинами данного положения являются множество несогласованных между собой методик оценки экологического ущерба, результаты применения которых не дают однозначного ответа о масштабах и состоянии накопленного экологического ущерба территорий, его опасности для окружающей среды, населения и экономики, а также

возможности его ликвидации. Это обуславливает необходимость создания единой методики оценки экологического ущерба для всех регионов России.

Литература

1. Доклад о состоянии и охране окружающей среды Вологодской области в 2013 году / Правительство Вологодской области, департамент природных ресурсов и охраны окружающей среды Вологодской области. – Вологда, 2014. – 260 с.
2. Комплексный территориальный кадастр природных ресурсов Вологодской области / Департамент природных ресурсов и охраны окружающей среды Вологодской области. – Вологда, 2011. – 240 с.
3. Лимин, Б.В. Региональные особенности влияния качества питьевого водоснабжения на формирование приоритетной патологии населения Вологодской области [Электронный ресурс] / Б.В. Лимин. – Режим доступа: erh.ru/city/city029.php
4. О механизмах ликвидации экологического ущерба, связанного с прошлой экономической деятельностью / Аналитический вестник федерального собрания РФ № 1 (485) // Аналитическое управление аппарата Совета Федерации. – М., 2013. – С. 102.
5. О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Вологодской области в 2013 году / государственный доклад под ред. И.А. Кузнецовой, Б.В. Лимины. – Вологда, 2014. – 186 с.
6. Оценка накопленного экологического ущерба в Кемеровской области / Отчет об исследовании Всемирного Банка по оценке прошлого экологического ущерба в России. – Новокузнецк, 2006. – 50 с.
7. Паспорт федеральной целевой программа «Ликвидация накопленного «экологического ущерба» на 2014–2025 годы». – 48 с.
8. Прошлый экологический ущерб в Российской Федерации / Всемирный банк, Департамент устойчивого развития. – 2007. – 61 с.
9. Руководства по оценке риска для здоровья населения при воздействии химических веществ, загрязняющих окружающую среду. – М., 2004. – 54 с.
10. Соколов, Ю.И. Арктика: к проблеме накопленного экологического ущерба / Ю.И. Соколов // Арктика: экология и экономика. – 2013. – № 2 (10). – С. 18-27.
11. Экологическая культура – основа решения экологических проблем / аналитический доклад // Аналитическое управление аппарата Совета Федерации. – М., 2013. – 105 с.

СМЕНА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА – ОСНОВА МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ *

Рассмотрение модернизации России с точки зрения перспектив долгосрочного развития экономики и общества – это прежде всего процесс преобразования страны в инновационную державу, продукция которой конкурентоспособна на международных рынках. При этом каждый новый этап модернизации основан на технологических, организационных и социальных инновациях, на сменах технологических укладов (ТУ). Как считает С.Ю. Глазьев, новый шестой ТУ, приходящий на смену пятого, открывает для России возможности технологического рывка и опережающего роста на гребне новой длинной волны экономического роста [1]. При этом основополагающими факторами служат своевременное создание заделов для формирования ядра шестого ТУ и опережающая модернизация его стержневых отраслей: электронной промышленности, программного обеспечения, информационных технологий, нанотехнологий, генной инженерии.

Однако, как показывает анализ экономического климата, существует громадная диспропорция между Россией и развитыми странами, обусловленная технологической многоукладностью, доставшейся нашей стране со времен СССР. Развитие четвертого ТУ происходило в СССР с запаздыванием на 30 лет по сравнению с глобальной траекторией ТЭР (топливно-энергетических ресурсов) [2]. Кроме того, Россией был пропущен пятый технологический уклад, связанный с телекоммуникациями, микроэлектроникой, малотоннажной химией. Так, например, по сравнению с другими странами Россия значительно отстает по количеству и качеству компьютеров. Доля нашей страны на мировой арене суперкомпьютеров в 2014 г. составляла 1%, что в 15 раз меньше, чем в Китае, и

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 14-03-00421.

в 46 раз меньше, чем в США (табл. 1). В РФ хоть и отмечается положительный рост в области компьютерных технологий, однако темпы увеличения недостаточны для занятия доминирующих позиций. На мировое лидерство претендует Китай, который постоянно наращивает темпы роста и за последние 13 лет поднялся с 15-го места на 2-е. Россия же в 2013 г. занимала 9 место в рейтинге суперкомпьютеров, при значительно отстающей производительности – в 25 раз ниже, чем в Китае и в 44, чем в США, однако в 2014 г. (на июнь месяц) снизила свои позиции и стала занимать лишь 12 место в мировом рейтинге стран – обладателей суперкомпьютеров.

Таблица 1. Крупнейшие обладатели суперкомпьютеров (500 самых мощных общественно известных компьютерных систем мира)

№ в мире	Лидирующие страны	1997 г.		2007 г.		2013 г.		2014 г.	
		Кол-во (шт.)	TFlops	Кол-во (шт.)	TFlops	Кол-во (шт.)	TFlops	Кол-во (шт.)	TFlops
1	США	265	10	280	4436	252	152701	232	175407
2	Китай	– *	–	13	175	66	85176	76	102670
3	Япония	87	0,381	23	393	30	24501	30	31006
4	Великобритания	24	0,607	44	526	29	11032	30	18459
5	Франция	19	0,677	13	198	23	10881	27	13234
6	Германия	45	0,187	23	317	19	13521	22	17612
7	Индия	– *	–	8 *	87	11	3518	9	3522
8	Канада	7	0,124	10 *	80	9	2288	9	2393
9	Южная Корея	9*	0,2	5*	44	4*	1292	8	3203
10	Швеция	8	0,215	10	88	7	1534	6	9848
12	Россия	1 *	0,024	5 *	44	8	3475	5*	3438

* В данном году страна не входит в десятку лидеров.

TFlops – (Trillion Floating point Operation TFlops = 10^{12} Flops Терафлопс) – пиковая производительность – теоретический предел производительности (выражаемый через операции с плавающей точкой) для данных процессоров.

Россия в июне 2013 г. занимала 9 место в мировом рейтинге стран, обладателей суперкомпьютеров.

Отсортировано по столбцу Количество в 2014 г.

Источник: TOP 500 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://top500.org/>

В России низкими темпами развивается и научная составляющая научно-технического прогресса: число патентов в области информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) не только в 70 раз ниже лидирующей двойки (Япония, США), но с 2011 по 2012 г. снизилось на 8,7% – с 312 до 285 штук. Все больше расширяют сферы своего доминирования азиатские страны – Япония и Китай (табл. 2).

Таблица 2. **Число патентов в области ИКТ – заявки, поданные в соответствии с договором о патентной кооперации***, штук

Страна	2000 г.	2007 г.	2012 г.
США	19005	20027	20243
Япония	479	13421	18167
Китай	237	3883	11454
Германия	4018	4306	4004
Франция	1520	2039	2146
Великобритания	2201	2228	1693
Швеция	1275	1374	1405
Канада	935	1368	1323
Россия	182	203	285

* Отсортировано по 2012 г.
 Источник: Main Science and Technology Indicators, Volume 2014 Issue 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oecd-ilibrary.org/statistics>

Если рассматривать расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) на душу населения по паритету покупательной способности (ППС), то Россия в 5–6 раз отстает от Швеции, США, Германии (табл. 3). И хотя за последние 12 лет в нашей стране произошло увеличение расходов почти в 3,7 раза с 71,6 до 264,6 долларов на душу населения, все же темп роста ниже, чем в Китае (за 12 лет расходы увеличились более чем в 8 раз), также имеющем одно из низких значений этого показателя.

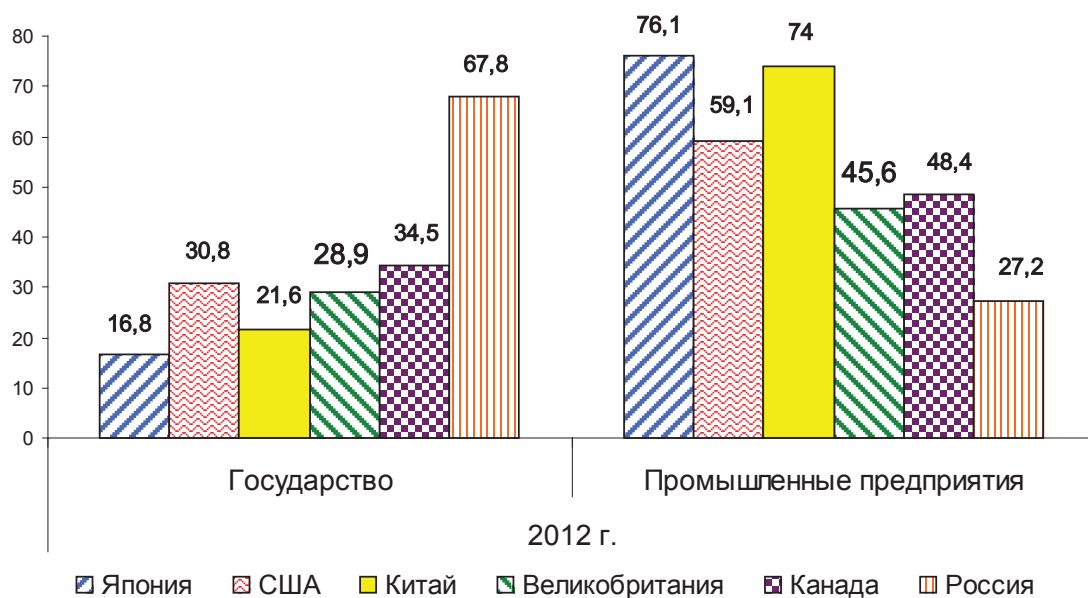
Таблица 3. **Валовые внутренние расходы на НИОКР на душу населения в текущих ценах по ППС, долл.**

Страна	2000 г.	2007 г.	2012 г.
Швеция	–	1319,9	1460
США	954,4	1260,6	1443,1
Германия	637,7	859	1248,1
Япония	778,6	1153,3	1189,5
Франция	443,4	689,5	845,9
Канада	544,3	752,5	711,0
Великобритания	473,7	634,6	613,9
Россия	71,6	185,8	264,6
Китай	25,8	93,1	216,8

Отсортировано по 2012 г.
 Источник: Main Science and Technology Indicators, Volume 2014 Issue 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oecd-ilibrary.org/statistics>

В развитых странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), а также Китае (рисунок) доля расходов частного сектора на НИОКР в 3–5 раза выше государственных расходов. В России же, наоборот, данное соотношение составляет 1 к 2,5, что идет вразрез с мировой тенденцией

(рис. 1). При этом государство финансирует свыше половины НИОКР, выполняемых частным сектором. Для стран ОЭСР этот показатель составляет всего 7%, для Китая – менее 5% [4]. Главная причина такого положения РФ в отсутствии стимулов к инвестированию в научные исследования и разработки со стороны частного капитала. Доля бюджетного финансирования за последние 10 лет не только не сократилась, а, напротив, увеличилась с 54,8% в 2000 г. до 67,1% в 2010 г. Это свидетельствует о том, что частные промышленные компании не ощущают нужды в технологических инновациях и не несут определяющего значения в отборе и внедрении технологий в производство, что является ядром инновационной политики. То есть отсутствует здоровая конкурентная среда, в которой увеличение объема продаж ведет к росту финансирования осуществляемых ими научных исследований и разработок.

Доля валовых внутренних расходов на НИОКР, финансируемых государством и промышленными предприятиями, %

Источник: Main Science and Technology Indicators, Volume 2014 Issue 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oecd-ilibrary.org/statistics>

В свете рассмотренных выше аспектов особую значимость приобретают вопросы, связанные с инновационным и модернизационным развитием нашей

страны и каждого ее региона. Достаточно успешные попытки поднятия экономики и престижа страны в последние годы демонстрирует Китай, который любой ценой пытается выйти на ведущие мировые рынки, перейти от аграрно-индустриального общества к информационному – основанному на знаниях. В связи с этим немало аналитических и прогнозных работ проведено китайскими учеными. В начале XXI века особое внимание Китайской академии наук (КАН) было уделено вопросам модернизации в мире и Китае (Хэ Чуаньци) [6]. Ученые Центра исследования модернизации (ЦИМ) КАН предложили комплексный набор количественных ориентиров развития, отвечающих мировому уровню модернизации экономики 20 наиболее развитых стран мира. С 2001 г. ЦИМ КАН ежегодно рассчитывает индексы и фазы двух стадий модернизации и их интегрированного индекса для 131 страны мира (включая Россию), ранжирует их и прогнозирует основные ориентиры эволюции модернизации в мире. Имеются основания для применения методики ЦИМ КАН к измерению состояния и динамики процессов модернизации в регионах России. Проведенное по данной методике изучение уровней модернизации субъектов РФ показало, что у всех территорий существуют схожие барьеры, заключающиеся в низкой инновационной модернизированности [3]. Приоритетом региональной политики должно стать создание условий для всемирной кооперации регионов в развитии территорий, решения общих проблем и реализации совместных проектов [7]. Для успеха в формировании инновационной экономики нужна национальная инновационная система институтов, социальных практик, укрепляющая достигнутые результаты и создающая реальные возможности движения по инновационному пути развития. При этом для преодоления главного препятствия, состоящего не в нехватке финансов, а в отсутствии квалифицированных управленцев, необходима совместная работа ученых, предпринимателей, инноваторов и представителей властных структур.

Модернизация – это стратегическая задача не только национального, но и регионального развития. Как показал анализ, основными принципами модерни-

зации большинства регионов РФ в ближайшие годы должен стать переход от первичной модернизации ко вторичной – более наукоемкому и инновационному этапу. Естественно допустить, что даже соседним территориям понадобятся разные сроки для этого осуществления. Инновации, знания и человеческие ресурсы должны стать главными источниками энергии, которые должны помочь в непростой конкурентной борьбе регионов в осуществлении модернизации. В российских регионах необходимо осуществление модернизации смешанного типа с органичным использованием как передовых зарубежных достижений, так и возможностей собственного научно-инновационного потенциала.

Литература

1. Глазьев, С.Ю. Возможности и ограничения технико-экономического развития России в условиях структурных изменений в мировой экономике [Электронный ресурс] / С.Ю. Глазьев. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.narod.ru/glaziev.htm>
2. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития / С.Ю. Глазьев. – М.: ВладДар, 1993.
3. Ласточкина М.А., Шабунова А.А. Возможности и ограничения модернизационного развития регионов Северо-Западного федерального округа / М.А. Ласточкина, А.А. Шабунова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 5. – С. 39-52.
4. Пилясов, А.Н. Прогнозное развитие регионов российской Арктики: трансформация пространства, внешние связи и уроки зарубежных стратегий / А.Н. Пилясов // Арктика. Экология и экономика. – 2011. – № 2. – С. 10-17.
5. Семенова, Е.А. Роль государства в стимулировании инноваций / Е.А. Семенова // Проблемы национальной стратегии. – 2010. – № 4. – С. 119-133.
6. Чуанци, Х. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010) / Х. Чуанци; пер. с англ., под общ. ред. Н.И. Лапина; предисл. Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. – М.: Весь Мир, 2011.
7. OECD iLibrary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oecd-ilibrary.org/statistics>
8. TOP 500 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://top500.org/>

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ

О сжатии освоенного пространства России в последнее время пишется много. Понимать его можно по-разному – от повышения проницаемости пространства, доступности его центров до физического сокращения площади заселенных и освоенных территорий. Основными индикаторами сжатия заселенного и используемого пространства может служить динамика населения и хозяйственной деятельности в сельской местности.

Быстрая индустриализация и урбанизация XX века наряду с демографическими потерями привели к очень сильной убыли сельского населения и его концентрации. Анализ современных миграционных процессов показывает продолжающийся после некоторого перерыва, связанного с экономическим кризисом начала 1990-х, отток сельского населения (табл. 1). В 2012 г. удельный вес сельского населения в целом по РФ сократился до 26% (на 0,8 п.п. по сравнению с 2000 г.).

Таблица 1. Удельный вес сельского населения, % к итогу

Регион	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2012 г. к 1990 г., п.п.	2012 г. к 2000 г., п.п.
Российская Федерация	26,2	26,8	26,8	26,2	26,1	26,0	-0,2	-0,8
Центральный ФО	21,7	20,4	19,6	18,5	18,4	18,3	-3,4	-2,1
Северо-Западный ФО	17,7	17,8	17,4	16,4	16,3	16,2	-1,5	-1,6
Республика Карелия	18,2	25,5	23,8	21,9	21,6	21,2	+3,0	-4,3
Республика Коми	24,0	24,7	24,2	23,0	22,8	22,7	-1,3	-2,0
Архангельская область	26,2	25,1	26,3	24,3	23,8	23,4	-2,8	-1,7
<i>Вологодская область</i>	<i>34,1</i>	<i>31,2</i>	<i>31,4</i>	<i>29,2</i>	<i>28,8</i>	<i>28,7</i>	<i>-5,4</i>	<i>-2,5</i>
Калининградская область	21,1	22,4	22,7	22,4	22,5	22,5	+1,4	+0,1
Ленинградская область	33,9	33,7	34,0	34,3	34,6	34,8	+0,9	+1,1
Мурманская область	8,4	7,7	7,7	7,2	7,3	7,3	-1,1	-0,4
Новгородская область	30,1	30,4	29,2	29,3	29,4	29,5	-0,6	-0,9
Псковская область	36,5	34,4	31,7	29,8	29,8	29,7	-6,8	-4,7
Южный ФО	35,3	37,1	37,7	37,5	37,5	37,4	+2,1	+0,3
Северо-Кавказский ФО	48,4	50,9	50,6	50,8	50,8	50,8	+2,4	-0,1
Приволжский ФО	28,9	29,4	29,6	29,1	28,9	29,0	+0,1	-0,4
Уральский ФО	19,1	19,4	20,4	20,0	19,8	19,7	+0,6	+0,3
Сибирский ФО	28,1	29,1	28,8	28,0	27,8	27,6	-0,5	-1,5
Дальневосточный ФО	23,9	24,2	25,6	25,2	25,1	24,9	+1,0	+0,7

В Вологодской области удельный вес сельского населения несколько выше среднероссийского – 28,7%, однако темпы его снижения существенно опережают российский уровень. С 2000 по 2012 г. доля сельского населения сократилась на 2,5 п.п. Сельское население области за указанный период сократилось на 14,8% – с 403,2 до 343,3 тыс. чел. Городское население при этом уменьшилось лишь на 3,9%.

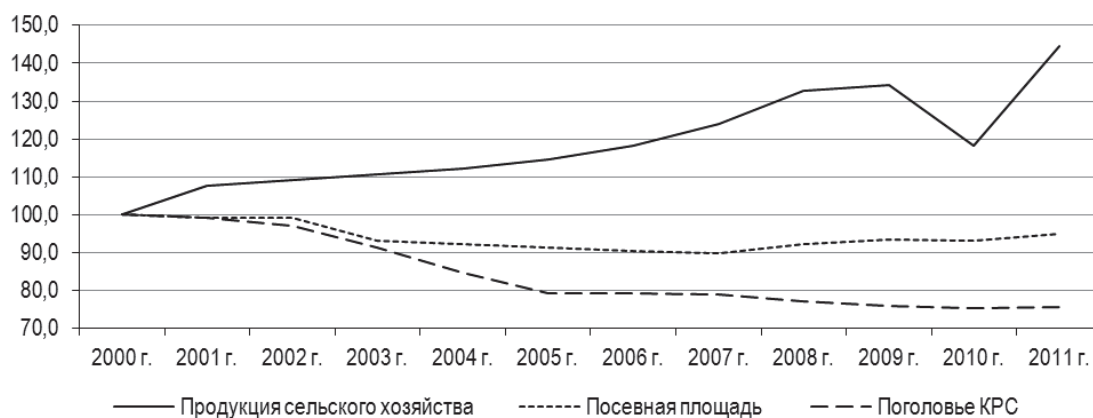
Крупные города (Вологда и Череповец) стягивают в себя и в свои пригороды сельское население области. За 2000–2012 гг. население Вологды увеличилось на 3,1%, Череповца – на 0,4%, а Вологодского и Череповецкого районов сократилось лишь на 0,1 и 2,7%. При этом население Белозерского, Вашкинского, Междуреченского и Харовского районов сократилось более чем на 25%.

В результате сельское пространство Вологодской области, и так сравнительно слабо освоенное и заселенное, давно уже сжалось в отдельные ареалы (очаги), а вокруг них возникла социально-демографическая пустыня. Схожая ситуация наблюдается и в других регионах страны. Глобализация и информационная проницаемость пространства лишь усугубляют ситуацию, высвечивая экономические и социальные контрасты городских и внегородских территорий и обнажая несоответствие имеющейся социальной среды запросам молодежи.

Основными видами деятельности вне крупных городов являются сельское и лесное хозяйство, а также переработка агро- и древесной продукции. В 2007 г. в целом по РФ пищевая промышленность составляла 49% продукции обрабатывающих производств городов с населением до 20 тыс. человек, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность – 25% (на северо-западе и севере Европейской России – 42%).

Динамика производства данных видов деятельности также свидетельствует о сужении и поляризации используемого пространства в России и ее регионах.

С 2000 г. в целом по стране статистика фиксирует ежегодный (за исключением 2010 г.) прирост валовой продукции сельского хозяйства (в 2011 г. – на 44,7% к уровню 2000 г.), однако одновременно с этим отмечается длительное сокращение посевных площадей (на 4,9%) и поголовья скота (на 24,5%; рисунок). Это свидетельствует о фокусном характере роста за счет адаптации с/х предприятий к новым условиям, прежде всего на юге страны и в пригородных зонах. При этом на огромных территориях с относительно неблагоприятными сельскохозяйственными условиями продолжался экономический упадок, сопровождающийся ускоренной депопуляцией и миграционным оттоком.

Динамика агропроизводства, посевной площади и поголовья крупного рогатого скота в РФ, в % к 2000 г.

Сужение освоенного пространства характерно и для лесопромышленной деятельности. В целом по стране отмечается рост лесозаготовок (за 2000–2011 гг. на 49,5%). Однако результатом лесной реформы 2007–2010 гг. стал перенос государственных издержек лесного хозяйства на арендаторов. В итоге большая их часть была вынуждена прекратить свое существование. По сравнению с 2005 г. в 2012 г. число лесозаготовительных предприятий сократилось на 41,4%, количество занятых на них работников – на 45,8% (табл. 3). Это привело к сжиманию лесозаготовки к освоенной зоне.

Таблица 2. Индекс производства продукции сельского хозяйства (в % к прошлому году)

Регион	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2012 г. к 2000 г., %
Российская Федерация	106,2	101,6	103,6	103,3	110,8	101,4	88,7	123,0	95,2	144,7
Центральный ФО	112,3	102,9	103,5	106,8	114,2	104,0	84,5	134,7	104,3	169,4
Северо-Западный ФО	102,1	98,7	98,1	99,0	103,8	104,2	101,9	108,3	103,9	113,7
Республика Карелия	102,3	97,7	101,4	97,6	104,9	96,2	99,2	99,8	94,4	84,5
Республика Коми	107,6	97,6	103,6	92,0	107,9	97,2	103,3	108,9	101,4	101,7
Архангельская область	97,7	93,6	97,3	91,4	96,0	105,0	97,8	107,9	100,9	70,6
<i>Вологодская область</i>	<i>101,6</i>	<i>100,3</i>	<i>95,3</i>	<i>98,8</i>	<i>100,5</i>	<i>97,6</i>	<i>92,5</i>	<i>110,6</i>	<i>95,0</i>	<i>80,9</i>
Калининградская область	102,5	100,5	101,9	96,4	119,8	109,9	100,1	100,1	105,3	137,3
Ленинградская область	102,6	102,0	99,5	102,8	101,8	104,5	102,6	108,8	108,1	140,5
Мурманская область	104,1	105,5	109,6	107,6	103,5	100,7	97,7	101,8	99,9	93,5
Новгородская область	107,6	98,7	92,7	100,2	106,1	117,7	125,8	117,3	105,0	183,8
Псковская область	98,5	86,9	94,9	95,9	98,7	101,9	100,8	105,3	105,8	80,2
Южный ФО	112,0	102,7	102,3	99,0	103,8	104,2	99,2	113,2	90,6	158,1
Северо-Кавказский ФО	104,9	104,8	н/д	н/д	110,7	98,2	103,6	111,0	92,5	–
Приволжский ФО	101,3	99,8	105,2	103,5	107,0	99,8	74,0	140,1	93,9	129,4
Уральский ФО	94,6	113,0	109,0	98,5	102,1	104,5	90,2	124,9	85,3	130,8
Сибирский ФО	109,8	97,0	102,8	107,4	101,3	110,0	94,6	105,1	90,0	116,0
Дальневосточный ФО	97,7	98,0	103,3	103,0	104,8	103,1	101,8	107,6	97,4	134,1

Таблица 3. Основные показатели по виду деятельности «Лесозаготовки»

Регион	Число предприятий				Среднегодовая численность работников организаций, человек			
	2005 г.	2011 г.	2012 г.	2012 г. к 2005 г., %	2005 г.	2011 г.	2012 г.	2012 г. к 2005 г., %
Российская Федерация	20825	13551	12199	58,6	247753	144441	134310	54,2
Центральный ФО	2367	1794	1691	71,4	15632	10374	9150	58,5
Северо-Западный ФО	5981	3459	3070	51,3	87141	41171	36338	41,7
Республика Карелия	716	452	446	62,3	12694	4318	3459	27,2
Республика Коми	703	488	372	52,9	12723	9160	7640	60,0
Архангельская область	814	597	536	65,8	21308	9431	7433	34,9
<i>Вологодская область</i>	<i>877</i>	<i>536</i>	<i>491</i>	<i>56,0</i>	<i>16275</i>	<i>6469</i>	<i>6200</i>	<i>38,1</i>
Калининградская область	127	88	70	55,1	402	63	6	1,5
Ленинградская область	1200	445	393	32,8	19870	9242	9584	48,2
Мурманская область	69	23	23	33,3	230	120	113	49,1
Новгородская область	346	276	262	75,7	1937	1640	1542	79,6
Псковская область	346	180	168	48,6	1526	728	361	23,7
Южный ФО	260	170	151	58,1	757	1761	1576	208,2
Северо-Кавказский ФО	42	46	46	109,5	422	97	88	20,9
Приволжский ФО	2524	1920	1721	68,2	34823	22194	21596	62,0
Уральский ФО	1636	1074	968	59,2	16628	8207	8752	52,6
Сибирский ФО	5649	3837	3437	60,8	59816	38418	35826	59,9
Дальневосточный ФО	2366	1251	1115	47,1	32534	22219	20984	64,5

Тенденцией так же стала концентрация агро- и лесопромышленного производства и интеграция сельскохозяйственных и лесохозяйственных предприятий, расположенных в разных регионах России, в крупные вертикально интегрированные структуры, инициируемые и управляемые из городов и использующие современные технологии производства, переработки продукции и логи-

стики. С одной стороны, это дало толчок обновлению отраслей и частичному выходу их кризиса. Появились новые пространственные конфигурации, сформированные сырьевыми зонами этих вертикальных структур. С другой – это также ведет к усилению поляризации и фрагментации пространства страны. Вместе с инновационным развитием отдельных очагов, модернизацией в них производства сохраняются обширные площади депрессивной и архаичной сельской местности с застойной безработицей населения.

Примечательно, что сжатие пространства отмечается в промышленном производстве и на внутрирегиональном уровне. К примеру, в Вологодской области с 1990 по 2012 г. удельный вес производства товаров в муниципальных районах сократился с 28,6 до 12,7%. Основная доля товаров производится в крупных городах Череповце и Вологде (в 2012 г. соответственно 76 и 11,3%).

Схожие тенденции наблюдаются также с инвестициями в основной капитал. С одной стороны, наблюдается их рост, с другой – замедление темпов данного роста и поляризованность их вложения. Основными объектами инвестирования являются крупные промышленные предприятия из крупных городов регионов.

Таким образом, в развитии социально-экономического пространства России можно отметить следующие тенденции: 1) идет отчетливый процесс его сужения; 2) повышается уровень централизации; 3) растет разорванность и фрагментация; 4) отсутствует системность в управлении пространственным развитием экономики страны и др.

Вышеобозначенные тенденции свидетельствуют о том, что мощнейший пространственный фактор не превратился для нашей страны в решающий фактор экономического роста, социально-экономического развития и модернизации общества. Решение данной проблемы состоит в формировании и применении системного подхода в управлении социально-экономическим пространством.

Основные направления системной модернизации в управлении социально-экономическим пространством заключаются в следующем:

- развитие механизмов горизонтального взаимодействия, стимулирование интеграции экономики, создание полицентричной пространственной структуры российской экономики через поддержку процессов формирования и развития агломераций по всей территории страны; поиск новых территориальных источников повышения конкурентоспособности (глубинных, окраинных и сельскохозяйственных территорий);

- ориентация новой региональной политики на форсирование всего спектра инвестиций в развитие человеческого потенциала, в первую очередь, его инновационных составляющих;

- ориентация на процессы саморазвития и автономного управления всех уровней региональных и территориальных социально-экономических систем;

- формирование новых форм пространственной организации экономики посредством создания бизнес-территорий в границах региона и/или муниципалитетов как одного из реальных институтов территориально-производственного саморазвития;

- создание, внедрение и совершенствование различного рода институтов развития, связанные с прямым действием государства (фонд реформирования ЖКХ и др.); со стимулированием инновационного развития территорий (ОЭЗ, иннограды и др.); с изменениями технологий регионального планирования и управления; с активизацией горизонтального взаимодействия бизнеса, власти, научно-образовательного сообщества, в том числе через кластерные формы развития бизнеса, ГЧП и др.;

- переход к программно-проектному подходу в управлении пространственным развитием как к отвечающему современным потребностям глобализируемой экономики рыночному институту федеративного и территориального развития.

Источники

1. Кузьминов, И.Ф. Концентрация производства в агропромышленном и лесопромышленном комплексах и поляризация пространства России / И.Ф. Кузьминов, Т.Г. Нефедова // Вестник Арго. – 2012. – № 1. – С. 76-89.

2. Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации / под ред. Л.М. Григорьева, Н.В. Зубаревич, Г.Р. Хасаева. – М.: ТЕИС, 2011. – 357 с.
3. Татаркин, А.И. Развитие экономического пространства регионов России на основе кластерных принципов / А.И. Татаркин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 3 (21). – С. 28-36.
4. Проблемы экономического роста территории [Текст]: монография / Т.В. Ускова, Е.В. Лукин, Т.В. Воронцова, Т.Г. Смирнова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – 170 с.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ОСНОВЕ ИННОВАЦИЙ

В современных условиях глубокие эффективные преобразования в реальном секторе экономики России возможны только на основе активного использования передовых достижений научно-технического прогресса и формирования нового механизма управления нововведениями на всех уровнях народного хозяйства.

Как показывает опыт ведущих стран мира (Япония, США, Германия и т.д.), для прогрессивного и устойчивого развития экономики в структуре промышленности необходимо наличие инновационных высокотехнологичных производств. Данная проблема актуальна и на региональном уровне, поскольку именно развитие регионов обуславливает общее процветание государства. Инновационная активность обеспечивает устойчивое развитие, а также крепкие конкурентные позиции предприятий региона.

Инновационные процессы способствуют динамичному развитию различных отраслей народного хозяйства и, прежде всего, промышленности. От того, насколько промышленность восприимчива к новшествам, зависят темпы научно-технического прогресса и экономического роста. Поэтому особого внимания заслуживает формирование инновационных стратегий развития промышленности, способных обеспечить активное внедрение инноваций в реальном секторе экономики.

В связи с этим актуальной проблемой является теоретическое обоснование и разработка организационно-экономического механизма инновационного развития промышленности.

Инерционное развитие российской промышленности в последние двадцать лет привело к возникновению ряда проблем, среди которых основной является падение объемов производства высокотехнологичной продукции, а так-

же преобладание в структуре производства ресурсодобывающих и низкотехнологичных отраслей (табл. 1). На долю предприятий металлургического комплекса приходится более половины производимой в регионе в 2012 г. продукции – 54,9%, в то время как в 1990 г. его доля составляла порядка 46%. Этот факт позволяет назвать промышленность Вологодской области металлургически ориентированной. Аналогичная ситуация наблюдается и в целом по стране, где на долю ТЭК приходится более 42% продукции.

Таблица 1. Структура промышленности России и Вологодской области в 1990–2012 гг.

Отрасли промышленности	Год							Абс. откл. 2012–1990 гг.
	1990	2000	2005	2007	2009	2011	2012	
<i>Россия</i>								
ТЭК	19,0	29,7	36,3	35,4	39,0	39,5	42,4	23,4
Машиностроительная	24,0	18,5	15,5	16,5	14,8	16,7	16,7	-7,3
Металлургическая	15,0	16,2	16,7	16,7	13,0	13,8	12,0	-3,0
Пищевая	19,0	12,3	13,1	12,1	15,3	12,3	12,0	-7,0
Прочие	8,0	7,6	10,2	11,8	10,1	9,5	7,1	-0,9
Химическая	7,0	7,8	5,9	5,3	5,7	6,2	5,8	-1,2
Деревообрабатывающая	6,0	5,3	1,3	1,2	1,2	1,0	3,3	-2,7
Легкая	3,0	2,5	1,1	0,9	1,0	0,9	0,8	-2,2
<i>Вологодская область</i>								
Металлургическая	46	67,9	66,7	65,5	54,6	58,9	54,9	8,9
Химическая	8,0	8,9	8,6	9,4	14,2	15,5	15,8	7,8
Пищевая	5,3	4,5	5,9	5,6	8,7	7,2	7,4	2,1
ТЭК	1,7	6,3	7,7	6,7	9,6	6,7	7,7	6
Машиностроительная	10,5	3,2	4,0	5,3	5,1	4,4	5,2	-5,3
Деревообрабатывающая	12,7	6,2	3,2	3,4	3,5	3,4	4,6	-8,1
Прочее	5,8	2,1	3,6	3,9	4,0	3,8	3,3	-2,5
Легкая	10	1	0,3	0,2	0,3	0,2	0,2	-9,8

Наполнение бюджета страны в целом и Вологодской области зависит от конъюнктуры рынка и уровня цен на продукцию добывающих отраслей и металлургических компаний на международных рынках. На машиностроительную продукцию по-прежнему приходится 17% произведенной в среднем по России продукции и лишь 5% в Вологодской области.

Причем за исследуемый период вклад отраслей, производящих высоко-технологичную продукцию (прежде всего машиностроение), сократился на

5 п.п. и составил лишь 5,5%. Произошел существенный спад в таких традиционных для Вологодской области отраслях, как деревообрабатывающая и легкая. Доля последней в экономике крайне мала – в 2012 г. она составляла менее 1%.

Основные индикаторы развития промышленности свидетельствуют о ее экстенсивном развитии (табл. 2).

Таблица 2. Основные индикаторы развития промышленности Вологодской области

Показатель	2005 г.	2007 г.	2009 г.	2010 г.	2012 г.	Абс. откл. 2012– 2005 гг., п.п.
Доля высокотехнологичных производств в промышленности, %	4,0	5,3	5,1	5,2	5,2	1,2
Уровень износа ОПФ, %	50,1	30,9	36,6	40,6	41,9	- 8,2
Доля занятых в промышленности в общей численности экономически активного населения, %	21,7	22,8	19,7	19,4	18,3	- 3,36
Рентабельность производимой продукции, %	33,6	28,7	12,5	14,0	8,2	- 25,4
Уровень инновационной активности, %	8,4	8,3	7,6	7,4	7,6	- 0,8
Число созданных передовых производственных технологий, ед.	7	–	2	1	4	- 3
Доля отгруженной инновационной продукции в общем объеме, %	4,5	6,10	2,85	1,74	4,7	0,2

Во-первых, в регионе сохраняется высокий уровень износа основных производственных фондов. В 2012 г. он составил 42%.

Во-вторых, численность персонала предприятий промышленности имеет устойчивую тенденцию к снижению. Это объясняется рядом обстоятельств.

В-третьих, рентабельность продукции обрабатывающих производств в среднем составила 8,2%. В то же время уровень рентабельности отраслей по производству машин и оборудования остается на крайне низком уровне (6,6%).

В-четвертых, за прошедшие два десятилетия рыночных трансформаций произошли значительные перемены в промышленности: наблюдается стремительное падение уровня инновационной активности предприятий, разработка и внедрение технологических инноваций осуществляется лишь на 5% промыш-

ленных предприятий. В среднем по обрабатывающим производствам региона он составил 8,5%.

В-пятых, в 2012 г. уровень инновационной активности промышленных предприятий значительно не изменился и по-прежнему крайне низок. В среднем по обрабатывающим производствам он составил лишь 7,6%.

В рамках исследования была проведена типологизация субъектов РФ за 2005–2012 гг. Для расчета индекса предлагается использовать следующие показатели: процент годности основных фондов промышленности, удельный вес занятых в промышленности в общей численности занятых в экономике, объем инвестиций в основной капитал промышленности в расчете на душу населения, доля прибыльных организаций промышленности в общей численности промышленных организаций, уровень инновационной активности промышленности, объем отгруженной продукции предприятий промышленности на душу населения.

Был рассчитан индекс развития промышленности региона, а затем был составлен рейтинг субъектов РФ по данному показателю (табл. 3). Вологодская область наряду с 16 регионами входит во второй интервал с уровнем развития промышленности выше среднего. Причем за семь лет Вологодская область переместилась со второго места на пятнадцатое. Это свидетельствует о негативных тенденциях в промышленном комплексе региона.

Таблица 3. Рейтинг первой группы субъектов РФ по уровню развития промышленности

Субъект РФ	2005 г.		2007 г.		2009 г.		2012 г.		Изменение индекса с 2005 г.
	Ip	Место в рейтинге	Ip	Место в рейтинге	Ip	Место в рейтинге	Ip	Место в рейтинге	
Калужская область	0,60	13	0,59	10	0,62	4	0,72	1	↑
г. Санкт-Петербург	0,63	9	0,57	12	0,63	2	0,69	2	↑
Свердловская область	0,66	4	0,62	5	0,59	9	0,66	3	↑
Республика Татарстан	0,55	29	0,53	20	0,55	16	0,66	4	↑
Тюменская область	0,60	12	0,62	4	0,71	1	0,66	5	↑
Камчатский край	0,47	67	0,36	71	0,46	43	0,64	6	↑
Челябинская область	0,67	3	0,66	3	0,59	10	0,63	7	↓
Пермский край	0,73	1	0,67	2	0,63	3	0,63	8	↓
Липецкая область	0,66	5	0,59	9	0,60	6	0,63	9	↓
Владимирская область	0,63	7	0,61	7	0,57	14	0,63	10	↓
Ленинградская область	0,63	8	0,54	17	0,60	8	0,62	11	↓
Нижегородская область	0,65	6	0,60	8	0,60	7	0,61	12	↓
Калининградская область	0,55	27	0,56	15	0,59	11	0,61	13	↑
Республика Алтай	0,44	73	0,49	38	0,43	56	0,61	14	↑
Вологодская область	0,73	2	0,71	1	0,62	5	0,60	15	↓
Магаданская область	0,43	74	0,28	77	0,58	13	0,60	16	↑
Омская область	0,54	33	0,53	23	0,54	20	0,60	17	↑

Проведенный анализ показал, что проводимая органами власти и управления Вологодской области политика по поддержке промышленного комплекса недостаточна, а большинство предпринятых мер неэффективны. Используемые органами власти и управления инструменты поддержки зачастую оказываются формальными и порой невзаимосвязаны между собой. В то же время для проведения эффективной политики необходима разработка и реализация системных шагов по поддержке промышленности, а этого возможно достичь посредством разработки и реализации концепции промышленной политики.

С нашей точки зрения необходима корректировка сложившегося механизма. Прежде всего, за счет формирования производственно-инновационной инфраструктуры, а также производственных кластеров. Кроме того, на региональном уровне по-прежнему отсутствуют стратегические и программные документы развития промышленности.

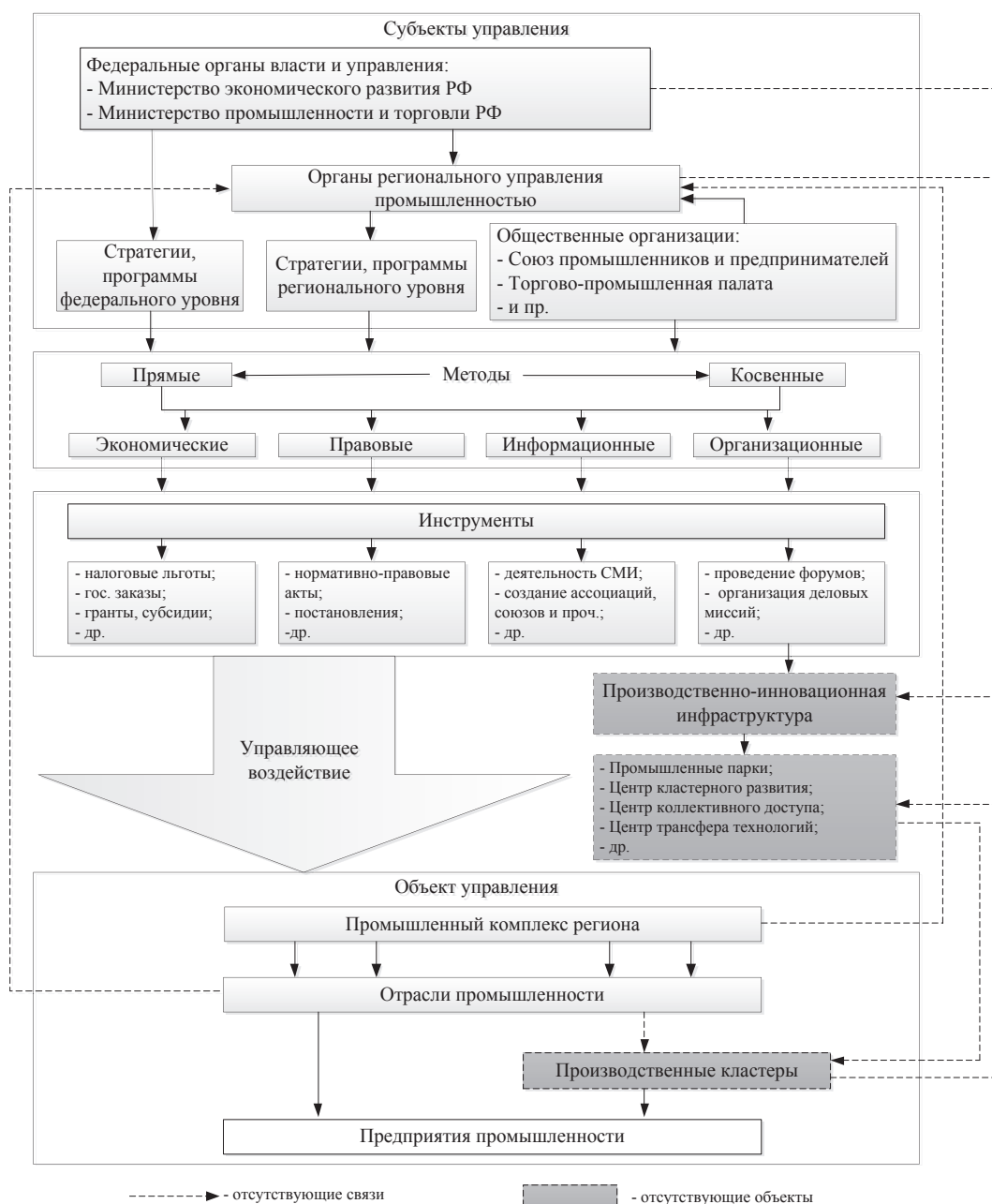

Рисунок 1. Механизм управления промышленностью на региональном уровне

Выявленные проблемы, а также современное состояние промышленного комплекса позволили определить, что приоритетом современного этапа экономического развития является перевод промышленности региона на инновационный путь, который предполагает поэтапное повышение инновационности промышленности региона. На наш взгляд, целесообразно выделить два основ-

ных этапа. На первом предполагается стабилизировать ситуацию в промышленности, создать отраслевые производственные кластеры, нацеленные на производство новой высокотехнологичной продукции.

Второй этап характеризуется устойчивым повышением инновационности промышленности. В рамках данного этапа будет продолжаться дальнейшее активное развитие высокотехнологичных производств, развитие производственных кластеров и создание инновационно-активных предприятий. Кроме того, будет расти инвестиционная привлекательность промышленности региона и активно развиваться региональная инновационная инфраструктура (рис. 2).

Реализация направлений будет способствовать диверсификации структуры промышленности, а также развитию технологического потенциала региона, что приведет к повышению конкурентоспособности экономики региона.

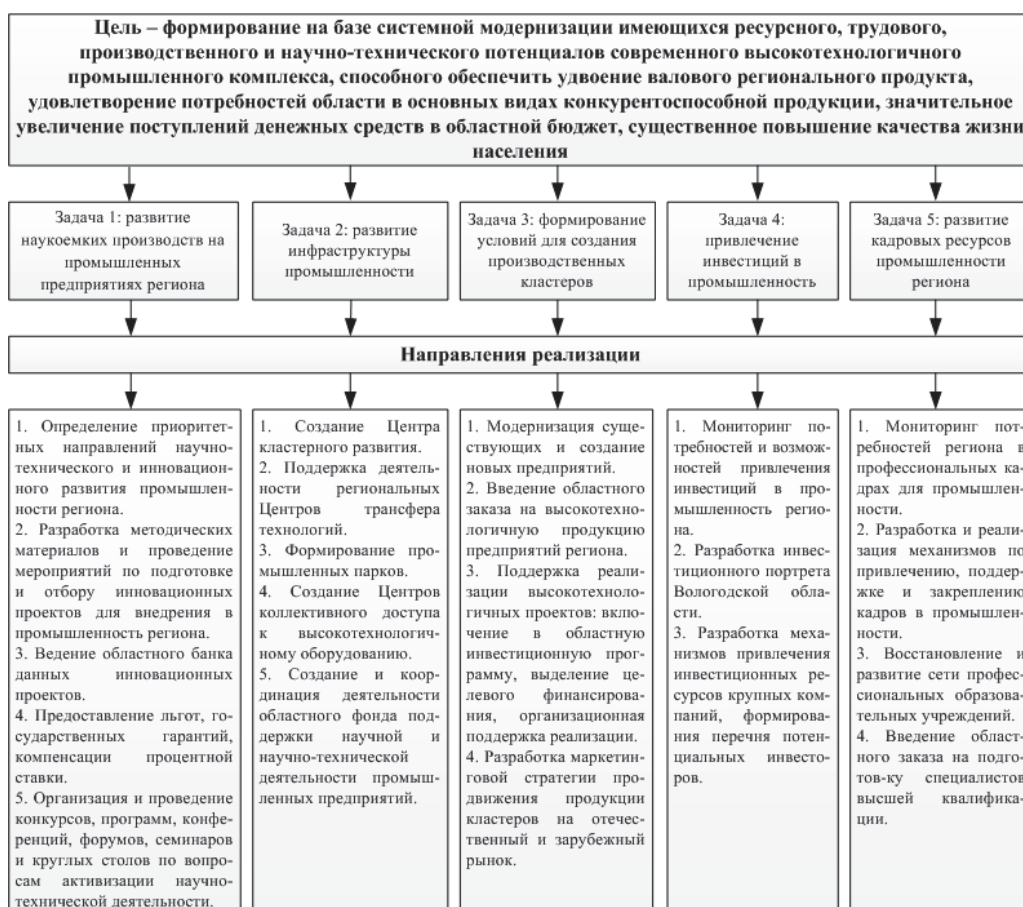

Рисунок 2. Приоритеты развития промышленности Вологодской области

Одним из обозначенных ранее направлений активизации инновационных процессов является создание производственных кластеров. Для их формирования необходимо учитывать возможности и предпосылки развития. Основными из них являются: наличие материально-технической базы, сырьевых ресурсов, технологического задела, спроса на продукцию. Наибольшим потенциалом кластеризации в регионе обладают предприятия следующих отраслей промышленности: металлургической, обработки древесины, химической, производства машин и оборудования (табл. 4).

Однако в связи с тем, что промышленность Вологодской области носит сырьевую специализацию, является моноотраслевой и металлургически ориентированной, считаем целесообразным «сделать ставку» на развитие отраслей, производящих высокотехнологичную продукцию четвертого, пятого ТУ, с наиболее высокой добавленной стоимостью, а именно – на машиностроительную и деревообрабатывающую промышленность.

Таблица 4. Кластерные коэффициенты в отраслях промышленности Вологодской области в 2012 г.

Вид экономической деятельности	Коэффициенты		
	специализации	локализации	душевого производства
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	11,35	3,71	6,88
Обработка древесины и производство изделий из дерева	9,35	3,06	5,67
Химическое производство	6,74	2,20	4,09
Производство машин и оборудования	2,72	0,89	1,65
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	1,64	0,54	0,99
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	1,53	0,50	0,93
Целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	0,71	0,23	0,43
Текстильное и швейное производство	0,71	0,23	0,43
Производство резиновых и пластмассовых изделий	0,33	0,11	0,20
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	0,19	0,06	0,12
Производство транспортных средств и оборудования	0,16	0,05	0,10
Рассчитано на основе данных органов государственной статистики. * Для оценки потенциала кластеризации Вологодской области была использована методика, представленная в монографии: Производственные кластеры и конкурентоспособность региона [Текст]: монография / колл. авт. под рук. Т.В. Усковой. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. – С. 157.			

Как нам видится, формирование производственных кластеров должно стать одним из приоритетных направлений обеспечения устойчивого развития промышленности региона. Результатом реализации кластерной политики является повышение производительности и инновационной активности предприятий, входящих в кластеры, а также повышение интенсивности развития малого и среднего предпринимательства, активизация привлечения прямых инвестиций, обеспечение ускоренного социально-экономического развития регионов базирования кластеров.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В МАШИНОСТРОЕНИИ

Переход российской экономики на путь инновационного развития является одним из национальных приоритетов ее дальнейшего социально-экономического развития. Движение по этому пути предполагает развитие высокотехнологичных производств, что невозможно без проведения масштабной модернизации отечественного промышленного сектора и активизации инновационных процессов во всех отраслях народного хозяйства.

В настоящее время процессы модернизации осуществляются, главным образом, за счет импорта зарубежного оборудования и технологий. Однако следует понимать, что развитые страны (например США, Англия, Германия, Япония, Франция) экспортируют оборудование, которое используется на их производствах порядка 10 лет. Проведение модернизации таким путем создает для России риски, связанные с обеспечением обороноспособности страны, технологической зависимости от стран-экспортеров, ослабления своих позиций на мировых рынках высокотехнологичной продукции.

Для того чтобы исключить возможность возникновения подобных рисков, переоснащение производств необходимо осуществлять на собственной технологической базе, что невозможно реализовать без современной машиностроительной отрасли.

Однако в пореформенный период в отечественном машиностроении наблюдается значительный спад производства. Доля отрасли в структуре промышленности составила в 2012 г. в России 14,6%, а в Вологодской области – 4,9% (для сравнения в развитых странах, например в США, Германии и Японии доля машиностроения в структуре промышленного производства составляет порядка 35–50%).

В 2012 г. Россия заняла всего 0,26% мирового рынка машиностроительной продукции (рис. 1).

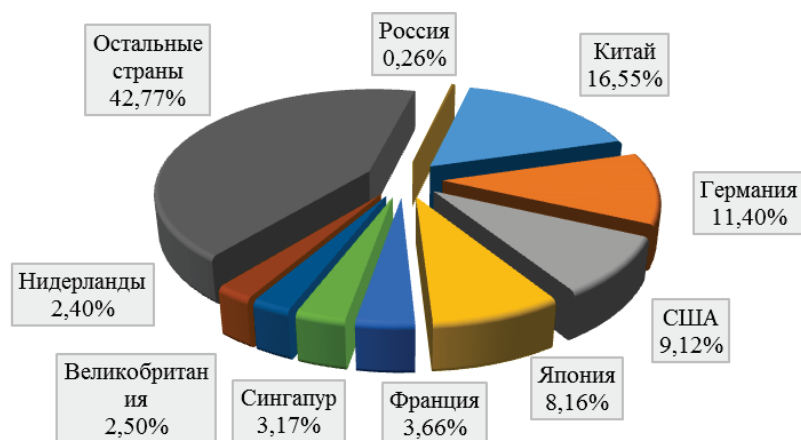

Рисунок 1. Удельный вес стран в мировом экспорте машин и оборудования в 2012 г.

Источники: Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>; International Merchandise Trade Statistics [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://comtrade.un.org/pb/CountryPagesNew.aspx?y=2012>

Анализируя пореформенный период, можно заключить, что основной причиной спада в машиностроении послужил переход к рыночной системе хозяйствования и разрушение установленных в советской экономике производственно-экономических связей в промышленном секторе, а также неконкурентоспособность отечественной продукции по сравнению с зарубежными аналогами, массово поступающими на внутренний рынок.

В 2012 г. удельный вес инновационной продукции в общем объеме продукции, отгруженной машиностроительными предприятиями в Вологодской области составил всего 0,3% (табл. 1).

Таблица 1. Удельный вес инновационной продукции в общем объеме продукции, отгруженной машиностроительными предприятиями, %

№	Территория	Год							Абс. откл. 2012– 2006 гг.
		2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	
1	Архангельская область	0,0	0,4	0,2	3,7	3,4	2,0	50,9	50,9
2	г. Санкт-Петербург	5,1	5,8	6,1	14,7	17,5	15,6	23,3	18,2
3	Новгородская область	3,6	4,1	5,0	5,7	6,8	7,7	5,7	2,1
4	Псковская область	4,0	1,7	2,4	2,7	3,4	2,4	3,2	-0,8
5	Республика Карелия	1,5	0,7	0,1	17,9	0,3	0,5	2,0	0,5
6	Ленинградская область	0,0	0,1	0,2	0,2	0,4	0,7	0,6	0,6
7	Вологодская область	0,0	0,0	25,1	1,8	1,3	1,3	0,3	0,3
8	Калининградская область	9,0	1,1	1,9	0,2	0,0	0,01	0,04	-8,96
9	Республика Коми	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0
10	Мурманская область	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0
СЗФО		4,5	3,1	4,6	8,3	9,8	9,4	16,2	11,7
Россия		12,3	10,9	10,5	10,2	9,9	11,1	14,8	2,5

Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fedstat.ru/indicators/start.do>

В последние годы машиностроительная отрасль вносит все меньший вклад в общий объем инновационной продукции (рис. 2).

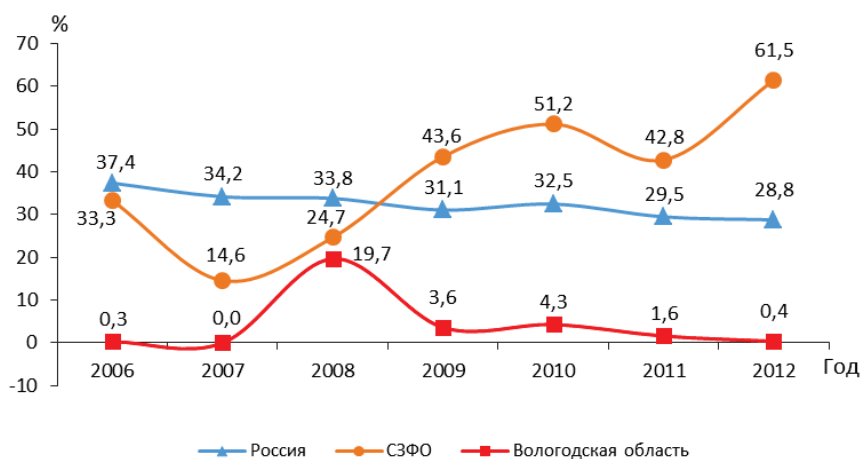

Рисунок 2. Доля отгруженной инновационной продукции машиностроительными предприятиями в общем объеме инновационной продукции, %

Источники: Наука и инновации: стат. сб. / Облстат. – Вологда, 2012; Промышленность России. – М.: Росстат, 2012. – 380 с.; Статистический ежегодник Вологодской области: стат. сб. / Облстат. – Вологда, 2012. – 402 с.

Наблюдается низкий интерес предприятий отрасли к инновационным разработкам. В 2012 г. уровень инновационной активности предприятий машиностроительного комплекса в среднем по России составил 15,3%, а в Вологодской области – 10,5%, что ниже значений данного показателя за 2006 г. на

6,2 п.п. (табл. 2) (для сравнения в европейских странах уровень инновационной активности промышленных предприятий значительно выше, например в Финляндии он составляет 52,5%, в Германии – 71,8%, во Франции – 40,1%).

Таблица 2. **Инновационная активность основных отраслей промышленности Вологодской области, %**

Отрасли промышленно-сти	Год							Абс. откл. 2012–2006 гг. п.п.
	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	
Пищевая	12,7	10,0	12,9	10,0	12,9	11,4	11,8	-0,9
Легкая	7,7	18,2	42,9	40,0	25,0	-	33,3	+26,4
Лесная	-	4,5	14,3	9,1	3,4	6,3	4,0	-
Химическая	40,0	16,7	20,0	40,0	40,0	40,0	-	-
Металлургическая	21,7	15,0	23,8	10,0	9,5	21,1	22,2	+0,5
Машиностроительная	16,7	10,5	27,3	14,3	12,0	17,6	10,5	-6,2
Промышленность	12,0	9,5	14,7	11,2	9,8	12,6	8,5	-3,5

Источники: Наука и инновации: стат. сб. / Облстат. – Вологда, 2012. – С. 46; Промышленность Вологодской области: стат. сб. / Облстат. – Вологда, 2011. – С. 117.

Предприятиями машиностроительного комплекса Вологодской области за период 2000–2012 гг. не было создано ни одной передовой производственной технологии, в то же время на начало 2012 г. было использовано 547 передовых технологий, привлеченных из других регионов России и из-за рубежа.

Таким образом, негативные тенденции в развитии инновационных процессов на машиностроительных предприятиях сохраняются. Сложившаяся ситуация обусловлена целым комплексом причин.

Во-первых, по показателю затрат на технологические инновации в машиностроении, который характеризует степень применения результатов научных и технологических исследований в процессе производства, Вологодская область существенно отстает от ряда регионов СЗФО.

Доля затрат на технологические инновации в машиностроении в общем объеме затрат в Вологодской области составила в 2012 г. всего 1,8%, что говорит о нехватке у предприятий финансовых ресурсов для развития инновационных процессов и переоснащения производств (табл. 3).

Таблица 3. Доля затрат на технологические инновации в машиностроение в общем объеме затрат на технологические инновации, %

№	Территория	Год							Абс. откл. 2012– 2006 гг.
		2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	
1	Псковская область	33,2	68,1	58,4	87,3	61,5	42,3	69,8	36,6
2	г. Санкт-Петербург	24,9	27,7	33,2	36,6	27,3	27,9	18,5	-6,4
3	Калининградская область	84,1	7,2	0,4	6,2	7,1	16,2	13,8	-69,3
4	Архангельская область	41,1	0,1	0,7	15,7	28,6	6,7	17,0	-24,1
5	Новгородская область	6,6	6,8	4,9	18,6	9,5	26,7	7,2	0,6
6	Республика Карелия	4,3	4,4	0,2	1,5	1,3	2,7	4,7	0,4
7	Вологодская область	1,8	1,0	3,4	5,9	8,1	1,0	1,8	0
8	Ленинградская область	3,9	1,3	0,7	0,1	2,8	2,3	1,6	2,3
9	Мурманская область	0,0	2,5	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0
10	Республика Коми	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0
СЗФО		22,9	13,5	14,6	18,7	17,2	14,8	14,1	8,8
Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do									

Основным источником финансирования затрат на технологические инновации выступали собственные средства предприятий, так в 2012 г. их доля составила около 60%.

Следует отметить, что большая часть затрат идет не на разработку новых технологий и инноваций, как это делается в развитых странах, а на закупку уже готового высокотехнологичного оборудования и технологий за рубежом, что способствует перевооружению производств, однако не стимулирует предприятия к созданию новых технологий.

Во-вторых, по показателю износа основных производственных фондов машиностроение Вологодской области является лидером среди других отраслей промышленности. За период 1990–2012 гг. износ основных фондов машиностроительных предприятий увеличился на 10,2% и составил в 2012 г. 54,3% (табл. 4).

Таблица 4. Износ основных производственных фондов промышленности Вологодской области, %

Отрасль промышленности	Год								Абс. откл. 2012–1990 гг.
	1990	1995	2000	2005	2009	2010	2011	2012	
Пищевая	33,6	37,1	37,4	32,7	39,9	42,2	44,7	41,1	7,5
Лёгкая	40,6	41,1	42,5	56,4	30,0	38,6	44,2	45,2	4,6
Лесная	54,6	50,6	48,2	33,1	31,4	34,8	35,6	35,0	-19,6
Химическая	43,3	47,8	50,1	46,4	42,1	46,6	50,9	40,1	-3,2
Металлургическая	50,0	40,6	42,6	32,1	33,3	37,9	40,8	41,8	-8,2
Машиностроительная	44,1	45,9	55,3	47,0	53,7	51,7	53,0	54,3	10,2
Промышленность	47,1	43,6	46,3	39,2	37,6	41,4	43,2	41,9	-5,2

Источник: Промышленность Вологодской области. Итоги за 1990–1999 годы: аналитический материал / Облстат. – Вологда, 2000. – 44 с.; Статистический ежегодник Вологодской области: стат. сб. / Облстат. – Вологда, 2000. – С. 141; Промышленность Вологодской области: стат. сб. / Облстат. – Вологда, 2013. – С. 49-59.

Следует отметить, что в мировой практике предельно допустимая величина степени износа основных фондов 20–25%, а превышение данного показателя 45–50% является порогом предкризисной ситуации [7, 14].

Очевидно, что на таком изношенном оборудовании весьма затруднительно производить качественную и конкурентоспособную продукцию.

В-третьих, темпы роста инвестиций в основной капитал машиностроительных предприятий являются самыми низкими среди других отраслей промышленности. За период 1990–2012 гг. индекс физического объема инвестиций, направленных в основной капитал машиностроительных предприятий в Вологодской области, снизился почти в 4 раза (табл. 5).

Таблица 5. Индексы физического объёма инвестиций в основной капитал промышленных предприятий Вологодской области, % (1990=100)

Отрасль промышленности	Год								
	1990	1995	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012
Пищевая	100,0	34,9	34,0	246,4	132,1	122,8	154,9	171,5	217,1
Лёгкая	100,0	7,6	3,2	23,1	25,7	69,4	108,8	80,6	63,5
Лесная	100,0	22,6	170,2	420,7	705,2	277,9	379,3	728,2	78,9
Химическая	100,0	54,2	4,5	8,6	26,2	19,9	15,6	43,7	45,0
Металлургия	100,0	67,4	50,4	399,0	199,1	151,1	136,8	108,9	76,5
Машиностроение	100,0	20,3	10,0	16,6	44,0	18,7	48,7	46,4	26,2
Промышленность	100,0	51,6	35,6	199,8	131,0	94,5	99,3	132,1	127,8

Источники: Статистический ежегодник Вологодской области: стат. сб. – Вологда, 2000. – 305 с.; Статистический ежегодник Вологодской области: стат. сб. – Вологда, 2012. – 402 с.

В-четвертых, у предприятий машиностроительного комплекса отсутствует возможность на приемлемых условиях получить долгосрочный кредит и

обеспечить необходимый объем финансовых средств в НИОКР и обновление производственных мощностей на уровне, позволяющем интенсивно развиваться инновационным процессам. Этот факт подтверждает низкая рентабельность продукции, производимой в отрасли, например в 2012 г. ее уровень составили в России 7,7%, а в Вологодской области – 2,9%, тогда как средневзвешенная процентная ставка по рублевым кредитам нефинансовым организациям в том же году составила 10,7%.

В-пятых, машиностроителям крайне затруднительно привлекать средства инвесторов. Поскольку рентабельность продукции находится ниже уровня ставок по банковским депозитам, инвесторам выгоднее вкладывать свои средства в банки и другие более рентабельные отрасли промышленности.

В силу нехватки у машиностроительных предприятий финансовых ресурсов для переоснащения своих производств, а уровень рентабельности их продукции не позволяет привлекать капитал в отрасль, необходима поддержка со стороны государства.

О необходимости поддержки развития инновационных процессов на машиностроительных предприятиях со стороны государства свидетельствует и мировой опыт становления наукоемких производств.

Во-первых, государство играет ключевую роль в финансировании НИОКР, осуществляя его в различных формах: прямым финансированием, выделением грантов и прочих дотаций (Китай, Япония, Германия), либо поддержкой в форме государственных заказов или закупок (США, Норвегия).

Во-вторых, развитие инновационных процессов достигалось путем инициативы государства по созданию и развитию территориальных производственных систем (производственных кластеров, технопарков, технополисов, промышленных парков). С их помощью достигался высокий уровень развития связей между всеми участниками производства, науки и образования.

В-третьих, государство координирует и устанавливает взаимосвязи между научно-исследовательскими центрами и промышленными предприятиями

(Германия, США, Япония). Взаимодействие бизнеса и науки позволяет ускорить процесс внедрения имеющихся инноваций в промышленном производстве и повысить его эффективность и конкурентоспособность.

В-четвертых, предприятиям, внедряющим новые технологии и производящим высокотехнологичную продукцию, со стороны государства предоставляются различные льготы, в том числе налоговые (США, Великобритания, Германия, Франция, Китай, Индия) (табл. 6). Подобные меры способствовали привлечению на территорию стран инвестиций и новых фирм.

Таблица 6. **Налоговое стимулирование инновационной деятельности в зарубежных странах**

Вид льготы	Механизм
Вычет (deduction)	Уменьшение дохода, подлежащего налогообложению как обычный расход
Дополнительный вычет (super deduction)	Облагаемый налогом доход сокращается на большую сумму, чем реально понесенные расходы на НИОКР
Прямое или ускоренное списание (immediate write-off or accelerated write-off)	Ускоренный порядок амортизации оборудования, используемого для НИОКР, и нематериальных активов
Инвестиционный налоговый кредит (investment tax credit)	Непосредственное сокращение подлежащего уплате налога на определенную долю от расходов на НИОКР. Не следует путать с инвестиционным налоговым кредитом в России, который является изменением срока уплаты налога с последующей поэтапной уплатой суммы кредита и начисленных процентов
Льгота, возмещаемая наличными деньгами (refundable cash benefit)	Механизм тот же, что и у инвестиционного налогового кредита, но при определенных условиях он выплачивается наличными деньгами
Источник: Борисов О.И. Благоприятный налоговый климат для инновационной деятельности как антикризисная мера в России и зарубежных странах // <i>Налоги.</i> – 2011. – № 3. – С. 37-45.	

В России за годы рыночных трансформаций происходил процесс становления и развития государственного регулирования инновационных процессов в промышленности. За это время органы государственной власти, опираясь на опыт развитых и некоторых развивающихся стран, а также на опыт СССР, выработали комплекс прямых и косвенных методов регулирования инновационных процессов в промышленном секторе.

Примером прямых методов регулирования инновационных процессов в России являются различные стратегии и целевые программы. В них обозначены основные приоритеты развития в области инноваций, а также целевые показатели, которых необходимо достичь.

Приоритетные направления и цели государственной поддержки инновационной деятельности определены в рамках «Стратегии инновационного развития РФ до 2020 года», утвержденной Правительством 08.12.2011 № 2227-р.

Одними из ключевых показателей, обозначенных в стратегии инновационного развития РФ, которых планируется достичь к 2020 году, являются [17]:

- увеличение уровня инновационной активности промышленных предприятий до 60%;

- рост доли экспорта российских высокотехнологичных товаров в общем мировом объеме экспорта высокотехнологичных товаров до 2%;

- повышение удельного веса инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции до 20–35%.

Стратегия инновационного развития РФ до 2020 года во многом должна нивелировать недостатки своей предшественницы – «Стратегии развития науки и инноваций в РФ на период до 2015 года», которая в большей степени была ориентирована на поддержку предложений в сфере исследований и разработок. Однако недостаточный приоритет задач по поддержке инновационной активности предприятий, по активизации инновационных процессов в регионах не позволили обеспечить необходимую комплексность подхода к развитию инновационной системы страны. В результате одной из главных проблем развития инновационных процессов является низкий спрос на инновационные разработки в экономике РФ, а также его избыточный перекося в сторону закупки готового оборудования за рубежом в ущерб внедрению собственных новых разработок [17].

В качестве косвенных методов в России активно используются налоговые льготы и инициативы государства по созданию и развитию территориальных производственных систем, например особых экономических зон (ОЭЗ). Такой механизм стимулирования инновационных процессов широко применяется в Японии, Китае, Сингапуре, Индии.

В мировой практике насчитывается около 25 разновидностей ОЭЗ. Применительно к производственной и научно-исследовательской деятельности особый интерес представляют промышленно-производственные (промышленные парки) и технико-внедренческие (технопарки, технополисы) зоны, действующие на основании Федерального закона «Об особых экономических зонах» от 22.07.05 № 116-ФЗ [4].

В России резидентам ОЭЗ предоставляются различные налоговые льготы: снижена ставка налога на прибыль, они освобождены от уплаты налога на имущество, землю, транспорт (на первые 5 лет), для них снижены тарифы страховых взносов, а также предоставляется возможность ускоренной амортизации основных средств. Кроме того, во всех ОЭЗ налогоплательщики могут учитывать расходы на НИОКР в том отчетном периоде, в котором эти расходы были произведены [4].

Помимо налоговых льгот предоставляются инфраструктурные преференции, которые заключаются в том, что за счет федерального и регионального бюджетов ОЭЗ оснащаются инженерной, транспортной, социальной и инновационной инфраструктурой, которой в результате могут воспользоваться все резиденты ОЭЗ.

Однако следует отметить, что по развитию ОЭЗ (промышленных парков, технопарков и т.п.) Россия уступает развитым и развивающимся странам. Например, если сравнивать промышленные парки России и Китая, то в последнем они значительно больше по размеру, специализируются на множестве видов деятельности, а их резидентам предоставляются значительно более выгодные условия в части налогообложения, кредитования, ставок арендной платы за землю и помещения.

Также в России ведется работа по поддержке малых инновационных компаний. В качестве основного инструмента здесь можно отметить создание инновационных бизнес-инкубаторов, которые представляют собой наукоемкие организации, тесно взаимодействующие с вузами и технопарками. Их целью

является обслуживание вновь созданных фирм, ориентированных на разработку и внедрение инноваций [6].

Предприятиям, разместившимся на территории бизнес-инкубатора, предоставляются различные налоговые льготы, а также сниженная ставка арендной платы.

В 2012 г. в мире насчитывалось около 7000 бизнес-инкубаторов, из которых порядка 300 расположены в России. Из них 87 относят к инновационным [2].

Говоря об эффективности функционирования инновационных бизнес-инкубаторов, можно заключить, что в России она существенно ниже, чем в развитых странах. Об этом свидетельствует то, что по основному критерию эффективности – уровню выживаемости инновационных компаний на рынке – после прохождения инкубации Россия значительно уступает развитым странам (в России этот показатель находится на уровне 40%, в некоторых странах ЕС его значения составляют порядка 85%, в США – 65%) [6].

Помимо налоговых льгот и создания территориальных производственных систем, в России сформирована система фондов финансирования НИОКР, к основным элементам которой можно отнести: Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ), Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ), Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, Российский фонд технологического развития (РФТР) и систему отраслевых фондов финансирования научных исследований и экспериментальных разработок, посевные и стартовые фонды финансовой поддержки инновационных компаний на ранних стадиях развития, венчурный инновационный фонд (Фонд фондов), центры трансфера технологий [1].

Таким образом, в России используются различные прямые и косвенные методы государственного регулирования инновационных процессов в промыш-

ленности. Однако, как показали данные статистики, приведенные выше, их результативность остается низкой.

Проведенный анализ позволил выделить основные задачи в области развития инновационных процессов на машиностроительных предприятиях и определить набор методов и инструментов для их решения (табл. 7).

Таблица 7. Методы и инструменты для активизации инновационных процессов в машиностроении Вологодской области

Решаемая задача	Методы и инструменты
Стимулирование инновационной активности машиностроительных предприятий	<ol style="list-style-type: none"> 1. Предоставление налоговых льгот (инвестиционный налоговый кредит) и субсидирование процентных ставок по кредитам предприятиям, осуществляющим инновационные разработки. 2. Определение технологических потребностей и разработок в отрасли, содействие в формулировании технологических запросов и предложений. 3. Создание коммуникативных площадок для взаимодействия и консолидации науки, образования и бизнеса. 4. Информационная поддержка предприятий отрасли в инновационной и научно-технической деятельности.
Повышение спроса на инновационную продукцию машиностроительных предприятий	<ol style="list-style-type: none"> 1. Проведение сертификации продукции с целью её продвижения на мировой рынок. 2. Обеспечение предприятий отрасли государственным заказом на равноправной, конкурсной основе. 3. Усиление регулирования цен и тарифов на продукцию естественных монополий, являющихся поставщиками сырья для предприятий машиностроения. 4. Организация конференций и семинаров, где будут обсуждаться вопросы развития отрасли, с участием представителей органов власти и руководителей машиностроительных предприятий.
Развитие инновационной инфраструктуры	<ol style="list-style-type: none"> 1. Создание элементов инновационной инфраструктуры (Центра кластерного развития, Центра коллективного пользования, промышленных парков и технопарков). 2. Развитие системы подготовки кадров инновационного менеджмента. 3. Разработка системы стимулов для участников инновационного процесса, ориентированных на создание инновационной продукции. 4. Обеспечение организаций инновационной инфраструктуры самым современным оборудованием и приборной базой.
Содействие в привлечении инвестиций для модернизации машиностроительных предприятий и реализации их инновационных проектов	<ol style="list-style-type: none"> 1. Создание благоприятного правового поля для осуществления инновационной и инвестиционной деятельности посредством совершенствования действующего законодательства. 2. Формирование пакета приоритетных инновационных проектов для предприятий отрасли. Проведение их экспертизы. Подготовка областной программы инновационного развития машиностроения и определение источников ее финансирования. 3. Разработка стратегии развития машиностроительного комплекса Вологодской области на среднесрочную и долгосрочную перспективу. 4. Построение эффективной системы мониторинга развития инновационных процессов на машиностроительных предприятиях области.

Таким образом, проведенный анализ показал, что в отечественном машиностроении продолжают доминировать негативные тенденции в развитии инновационных процессов. Однако концентрация усилий государственных органов власти и управления на решении приведенных выше задач позволит повысить уровень инновационной активности машиностроительных предприятий, создать дополнительный спрос на производимую ими инновационную продукцию, привлечь дополнительные инвестиции на реализацию инновационных проектов и модернизацию производственных мощностей, обеспечить эффективное взаимодействие предприятий отрасли с образовательными учреждениями и научно-исследовательскими организациями.

Литература

1. Астапов, К.Л. Законодательные основы государственного регулирования инновационной деятельности / К.Л. Астапов // Законодательство и экономика. – 2012. – № 1. – С. 18-28.
2. Бизнес-инкубаторы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://startupafisha.ru/afisha-club/incubator>
3. Борисов, О.И. Благоприятный налоговый климат для инновационной деятельности как антикризисная мера в России и зарубежных странах [Текст] / О.И. Борисов // Налоги. – 2011. – № 3. – С. 37-45.
4. Буров, М. Особые экономические зоны: территория инновационного развития / М. Буров, Ю. Наумова // Проблемы теории и практики управления. – 2012. – № 5.
5. Вячеславов, А.М. Проблемы формирования инновационного климата в регионе [Электронный ресурс] / А.М. Вячеславов // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – № 1 (09). – Режим доступа: <http://sisp.nkras.ru/issues/2012/1/Vyacheslavov.pdf>.
6. Гаврилова, Н. Бизнес-инкубаторы в развитии инновационной инфраструктуры России / Н. Гаврилова // Проблемы теории и практики управления. – 2012. – № 5.
7. Глазьев, С.Ю. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием / С.Ю. Глазьев, В.В. Локосов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 4. – С. 22-41.

8. Единая межведомственная информационно – статистическая система (ЕМИСС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fedstat.ru/indicators/start.do>
6. Инновационная политика: Россия и Мир. 2002–2010 [Текст] / под ред. Н.И. Ивановой, В.В. Иванова. – М.: Наука, 2011. – 451 с.
10. Клавдиенко, В. Экономика Китая: инновации и «озеленение» / В. Клавдиенко // Проблемы теории и практики управления. – 2012. – № 4. – С. 16.
11. Мазиллов, Е.А. Промышленная политика как механизм регионального развития / Е.А. Мазиллов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 1. – С. 187.
12. Наука и инновации: стат. сб. / Облстат. – Вологда, 2012.
13. Промышленность России. – М.: Росстат, 2012. – 380 с.
14. Необходимые условия модернизации российской обрабатывающей промышленности на примере тяжелого машиностроения / В.Н. Борисов, И.А. Буданов, А.К. Моисеев, В.С. Панфилов // Проблемы прогнозирования. – 2012. – № 1. – С. 20-37.
15. Океанова, З.К. Основы экономической теории / З.К. Океанова. – М.: Форум: Инфра-М, 2002. – 272 с.
16. Официальный сайт Правительства Вологодской области. – Режим доступа: <http://a.vologda-oblast.ru/main.asp?V=34>
17. Промышленность Вологодской области: стат. сб. / Облстат. – Вологда, 2012. – С. 49-59.
18. «Стратегии инновационного развития РФ до 2020 года» от 08.12.2011 № 2227-р.
19. Статистический ежегодник Вологодской области: стат. сб. / Облстат. – Вологда, 2012. – 402 с.
20. Теребова, С.В. Промышленный комплекс региона: инновационный аспект развития / С.В. Теребова // Проблемы экономики и менеджмента. – 2011. – № 4. – С. 54-59.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ИНСТИТУТОВ РАЗВИТИЯ В РЕГИОНЕ

Мировой финансово-экономический кризис, затронувший в конце 2008 года российскую экономику, стал причиной ее дестабилизации, обострения социальных проблем и неопределенности перспектив. К началу 2009 года российская экономика вступила в рецессию, сопровождавшуюся обесценением рубля, ростом безработицы, приостановкой инвестиционных программ. Негативная динамика промышленного производства отмечалась почти во всех регионах страны. Вологодская область не была исключением.

Мировой финансовый кризис показал, что развитие промышленного сектора в регионе во многом зависит от ситуации на мировых рынках, так как около 30% от объёма производимых в области товаров идет на экспорт (для сравнения: в России в целом – около 40%). Основу экспорта (95%) составляют опять же металлургическая и химическая продукция.

Спад производства оказал непосредственное влияние на финансовые результаты деятельности предприятий Вологодской области. В связи с последствиями кризиса их прибыль в текущих ценах в 2009 г. сократилась почти в 4 раза и составила 20,8 тыс. руб. в расчёте на душу населения. В 2010 году предприятия области сработали в убыток, ситуация стабилизировалась только в 2011 году. Сокращение собственных средств предприятий сказалось и на объёмах их инвестиционных вложений в производство. В докризисный период наиболее быстрыми темпами росли инвестиции в Вологодской области по сравнению с СЗФО и РФ. Однако в кризисный период их падение в регионе также было более существенным. В то же время докризисного уровня пока достичь не удалось.

Добавим, что о проблемах экономики области свидетельствует и снижение бюджетной обеспеченности. Кризис, повлиявший на финансовое состояние промышленных предприятий, «подорвал» один из основных источников бюджета – поступления от налога на прибыль. Их объём сократился более чем на 20%, а область опустилась по показателю бюджетной обеспеченности на 9-е место среди регионов СЗФО. При этом с 2011 г. регион стал дотационным [5].

Следовательно, недиверсифицированная структура промышленности, доминирование металлургического и химического производств, зависимость экономики региона от состояния дел нескольких крупных предприятий (в частности, ОАО «Северсталь» и группы компаний «ФосАгро АГ») являются одним из дестабилизирующих факторов его экономики.

Очевидно, что в этих условиях задачи диверсификации экономики, инновационного развития, создания развитой производственной и социальной инфраструктуры как основы для экономического роста и повышения качества жизни населения становятся неотлагательными.

Однако их невозможно решить в условиях дефицита регионального бюджета. Вместе с тем привлечение частных и иностранных инвестиций осложняется высокими рисками и долгосрочностью окупаемости. Механизмом, способствующим решению задач по развитию и диверсификации экономики и позволяющим повысить эффективность использования государственных ресурсов, являются специализированные организации с государственным участием – институты развития.

Принято считать, что институты развития – это структуры, призванные аккумулировать финансовые средства и направлять их на развитие перспективных отраслей экономики, внедрение инноваций, реализацию важных инфраструктурных и социальных проектов. По сути, институты развития представляют собой инструмент прямого государственного вмешательства с целью стимулирования тех или иных отраслей (либо регионов) в случаях, когда рыночные инструменты неэффективны.

В настоящее время в мире функционирует значительное количество (порядка 750) институтов развития, большинство среди них составляют банки развития. Заметную роль они сыграли в развитии таких крупных стран, как Германия, Япония, Китай, Италия, Индия и Бразилия. Это свидетельствует о том, что добиваться оптимальных пропорций развития экономики только рыночными методами недостаточно продуктивно. Особенно эффективны и полезны институты развития в условиях восстановления, переустройства и модернизации экономики, когда необходима концентрация ресурсов на решении ключевых задач. Именно в таком состоянии находится в настоящее время российская экономика [3].

Следует отметить, что становление институтов развития в России пришлось на 2006–2008 годы. В январе 2006 года был учрежден Евразийский банк развития, согласно межправительственному соглашению России и Казахстана. В том же году были созданы Российская венчурная компания, Российский инвестиционный фонд информационно-коммуникационных технологий и акционерное общество «Особые экономические зоны». В 2007 году приступили к деятельности Российская корпорация нанотехнологий и Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства, а Внешэкономбанк, поглотивший Росэксимбанк и Российский банк развития, был преобразован в государственную корпорацию «Банк развития и внешнеэкономической деятельности». Последним (2008 г.) появился Фонд содействия развитию жилищного строительства (Фонд РЖС).

Институты развития создаются и на региональном, и на местном уровне. Некоторые из них являются филиалами или ассоциированными партнерами федеральных структур: например, региональные венчурные фонды Российской венчурной компании и корпорации развития отдельных регионов (ОЭЗ, технопарки), местные фонды поддержки малого предпринимательства [8]. Можно заключить, что в настоящее время в регионах России формируется система институтов развития (рисунок).

Система региональных институтов развития

Эффективным инструментом региональной политики, получившим широкое распространение в развитых странах мира, являются корпорации (агентства) регионального развития как негосударственные структуры, работающие на стыке интересов бизнеса и государства и осуществляющие целевую подготовку конкретных территорий для запуска определенных проектов [11].

Как известно, эти структуры созданы в Калужской, Ростовской, Пензенской, Волгоградской, Ульяновской, Самарской, Ярославской и Вологодской областях. Однако реально действует только одна – Корпорация развития Калужской области, выстроенная на базе индустриальных парков (ИП), объединенных в автосборочный кластер. За период 2008–2011 гг. объем привлеченных инвестиций в Калужской области составил 2,7 млрд. долларов, а общий портфель согласованных инвестиционных проектов превышает 4,5 млрд. долларов [4]. При этом на начальном этапе (2007 г.) создание инфраструктурных площадок для реализации проектов субсидировалось из бюджетных средств. Но довольно скоро был найден новый механизм. Помимо бюджетного субсидирования, он включает привлечение заемных средств под государственные гарантии. Основными партнерами Калужской области в создании инфраструктуры вы-

ступили Внешэкономбанк (ВЭБ) и Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР).

За счет кредитных средств и средств уставного капитала рассматриваемой Корпорацией за 2008–2011 гг. был выполнен комплекс работ по инженерной подготовке земельных участков и инфраструктуры в промышленных парках «Росва», «Калуга–Юг», «Ворсино», в технопарке «Грабцево» (табл. 1).

Таблица 1. Объем финансирования работ по инженерной подготовке земельных участков и инфраструктуры в промышленных парках, млн. руб. [4]

Наименование	Объем финансирования, млн. руб.	%
Промышленный парк «Росва»	3027	45,6
Технопарк «Грабцево»	2 515	37,9
Промышленный парк «Калуга–Юг»	152	2,3
Промышленный парк «Ворсино»	825	12,4
Общехозяйственные расходы	116	1,7
Итого	6 635	100

Создание комплексной промышленной площадки позволило привлечь «якорных» инвесторов и реализовать широкий спектр инвестиционных проектов (табл. 2).

Таблица 2. Перечень реализованных инвестиционных проектов в промышленных парках Калужской области [4]

Наименование парка	Инвестиционный проект	Экономические результаты
Промышленный парк «Росва» Объем финансирования – 3 млрд. руб.	23 марта 2010 года компанией «Peugeot Citroen Mitsubishi Automobiles Rus» запущено производство в режиме крупноузловой сборки (SKD).	Выпущено 73 тыс. автомобилей, создано 1200 новых рабочих мест.
	8 ноября 2010 года запущено предприятие по ремонту компонентов энергоустановок компании «General Electric»	Создано 59 новых рабочих мест.
Технопарк «Грабцево» Объем финансирования – 2,5 млрд. руб.	В октябре 2009 года введен в эксплуатацию цех мелкоузловой сборки на заводе «Volkswagen». В настоящее время «Volkswagen» осуществляет производство автомобилей полного цикла.	Выпущено 340 тыс. автомобилей. Создано 6100 новых рабочих мест.
	В 2010 году начали выпуск продукции компании «Магна» (производство бамперов, фронтальных модулей), «Visteon» (производство запасных частей для интерьера автомобиля), «Benteler» (производство деталей подвески).	Нет данных.
Промышленный парк «Калуга–Юг». Объем финансирования – 0,15 млрд. руб.	В январе 2009 года начал производство завод «Volvo Truck».	Выпущено 5,3 тыс. автомобилей. Число новых рабочих мест на заводе увеличилось до 750 человек.
Промышленный парк «Ворсино» Объем финансирования – 0,8 млрд. руб.	23 сентября 2010 года было запущено производство на фабрике косметических изделий компании «Л'Ореаль». 8 октября 2010 года начала выпуск продукции табачная фабрика «Кей Ти Эн Джи». В 2011 году состоялось открытие завода компании «YAPP».	Создано более 2 тыс. новых рабочих мест, привлечено более 20 млрд. руб. иностранных инвестиций.

Деятельность Корпорации развития характеризуется привлечением суммарного объема инвестиций от резидентов индустриальных парков в размере 80 млрд. руб. при затраченных инвестициях на индустриальную площадку чуть более 6,6 млрд. руб. Прямой мультипликативный эффект составляет около 12 руб. вложений инвесторов на 1 рубль затрат Корпорации. В рамках инвестиционной деятельности создано более 11 тыс. новых рабочих мест, при численности занятых в экономике региона в 2011 году – 480 тыс. человек и уровне безработицы – 31 тыс. чел. Общий объем налоговых поступлений в консолидированный бюджет Калужской области от деятельности Корпорации с 2007 по 2012 год составил более 6,5 млрд. руб., что равно примерно 4% от общей величины налоговых доходов бюджета за эти годы [4].

Таким образом, становление регионального института развития дало новый стимул для развития экономики Калужской области и позволило региональным властям более эффективно влиять на тенденции развития территории. Этот опыт особенно актуален для городов и территорий, чрезмерно зависимых от состояния дел какой-то одной отрасли, а иногда и одного конкретного предприятия.

Следует отметить, что идея диверсификации экономики и ускорения экономического роста региона через создание институтов развития нашла поддержку и в Вологодской области. Однако данный институт в регионе находится на начальном этапе формирования – он создан в 2012 г. За время функционирования этой Корпорации сформирован портфель потенциальных инвесторов и проектов, приняты решения о снятии административных и правовых барьеров для ускорения сроков подготовки необходимой документации, определены производственные площадки на базе индустриального парка «Шексна» Шекснинского района области [5].

Вместе с тем необходимым условием успеха Корпорации развития Вологодской области является наличие ключевых факторов инвестиционной привлекательности и конкурентных преимуществ территории. К ним можно отнести мощный базовый сектор экономики (металлургическая и химическая промышленность); развитые и обладающие высоким потенциалом кластеризации

отрасли сельского хозяйства, пищевой промышленности и лесного комплекса; наличие значительных запасов природных ресурсов (земельных, водных, лесных и др.); выгодное геополитическое положение (близость к Москве и Санкт-Петербургу, а также большая потребительская база в радиусе 500 км); развитая транспортная инфраструктура (железные и автомобильные дороги, Волго-Балтийский водный путь, воздушный коридор Европа–Азия).

В то же время для Калужской области определяющими стали выгодное геополитическое расположение, финансовая поддержка федерального центра и наличие якорных инвесторов (табл. 3).

Таблица 3. **Ключевые факторы формирования Корпорации развития Калужской области [4]**

Фактор	Характеристика
Макроэкономический	Высокие показатели ВРП на душу населения и др.
Геополитический	Близость к Москве 20% населения России в радиусе 400 км
Управленческий	Высокая заинтересованность губернатора и администрации Содействие во время строительства проекта, помощь в общении и координации с монополиями
Инфраструктурный	Наличие промышленных парков, готовой инфраструктуры
Финансовый	Поддержка федерального центра кредитными ресурсами ВЭБ и ЕБРР
Кластеры	Наличие других предприятий в таком же сегменте Отлаженная сеть поставщиков для автомобильного кластера Нацеленность администрации области способствовать развитию определенных кластеров: автомобильного, фармацевтического, FMCG.
Льготы	Ряд налоговых льгот (освобождение от налога на имущество, низкая ставка налога на прибыль)
Рейтинги	Наличие стабильных кредитных рейтингов от FITCH и Эксперт
Якорные инвесторы	Наличие якорных инвесторов (западные компании): VW, SAB Miller и др.

На наш взгляд, Корпорацию развития Вологодской области следовало бы создать значительно раньше, когда межрегиональная конкурентная борьба за потенциальных инвесторов и финансовые ресурсы федерального центра еще только разворачивалась. Однако региональный опыт доказывает способность данных структур к быстрому формированию условий для ускоренного экономического роста территории. В связи с этим полагаем, что создание регионального института развития может стать ключевым фактором диверсификации экономики области, позволит сократить отставание в экономическом росте и восстановить её бюджетную обеспеченность.

Вместе с тем формирование такой Корпорации не единственный инструмент активизации развития территории. Важной характеристикой региональной

политики федерального центра должна стать ориентация в прогнозировании и регулировании пространственного развития страны на территории опережающего развития. В качестве таких зон выступают транспортно-логистические узлы, зоны развития промышленности и сельского хозяйства, зоны инновационного развития и создания высоких технологий, туристические, курортные и другие рекреационные зоны, зоны культурных и природных ландшафтов [1]. Органам государственной власти следует расширять спектр инструментов развития региона, обеспечивающих решение комплекса проблем территорий.

Литература

1. Ильин, В.А. Методы преодоления пространственной социально-экономической дифференциации / В.А. Ильин, Т.В. Ускова // Федерализм. – 2012. – № 3 (67). – С. 7-18.
2. Ильин, В.А. Проблемы исполнения территориальных бюджетов Российской Федерации в 2011 г. / В.А. Ильин, А.И. Поварова // Экономика. Налоги. Право. – 2012. – № 5. – С. 87.
3. Институты развития как инструмент реализации инвестиционной политики государства [Электронный ресурс] / ОАО «Региональный фонд» – институт развития Республики Башкортостан. – Режим доступа: <http://regfondrb.ru>
4. Официальный сайт Корпорации развития Калужской области. – Режим доступа: <http://invest.kaluga.ru>
5. Официальный сайт Корпорации развития Вологодской области. – Режим доступа: <http://www.invest35.ru>
6. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>
7. Петрикова, Е.М. Институты развития как факторы экономического роста [Электронный ресурс] / Е.М. Петрикова // Экономический портал. – Режим доступа: <http://institutiones.com/general/1180-instituty-razvitiya.html>
8. Российские институты развития: региональный аспект [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://raexpert.ru/researches/regions/ros_evolution/
9. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – С. 990.
10. Статистический ежегодник Вологодской области 2011: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2012. – 374 с.
11. Ускова, Т.В. Управление устойчивым развитием региона [Текст]: монография / Т.В. Ускова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. – 355 с.
12. Uskova, T. Public-private partnership as a mechanism of economic modernization // *Vykonnosť podniku*. – 2012. – № 2. – 107-113 p.

«ЗЕЛЕНАЯ» МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК СТРАТЕГИЯ УПРАВЛЕНИЯ ПРИРОДНЫМИ РИСКАМИ И ДОЛГОСРОЧНОЙ УСТОЙЧИВОСТЬЮ КОМПАНИИ

Являясь одной из важнейших характеристик корпоративного развития, термин «устойчивость компании» в настоящее время не имеет общепризнанной дефиниции. Как показывают результаты исследований проблем обеспечения корпоративной устойчивости, проводимых в рамках различных организационных дисциплин, долгосрочная устойчивость компаний (особенно крупных) является результатом сочетания нескольких важных условий:

1. Способность компании получать положительный чистый совокупный операционный денежный поток, достаточный для финансирования стратегических инициатив и инноваций.

2. Наличие в течение длительного времени устойчивых конкурентных преимуществ, что выражается в сохранении целевой доли рынка по каждому из ключевых продуктов [8, с. 164-182].

3. Сбалансированное сочетание, с одной стороны, консерватизма в управлении, а с другой – инновационного потенциала и организационной гибкости, обеспечивающее своевременные стратегические изменения, но не допускающее (под влиянием конъюнктурных факторов) чрезмерных отклонений от долгосрочных целей и приоритетов компании [13; 14; 16].

4. Жизнестойкость, то есть способность обеспечивать непрерывность функционирования бизнеса, преодолевать последствия масштабных внешних воздействий, вызванных стихийными бедствиями, техногенными авариями, сбоями в функционировании производственной, информационной, логистической инфраструктур компании; а также отраслевых и макроэкономических из-

менений таких, как развитие технологий, экономический кризис, социально-политическая нестабильность и т.д. [6; 12].

Как справедливо отмечают Ш. Клири и Т. Мальре: «Устойчивые компании одновременно демонстрируют низкие издержки и высокий уровень инновационной активности, гибкость, но не хрупкость. Они сохраняют порядок в условиях изменений и... способствуют изменениям в условиях порядка» [4, с. 126].

Одной из главных тенденций современного этапа социально-экономического развития является резкое усиление значимости природных рисков на перспективы развития и обеспечение долгосрочной устойчивости бизнеса.

Обращает на себя внимание разнообразие факторов природной среды и форм их влияния на развитие компаний. К наиболее значимым группам природных рисков могут быть отнесены следующие:

- риски потери доступа компании к природным ресурсам в результате истощения их запасов и вызванного этим роста цен до неприемлемого для компании уровня;

- чрезмерный уровень загрязнения окружающей среды вредными выбросами и отходами;

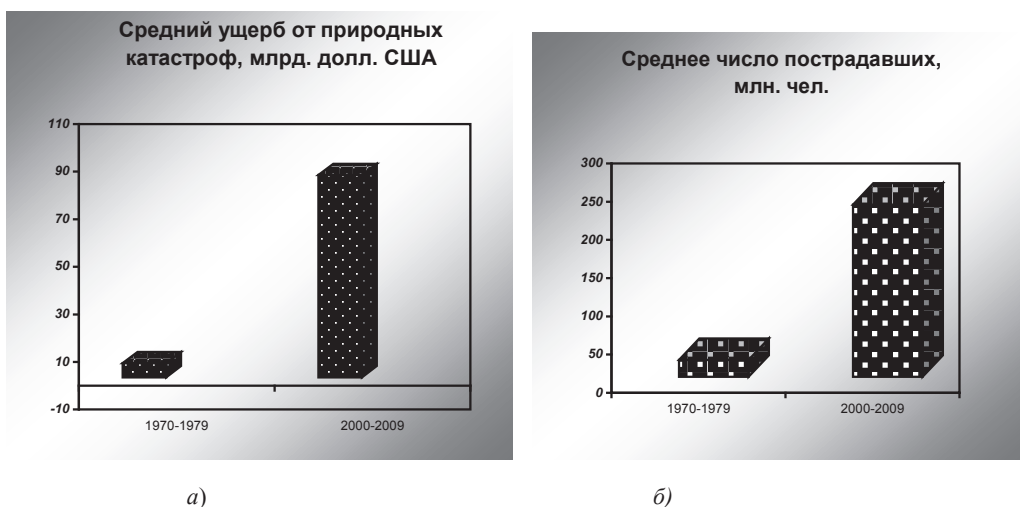
- снижение биологического разнообразия;

- климатические изменения, ведущие к усилению частоты погодно-климатических аномалий, а также долгосрочному ущербу (подъему уровня мирового океана, опустыниванию и т.д.);

- стихийные бедствия, не связанные с климатическими изменениями (землетрясения, извержения вулканов и др.).

Воздействие природных рисков проявляется, прежде всего, в виде роста корпоративных ущербов от стихийных бедствий, погодно-климатических аномалий и других физических проявлений влияния природной среды на бизнес-процессы компании. С 1970-х годов общее число природных катастроф возрос-

ло в 5 раз, в среднем с 69 до 350 в год [22, с. 101], что привело к резкому росту как ущерба, так и числа пострадавших (рисунок).

Динамика оценок: а) ущерба и б) числа пострадавших в результате природных катастроф в 1970–1979 и 2000–2009 годы, млрд. долл. США и млн. чел.

Источник: [22, с. 103].

Важной особенностью воздействия природных рисков на развитие компании является то, что такое воздействие носит не только прямой характер, но и включает в себя *изменения рыночной среды* под влиянием природно-климатических факторов. К их числу относится, в первую очередь, значительное усиление в последние годы международного и национального экологического регулирования, в частности, политики по стимулированию ресурсо- и энергосбережения. При этом особенно сильно на корпоративных стратегиях сказывается ужесточение экологического законодательства в ряде развивающихся стран. Если раньше ведущие мировые транснациональные компании (ТНК) могли выбрать стратегии «решения» экологических проблем, заключающиеся в переносе наиболее вредных производств на территории со слабым (либо отсутствующим) экологическим законодательством, уже в ближайшие годы такие стратегии могут быть исчерпаны. В результате перед ведущими ТНК, ставшими к настоящему времени глобальными компаниями¹, возникает

¹ Подробнее о глобальных компаниях см. [10].

крайне сложная задача полной «экологической модернизации» всей своей производственной инфраструктуры на глобальном уровне.

К другим значимым факторам косвенного воздействия можно отнести повышение требований по раскрытию информации в корпоративной отчетности об объемах вредных выбросов, отходов и прочем воздействии компании на природные системы. Предоставление такой информации все чаще выступает в качестве условия привлечения капитала на финансовых рынках. Кроме того, наблюдаются постепенные изменения в предпочтениях потребителей, повышение ими требований к экологическим свойствам продукции, в том числе энергоэффективности, что, по прогнозам, уже в ближайшем будущем приведет к заметным изменениям моделей потребления на мировых рынках².

Таким образом, природные риски оказывают *системное воздействие* на все ключевые элементы внешней и внутренней среды и все подсистемы управления компанией. Соответственно, управление природными рисками в рамках управления долгосрочной устойчивостью компании также должно опираться на системный подход. Реализация отдельных экологически-ориентированных инноваций на операционном уровне (например, замена оборудования на более энергоэффективное; создание финансового резерва на случай возникновения стихийных бедствий на территориях, где расположены производственные мощности и т.д.) является важной, но явно недостаточной составляющей. Как показывает опыт ведущих мировых компаний, такое управление требует пересмотра стратегии компании и должно рассматриваться в качестве важной подсистемы стратегического менеджмента.

В целом постепенно все шире признается точка зрения, согласно которой долгосрочная устойчивость компании определяется, в конечном счете, не только успешностью ее деятельности, но и состоянием природной среды и общества, в которых данная компания функционирует [13, с. 34]. Фактически, мож-

² Подробнее о факторах прямого и косвенного воздействия, на примере проблемы климатических изменений см. [11].

но говорить о проблеме долгосрочной гармонизации взаимодействия компании с природной средой. Отметим, что именно в таком контексте в последние годы рассматривается задача экологизации производств, перехода к «зеленой» экономике на микроэкономическом уровне [18, с. 103; 19, с. 160] в рамках глобального перехода мировой экономики к устойчивому развитию.

Обобщенно данный процесс можно назвать «зеленой» модернизацией бизнеса, поскольку речь идет не только о минимизации влияния природных рисков, но и о коренной перестройке бизнес-процессов компании на новой технологической основе – в первую очередь, в сфере энерго- и ресурсосбережения. Указанный процесс можно рассматривать в контексте перехода к следующему технологическому укладу, который, по мнению некоторых авторов, может стать «зеленым» [21, с. 12].

Стратегия «зеленой» модернизации компании предполагает осуществление инноваций с целью максимально интенсивного (насколько это возможно в современных экономических и технологических условиях) снижения негативной нагрузки производственной деятельности компании и эксплуатации (включая утилизацию) ее продукции на природную среду; а также адаптации и повышения жизнестойкости бизнес-процессов компании к последствиям стихийных бедствий, погодно-климатических аномалий и т.д.

При этом объектом инноваций и внедрения «зеленых» технологий должны выступать не только производственные системы. Необходимы также изменения систем и процессов управления в компаниях с целью органичной интеграции экологических приоритетов в общую стратегию компании. В перспективе углубление экологизации бизнес-процессов компании может стать основой формирования ее новых организационных компетенций и конкурентных преимуществ, соответствующих активно меняющимся условиям хозяйствования на мировом рынке.

В этой связи одной из важных долгосрочных тенденций является широкое признание ведущими мировыми компаниями не только значимости при-

родных рисков, но и осознание масштаба рыночных возможностей, которые открываются в связи с развитием новых «зеленых» продуктов и рынков. По мнению ряда авторов, колоссальным потенциалом могут обладать только начинающие формироваться принципиально новые рынки, связанные с выявлением и разрешением мировых проблем [2, с. 117] – в первую очередь, проблемы сохранения экосистем и природных комплексов; борьбы с голодом и бедностью, снижением заболеваемости [10; 15]. Примерами возможного участия бизнеса в этой сфере является выпуск специальных товаров для жителей территорий, не имеющих централизованной энергетической и транспортной инфраструктур; а также разработка технологий и программных средств мониторинга состояния климата, окружающей среды и биоразнообразия.

Указанная тенденция согласуется с рядом теоретических работ последних лет, в которых делается вывод о необходимости включения в зону ответственности бизнеса задач по решению глобальных проблем. Например, в соответствии с предложенной Ф. Котлером, А. Сетиаваном и Х. Картаджайей концепцией «маркетинга 3.0», растущий запрос потребителей на участие бизнеса в решении глобальных проблем должен быть учтен путем интеграции экологических и социальных приоритетов в миссию и стратегию компании. [5, с. 16]. «При этом, – как указывает Р. Салмон, – необходимо выстроить перспективное видение коллективной миссии компании по отношению к среде обитания» [9, с. 237].

Важный вопрос при этом заключается в определении границ ответственности компании. Можно согласиться с Л. Престоном и Дж. Постом, считающими, что «отдельно взятая компания... не является ответственной за решение всех существующих проблем, но ответственна за решение тех проблем, которые сама порождает, которые связаны с ее деятельностью и затрагивают ее интересы» [17] (цит. по [1, с. 31]). М. Портер и М. Креймер конкретизируют данную идею. По их мнению, компания на основе имеющихся у нее знаний и ресурсов должна «определить специфический набор социальных проблем, к ре-

шению которых она наиболее подготовлена и, в свою очередь, разрешение которых даст ей наибольшие конкурентные преимущества и обеспечит создание стоимости как для самой компании, так и для общества» (цит по [1, с. 194]); [7].

Одной из главных проблем эффективного анализа влияния природных рисков на перспективы развития компании (особенно актуальной для российских компаний) является отсутствие исходных количественных данных. Для накопления указанной информации компаниям потребуется создание новых целевых подсистем управления и формирование внутренних баз знаний, а также использование общегосударственных баз данных и статистических индикаторов, которые необходимо формировать при поддержке государства.

Таким образом, «зеленая» модернизация компании представляет собой долгосрочный стратегический процесс экологически ориентированной инновационной перестройки бизнес-процессов с целью адаптации к глобальным изменениям условий хозяйствования, который в перспективе может привести к коренной трансформации бизнеса на новой технологической основе и стать залогом обеспечения долгосрочной устойчивости компаний будущего.

Литература

1. Благов, Ю.Е. Корпоративная социальная ответственность: эволюция концепции / Ю.Е. Благов. – 2-е изд. – СПб.: Изд-во «Высшая школа менеджмента», 2011.
2. Варфоломеев, В.П. Управление высокотехнологичным производством / В.П. Варфоломеев. – М.: Экономика, 2009.
3. Клейнер, Г.Б. Стратегия предприятия / Г.Б. Клейнер. – М.: Дело, 2008.
4. Клири, Ш. Глобальные риски. Деловой успех в беспокойные времена / Ш. Клири, Т. Мальре; пер. с англ. – М.: Вопросы экономики, 2011.
5. Котлер, Ф. Маркетинг 3.0. От продуктов к потребителям и далее – к человеческой душе / Ф. Котлер, А. Сетиаван, Х. Каргаджайя. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2012. – 240 с.
6. Петренко, С.А. Управление непрерывностью бизнеса. Ваш бизнес будет продолжаться. Информационные технологии для инженеров / С.А. Петренко, А.В. Беляев. – М.: ДМК Пресс, Компания АйТи, 2011. – 400 с.
7. Портер, М. Капитализм для всех / М. Портер, М. Креймер // Harvard Business Review – Россия. – 2011. – № 3 – С. 34-52.

8. Рубин, Ю.Б. Конкуренция: упорядоченное взаимодействие в профессиональном бизнесе / Ю.Б. Рубин. – 2-е изд. – М.: Маркет ДС, 2006. – 480 с.
9. Салмон, Р. Будущее менеджмента / Р. Салмон; под ред. Е.В. Минеевой. – СПб.: Питер, 2004. – 298 с.
10. Субботин, А.К. Границы рынка глобальных компаний / А.К. Субботин; предисл. Д.С. Львов. – М.: Едиториал УРСС, 2008. – 328 с.
11. Терентьев, Н.Е. Климатические риски и зеленые технологии: новые факторы развития компаний / Н.Е. Терентьев // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2011. – С. 115-135.
12. Шеффи, Й. Жизнестойкое предприятие: как повысить надежность цепочки поставок и сохранить конкурентное преимущество / Й. Шеффи; пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – 301 с.
13. Burchell N., Kolb D. Stability and Change for Sustainability. University of Auckland Business Review. 2006. vol 8. No 2. pp.33-41.
14. Collins, J.C., Porras, J.I. Built to Last (2nd ed.). – New York: Harper Business, 1994.
15. Heierli U. Market Approaches that Work for Development – How the Private Sector Can Contribute to Poverty Reduction. Swiss Agency for Development and Cooperation, September 2008.
16. Okorokov V.R., Evseeva S.A., Kalchenko O.A. Strategies of organizational behaviour in a changing environment, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics. – 2013. – no 5-2(185). – pp. 60-66.
17. Preston L.E., Post J.E. Private management and Public Policy: the Principle of Public Responsibility. Prentice Hall: Englewood Cliffs. – New York 1975.
18. Rainey D.L. Enterprise-wide Strategic Management: Achieving Sustainable Success through Leadership, Strategies, and Value Creation. – Cambridge University Press, 2010.
19. Shrivastava P., Hart S. Creating Sustainable Corporations, Business Strategy and Environment, 1995. – vol. 4. – 154-165.
20. Stead J.G., Stead W.E. Sustainable Strategic Management: an Evolutionary Perspective. International Journal of Sustainable Strategic Management. – 2008. – vol. 1. – №1. – pp. 62-81.
21. von Weizsacker E. et al. Factor Five: Transforming the Global Economy through 80% Improvements in Resource Productivity. – London, Earthscan, 2009.
22. World Economic and Social Survey 2011. The Great Green Technological Transformation. UN Department of Economic and Social Affairs. – New York, 2011.

СТРАТЕГИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ И ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Стратегия инновационного развития России базируется на основе положений «Концепции долгосрочного развития РФ на период до 2020 г.», подготовленной в 2008 г.

Цель Стратегии – перевод к 2020 году экономики России на инновационный путь развития, характеризующийся следующими основными показателями:

- доля предприятий промышленного производства, осуществляющих технологические инновации, возрастет до 40–50% в 2020 году (в 2009 году – 9,4%);
- доля России на мировых рынках высокотехнологичных товаров и услуг (в том числе атомная энергетика, авиатехника, космическая техника и услуги, специальное судостроение и т.д.) достигнет не менее 5–10% в 5–7 и более секторах к 2020 году;
- удельный вес экспорта российских высокотехнологичных товаров в общем мировом объеме экспорта высокотехнологичных товаров увеличится до 2% в 2020 году (в 2008 году – 0,35%);
- валовая добавленная стоимость инновационного сектора в валовом внутреннем продукте составит 17–18% в 2020 году (в 2009 году – 12,7%);
- удельный вес инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции увеличится до 25–35% в 2020 году (в 2010 году – 4,9%);
- внутренние затраты на исследования и разработки повысятся до 2,5–3% валового внутреннего продукта в 2020 году (в 2009 году – 1,24%), из них больше половины – за счет частного сектора;
- доля российских исследователей в общемировом числе публикаций в научных журналах повысится до 3% в 2020 году (в 2010 году – 2,13%);

- число цитирований в расчете на одну публикацию российских исследователей в научных журналах, индексируемых в WEB of Science, повысится до 2,1 ссылок в 2020 году (в 2006 году – 1,51 ссылки на статью);
- не менее 4 российских вузов войдут в число 200 ведущих мировых университетов согласно мировому рейтингу QS World University Rankings (в 2010 году – 1);
- количество патентов, ежегодно регистрируемых российскими физическими и юридическими лицами в патентных ведомствах ЕС, США и Японии превысит в 2020 году 2,5–3 тысячи (в 2009 году – 63);
- доля средств, получаемых за счет выполнения НИР и НИОКР, в структуре средств, поступающих в ведущие российские университеты за счёт всех источников, достигнет 25% [5].

Поставленные в предыдущей Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015 года целевые показатели, связанные с расширением инновационной активности компаний реального сектора, в том числе вследствие замедления роста, обусловленного кризисом 2008–2009 годов, в основном не достигнуты (внутренние затраты на исследования и разработки в процентах к ВВП планировалось довести к 2010 году до 2% (достигнуто 1,3%), удельный вес инновационной продукции в общем объеме продаж промышленной продукции на внутреннем рынке планировался в 2010 году на уровне 15% (достигнуто 9,4%)), удельный вес инновационной продукции в экспорте промышленной продукции планировался в 2010 году на уровне 12%, удельный вес предприятий, осуществлявших технологические инновации, в общем их числе должен был составить 15% в 2010 году.

Созданная за последние годы весьма развитая инновационная инфраструктура не задействована в полной мере компаниями реального сектора.

Общий экономический рост и темпы инновационного развития при этом будут все более взаимосвязаны. С одной стороны, инновационное развитие превратится в основной источник экономического роста через повышение про-

изводительности всех факторов производства во всех секторах экономики, расширение рынков и повышение конкурентоспособности продукции, через создание новых отраслей, наращивание инвестиционной активности, рост доходов населения и объемов потребления и т.д.

По оценкам, инновационное развитие обеспечит дополнительные 0,8 процентных пункта ежегодного экономического роста сверх «инерционного» сценария развития, начиная с 2015 года. С другой стороны, экономический рост расширит возможности для появления новых продуктов и технологий, позволит государству увеличить инвестиции в человеческий капитал (прежде всего, в образование и фундаментальную науку), в поддержку инноваций, что окажет мультиплицирующее воздействие на темпы инновационного развития.

В развитии экономической системы существенную роль играет развитие инновационного потенциала. Понятие «инновационный потенциал» стало «концептуальным отражением феномена инновационной деятельности» [2, с. 39].

Для определения рациональных размеров инновационного потенциала, который должна иметь эффективно функционирующая система, а также для получения корректных оценок влияния инновационного потенциала на развитие экономики, необходимо иметь четкое определение, во-первых, понятия инновационного потенциала, а во-вторых, его состава. С этой целью необходимо четко определить все существенные факторы, предопределяющие его динамику.

В настоящее время вопросам формирования инновационного потенциала в экономической литературе уделяется достаточно много внимания, однако существующая информация зачастую носит отрывочный и противоречивый характер и не имеет однозначного трактования. Так, в отдельных случаях инновационный потенциал отождествляется с научно-техническим. Инновационный потенциал представляется как «накопленное определенное количество информации о результатах научно-технических работ, изобретений, проектно-

конструкторских разработок, образцов новой техники и продукции» [1, с. 35], или толкуется как «система факторов и условий, необходимых для осуществления инновационного процесса», что значительно упрощает действительность, а также сужает сферу применения этой важной категории.

В определении такого инновационного потенциала, как «способности различных отраслей народного хозяйства производить наукоемкую продукцию, отвечающую требованиям мирового рынка», рассматриваемая категория привязана к конкретному уровню (народное хозяйство), что также сужает сферу ее применения. Кроме того, в этом случае из рассмотрения выпадают организационные инновации и инновации-услуги.

Под инновационным потенциалом региона понимается способность и готовность региона осуществлять инновационную деятельность. Способность – это наличие и сбалансированность структуры потенциала (ресурсов, необходимых для инновационной деятельности). Готовность – достаточность уровня развития потенциала (имеющихся ресурсов) для осуществления инновационной деятельности. Инновационный потенциал региона характеризуется [4, с. 27]:

- инновационной «мощностью» – возможностью выполнения определенного объема инновационной деятельности;
- кадрами ученых и специалистов: численностью, структурой по отраслям знаний, квалификационным составом;
- материально-технической базой: оснащенностью рабочих мест по отраслям знаний, уровнем, прогрессивности используемого оборудования, материалов, реактивов;
- финансированием: государственным, заказами субъектов хозяйствования, собственными средствами, другими источниками;
- научной информацией: научной литературой, в том числе зарубежной, включением в российские и международные информационные сети;
- научными школами: местом и ролью в отечественной и мировой науке;

- интеллектуальной собственностью: количеством и перспективностью патентов по отраслям знаний;

- современными формами организации инновационной деятельности с позиции выхода конечного материального или интеллектуального продукта.

В этих и других определениях инновационного потенциала, как правило, раскрывается одна или несколько сущностных характеристик данного явления. В одном случае акцент переносится на институциональные структуры или средства формирования потенциала, в другом идет привязка к конкретному уровню (предприятие, национальная экономика и т.д.).

Достаточно прозрачными и полными в вопросах исследования инновационного потенциала можно считать выводы Г.И. Жиц. По мнению данного автора, под инновационным потенциалом понимается количество экономических ресурсов, которые в каждый конкретный момент общество может использовать для своего развития. Эти ресурсы распределяются между тремя основными секторами (сегментами, направлениями) системы: научно-техническим, образовательным, инвестиционным. В результате этого распределения формируются: научно-технический потенциал (сегмент или комплекс), образовательный потенциал (сегмент или комплекс), инвестиционный потенциал (сегмент или комплекс). Совокупность названных сегментов формирует инновационный потенциал системы [3, с. 46].

При изложенном подходе целесообразно считать инновационным потенциалом не все количество ресурсов, которые общество предполагает использовать для своего перспективного развития, а только ту их часть, которая может быть использована для увеличения объемов или улучшения качества конечного потребления. При этом следует иметь в виду, что динамика количественных и качественных показателей потребления должна осуществляться в интересах потребителей, а не производителей. Следует отметить, что существуют значительные проблемы, связанные с разделением конечного потребления на индивидуальное (частное) и коллективное (общественное), но в данном случае более

важным является необходимость соблюдения рациональных пропорций между конечным и промежуточным потреблением.

Ключевыми шагами стратегии инновационного развития России являются [5]:

Инновационный бизнес

1. Радикальное наращивание инновационной активности в государственном секторе экономики – в компаниях с государственным участием и государственных корпорациях, в том числе через принятие и реализацию ими программ инновационного развития.

2. Формирование «дорожных карт» развития ключевых технологий с определением мер поддержки и выделением необходимой степени международной кооперации при их создании (покупка за рубежом/совместная разработка с зарубежными партнерами/самостоятельная разработка).

Государство

1. Формирование необходимых инструментов и механизмов поддержки государственных закупок инновационной продукции и эффективного размещения заказа на НИОКР для государственных нужд в рамках создания федеральной контрактной системы.

2. Переход на предоставление государственных услуг в электронном виде во всех случаях, где это технологически возможно. Обеспечение полностью безбумажного документооборота не только между федеральными органами власти, но и во взаимодействии с регионами.

Глобализация

1. Активизация поддержки выхода на внешние рынки российских высокотехнологичных компаний, в том числе через наращивание финансовой поддержки экспорта и покупки высокотехнологичных зарубежных активов.

2. Выстраивание работы по содействию российским компаниям в поиске зарубежных технологических партнеров, по формированию и реализации совместных проектов, по разработке новых технологий и выпуску высокотехноло-

гичной продукции с компаниями из наиболее технологически развитых стран, в том числе на базе торговых представительств Российской Федерации.

Инфраструктура

1. Достройка и полноценный запуск механизма «инновационного лифта», в том числе за счет активизации деятельности Российского фонда технологического развития, в целях стимулирования инноваций среднего и крупного бизнеса.

Эффективная наука

1. Формирование сети ведущих вузов. Развитие исследовательских компетенций вузов, расширение выполнения на их базе НИОКР в интересах компаний реального сектора экономики. Формирование (по разным моделям и в разных формах) сети национальных исследовательских центров (лабораторий) по ключевым направлениям технологического развития.

Территории инноваций

1. Определение механизмов и начало реальной поддержки регионов - инновационных лидеров.

2. Формирование территориальных центров генерации и коммерциализации знаний на базе наукоградов, академгородков, ЗАТО.

Критическими проблемами инновационного развития сегодня являются создание мотивов инновационного поведения всех субъектов экономики и углубление их кооперации с сектором исследований и разработок с опорой на созданную и развивающуюся инновационную инфраструктуру.

Литература

1. Гусаков, М.А. Инновационный процесс – стратегический приоритет региона / М.А. Гусаков, Д.В. Проскура // Экономика Северо-запада: проблемы и перспективы развития. – 2007. – № 3 (33).

2. Кокурин, Д.И. Инновационная деятельность / Д.И. Кокурин. – М.: Экзамен, 2001.

3. Николаев, А.И. Инновационное развитие и инновационная культура / А.И. Николаев // Наука и наукознание. – 2001. – № 2.

4. Румянцев, А.А. Инновационная деятельность и экономическое развитие промышленности региона / А.А. Румянцев // Экономика Северо-запада: проблемы и перспективы развития. – 2007. – № 2 (32).

5. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р).

6. Тишков, С.В. Научный и инновационный потенциал северного приграничного региона / С.В. Тишков // Экономика и право. XXI век. – 2013. – № 2. – С. 40-45.

7. Тишков, С.В. Стратегия инновационного развития России: концептуальные подходы. Наука и инновации в технических университетах: материалы Седьмого Всероссийского форума студентов, аспирантов и молодых учёных / С.В. Тишков. – СПб.: Изд-во Политехн. Ун-та, 2013. – С. 199-201.

ВОЗМОЖНОСТИ ОПТИМИЗАЦИИ ТРАНСАКЦИОННЫХ ИЗДЕРЖЕК ПРИ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИЙ

Наиболее эффективным направлением развития современной российской экономики в условиях глобализации является развитие инноваций. Этот вектор развития представляется наиболее перспективным способом преодоления сырьевой зависимости и перехода на качественно новый уровень. При этом процесс коммерциализации технологий определяется формированием институтов, необходимых для реализации коммерческих целей [1].

В связи с этим возникает необходимость рассмотрения структурных изменений с точки зрения современных экономических подходов. Представление о рынке как универсальном механизме, способствующем экономическому развитию, характерное для неоклассики, подвергается сомнению в институциональной экономической теории. Институционалисты считают, что характер экономики и направления ее развития могут формироваться не рынком, а доминирующей в обществе системой ценностей [2].

В составе новой институциональной экономической теории важное место занимает концепция транзакционных издержек, разработанная Р. Коузом. Поэтому с целью сужения круга актуальных научных проблем в рамках институциональной экономики в статье остановимся на исследовании возможностей оптимизации транзакционных издержек при коммерциализации технологий.

Согласно теореме Коуза транзакции в экономике возможны с нулевыми издержками и ценовой механизм является основой координации хозяйствующих субъектов. Данная модель схожа с концепцией совершенной конкуренции в равновесных моделях экономики. При этом существует ряд издержек, сопровождающих экономическую деятельность, без которых эффективная транзакция невозможна. Таким образом, в реальной экономической жизни транзакци-

онные издержки отличны от нуля и ценовой механизм как способ координации деятельности агентов не всегда является эффективным, поэтому возникают альтернативные способы организации трансакций [3].

Рассмотрим подробнее трансакционные издержки при коммерциализации технологий, которая представляет собой процесс разработки и реализации ряда мероприятий, с помощью которых результаты научных исследований и опытно-конструкторских работ можно представить на рынках товаров и услуг с коммерческими целями [6].

В связи с тем, что трансакционные издержки представляют собой издержки в сфере обмена, связанные с передачей прав собственности, необходимо также обозначить участников процесса коммерциализации технологий. Условно их можно разделить на две группы: авторы технологических разработок (университеты и институты, научные коллективы, малые инновационные компании, ученые и изобретатели) и потенциальные инвесторы (государственные и международные фонды и программы; гранты, целевые программы, средства негосударственных фондов, международные проекты; венчурные фонды; промышленные компании, финансирующие научные исследования).

Существует множество классификаций трансакционных издержек, но наибольшее распространение получила следующая: издержки поиска информации связаны с ее асимметричным распределением на рынке, издержки ведения переговоров и заключения контрактов, издержки измерения, издержки спецификации и защиты прав собственности, издержки оппортунистического поведения [4, 5].

Издержки поиска информации. Организации испытывают трудности доступа к информации, оценки и выбора наиболее перспективного из возможных решений. Также по мере нарастания объемов информации и ее усложнения, становится труднее обрабатывать имеющиеся данные. Следовательно требуются значительные затраты времени, финансовых ресурсов на изучение и нахож-

дение необходимой предприятию технологии, поиск партнеров для реализации инновационного проекта.

Издержки ведения переговоров и заключения контрактов. Исходя из сущности инновационной технологии, можно сделать вывод, что участники обмена обговаривают множество условий, определяют цену передаваемых знаний, механизм коммерциализации технологии. Часто отношения сторон сделки не ограничиваются одной только передачей прав на интеллектуальную собственность. Поэтому ведение переговоров и заключение договоров требует значительно больших затрат чем при регулярной покупке неспецифических товаров.

Издержки измерения. При определении предполагаемого будущего дохода велика неопределенность и вероятность ошибок, так как заранее невозможно точно определить коммерческий результат внедрения новых технологий. Даже при проведении всестороннего анализа для выявления потребности в инновации, успех ее не гарантирован. Во многих случаях затруднено и непосредственно измерение характеристик технологии.

Издержки спецификации и защиты прав собственности. При научных исследованиях и коммерциализации технологий возникает проблема разграничения прав между участниками, имеющими доступ к интеллектуальной собственности. Также в инновационном процессе возникает большой риск неправомерного воспроизведения технологий. Причем определение норм, касающихся интеллектуальной собственности, является относительно новой областью законодательства, поэтому здесь продолжается совершенствование регулирования отношений, возникают неосвещенные вопросы. Это все обуславливает повышение затрат при коммерциализации технологий.

Издержки оппортунистического поведения. Асимметрия информации на рынке технологий обуславливает повышение издержек оппортунистического поведения. Оппортунизм может проявиться как до заключения контракта, так и

в процессе внедрения результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в производство.

Большой проблемой при анализе транзакционных издержек является их измеримость, так как они в значительной части носят вероятностный или неформальный характер и не могут быть учтены в большинстве случаев как издержки, величину которых можно получить из бухгалтерской отчетности [7]. Сегодня в институциональной экономике обозначились два подхода к проблеме измерения транзакционных издержек.

Первый из них – ординалистский – является доминирующим в современной экономической науке. Он основывается на положении, что на практике имеет значение лишь направление изменения уровня издержек. В данном случае исследовательская стратегия сводится к сравнению имеющихся альтернатив путем установления их относительной величины в пределах действующих институциональных соглашений. Такой подход исходит из предположения, что транзакционные издержки не поддаются прямому измерению, поскольку само понятие транзакционных издержек не имеет четкой однозначной трактовки в современной экономической науке [7].

Таким образом, при ординалистском подходе можно сравнить транзакционные издержки при коммерциализации технологий и обычной покупке неспецифического актива (табл. 1) по трехбалльной шкале.

Таблица 1. Ординалистский подход к измерению транзакционных издержек, баллов

Вид транзакционных издержек	Коммерциализация технологии	Покупка неспецифического актива
Издержки поиска информации	3	1
Издержки ведения переговоров и заключения контрактов	3	2
Издержки измерения	3	2
Издержки спецификации и защиты прав собственности	3	1
Издержки оппортунистического поведения	3	3
Итого	15	9
Примечание: 1 – низкие, 2 – средние, 3 – высокие.		

Второй подход – кардиналистский – предполагает возможность прямого количественного измерения затрат на транзакции. Такая оценка была проведена некоторыми зарубежными экономистами – Г. Демсецем, Д. Нортон и Дж. Уоллисом, а также отечественными специалистами – Р.И. Капелюшниковым, В.Е. Кокоревым, В.В. Радаевым, Т.П. Скуфьиной, В.Л. Тамбовцевым. Эти исследователи полагали, что существует ряд транзакционных затрат, которые невозможно измерить, однако другая часть издержек может и должна быть подвергнута количественной оценке. Такие попытки прямо оценить затраты на транзакции предпринимались на макро- и микроэкономическом уровнях [7].

В таблице 2 представлена реализация кардиналистского подхода на практике. При этом оценим возможности оптимизации транзакционных издержек при коммерциализации технологий: при реализации этого процесса с помощью организаций инновационной инфраструктуры (входят в транзакционный сектор экономики) появляется возможность значительно сократить транзакционные издержки. Их оценка выполнена для города Вологды на основе мнений экспертов и мониторинга информации на сайтах российских центров трансфера технологий.

О. Уильямсон выделил три характеристики, определяющие величину транзакционных издержек: уровень неопределенности внешней среды, частота совершения сделки и степень специфичности активов, участвующих в ней [3]. Зависимость величины транзакционных издержек от данных параметров представляется следующим образом:

$$TC = f(U, F, AS), \quad (1)$$

где TC – транзакционные издержки;

U – уровень неопределенности;

F – частота совершения сделок;

AS – степень специфичности активов.

Таблица 2. Кардиналистский подход к измерению трансакционных издержек, тыс. руб.

Вид трансакционных издержек	Самостоятельно научным коллективом	С помощью центров трансфера технологий
Издержки поиска информации	82,5	10
Издержки ведения переговоров и заключения контрактов	27,5	5
Издержки измерения	27,5	40
Издержки спецификации и защиты прав собственности	55	50
Издержки оппортунистического поведения	6,9	5
Итого	199,4	110
Примечание: в связи с тем, что научный коллектив имеет в основном временные затраты, будем выполнять оценку по уровню средней заработной платы в городе Вологде в 2013 году – 27,5 тыс. руб.		

На основе теоретических разработок О. Уильямсона также можно доказать наличие возможности оптимизации трансакционных издержек при коммерциализации технологий на основе услуг, предоставляемых организациями инновационной инфраструктуры (табл. 3).

Таблица 3. Измерение трансакционных издержек по О. Уильямсону, баллов

Параметр	Самостоятельно научным коллективом	С помощью организаций инновационной инфраструктуры
Уровень неопределенности	5	1
Частота совершения сделок	5	1
Степень специфичности активов	5	5
Итого	15	7
Примечание: по пятибалльной шкале.		

Таким образом, организации инновационной инфраструктуры позволяют значительно уменьшать трансакционные издержки при коммерциализации технологий. При этом главная роль в этом процессе принадлежит центрам трансфера технологий, которые являются либо структурными подразделениями организаций, обладающих инновационными разработками, либо самостоятельными юридическими лицами, основная задача которых – коммерциализация разработок, создаваемых в материнских организациях (соответственно, в организациях, которым они оказывают услуги). Они входят в трансакционный сектор российской экономики и являются институтом, который сформирован бизнесом и государством.

Литература

1. Шаховская, Л.С. На пути к формированию институциональной теории коммерциализации инноваций / Л.С. Шаховская, Я.С. Матковская // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. – 2011. – № 5. – С. 125-136.
2. Демченко, С.К. Вопросы экономической теории. Макроэкономика [Электронный ресурс] / С.К. Демченко // Проблемы современной экономики. – 2008. – № 3 (27). – URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=2080> (дата обращения: 31.07.2014).
3. Ерохин, М.А. Трансакционные издержки и основные формы трансакционных отношений / М.А. Ерохин // Вестник Новосибирского государственного университета. Социально-экономические науки. – 2011. – Т. 11. – № 3. – С. 130-136.
4. Институциональная экономика: учебник по направлению «Экономика» / под общ. ред. А. Олейника. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 703 с.
5. Институциональная экономика: учеб. пособие по специальности «Менеджмент организации» / под ред. Д.С. Львова. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 318 с.
6. Цуканова, О.А. Особенности коммерциализации научно-технической продукции в России [Электронный ресурс] / О.А. Цуканова, Е.В. Шашкова // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 2. – URL: www.science-education.ru/108-9026 (дата обращения: 27.08.2014).
7. Симонов, А.Ю. Проблема количественного измерения трансакционных издержек [Электронный ресурс] / А.Ю. Симонов // Гуманитарные научные исследования. – 2014. – № 1. – URL: <http://human.snauka.ru/2014/01/5366> (дата обращения: 31.07.2014).

Секция 3

**Теория эволюционной и институциональной экономики
в решении социальных проблем**

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ МОЛОЧНОГО ЖИВОТНОВОДСТВА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

В настоящее время особую актуальность находят исследования проблем, касающихся изучения ресурсного потенциала. В работах российских и зарубежных ученых отсутствует единый подход к методике его определения. На наш взгляд, под ресурсным потенциалом сельскохозяйственного предприятия следует понимать совокупность ресурсов хозяйствующего субъекта, находящихся в его распоряжении и характеризующих возможность данной социально-экономической системы по реализации целенаправленной деятельности с учетом влияния факторов внутренней и внешней среды.

Ресурсы предприятия – исходная точка производственного процесса, их состав и сочетания разнообразны в зависимости от характера производственного процесса.

В состав ресурсного потенциала сельскохозяйственного предприятия можно отнести следующие виды ресурсов: земельные, материальные, финансовые, основные средства, технология производства, управленческий потенциал.

Молочное скотоводство – одна из основных отраслей животноводства Вологодской области.

Кризисные явления в экономике, плохое государственное регулирование, диспаритет цен в АПК негативно повлияли на эффективность сельского хозяйства.

**Поголовье скота и производство молока в 2003–2013 годы
в Вологодской области**

Показатель	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	Темп роста, %
Поголовье крупного рогатого скота, все категории хозяйств, тыс. гол	258,4	238,3	233,1	230,3	226,4	215,3	204,5	196,7	184,9	179	166,7	64,5
в том числе коровы	120,5	113	109,2	105,4	103,7	99,9	93,6	90,9	86,6	83	76,2	63,2
Производство молока, тыс.т	538,2	496,8	470,1	479	483,8	481,5	465,9	443	446,5	462,1	429,9	79,9

Таким образом, за последние 10 лет поголовье крупного рогатого скота Вологодской области значительно сократилось и составляет всего 64,5% от уровня 2000 года. Валовое производство молока также имеет тенденцию к снижению и составляет в 2013 году 79,9% от уровня 2000 года.

Снижение поголовья крупного рогатого скота является, на наш взгляд, результатом непродуманного реформирования сельского хозяйства [1].

В целях поддержки развития молочного животноводства в области реализуется экономически значимая программа «Развитие молочного скотоводства Вологодской области» (включена в Государственную программу). На сегодня ее участниками являются 17 сельхозтоваропроизводителей области из 12 муниципальных районов, занимающихся производством молока.

В 2013 году проведена реконструкция и модернизация на 37 животноводческих объектах на 10,1 тыс. скотомест.

Предусмотренная поддержка позволила (только указанным выше хозяйствам) уже в четвертом квартале 2013 года приступить к строительству ферм с общим поголовьем около 1500 скотомест.

В рамках данной Подпрограммы предоставляются субсидии на возмещение части затрат на строительство, реконструкцию животноводческих помещений, включая наружные инженерные сети протяженностью до 1 км, дорожное сообщение протяженностью до 1 км, приобретение оборудования, техническое перевооружение.

Также в области субсидируется часть процентной ставки за пользование кредитами.

Эффективным стимулом для развития молочного животноводства с 2013 года являются субсидии на 1 литр товарного молока, реализованного высшим и первым сортом.

Средства, вложенные в развитие АПК Вологодской области, не стабилизировали ситуацию, а, наоборот, уничтожили ряд предприятий в районах. Причиной такого положения являются высокие ставки на кредиты, сложность в получении кредитов, так как большинство предприятий молочного животноводства являются нерентабельными, они не могут участвовать в программах развития животноводства.

Вологодская область является крупнейшим в России регионом молочного животноводства и входит в десятку лидеров по производству молока.

На сегодня более 90% молока производится в сельскохозяйственных организациях на молочных комплексах и фермах с промышленной технологией [2].

Таким образом, эффективность использования ресурсного потенциала на сельскохозяйственных предприятиях напрямую влияет на результативность отрасли молочного животноводства в целом.

Дальнейшее движение вперед в большой степени зависит от умелого и эффективного использования всех имеющихся ресурсов.

Мы видим следующие пути повышения эффективности использования ресурсного потенциала сельскохозяйственных организаций. Первый – организация управления им на сельскохозяйственном предприятии.

На рисунке 1 представлен предлагаемый нами алгоритм управленческого воздействия на составляющие ресурсного потенциала предприятия.

Второй – внедрение системы планирования и нормирования ресурсов. Инструментом реализации данного предложения может выступать применение бюджетирования на предприятии.

Третий – организация контроля за соблюдением норм и бюджетов.

Четвертый – внедрение комплексного анализа использования ресурсного потенциала, модель оценки которого представлена на рисунке 2.

Нами предлагается проводить оценку ресурсного потенциала сельскохозяйственного предприятия поэтапно:

1. Проверка целесообразности и своевременности проведения мероприятий по оценке ресурсного потенциала сельскохозяйственного предприятия.

2. Формулировка миссии и цели организации.

3. Определение задач проведения анализа ресурсного потенциала сельскохозяйственного предприятия.

4. Анализ внешней среды предприятия: поставщиков, конкурентов, потребителей.

5. Анализ внутренней среды предприятия.

6. Разработка поэтапного плана анализа использования ресурсного потенциала.

7. Проведение анализа элементов ресурсного потенциала предприятия.

8. Определение интегрального показателя оценки ресурсного потенциала.

Принцип предлагаемых нами методических основ оценки ресурсного потенциала сельскохозяйственного предприятия заключается в расчете однозначной количественной оценки с применением таксонометрического метода, показывающего степень отклонения реальных показателей организации от виртуальной эталонной модели [3, 4].

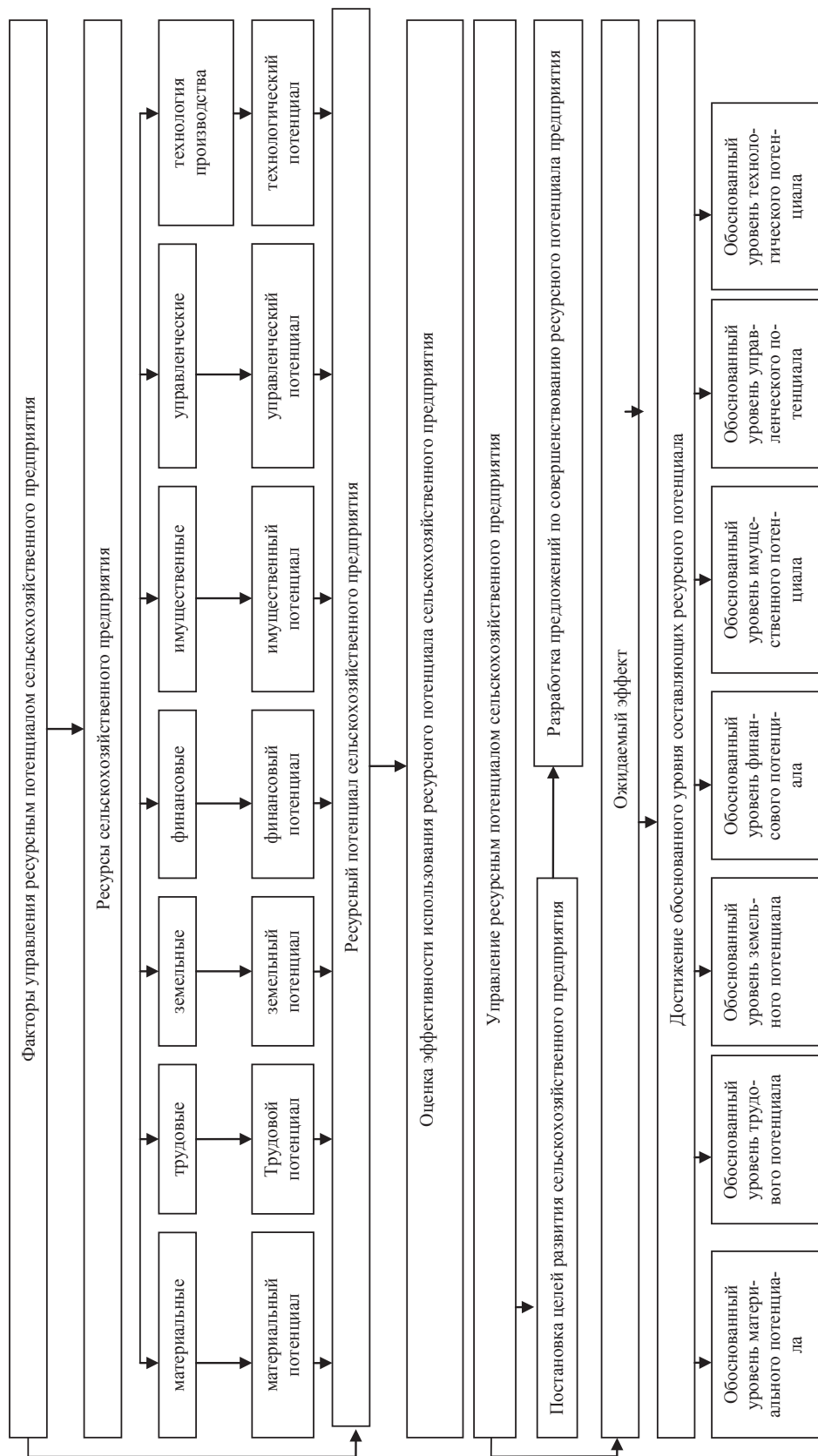

Рисунок 1. Алгоритм управленческого воздействия на составляющие ресурсного потенциала сельскохозяйственного предприятия

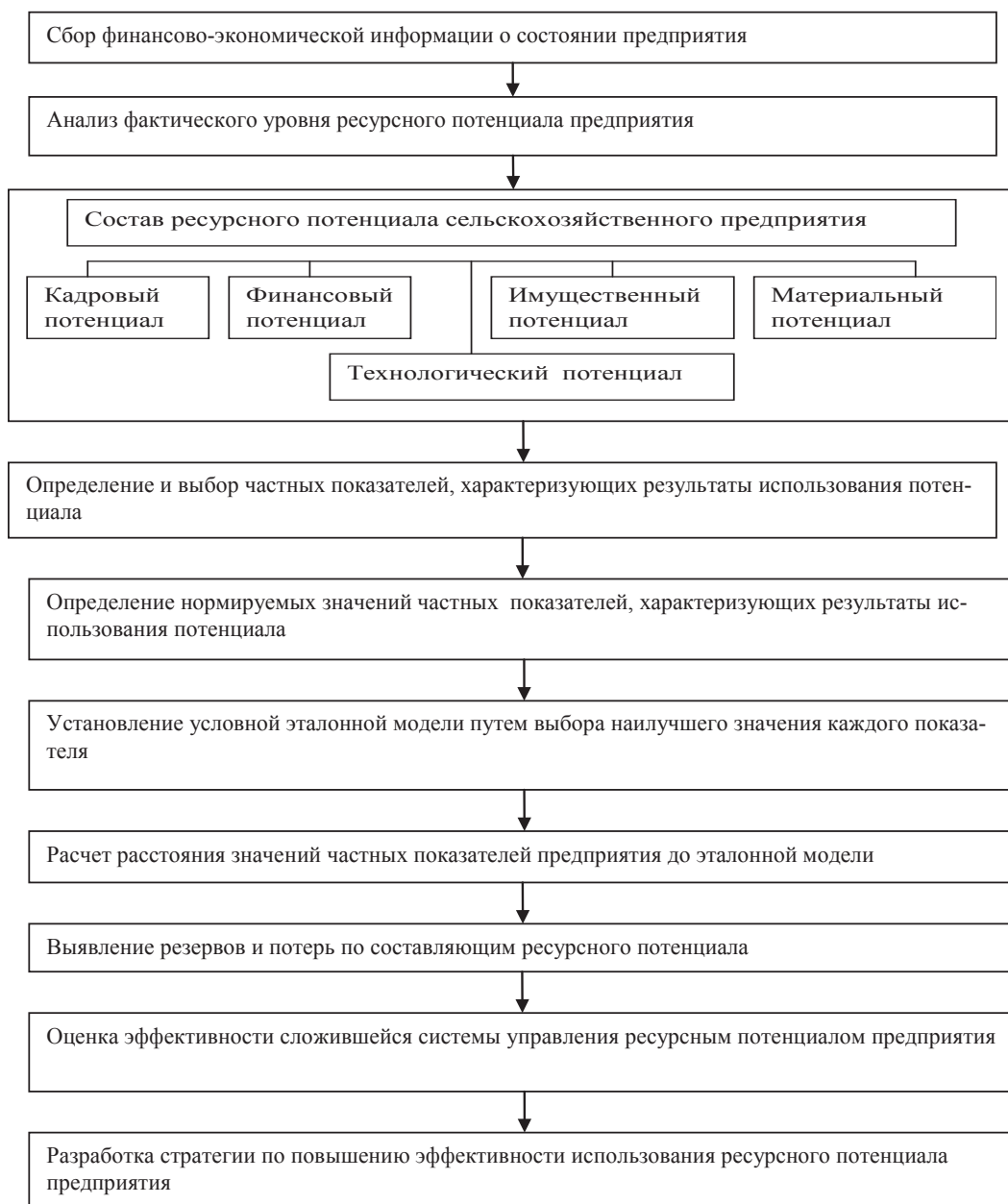

Рисунок 2. Модель оценки ресурсного потенциала сельскохозяйственного предприятия

В результате комплексной оценки определяется некоторая обобщенная интегральная оценка (показатель), с помощью которой удастся дать количественную и качественную характеристику динамики развития объекта во времени.

Важнейшим условием применения метода является соглашение о возможной соизмеримости различных по сути показателей, часто качественно совершенно не соизмеримых. Так, в систему оценочных показателей могут включаться стоимостные, трудовые, натуральные и другие показатели. Поэтому необходимо так организовать процедуру оценки результатов хозяйственной деятельности, чтобы индивидуальные особенности отдельных показателей не смогли повлиять на конечную оценку, т.е. сопоставление должно проводиться не по абсолютным значениям показателей, а на основе их относительной вариации.

Для анализа фактического уровня использования ресурсного потенциала сельскохозяйственного предприятия решаются следующие задачи:

- выбор комплекса показателей для каждой категории составляющих ресурсного потенциала предприятия, позволяющих наиболее полно отразить их текущее состояние;
- определение системы контрольных показателей;
- установление рекомендуемых значений контрольных показателей (максимально или минимально допустимые) для каждой категории составляющих потенциалов, то есть построение условной эталонной модели; необходимость ее построения вызвана тем, что рассчитанные коэффициенты сами по себе несут незначительную смысловую нагрузку и необходимо сравнение значений коэффициентов со значениями каких-то «внешних» показателей, которыми и выступают установленные нормативы;
- измерение индивидуального уровня использования ресурсного потенциала.

Важным моментом в повышении эффективности использования ресурсного потенциала предприятия является мотивация работников соблюдать нормы расхода ресурсов. Для реализации этой функции предлагаем внести в положение о премировании повышающий коэффициент за соблюдение норм расхода ресурсов. Но, одновременно, необходимо контролировать соответствие между расходом ресурсов, выпуском продукции и ее качеством.

Для повышения эффективности использования ресурсного потенциала на уровне области необходимо использовать в совокупности внутренние резервы предприятий путем совершенствования управления ресурсами и методы государственной поддержки молочного животноводства.

Литература

1. Барина, О.И. Оценка эффективности производства молока в Вологодской области / О.И. Барина // Региональная экономика: теория и практика. – 2012. – № 22. – С. 253.
2. Животноводство и племенное дело [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vologda-agro.ru/medicine>
3. Стеклова, С.Ю. Методология определения ресурсного потенциала строительного предприятия [Электронный ресурс] / С.Ю. Стеклова. – Режим доступа: dis.ru/library/557/25951.
4. Улезько, А.В. Концептуальные подходы к оптимизации ресурсного потенциала аграрных формирований / А.В. Улезько // Экономика и управление: проблемы, тенденции, перспективы. – 2003. – С. 27-33.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Начиная с середины XIX века демографическая ситуация в развитых странах мира характеризовалась тенденцией к постепенному снижению рождаемости при довольно низком уровне смертности. Для учёных стал очевидным тот факт, что рост численности населения постепенно станет замедляться и демографический дивиденд колоссального роста численности населения предыдущих периодов в скором времени себя исчерпает. Уже в XX веке демографами стали отмечаться предпосылки к увеличению удельного веса лиц пожилого возраста (60 лет и старше) в общей численности населения [1]. Этот процесс получил название «демографическое старение» – увеличение доли пожилых и старых людей в общей численности населения, причиной которого служат длительные изменения в характере воспроизводства населения [4]. Последовательное изучение данного явления привело учёных к осознанию того факта, что старение общества носит не временный характер и возрастная структура населения уже никогда не станет прежней [2, 3].

Первопричиной возникновения процесса демографического старения стало установление контроля над наиболее опасными факторами смертности (согласно концепции демографического перехода, наиболее активно данный процесс развивался во второй половине XIX века) [2]. В результате вымирание поколений замедлялось и увеличивалось совокупное время, прожитое каждым поколением при одной и той же исходной его численности. Изменяется вся структура проживаемого каждым поколением времени, ибо с ростом общего числа лет жизни еще более высокими темпами увеличивается число лет, прожитое в средних и старших возрастах [3]. Важную роль в этом сыграли успехи медицины и экономики: улучшение условий жизни, изменение структуры забо-

леваемости и уменьшение роли внешних факторов как причины ранней смертности.

Однако еще во второй половине XX века французский демограф А. Сови, опираясь на исследования своего предшественника и соотечественника Ж. Буржуа-Пиша, доказал, что первопричиной демографического старения является снижение рождаемости, а не увеличение продолжительности жизни, как считалось ранее. Он указывает на то, что фундаментальной ошибкой является смешение процесса старения всего населения в целом с продолжительностью жизни отдельных людей, составляющих это население [8]. В качестве примера они приводят население Германии, где рождаемость в 1881–1890 гг. находилась на уровне 34,2 промилле, т.е. была примерно той же, что и в начале века. И, наоборот, смертность населения Германии снизилась примерно с 30 до 22 промилле – почти на 30%. Между тем доля лиц старше 60 лет составляла только 7,8% – примерно столько же, что и в начале века.

Еще одной причиной демографического старения принято считать миграционные процессы. В изучении миграционных процессов широко известен подход селективности по возрастным категориям. Согласно работам А. Роджерса и Л.Ж. Кастро, возрастные коэффициенты миграции показывают определенные закономерности по странам и во времени [12]. Влияние миграционных процессов на демографическое старение населения обусловлено тем, что выбытие людей в трудоспособном возрасте заметно сказывается на возрастной структуре населения территории.

Для выявления особенностей демографического старения в России необходимо сравнение с соответствующими показателями других территорий. В целом по миру доля населения 60 лет и старше возросла с 8% в 1950 году до 12% в 2013 году [11]. В ближайшие десятилетия рост ускорится и эта доля возрастет до 21% в 2050 году (рис. 1).

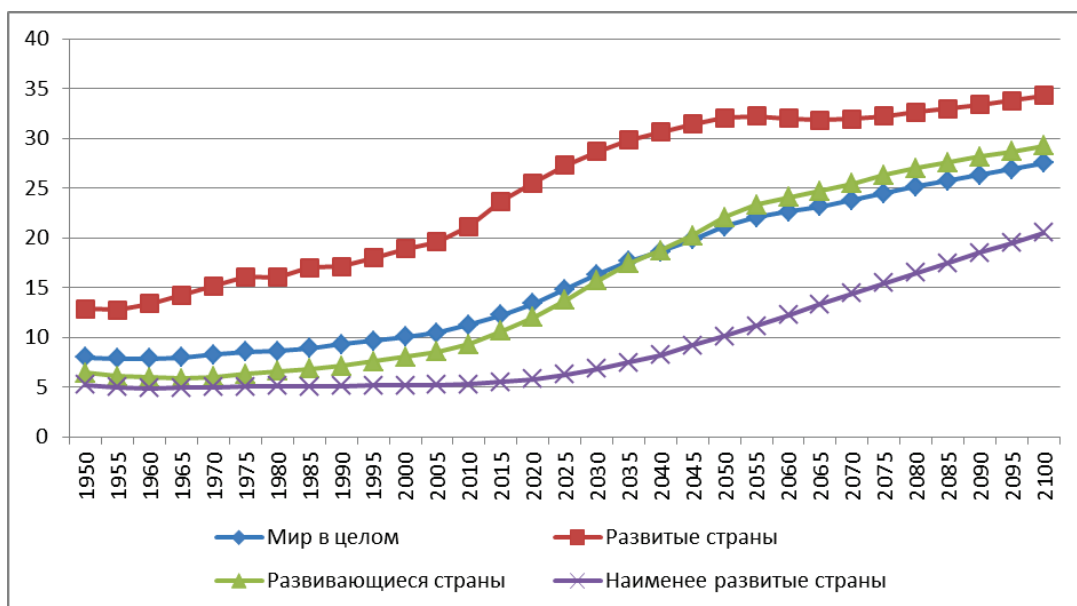

Рисунок 1. Изменение доли пожилых в регионах мира*, 1950-2100 гг.

* Рассчитано по Profiles of Ageing 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/en/development/desa/population/>

В развитых странах, где процесс старения населения идет уже несколько десятилетий, доля возрастной группы 60 лет и старше возросла с 12% в 1950 году до 23% в 2013 году, а к 2050 году повысится до 32%.

В наименее развитых странах мира доля населения 60 лет и старше пока остается стабильной (около 5% на протяжении 1950–2013 годов), однако уже начинает расти и удвоится к 2050 году (10%).

В остальных развивающихся странах процесс старения уже набирает обороты: доля населения 60 лет и старше составляла до середины 1970-х годов около 6%, к 2013 году возросла до 10%, а к 2050 году увеличится до 22%.

В 2013 году первое место по уровню старости занимала Япония, где почти каждый третий человек находится за порогом старости (32% пожилых). Также в первой десятке находятся представители Западной Европы и Скандинавии. Россия занимала 17 место, а доля пожилых составляла 19%. Отдельно стоит выделить такие страны, как Катар и Объединенные Арабские Эмираты, которые являются самыми «молодыми» нациями в мире (1,5 и 1% соответственно) [11].

Поскольку демографический переход в России начался позднее, чем в других странах Европы, то значения показателей старения для России были и остаются меньшими, чем для этих стран, но происходит постепенное сближение с показателями стран Западной, Северной, Восточной и Южной Европы [7].

Возрастная структура России будет изменяться, следуя современным демографическим тенденциям: увеличение доли пожилых людей в общей численности населения, уменьшение доли лиц в трудоспособных и младших возрастах. К 2050 году почти каждый третий человек в стране будет находиться за порогом 60 лет (рис. 1). Согласно среднему варианту прогноза Росстата, в 2031 году число иждивенцев составит 832 человека на 1000 человек населения трудоспособного возраста, причём две трети составят люди в возрасте 60 лет и старше [9, 10].

Продолжительное время отличительной чертой старения России являлся его ярко выраженный гендерный дисбаланс. Следует отметить снижение разницы в численности мужчин и женщин старше 60 лет: в 1990 году численность женщин среди пожилых превышала численность мужчин в 2,16 раза, тогда как в 2013 году – в 1,84 раза [5].

Главной причиной выравнивания числа мужчин и женщин в общей численности пожилых людей является снижение мужской смертности в трудоспособном возрасте (от 16 до 59 лет): с 2005 года возрастной коэффициент смертности мужчин в трудоспособном имел устойчивую тенденцию к снижению (с 13,7 в 2005 году до 12,1 в 2012 году) [9].

Для анализа демографического старения регионов РФ воспользуемся шкалой Э. Россета [6], который выделял этапы старения территорий исходя из удельного веса населения в возрасте 60 лет и старше, проживающего на них (табл. 1). Анализ показал, что в 1990 году в России 59 регионов находились за порогом старости (доля пожилых > 12%), а в 23 субъектах отмечался «очень высокий уровень демографической старости» (доля пожилых людей превышала

18%). В 2013 году число регионов, перешедших на этап «демографической старости», достигло 73, а количество субъектов, где критическое значение в 18% было превышено, возросло более чем в 2,5 раза (51 субъект).

Таблица 1. Распределение регионов РФ по уровню демографического старения в соответствии со шкалой Ж. Боже-Гарнье – Э. Россега (1990–2013 гг.)

Этап	Доля лиц в возрасте 60 лет и старше, %	Этап старения и уровня старости населения	Регионы РФ по состоянию на 1990 год	Регионы РФ по состоянию на 2013 год
1	<8	Демографическая молодость	10	5
2	8-10	Первое преддверие старости	5	2
3	10-12	Собственно преддверие старости	9	3
4	12 и выше	Демографическая старость	59	73
	12-14	Начальный уровень демографической старости	10	3
	14-16	Средний уровень демографической старости	14	7
	16-18	Высокий уровень демографической старости	12	12
	18 и выше	Очень высокий уровень демографической старости	23	51

Расчитано по данным Единой межведомственной информационно-статистической системы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fedstat.ru/indicators/start.do>

Еще одним индикатором, отражающим интенсивность демографического старения, является коэффициент старения. Он рассчитывается как отношение числа людей в возрасте старше 60 лет к общей численности населения и дает возможность оценить динамику изменения доли пожилых людей за определенный период времени. Общей тенденцией для всей страны стало увеличение коэффициента старения в период с 1990 по 1998 год, с последующим спадом в период 1999–2006 гг., когда в репродуктивный возраст вступило поколение «бэби-бума» 1980-х годов, и затем вновь приростом доли пожилых людей в структуре населения, начиная с 2007 года. В ближайшей перспективе старение населения усилится и связано это со вступлением в репродуктивный возраст малочисленного поколения начала и середины 1990-х годов, чей репродуктивный потенциал не способен не только «омолодить» население, но и сдержать его старение.

Таблица 2 Темпы прироста удельного веса пожилых людей в населении федеральных округов РФ, 1990–2013 годы*

Регион	Период								
	Коэффициент старения, %		Темпы прироста, раз	Коэффициент старения, %		Темпы прироста, раз	Коэффициент старения, %		Темпы прироста, раз
	1990	1998		1999	2006		2007	2013	
1. Дальневосточный федеральный округ	8,6	11,2	1,3	11,8	12,8	1,08	13,2	16,2	1,23
2. Уральский федеральный округ	12,4	14,4	1,16	14,9	14,2	0,95	14,3	16,3	1,14
3. Сибирский федеральный округ	14,1	15,9	1,13	16,4	15,8	0,96	15,9	18,0	1,13
4. Северо-Западный федеральный округ	15,2	17,7	1,16	18,2	17,6	0,97	17,9	20,0	1,12
5. Приволжский федеральный округ	16,0	17,8	1,11	18,2	17,4	0,96	17,5	19,4	1,1
6. Центральный федеральный округ	19,3	20,5	1,06	20,9	19,7	0,94	19,8	21,3	1,08
7. Северо-Кавказский федеральный округ	-**	-	-	-	12,4	-	12,2	12,9	1,06
8. Южный федеральный округ (по 2009 г.)	16,1	16,6	1,03	17,0	16,2	0,95	16,2	-	-
9. Южный федеральный округ (с 2010 г.)	-	-	-	-	-	-	-	20,3	-

* Ранжировано по темпам прироста удельного веса пожилых людей за период с 2007 по 2013 г.
 ** Данные отсутствуют.
 Рассчитано по данным Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fedstat.ru/indicators/start.do>

Наивысшие темпы прироста за период с 1990 по 1998 год наблюдались (табл. 2) в Дальневосточном федеральном округе (1,16 раза), наименьшие – в Центральном федеральном округе (1,06 раза). Причем удельный вес пожилых людей в ДФО в период с 1990 по 1998 г. оставался самым низким среди всех округов РФ. Следующая «волна старения» охватила большинство макрорегионов РФ в период с 2007 по 2013 год. Самым быстро стареющим стал Дальневосточный федеральный округ (прирост 1,23 раза), уступив роль самого «молодого» региона Северо-Кавказскому федеральному округу (16,2 и 12,9% пожилых людей соответственно). Самым «старым» макрорегионом РФ на протяжении 23 лет (1990–2013 гг.) являлся Центральный федеральный округ.

Дифференциацию регионов России по показателям демографического старения наглядно показывает коэффициент вариации – наиболее универсальный показатель, отражающий степень разброса значений независимо от их масштаба и единиц измерения. Для коэффициента старения зафиксирована ста-

бильная тенденция снижения вариации (рис. 2). Происходит выравнивание процессов старения в регионах (все население становится «старым»), что является наиболее ярко выраженной демографической тенденцией в современной России.

Рисунок 2. Коэффициент вариации показателя старения населения регионов России, %*

* Рассчитано по данным Единой межведомственной информационно-статистической системы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fedstat.ru/indicators/start.do>

Подводя итоги, стоит выделить несколько аспектов, которые характеризуют процесс демографического старения населения России на современном этапе:

1. Отсутствие принципиальных различий в динамике старения населения России и развитых европейских стран, а также сближении значений рассмотренных показателей для Западной, Северной и Южной Европы.

2. Флуктуационное изменение коэффициента старения в России, которое выразилось в его увеличении в период с 1990 по 1998 год, с последующим спадом в период 1999–2006 гг., когда в репродуктивный возраст поколение «бэби-бума» 1980-х годов, и затем вновь приростом доли пожилых людей в структуре населения начиная с 2007 года. В ближайшей перспективе старение населения лишь усилится, чему будет способствовать низкий репродуктивный потенциал малочисленных поколений 1990-х годов. К 2050 году почти каждый третий человек в стране будет находиться за порогом 60 лет, что ставит сложные задачи

перед государством, обществом и всеми основными сферами его жизнедеятельности.

3. Сокращение разницы в численности мужчин и женщин в общем количестве пожилых людей благодаря устойчивому снижению мужской смертности в трудоспособном возрасте с середины 2000-х годов (с 13,7 умерших на 1000 населения в 2005 году до показателя 12,1 в 2012 году).

4. Происходит выравнивание процессов старения в регионах (все население становится «старым»), что является наиболее ярко выраженной демографической тенденцией в современной России.

На современном этапе представляется необходимыми внедрение геронтологического профилирования специалистов, работающих с пожилыми людьми, – медицинских работников, преподавателей, социальных работников, профессионалов в рекреационной сфере, сфере досуга, а также разработка принципа социальной защищенности пожилого человека, предполагающий достойные условия существования.

Литература

1. Барсуков В.Н. К вопросу о причинах и последствиях демографического старения населения [Текст] / В.Н. Барсуков // Альманах современной науки и образования. – 2014. – № 7 (85). – С. 31-34.

2. Вишневский, А.Г. Демографическая революция [Текст] / А.Г. Вишневский. – М.: Статистика, 1976. – 239 с.

3. Вишневский, А.Г. Похвала старению [Электронный ресурс] / А.Г. Вишневский // Отечественные записки. – 2005. – № 3 (24). – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/pohvala-stareniyu>

4. Демографический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.demography.academic.ru/1623/ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ_СТАРЕНИЕ

5. Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс] / Режим доступа : <http://fedstat.ru/indicators/start.do>

6. Россет, Э. Процесс старения населения [Текст] / Э. Россет. – М.: Статистика, 1968. – 508 с.

7. Сафарова, Г.Л. Демографические аспекты старения населения России [Электронный ресурс] / Г.Л. Сафарова // Отечественные записки. – 2005. – № 3 (24). – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/demograficheskie-aspekty-stareniya-naseleniya-rossii>
8. Сови, А. Общая теория населения. Том второй. Жизнь населения [Текст] / А. Сови : пер. с франц. Ф.Р. Окуновой. – М.: Прогресс, 1977. – С. 77.
9. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>
10. Шабунова, А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности [Текст] / А.А. Шабунова // Проблемы развития территории. – 2014. – № 2 (70). – С. 7-17.
11. Profiles of Ageing 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/dataset/urban/profilesOfAgeing2013.shtml>
12. Rogers, A. Model migration schedules and their applications [Текст] / A. Rogers, R. Raquillet, L.G. Castro // Environment and Planning. – 1978. – № 10 (5). – С. 475-502.
13. World Population Ageing 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [ST/ESA/SER.A/348.http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/ageing/WorldPopulationAgeing2013.shtml](http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/ageing/WorldPopulationAgeing2013.shtml)

МАРКЕТИНГ НА РЫНКЕ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

Возрастающее значение маркетинга на фоне падения престижа и эффективности

Сам по себе термин «маркетинг» трудно назвать удачным. По крайней мере, нельзя понять истинную сущность маркетинга, исходя из этимологии слова. Оно произошло от слова «рынок», что является правильным, но малоинформативным. В действительности же рынком занимаются все подразделения предприятия, но каждое в своём аспекте. Маркетинг занимается рынком в аспекте клиента и его потребностей. Высказываются идеи, что более уместным стало бы название «клиентинг» [6].

Роль маркетинга в современном бизнесе чрезвычайно высока. Сегодня уже недостаточно просто производить качественные товары или услуги, – необходимо напряжённо работать над построением эффективных маркетинговых коммуникаций с ориентацией на потребности клиента.

Немаловажное значение имеет сложившаяся на рынке тенденция выравнивания торговых брендов (коммодитизации), когда целый ряд производителей выпускают аналогичную продукцию сходного (высокого) качества. В этом контексте выбор потребителя зависит от нюансов, даже символических вещей, над которыми и должны работать маркетологи [4, 6].

Вместе с тем на современном рынке складывается парадоксальная ситуация. В условиях роста конкуренции, изобилия товаров повышается значение маркетинга, но эффективность и престиж маркетинга снижаются. Это происходит во многом потому, что в маркетинге до сих пор широко распространены взгляды учёных-академистов (Ф. Котлера и его последователей), которые слишком теоретизируют маркетинг и рассматривают его в русле экономической теории, забывая, что главная компетенция маркетолога – клиент, а не по-

токи ресурсов. В итоге дипломированные выпускники факультетов маркетинга, получая абсолютно бесполезные знания о конкурентных силах Портера, «дойных коровах» и «знаках вопроса», оказываются малопригодными в практическом бизнесе, где все силы должны быть направлены на получение прибыли. Неслучайно в период экономического кризиса маркетологи стали первыми, кого увольняли руководители компаний, стремясь оптимизировать свои затраты.

В научно-практической литературе имеются сотни трактовок термина «маркетинг», однако одним из наиболее удачных признаётся определение, данное американским маркетологом индийского происхождения Прабху Гуптара: «Маркетинг – это творческий процесс удовлетворения потребностей Клиента с выгодой для себя» [6]. Его преимущество заключается в том, что оно затрагивает три ключевых момента маркетинговой политики, которые оказываются решающими в современных условиях.

Во-первых, маркетинг – творческий процесс с опорой на опыт успешных и безуспешных компаний. Нет жёстких правил маркетинга – есть творчество, однако функциональное и лишённое художественности.

Во-вторых, главное действующее лицо бизнеса – это клиент. Удовлетворяя его потребности и заботясь о качестве услуг, маркетолог может добиться роста продаж и процветания компании.

В-третьих, ключевая цель деятельности компании – это прибыль. Успешный вариант взаимоотношений компании и клиента – симбиоз, выгода с обеих сторон [4, 6].

**Маркетинг – это не только маркетинг бизнеса,
маркетинг – это мышление «от клиента»**

Однако возникает вопрос: если традиционно маркетинг является деятельностью, актуальной для бизнеса, насколько принципы маркетинга применимы в общественном секторе? Если речь идёт о частной клинике, то здесь действительно имеет место прибыль как целевой результат, и это противоречие снимается. Что касается общественного сектора, то в государственных учреждениях

платные услуги могут существовать (их объёмы и стоимость – отдельная тема для обсуждения), но лишь как дополнительный источник дохода, и всё-таки их деятельность состоит в оказании бесплатной медицинской помощи.

Однако эта разница не может и не должна влиять на конечную цель – удовлетворение потребностей и нужд пациентов. Неважно, из каких средств оплачивается оказываемая медицинская помощь – личных денег гражданина или страховых фондов, – важно, чтобы все усилия организации были направлены на помощь пациенту.

В современном маркетинге принято придерживаться широкого толкования понятия «Клиент». Это любая заинтересованная сторона: покупатель товаров, получатель услуг, слушатель семинара, посетитель выставки, читатель наших документов, поставщик, дилер, партнер, акционер, правительство и общество. В рекламе это также потребитель рекламы, то есть читатель, зритель или слушатель [4, 6]. Разумеется, основным Клиентом является покупатель, в здравоохранении – это пациент, а контексте реализации широких социальных профилактических программ – житель региона.

Важно не столько наличие формального отдела маркетинга в компании и коллектива, занимающегося вопросами маркетинговой политики, сколько существование того, что можно назвать «маркетинговым мышлением», «маркетинговым духом». В организации должна быть организована такая атмосфера, чтобы каждый его работник – начиная от руководителя и заканчивая рядовым работником – ориентировался на потребности клиента как главную цель.

Таким образом, разница между маркетингом в общественном и частном секторах не принципиальная, поскольку и в том, и в другом случае цель – удовлетворение потребностей клиента.

Традиционно выделяют изъяны рынка медицинских услуг, которые обозначают особенности формирования спроса и предложения. Однако эти нюансы перестают иметь значение. Так, не стоит называть информационную асимметрию специфической чертой рынка медицинских услуг, особенно в условиях

выравнивания (коммодитизации) товарных категорий, включая электронику, бытовую технику и пр. Покупатель стиральной машины, несмотря на богатую информацию, которую он может получить об объекте покупки из интернета, оказывается таким же малоинформированным потребителем, как пациент, который не имеет зрелого представления о том, в каких медицинских услугах и лекарствах он нуждается [4, 6].

Не вызывает сомнения, что важной движущей силой маркетинговой политики является конкуренция, без которой «забота» о покупателях оказалась бы просто вопросом совести. В современных условиях, когда в российском общественном здравоохранении нет развитой конкуренции, а потому отсутствует живая заинтересованность руководителей учреждений в привлечении клиентов и в качественном удовлетворении их потребностей, основу маркетингового мышления работников лечебно-профилактических и иных учреждений здравоохранения могут составлять только чувства профессионального и морального долга, причём не перед обществом или государством, а перед человеком. Эта задача не допускает формального подхода.

Маркетинговый подход на отраслевом уровне

Особенность рынка медицинских услуг состоит ещё и в огромной роли здравоохранения в благополучии и развитии общества. Это никак не мешает говорить о маркетинговом подходе к организации медицинской помощи и на уровне территории (региона).

Проблемы, которые существуют сегодня в здравоохранении и продолжают сохранять свою остроту, свидетельствуют о слабом маркетинговом мышлении руководителей отрасли. Действительно, ориентация на чисто формальные показатели и ориентиры отвлекает от истинной задачи – оказания помощи людям. Об этом свидетельствуют социологические опросы ИСЭРТ РАН.

Практически половина жителей области отмечает очереди в медицинских учреждениях и невозможность попасть на прием к врачу в удобное время¹ (таблица). Существенной остается и кадровая проблема. По-прежнему волнует людей грубость врачей (18% населения), невнимательное отношение с их стороны (24%), а также продолжающаяся коммерциализация здравоохранения (17%).

**Негативные явления в деятельности медицинских учреждений
Вологодской области** (% от числа граждан, обратившихся в ЛПУ и выбравших вариант ответа «удовлетворяет частично», «в основном не удовлетворяет», «полностью не удовлетворяет»)

Негативное явление	2002–2006 гг.	2008 г.	2010 г.	2012 г.
Невозможность попасть на прием в удобное время, большие очереди	58,1	56,7	59,4	49,7
Отсутствие нужных специалистов	-	24,9	34,8	34,3
Невнимательное отношение медработников	-	18,0	24,2	23,5
Хамство, неуважительное отношение к пациентам	15,2	11,5	12,5	18,3
Недостаток информации о работе специалистов	21,0	14,7	23,5	18,2
Необходимость оплачивать мед. услуги, которые должны предоставляться бесплатно	16,9	9,9	14,5	17,2

Эти негативные явления отмечают не только лица, неудовлетворённые доступностью и качеством медицинских услуг, но и те, кто оценивает их высоко, однако последних особенно возмущают неуважительное отношение медиков и распространённость платных услуг.

Не следует думать, что маркетинговый подход ориентирован на удовлетворение индивидуальных запросов каждого клиента как личности, – это неразумно и невозможно, но, ориентируясь на желания потребителей, маркетолог должен оперировать понятием «усреднённый по сегменту клиент», «целевая аудитория». Это требует незаурядных аналитических способностей, наблюдательности и, самое главное, умения поставить себя на место клиента.

Перспективным направлением в решении проблем доступности и качества медицинской помощи должно стать использование богатого маркетинго-

¹ Опрос проводится ИСЭРТ РАН ежегодно, начиная с 1999 г., в апреле – мае, на территориях гг. Вологды, Череповца и восьми районов Вологодской области. Объем выборки – 1500 респондентов. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские поселения, малые и средние города), пропорций половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%. Техническая обработка информации производится в программах SPSS и Excel.

вого опыта. Когда медицинские службы говорят о низком уровне рефлексии граждан в вопросах здоровья и сложности своевременного привлечения пациентов для прохождения осмотров, диспансеризации, забывают о том, что аналогичные задачи приходится решать маркетологам в коммерческих фирмах. Они в режиме своей профессиональной деятельности должны привлекать клиентов, разрабатывать и внедрять эффективные маркетинговые коммуникации, поэтому в решении практических вопросов доступности и качества должен доминировать скорее маркетинговый подход, клиентоориентированность. Кроме того, как было сказано ранее, наибольшие проблемы обнаруживаются именно в той сфере, которую называют внутренним маркетингом (отсутствие эффективных организационных схем, неуважение к клиенту и т.д.).

Нельзя утверждать, что службы охраны здоровья и руководители здравоохранения бездействуют. Для улучшения ситуации предпринимаются важные меры. Однако отсутствие маркетинговой подкованности обуславливает ситуацию, когда предпринимаемые меры не приносят желаемого и ожидаемого результата. Так, в Вологодской области в целях повышения доступности медицинских услуг организуется работа «электронной регистратуры». Однако, как показывают данные опроса, значение электронных технологий в записи на приём к врачу и получении справочной информации крайне незначительно. Абсолютное большинство (82%) населения не пользуются электронными терминалами (инфоматами), а о существовании их знает чуть больше половины. Вместе с тем электронные технологии имеют определённый потенциал в повышении доступности услуг и снижении очередей. Те, кто высоко оценивает доступность медицинской помощи, в 4,5 раза чаще пользуются электронными терминалами для записи на приём к врачу, чем оценивающие её негативно.

Неоправданный эффект, помимо прочего, понятен и в силу ограниченного количества инфоматов в регионе, но значение имеет и простой консерватизм пациентов, сила привычки, они предпочитают электронным устройствам традиционные способы – звонок в регистратуру или непосредственное посещение поликлиники.

Ошибка заключается в том, что недостаточно установить инфоматы, – необходимо донести до пациентов их преимущества. Кроме того, вполне логично, что к электронным технологиям чаще прибегают люди молодого возраста и в основном женщины, которые и составляют «целевую аудиторию» подобных проектов. Учитывая то, что большая часть пациентов – люди пожилого возраста, необходимо организовать работу по их обучению в использовании информационных устройств либо разработать и внедрить параллельный проект повышения доступности медицинских услуг для этой категории пациентов. Данный пример наглядно показывает важность и значение маркетингового мышления даже в таком, казалось бы, бюрократизированном секторе, как здравоохранение. При этом речь не идёт о необходимости создавать отделы маркетинга в медицинских учреждениях: всем – и лицам, принимающим решения на уровне департаментов и управлений, и главврачам, и медицинским работникам – следует в своей профессиональной деятельности учиться думать о клиенте и «от Клиента».

* * *

Говоря о современных тенденциях развития маркетинга, известный российский маркетолог и копирайтер А.П. Репьев отмечает трудный, но всё-таки поворот маркетологов от экономо-маркетинга к клиенто-маркетингу [4, 6]. Так, растёт количество публикаций об «удовлетворенности потребителя», клиенто-ориентированности, необходимости смотреть на все в бизнесе с точки зрения Клиента. Производители работают над сервисом, дают весомые гарантии при покупке их товаров. Получила широкое распространение работа мнимого покупателя. Это кажется понятным, поскольку эффективность бизнеса имеет вполне ясный критерий – прибыль, получаемую предприятием, и эту прибыль приносит только клиент.

Однако в сфере здравоохранения, в особенности в общественном секторе, складывается в целом неблагоприятная ситуация. В управлении учреждениями и отраслью преобладает административный, формальный, технократический подход, когда истинные цели – поддержка и обеспечение социального благополучия человека – подменяются поверхностными задачами – соблюдением фор-

мальных процедур, определяемых областью отраслевых компетенций. Подобная позиция не обеспечивает существенных успехов и в деятельности по сохранению и укреплению здоровья граждан.

Как выглядит желаемая ситуация? Чтобы её представить, достаточно вспомнить простой пример медсестры Брайан, описанный выдающимся американским маркетингологом П. Друкером в книге «Эффективный руководитель» [3]. Сестра Брайан, работавшая в одной из американских больниц, не отличалась способностями и ни в чём не была особенно примечательной, но, когда речь заходила о лечении пациента в её палате, всегда задавала риторический вопрос: «А всё ли мы сделали для того, чтобы помочь этому больному?» Постепенно «правило сестры Брайан» прочно укоренилось в корпоративной культуре больницы, и каждый её сотрудник стал задумываться, вносит ли он максимальный вклад в эффективность лечения пациентов. Без подобного отношения к выполняемой работе, особенно такой ответственной и важной, как оказание медицинской помощи людям, нельзя рассчитывать на высокие результаты и лояльность населения.

Литература

1. Бун, Л. Современный маркетинг [Текст] / Л. Бун, Д. Куртц. – Юнити-Дана, 2012. – 1039 с.
2. Друкер, П.Ф. Задачи менеджмента в XXI веке [Текст] / П.Ф. Друкер. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2004. – 272 с.
3. Друкер, П.Ф. Эффективный руководитель [Текст] / П.Ф. Друкер. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2004. – 272 с.
4. Репьев, А.П. Маркетинговое мышление / А.П. Репьев. – М.: BYBLOS, 2014. – 510 с.
5. Репьев, А.П. Мудрый рекламодатель / А.П. Репьев. – М.: Эксмо, 2005. – 352 с.
6. Школа маркетинга А. Репьева // Официальный сайт. – URL: <http://www.repiev.ru/index.htm>

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЙ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Важным результатом реформ начала 1980-х – н. 1990-х гг. стало появление в России основ гражданского общества. Его наличие является необходимым элементом высокого уровня развития экономических, социальных, политических и правовых отношений [4, с. 9].

Проблемы сущности, функционирования и развития гражданского общества глубоко разработаны зарубежными учёными. Изначально оно отождествлялось с государством (Т. Гоббс и Дж. Локк). В XVIII в. эти понятия стали противопоставляться (Д. Юм, А. Смит, Т. Пейн, Г. Гегель, А. де Токвиль). Причём государство рассматривалось как негативное, а гражданское общество – как позитивное явление. В последние годы гражданское общество понимается уже не как антипод государства, но как его партнер (П. Залесский, Ю. Кока, А. Вейтс [6]).

В настоящее время существует несколько концепций гражданского общества, такие как концепция глобального гражданского общества (Х. Анхайер, М. Глазиус и М. Калдор) [14], гражданское общество как тип социальной интеграции (Ю. Хабермас, Дж. Александер) [13], гражданское общество как особый угол зрения (Э. Арато и Дж. Коэн) [7].

Проблемам гражданского общества в России посвящены исследования Л.Г. Ионина, С.Г. Кирдиной, С.А. Басова, А.Ю. Сунгурова и т.д. [5].

Можно выделить следующие основные черты гражданского общества, являющиеся общепризнанными в современной науке:

1. Это тип социальной интеграции свободных личностей. Его ядром выступают гражданские отношения между людьми, которые возникают только при соблюдении следующих условий: наличие общей цели, ради достижения

которой люди объединяются, готовность людей к консолидации для достижения этой цели, совместная деятельность, добровольность, самоорганизация, равенство прав участников по отношению к общей цели.

2. Важнейшим общепризнанным каналом деятельности гражданского общества являются некоммерческие общественные организации («третий сектор») [12].

3. Гражданское общество связано с государством отношениями партнёрства. В к. XX – нач. XXI в. начался процесс преобразования демократии меньшинства в демократию большинства [8, с. 16]. Следовательно, государство начинает выполнять функцию отражения и реализации интересов для всё большего числа граждан, создаёт условия для их активного участия в общественной жизни. С другой стороны, чтобы реализоваться, гражданскому обществу необходимы политические учреждения, определяющие правовые рамочные условия и возможность участия граждан в политике и принятии решений.

Состояние гражданского общества в регионе было проанализировано исходя из выделенных аспектов. Базовым критерием состояния гражданского общества и государства, первым его социологическим измерением является мнение населения. Поэтому исследование основывается на данных мониторинга общественного мнения Института социально-экономического развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН).

Главным условием развития гражданского общества является готовность людей к консолидации с целью защиты общих интересов [2, с. 12]. В 2014 г., по сравнению с 2013 г., значительно выросла доля жителей области, по мнению которых сплочённость преобладает в России (с 14 до 29%), области (с 16 до 27%), месте проживания (с 28 до 39%) и в ближайшем окружении (с 52 до 61%; табл. 1). В то же время по отношению к сплочённости в стране и регионе негативные оценки по-прежнему преобладают над позитивными (44% против 29% и 45% против 27% соответственно).

Таблица 1. Оценка уровня сплочённости общества (в % от числа опрошенных*)

Показатель	Согласия, сплочённости				Несогласия, разобщенности			
	2011	2013	2014	Изменение 2014 к 2013 (+ -)	2011	2013	2014	Изменение 2014 к 2013 (+ -)
В Вашем окружении	46,9	52,1	61,4	+9	29,3	23,2	18,3	-5
В месте Вашего проживания	24,1	28,4	39,1	+11	51,5	44,3	34,3	-10
В нашей области	19,3	15,9	26,9	+11	55,6	54,4	44,7	-10
В нашей стране	14,2	14,1	28,9	+15	61,1	59,5	44,1	-15

*Вопрос задавался только в 2011, в 2013 и в 2014 гг.
Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН.

В 2013–2014 гг. более четверти жителей области не доверяет никому (28%), более половины – доверяет только самым близким друзьям и родственникам (53%; табл. 2). Доля граждан с высоким уровнем доверия (т.е. доверяющих большинству знакомых либо всем без исключения) осталась на уровне 2013 г. (15–17%).

Таблица 2. Оценка уровня доверия (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2010	2011	2013	2014	Изменение 2014 к 2013 (+ -)
В наше время никому нельзя доверять	26,1	24,7	27,9	27,9	0
Только самым близким друзьям и родственникам	58,8	56,7	52,5	53,4	+1
Большинству знакомых мне людей можно доверять	12,8	16,1	15,2	12,2	-3
Доверять нужно всем людям без исключения	2,3	2,5	1,6	3,1	+2

Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН.

Менее четверти населения области в 2014 г. активно участвовало в общественной жизни (22%; табл. 3). С другой стороны, степень реального участия значительно ниже его потенциала: более половины жителей области относят себя к тем, кто готов к объединению объединиться с другими людьми (55%), причём доля подобных мнений демонстрирует стремительный рост по сравнению с 2013 г. (с 43 до 55%).

Таблица 3. Оценка участия в общественной жизни (в % от числа опрошенных*)

Вариант ответа	2011	2013	2014	Изменение 2014 к 2013 (+ -)
<i>Как бы Вы оценили степень Вашего участия в общественной и политической жизни?</i>				
Активное и скорее активное	27,1	23,0	21,9	-1
Пассивное и скорее пассивное	48,3	49,8	54,1	+4
<i>Готовы ли Вы объединиться с другими людьми для каких-либо совместных действий для защиты общих интересов?</i>				
Готов и скорее готов	47,1	43,0	54,6	+12
Не готов и скорее не готов	25,2	19,9	15,1	-5

*Вопрос задавался только в 2011, 2013 и 2014 гг.
Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН.

Основной формой участия в общественной и политической жизни для населения региона остаются выборы. Своё участие в них в 2014 г. подтвердили 41% жителей области (табл. 4). Существенно увеличилась доля людей, не участвовавших ни в одном из мероприятий (на 15%).

Таблица 4. Оценка участия в мероприятиях общественной и политической жизни (в % от числа опрошенных*)

Мероприятие	2011	2013	2014	Изменение 2014 к 2013 (+ -)
Выборы	68,3	64,9	41,4	-24
Коллективное благоустройство, субботники	12,1	15,5	17,1	+2
Работа ТСЖ, домового комитета, совета самоуправления	6,1	6,9	8,2	+2
Сбор пожертвований, средств, вещей для нуждающихся	6,9	6,3	9,9	+4
Проведение избирательной кампании	4,7	5,3	3,7	-2
Деятельность общественных организаций	4,2	2,7	3,5	+1
Ни в чем подобном не участвовал	20,6	29,0	43,7	+15
* Вопрос задавался только в 2011, 2013 и 2014 гг. Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН.				

Серьёзное значение в формировании гражданского общества в России отводится роли некоммерческих организаций. В Вологодской области за период с 2010 по 2012 г. увеличилось количество общественных организаций (с 2010 по 2012 г. на 16%), некоммерческих организаций (на 5%).

Однако ситуация не столь оптимистична, как может показаться на первый взгляд. Во-первых, не все формально зарегистрированные НКО являются действующими: согласно отдельным подсчётам, реально работают не более 40% из них [3, с. 15]. Во-вторых, многие российские НКО создаются по инициативе власти. В-третьих, важнейший ресурс развития «третьего сектора» – их поддержка населением, находится на низком уровне. Так, в 2013 г. уровень доверия федеральным органам власти выше, чем общественным организациям, а также Общественным палатам России и Вологодской области (табл. 5).

Таблица 5. **Уровень доверия действующим в стране общественным структурам и институтам власти** (в % от числа опрошенных)

Общественные структуры и институты власти	1996	2000	2007	2011	2012	2013	Изменение 2013 к 2012 (+ -)
Президенту РФ	26,5	57,1	60,3	50,5	45,7	47,0	+1
Правительству РФ	18,5	42,7	41,9	47,4	39,6	40,4	+1
Совету Федерации	13,4	28,3	34,9	35,5	32,3	34,6	+2
Государственной Думе	14,8	23,0	29,5	32,0	30,5	31,6	+1
Общественной палате РФ**	-	-	-	27,3	28,1	29,9	+2
Общественной палате области**	-	-	-	25,7	25,4	29,2	+4
Общественным организациям*	-	-	24,4	26,7	26,5	26,8	0

Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН.
* В список вариантов ответа включен в 2006 г.
** В список вариантов ответа включен в 2010 г.

В 2013 г. более трети жителей области ничего не знает о деятельности общественных организаций (36%; табл. 6). Значительно сократилась доля тех, кто осведомлён о работе общественных организаций (с 13 до 7%). Подавляющее большинство опрошенных не являются членами или волонтерами ни одной из НКО (87%). По-прежнему каждый четвертый житель области убежден, что некоммерческие организации не оказывают никакого влияния на жизнь области (25–26%), важную роль НКО отмечает лишь 5% населения.

Таблица 6. **Оценка деятельности некоммерческих организаций** (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2008	2009	2011	2013	2014	Изменение 2014 к 2013 (+ -)
<i>Знаете ли Вы о деятельности некоммерческих (общественных) организаций?</i>						
Знаю, лично сталкивался	8,9	12,3	8,1	12,7	7,1	-6
Что-то слышал	40,7	40,3	39,7	34,7	35,9	-1
Ничего не знаю	38,7	24,5	34,0	33,6	35,5	+2
<i>Принимаете ли Вы участие в деятельности некоммерческих организаций (региональных отделений партий, профсоюзов, религиозных, правозащитных, благотворительных организаций и т.д.) или являетесь членом какой-либо из них?</i>						
Являюсь членом организации	8,2	7,0	5,4	4,5	4,9	0
Принимаю участие как доброволец, волонтер	11,3	9,9	10,4	6,2	6,4	0
Не участвую и не состою	80,5	83,5	84,2	88,2	87,0	-1
<i>На Ваш взгляд, в какой степени некоммерческие (общественные) организации влияют на жизнь области?***</i>						
Оказывают большое влияние	н.д.	5,8	6,5	4,7	5,3	+1
Оказывают незначительное влияние	н.д.	18,4	29,7	22,4	21,5	-1
Не оказывают никакого влияния	н.д.	22,3	26,5	26,0	24,6	-1

* В 2010 и 2012 гг. вопрос не задавался.
** В 2008 г. вопрос не задавался.
*** Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН.

Гражданское общество теснейшим образом связано с государством. Российская власть предпринимает определённые усилия для развития гражданского общества. В 2005 г. была создана Общественная палата РФ – организация, обеспечивающая взаимодействие граждан РФ, общественных объединений с органами государственной власти и местного самоуправления в целях учёта потребностей и интересов граждан РФ. В майских указах В.В. Путина было указано на необходимость вовлечения гражданского общества во внешнеполитическую деятельность, формирование независимой системы оценки качества работы организаций, а также предусмотрено увеличение поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций, начиная с 2013 г. [10].

На региональном уровне также предпринимаются меры по развитию гражданского общества. В 2013 г. Правительством области была принята программа «Государственная поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в Вологодской области на 2013–2015 годы»¹. В итоге в 2013 году некоммерческий сектор Вологодской области получил на развитие более 40 миллионов рублей [9, с. 48].

В 2013 г. при органах исполнительной власти области была создана система общественных советов (31 совет). В компетенцию общественных советов входит: обсуждение нормативных правовых актов, которые включены в план законопроектной деятельности Правительства области; участие в конкурсных и аттестационных комиссиях органов исполнительной государственной власти области; участие в оценке кандидатов на должности государственной гражданской службы области, а также оценке соответствия занимаемым должностям государственной гражданской службы [9, с. 55].

С другой стороны, государство чаще поддерживает послушные ей организации. В западных странах они получили название GANGO (government administrated NGO) – управляемые властью НКО. Такая ситуация привела к тому, что многие общественные объединения, по различным причинам не устраивающие власть, для возможности функционирования вынуждены обращаться за фи-

¹ Постановление Правительства области от 15 апреля 2013 г. № 422 в настоящее время утратило силу.

нансовой помощью в зарубежные фонды. С 2012 г. объединения, получающие денежные средства и иное имущество из зарубежных источников и участвующие в политической деятельности на территории РФ, включаются в реестр некоммерческих организаций, исполняющих функции иностранного агента [11].

В оценках населения области фиксируется негативная динамика оценок деятельности региональных органов власти по развитию гражданского общества. За период с 2013 по 2014 г. значительно увеличилась доля тех, кто отрицательно отзывался о деятельности губернатора по поддержке общественных объединений и развитию гражданского общества (с 14 до 22%), и сократился удельный вес противоположных мнений (с 33 до 29%). Это свидетельствует о сохранении скептицизма по отношению к готовности государства содействовать формированию гражданского общества.

Подводя итог исследованию, можно констатировать, что гражданское общество в Вологодской области находится в стадии формирования. Основными его проблемами на сегодняшний день являются:

1. Социальные. Для большинства жителей региона сегодня характерны недостаток межличностного доверия, отсутствие ощущения ответственности за происходящее вне пределов их семей, слабая степень общественной активности. Авторитет некоммерческих организаций в глазах населения и готовность граждан участвовать в их работе остаются на низком уровне. Сохраняется скептицизм при оценке влияния организаций «третьего сектора» на жизнь общества.

2. Юридические: несовершенство нормативно-правового поля. Гражданские инициативы сталкиваются с серьёзным сопротивлением власти, не желющей делиться с представителями гражданской сферы полномочиями в процессе принятия решений. В основном власть поддерживает послушные ей организации. В конечном итоге, это дискредитирует идею гражданского общества, которое постепенно начинает пониматься как система объединений, действующих в интересах власти.

3. Организационно-экономические: слабость ресурсной базы некоммерческого сектора. В связи с этим, гражданское общество слабо интегрировано во

взаимоотношения с государством, не является проводником, с помощью которого ценности населения доносятся до элит, поэтому принимаемые политические решения редко учитывают мнение рядовых граждан.

В то же время для развития гражданского общества есть потенциал. Растёт доля людей, по мнению которых сплочённость преобладает не только на уровне ближайшего окружения, но и в месте проживания, области, России. Значительная часть граждан проявляет готовность к объединению с другими людьми для защиты общих интересов, вырос удельный вес людей, участвующих в различных мероприятиях общественной жизни.

Для дальнейшего развития гражданского общества в настоящее время существуют два направления, которые должны развиваться одновременно:

1. Налаживание механизмов взаимодействия некоммерческих организаций и государства, что подразумевает: расширение списка организаций, имеющих право на получение государственной поддержки (сейчас они ограничены узким списком «общественно полезных» тем), расширение сферы их деятельности; совершенствование нормативно-правовой базы (например, упрощение отчётности НКО); совершенствование системы общественных советов и т.д.

2. Стимулирование прямого общественного спроса на деятельность некоммерческих организаций. Для этого требуется:

а) улучшение уровня и качества жизни населения (в настоящее время большинство жителей области обеспокоены проблемами, связанными с их материальным состоянием и, следовательно, индифферентны к гражданскому участию);

б) повышение мотивации людей к активному участию в общественной жизни; это невозможно без консолидации различных слоёв населения; фундаментом консолидации могут стать идеи социальной справедливости и патриотизма, предполагающего отождествление себя со страной и её народом; они занимают важное место в модели национальной культуры, глубоко укоренились в сознании населения [1, с. 10].

в) поднятие авторитета некоммерческих организаций в глазах населения, в том числе, через создание их позитивного образа в СМИ.

В заключение необходимо отметить, что нарождающееся гражданское общество в регионах, а следовательно, и в России, нуждается в сильной и эффективной государственной власти, которая, в свою очередь, не может не обращать внимания на потребности общества. Следовательно, становление гражданского общества будет успешным лишь в том случае, если государство пойдёт по пути удовлетворения общественных запросов, главным из которых является запрос на социальную справедливость.

Литература

1. Горшков, М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения [Текст] / М.К. Горшков // Социологические исследования. – 2012. – № 12. – С. 3-11.
2. Доклад о состоянии гражданского общества в Вологодской области за 2012 год [Текст] / Общественная палата Вологодской области. – Вологда, 2013. – 69 с.
3. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2012 г. [Текст] / Общественная палата Российской Федерации. – М., 2012. – 123 с.
4. Ильин, В.А. На трудном пути к сильному гражданскому обществу [Текст] / В.А. Ильин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 6 (24). – С. 9-29.
5. Ионин, Л.Г. Теоретические вопросы гражданского общества – факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством [Текст] / Л.Г. Ионин. – М., 2008. – 296 с.; Кирдина, С.Г. Гражданское общество: уход от идеологемы [Текст] / С.Г. Кирдина // Социологические исследования. – 2012. – № 2. – С. 63-73.; Басов, С.А. Гражданское общество и гражданские отношения: поиск смысла [Текст] / С.А. Басов // Социологические исследования. – 2012. – №2. – С. 74-82; Сунгуров, А.Ю. Становление гражданского общества в Санкт-Петербурге и России [Текст] / А.Ю. Сунгуров // Общественные науки и современность. – 1997. – № 3. – С. 55-64.
6. Кока, Ю. Европейское гражданское общество: исторические корни и современные перспективы на Востоке и Западе [Текст] / Ю. Кока // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2003. – № 3; Zaleski, P. Global Non-governmental Administrative System: Geosociology of the Third Sector [Text] // Gawin, Dariusz & Glinski, Piotr [ed.]. Civil Society

in the Making. IFiS Publishers, Warszawa 2006; Whaites, A. Let's get civil society straight: NGOs and political theory [Text] // Development in Practicy. Vol.

7. Коэн, Дж.Л. Гражданское общество и политическая теория [Текст] / Дж.Л. Коэн, Э. Арато. – М., 2003. – 784 с.

8. Левашов, В.К. Новая реальность: экономический кризис и выбор общества [Текст] / В.К. Левашов // Социологические исследования. – 2012. – № 12. – С. 12-22.

9. Публичный доклад о результатах деятельности Департамента внутренней политики Правительства области за 2013 год [Текст]. – Вологда, 2014. – С. 72.

10. О мероприятиях по реализации государственной социальной политики: Указ Президента РФ от 7.05.2012 № 597 [Текст] // Российская газета. – 2012. – № 5775.

11. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента: Федеральный Закон от 20.07.2012 № 121-ФЗ [Электронный ресурс] / Собрание законодательства Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.szrf.ru/doc.phtml?nb=edition00&issid=2012030000&docid=3>

12. Федеральный Закон от 12.01.1996 №7-ФЗ (ред. от 04.06.2014) «О некоммерческих организациях» [Электронный ресурс] / Собрание законодательства Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.szrf.ru/doc.phtml?nb=edition00&issid=1996003000&docid=2772>

13. Хабермас, Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории [Текст] / Ю. Хабермас. – Спб, 2001. – 419 с.; Alexander, J.C. The Paradoxes of Civil Society [Text] / J.C. Alexander – University of Hong Kong Social Sciences Research Centre, Occasional Paper 16.

14. Glasius, M. Global Civil Society [Text] / M. Glasius, M. Kaldor, H. Anheir / Oxford University Press, 2002. – P. 35-54.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЗДОРОВЬЯ МЛАДШЕГО ПОКОЛЕНИЯ¹

В современном понимании здоровье выступает не только как качественная характеристика человеческого потенциала, но и как главный компонент качества и уровня жизни населения. Поэтому изучение состояния здоровья населения, динамики и механизмов его формирования, а также факторов, их обуславливающих, необходимо для разработки научно обоснованных и адекватных времени государственных программ, направленных на профилактику, лечение и реабилитацию.

Младшее поколение (детское население) является специфической, социально-демографической группой, в которой сконцентрирован исходный потенциал, качество и количество которого обеспечивают перспективы социально-экономического и научно-технического развития отдельных регионов и страны в целом.

Немаловажную роль в формировании здоровья младшего поколения играют социальные институты, в которых они находятся. Аккумулируя множество подходов к понятию социальный институт, их можно разделить на следующие виды: 1) экономический – институт, организующий хозяйственную деятельность; 2) политический – институт власти; 3) семейный – институт, регулирующий половые отношения, рождение и социализацию детей; 4) военный – институт, организующий законное наследие; 5) религиозный – институт, организующий коллективное почитание богов [12].

Наиболее интересным и для нашего изучения являются институты семьи и экономический, отдельно выделяя в нем общеобразовательные учреждения. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, формирование здоровья и культу-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ–БФФИ в рамках проекта «Демографическая безопасность России и Беларуси: проблемы и перспективы» №13-22-01002/13.

ры здоровья начинается уже с раннего детства, поэтому в обеспечении нормального развития и полноценного здоровья детей огромна роль взрослых, которые его окружают. С другой стороны, роль семьи в формировании здоровья ребенка заключается в том, что он «получает в наследство» состояние здоровья своих родителей.

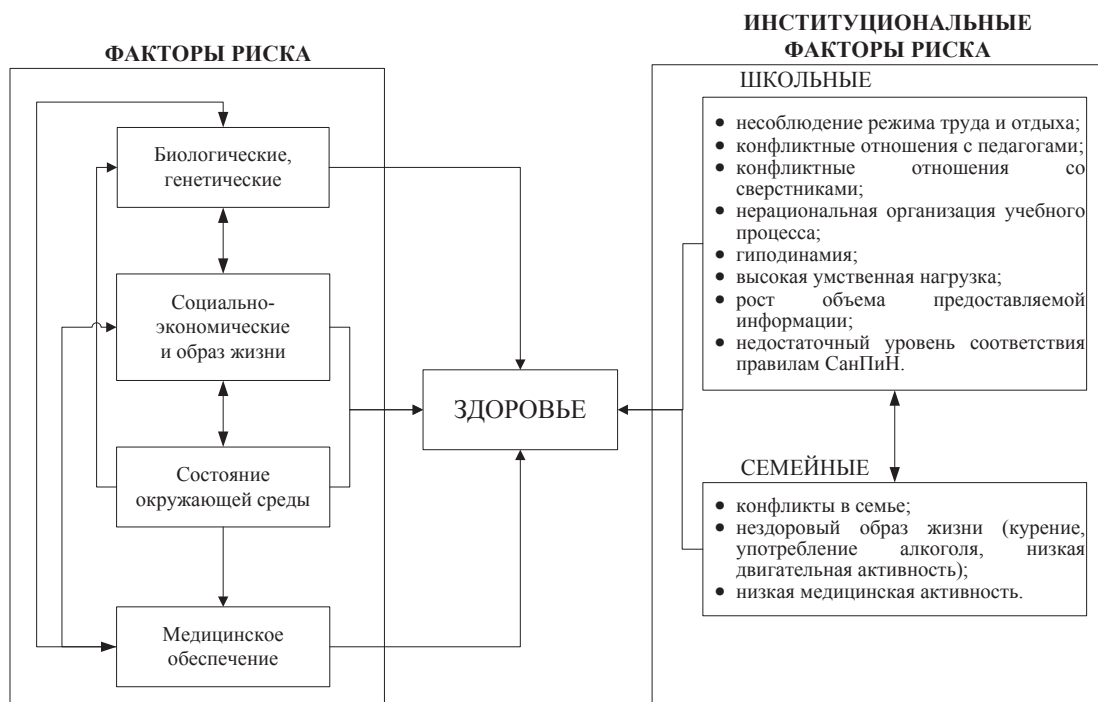
Также нужно учитывать, что для того, чтобы обеспечить соответствующий здоровый образ жизни ребенка, нужно самим взрослым соблюдать основные правила позитивного самосохранительного поведения (занятие физической культурой, закаливание, соблюдение правил личной гигиены, правильное питание, отказ от вредных привычек и др.). И ввиду того, что процесс формирования установок на здоровьесберегающее поведение длительный, необходимо начинать эту работу именно в детском возрасте.

Как известно, значительную часть времени ребенок проводит в школе и учреждениях дополнительного образования. Поэтому он находится под постоянным воздействием факторов риска в образовательных учреждениях. К таким факторам можно отнести неполноценное питание, нерациональную организацию учебного процесса, гиподинамию, высокую умственную нагрузку, рост объема познавательной информации, недостаточный уровень санитарно-эпидемиологического благополучия [16]. Все это приносит ущерб здоровью подрастающего поколения, которое, в отличие от образования, нельзя восстановить или приобрести за короткий срок, поэтому необходимо его укрепление и сохранение [7].

Данные эпидемиологических исследований выявили значимость факторов школьной среды (состояние микроклимата, содержание углекислоты, естественная и искусственная освещенность, степень переуплотненности классов и др.) на снижение уровня здоровья детей от первого до последнего года обучения. Так, доля влияния указанных факторов для учащихся начальных классов составила 13%, а для старших классов – 21% [10].

М.М. Безруких были выделены основные институциональные факторы риска здоровья и развития детей и подростков, которые присутствуют как в се-

мье, так и в школе (рисунок). Данные факторы дополняют такие хорошо известные как биологические, социально-экономические и образ жизни, состояние окружающей среды, медицинское обеспечение. При этом способствуют или усиливают негативное воздействие следующие: длительность влияния; концентрация; системность; действие происходит в возрасте наибольшего риска (незрелая нервная система, физическое развитие); зависимость от окружающих людей; комплексность.

Модель влияния факторов на здоровье младшего поколения*

* Составлено автором с дополнениями на основе [3].

Насыщенность школьной программы, сложности в усвоении большого объема новой информации в процессе изучения предметов в сочетании с нехваткой времени для прогулок оказывают неблагоприятное воздействие на растущий организм, тогда как комфортные условия организации учебного процесса способны снять до 20% негативных влияний, ухудшающих здоровье детей [3].

По данным опроса 2012 г., проведенного в школах г. Вологды², учащиеся МОУ «СОШ № 1» в 2–3 раза чаще, чем их сверстники из МОУ «СОШ № 13», отмечают, что к концу дня они устают и хотят «побыстрее лечь в постель, чтобы никого и ничего не слышать и не видеть» (среди пятиклассников – 14% против 5%; среди старшеклассников – 42% против 25%; табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Устаешь ли ты в конце дня?» (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	5 класс			9, 11 класс		
	МОУ «СОШ №1»	МОУ «СОШ №13»	среднее	МОУ «СОШ № 1»	МОУ «СОШ № 13»	среднее
Нет, мне и вечером не хочется спать, а хочется двигаться, играть, общаться	13,0	23,2	17,8	3,2	9,2	5,7
Не устаю, так как люблю отдохнуть днем	8,7	7,3	8,0	3,2	9,2	5,7
Да, обычно мне хочется побыстрее лечь в постель, чтобы никого и ничего не слышать и не видеть	14,1	4,9	9,8	42,4	25,3	35,4
Чаще всего устаю к пятнице-субботе (хуже успеваю в школе, чувствую сонливость, слабость)	16,3	7,3	12,1	11,2	13,8	12,3
Бывает по-разному	47,8	57,3	52,3	40,0	41,4	40,6

Источник: опрос в школах г. Вологды, 2012 г.

Несмотря на утомление, более 40% пятиклассников и четверть старшеклассников принимаются за выполнение домашних заданий сразу же после возвращения из школы (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Когда ты делаешь уроки?» (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	5 класс			9, 11 класс		
	МОУ «СОШ №1»	МОУ «СОШ №13»	среднее	МОУ «СОШ №1»	МОУ «СОШ №13»	среднее
Спустя 2–3 часа после окончания школьных занятий	33,7	41,5	37,4	29,6	32,2	30,7
Перед и (или) после ужина	18,5	22,0	20,1	36,8	50,6	42,5
Сразу после возвращения из школы	47,8	36,6	42,5	29,6	17,2	24,5

Источник: опрос в школах г. Вологды, 2012 г.

² В марте 2012 года ИСЭРТ РАН при участии автора было проведено исследование в двух школах города Вологды: МОУ «СОШ № 1» с углубленным изучением английского языка (далее – МОУ «СОШ № 1»), где учебная нагрузка на детей увеличена по сравнению с обычной общеобразовательной школой, и МОУ «СОШ № 13» (обычная общеобразовательная школа). Цель исследования – анализ состояния здоровья детей и выявление факторов риска во время обучения в школе. В обеих школах было проведено анкетирование учащихся 1, 5, 9, 11-х классов. Выбор данных классов обусловлен тем, что эти периоды для детей являются критическими, а именно: начало обучения в школе (1 класс), начало обучения в основной школе (5 класс), переход в старшие классы (9, 11 классы). В обеих школах было опрошено 577 школьников в возрасте от 7 до 18 лет.

На выполнение домашнего задания половина (51%) школьников 5-х классов тратят 1–2 часа (табл. 3). По нормативным требованиям выполнению домашних заданий в 5-м классе ребенок должен уделять не более 2,5 часов [11]. Проведенные исследования показали, что почти каждый четвертый ученик МОУ «СОШ №1» тратит на это 2–3 часа, а 5% детей – более 3 часов. В старших классах время на выполнение домашних заданий увеличивается: почти четверть (23%) учащихся школ делают учебные задания около 3-х часов. Стоит отметить, что в МОУ «СОШ № 1» 16% детей затрачивают на домашнюю подготовку более 4 часов – этот показатель явно превосходит норму.

Таблица 3. **Распределение ответов на вопрос: «Сколько времени занимает у тебя подготовка домашних заданий?»** (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	5 класс			9, 11 класс		
	МОУ «СОШ №1»	МОУ «СОШ №13»	среднее	МОУ «СОШ №1»	МОУ «СОШ №13»	среднее
30 минут	19,6	34,1	26,4	12,0	18,4	14,6
1 – 2 часа	47,8	53,7	50,6	27,2	39,1	32,1
2 – 3 часа	27,2	11,0	19,5	20,8	26,4	23,1
Более 3 часов	5,4	1,2	3,4	-	-	-
3 – 4 часа	0,0	0,0	0,0	16,0	11,5	14,2
Более 4 часов	0,0	0,0	0,0	16,0	1,1	9,9
Я не делаю домашних заданий	0,0	0,0	0,0	8,0	3,4	6,1

Источник: опрос в школах г. Вологды, 2012 г.

Также исследование показало, что, дети, которые обучаются в МОУ «СОШ №1», где учебная нагрузка выше, к старшим классам менее удовлетворены своим здоровьем ($I = 0,4$), чем в МОУ «СОШ №13» ($I = 0,52$). Также ученики чаще устают к концу дня, больше времени у них уходит на подготовку домашних заданий, нежели чем у детей, обучающихся в обычной общеобразовательной школе (МОУ «СОШ № 13») [9].

Частые конфликты в семье также негативно сказываются на физическом и психологическом состоянии ребенка. В.О. Францева с соавторами, проведя медико-социологическое исследования и психологическое тестирование в детском социальном приюте г. Ставрополя, обнаружили, что основной причиной обращаемости детей является лишение родительской опеки и проживание их в социально опасных семьях, что является основанием для отнесения их в «группу риска». Так, 84% подростков основной причиной ухода из семьи на улицу объясняют отсутствие взаимопонимания с родителями или воспитателями [13].

Важным условием формирования детской личности выступает состав семьи. Неполная семья является одним из факторов риска развития детства. По словам уполномоченного при президенте РФ по правам ребенка Павла Астахова, количество неполных семей в России составляет 30% (6,2 млн. семей) [14]. По данным переписи населения 2010 г., одиноких матерей, воспитывающих детей до 18 лет насчитывалось 5 млн. и 634,5 тыс. отцов-одиночек. Доля неполных семей одиноких женщин с детьми до 18 лет в общем числе семейных ячеек составляет 24%, а в общем числе семейных ячеек с детьми до 18 лет – 21% [6].

Независимо от причины возникновения неполной семьи (развод, смерть одного родителя, внебрачное рождение) можно выделить несколько аспектов, негативно отражающихся на состоянии здоровья и развития ребенка, воспитывающегося в данной семье. Во-первых, это социально-психологические аспекты, которые выражаются в том, что дети оценивают свой статус в ней как неполноценный или заниженный. Мониторинговые исследования среди школьников Подмосковья показали, что подростки из неполных семей испытывают острое чувство одиночества в 1,7 раза чаще, чем в полных [4]. Во-вторых, социально-экономические аспекты, проявляющиеся в материальных трудностях: преобладающее большинство неполных семей (61%) имеют доходы ниже прожиточного минимума [5]. Следующим аспектом является медицинский: по данным педиатров дети из неполных семей значительно чаще, чем дети из полных, подвержены острым и хроническим заболеваниям, протекающим в более тяжелой форме [2]. После развода отмечается статистически значимая частота у взрослых в неполной семье вредных привычек (курение, употребление алкоголя), что влияет на состояние здоровья детей [5].

Еще одним важным детерминантом, влияющим на здоровье подрастающего поколения, а также определяющим поведение данной категории населения является образ жизни родителей. Многочисленные исследования доказывают, что наличие вредных привычек (курение, употребление алкоголя) среди ближайшего окружения младшего поколения является фактором риска для их здоровья и формирования саморазрушительного образа жизни [8, 15].

Особенно стоит отметить о влиянии табачного дыма на здоровье человека. Исследования показывают, что курение матери во время беременности оказывает влияние не только на все органы будущего ребенка, но имеет и долгосрочный эффект, который проявится во взрослой жизни в виде сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний (табл. 4).

Таблица 4. Влияние пассивного курения родителей на здоровье ребенка

Сфера влияния	Показатели
Развитие	Низкая масса тела при рождении. Низкая выживаемость в первый год жизни.
Респираторные заболевания	Увеличение риска возникновения астмы. Увеличение риска возникновения и отягощения протекания дыхательной аллергии. Раздражение глаз и носовой полости. Инфекции среднего уха. Снижении функции легких.
Инфекционные заболевания	Повышение частоты хронических риносинуситов, заболеваний среднего уха. Повышение вероятности развития активного туберкулеза.
Сердечнососудистые заболевания	Риск смертности. Острая и хроническая заболеваемость ишемической болезнью сердца
Источник: [1].	

По данным мониторинга «Изучение условий формирования здорового поколения», каждая четвертая будущая мама курила до наступления беременности и только половина из них бросила курить во время беременности (табл. 5). Если в 1995 году курящих женщин во время беременности было 3%, то в 2014 году – 10%.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос: «Курила ли мать ребенка до начала беременности, во время беременности?» (в % от общего количества)

Вариант ответа	До беременности					Во время беременности				
	Год обследования					Год обследования				
	1995	1998	2001	2004	2014	1995	1998	2001	2004	2014
Курила	2,2	28,1	29,6	27,9	26,5	2,8	12,6	14,2	13,1	10,3
Не курила	77,8	68,3	69,2	70,2	73,5	97,2	83,9	84,2	86,9	89,2
Источник: Мониторинг «Изучение условия формирования здорового поколения» / ИСЭРТ РАН, 1995, 1998, 2001, 2004, 2014 гг.										

В семьях, в которых злоупотребляют алкоголем, также складывается особый негативный образ жизни, который оказывает отрицательное влияние на здоровье ребенка. В 1967 г. Р. Lemoine с коллегами впервые научно описали детей, пораженных злоупотреблением алкоголем матери. Наблюдения ученых привели к четкому выявлению симптомокомплекса, ассоциирующегося с алкоголизмом беременных и обозначенного алкогольным расстройством плода (АСП), то есть отклонения, выявляющиеся у новорожденного уже сразу после

рождения [8]. Наиболее характерными отклонениями при АСП являются: аномалии развития (задержка развития); аномалии лицевого черепа (маленькие глаза, косоглазие, «волчья пасть» и т.д.); аномалии костно-мышечной системы; аномалии сердца; аномалии нервной системы; аномалии мочеполовой системы.

Таким образом, здоровье младшего поколения имеет комплексный характер, включая многие детерминанты, значимость которых постоянно меняется по мере взросления ребенка. Все указанные выше факторы поддаются воздействию и требуют безотлагательного вмешательства как государства, так и общества в целом, и помочь в этом может научное сообщество.

Литература

1. Андреева, Т.И. Табак и здоровье [Текст] / Т.И. Андреева, К.С. Красовский. – Киев, 2004. – 224 с.
2. Андриюшина, Е.В. Семья и здоровье подростка [Текст] / Е.В. Андриюшина // Народонаселение. – 1998. – № 2. – С. 55.
3. Безруких, М.М. Сохранение здоровья детей как важное направление развития системы образования [Текст] / М.М. Безруких // Научные исследования в образовании. – 2011. – № 7. – С. 1-9.
4. Государственный доклад о положении детей в РФ [Текст] / Министерство здравоохранения и социального развития РФ. – М., 2011. – 270 с.
5. Дементьева, И.Ф. Факторы риска современного детства [Текст] / И.В. Дементьева // Социологические исследования. – 2011. – № 10. – С. 108-112.
6. Захаров, С. Одинокое материнство в России [Электронный ресурс] / С. Захаров // Демоскоп Weekly. – 2013. – № 553–554. – 1–19 мая. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0553/tema04.php>
7. Ильченко, И.Н. Значимость человеческого капитала в укреплении здоровья и профилактике заболеваний [Текст] / И.Н. Ильченко, Г.Н. Арустамян // Профилактика неинфекционных заболеваний. – 2009. – № 2. – С. 9-17.
8. Кислицына, О.А. Здоровье детей – богатство нации: тенденции, факторы риска, стратегии сбережения [Текст]: монография / О.А. Кислицына. – М.: МАКС Пресс, 2011. – С. 120.
9. Копейкина, Н.А. Проблемы сохранения здоровья школьников [Текст] / Н.А. Копейкина // Проблемы развития территории. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2012. – № 4. – С. 44-52.

10. Лучанинова, В.Н. Региональные факторы и здоровье детей и подростков Приморского края [Текст] / В.Н. Лучанинова и др.; под ред. проф. В.Н. Лучаниновой. – Владивосток: Медицина ДВ, 2012. – С. 72.
11. О введении в действие санитарно-эпидемиологических правил и нормативов САНПИН 2.4.2.1178-02 [Текст]: Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28.11.2002 г. № 44.
12. Социология. В двух частях. Часть 1: учебное пособие для студентов всех специальностей и направлений [Текст] / О.В. Шиняева, И.Г. Гоношилина, И.А. Зосименко и др. – Ульяновск : УлГТУ, 2011. – С. 53.
13. Францева, В.О. Факторы, влияющие на формирование «группы риска» детского населения и девиантного поведения в разных возрастных группах школьников / В.О. Францева, Ю.В. Тихонов, Т.Г. Задоркина // Электронный научный журнал «Социальные аспекты здоровья населения». – 2011. – № 3. – Режим доступа: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/312/30/lang,ru/>
14. Число неполных семей в России выросло до шести миллионов // Российская газета 26.04.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/04/26/semiyanons.html>
15. Шабунова, А.А. Здоровье населения в России: состояние и динамика [Текст] / А.А. Шабунова. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2010. – 408 с.

СОВРЕМЕННЫЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КРИЗИС В РОССИИ: ПРИЧИНЫ И ПРОЯВЛЕНИЯ

В последнее десятилетие, несмотря на видимое улучшение основных демографических процессов (рост уровня рождаемости, снижение уровня смертности) остроактуальной остаётся проблема убыли населения страны и, в частности, Вологодской области. За период с 2000 по 2012 год его численность в Российской Федерации сократилась на 7,5 млн. человек, в Вологодской области – на 97 тыс. человек. Несмотря на то, что с середины 2000-х годов в демографической ситуации России наметились положительные сдвиги: так, с 2000 по 2012 год естественная убыль населения в стране снизилась с -6,7 до 0,0 случаев на 1 тыс. человек (в Вологодской области – с -7,1 до -1,1 случаев), о переломе негативных тенденций в демографическом развитии говорить пока преждевременно. Ожидается, что в ближайшие годы естественная убыль российского населения начнёт нарастать и в начале следующего десятилетия превысит 500 тыс. человек в год и будет продолжать увеличиваться [10, с. 10]. По прогнозу ФСГС численность населения Российской Федерации при сохранении нынешних уровней рождаемости и смертности к 2030 году может сократиться с сегодняшних 143,3 до 131,9 млн. человек [4].

Стоит отметить, что на современном этапе в научной среде не сформировалось единой позиции относительно определения основных причин возникновения современного демографического кризиса. Среди многообразия существующих мнений можно выделить пять основных групп научных подходов [1, с. 10-28] (табл. 1). На наш взгляд, наиболее рационален комплексный подход, согласно которому демографический кризис – следствие комплекса проблем (снижения рождаемости, роста смертности, уменьшения миграционного прироста). Помимо этого, многие отечественные и зарубежные учёные

(Л.Л. Рыбаковский, А.Г. Вишневский, Н.М. Римашевская, Б. Перелли-Харрис, Т. Гербер) придерживаются мнения о том, что современный демографический кризис, как и кризис 1990-х годов, является следствием закономерного и необратимого исторического процесса, так называемого *демографического перехода*, выражающегося в неминуемой смене типа воспроизводства населения (от традиционного к суженному).

Таблица 1. Подходы к определению причин возникновения современного демографического кризиса в России

Подходы	Учёные
Демографический кризис объясняется, прежде всего, неадекватно высокой смертностью населения.	А. Тишук, эксперты Всемирного банка
Демографический кризис является следствием отсутствия продуманной миграционной политики по привлечению мигрантов.	В. Переведенцев
Демографический кризис – результат кризиса семьи, который проявляется в устойчивых установках в массовом сознании на малодетность, а порой даже бездетность. Все это естественно отражается на сокращении рождаемости.	А.И. Антонов, В.А. Борисов, С.В. Захаров, В.М. Медков
Демографический кризис в России – следствие комплекса проблем, а именно снижения рождаемости, роста смертности и уменьшения миграционного прироста.	И.Б. Орлова, Б.С. Хорев, Н.М. Римашевская, Л.Л. Рыбаковский, В.Н. Архангельский, С.В. Рязанцев
Основная причина демографического кризиса в России – духовное (психологическое) неблагополучие населения	И.А. Гундаров, В. Алиев

Российский демограф Л.Л. Рыбаковский выделяет несколько направлений проявления современного демографического кризиса в России: во-первых, изменение численности репродуктивных контингентов (сокращение доли женщин репродуктивного возраста) и постарение материнства; во-вторых, сокращение численности населения трудоспособного возраста; в-третьих, увеличение в структуре населения доли лиц старше трудоспособного возраста; в-четвёртых, значительное сокращение призывных контингентов (доли мужчин в возрасте 18–27 лет) [9, с. 58]. Другой отечественный учёный-демограф А.Г. Вишневский среди наиболее очевидных характеристик современного демографического кризиса отмечает такие как крайне низкая рождаемость, высокая смертность, отрицательный естественный прирост и вытекающее из него долговременное сокращение численности населения страны (депопуляция), демографическое старение, отток населения из восточных районов России [2, с. 5]. Круг проблем,

связанных с негативными качественными преобразованиями в структуре населения России, затрагивают в своих работах и другие исследователи (А.И. Антонов, В.В. Елизаров, С.В. Захаров, В.Н. Архангельский и др.).

Очевидно, что существенным отличием современного демографического кризиса от демографического кризиса начала 1990-х годов является то, что на фоне улучшения количественных показателей (снижения общей смертности, увеличения рождаемости) наблюдаются негативные качественные изменения в половозрастной структуре населения, структуре заболеваемости и смертности от различных причин, в этно-конфессиональном составе. Поэтому на сегодняшний день крайне важным представляется изучение негативных качественных изменений в структуре населения и факторов, влияющих на их динамику, – для формирования механизмов демографической политики по их профилактике и, как следствие, по предотвращению депопуляционных процессов и дальнейшего вырождения российского общества.

Одно из значимых негативных качественных изменений – это процесс демографического старения, которое выражается в росте доли престарелых в общей численности населения. Так, с 2000 года доля людей старше трудоспособного возраста в России выросла с 20,4 до 23,1% (в Вологодской области – с 21,4 до 23,7%; табл. 2). Вследствие процесса старения происходит рост демографической нагрузки на трудоспособное население. Так, за период 2000–2012 гг. в России коэффициент демографической нагрузки на трудоспособное население пожилым вырос с 339 до 384 на 1 тыс. человек трудоспособного возраста (в Вологодской области – с 360 до 401).

Таблица 2. Распределение населения по возрасту в Российской Федерации и Вологодской области (в % от общей численности населения)

Группы населения	2000	2005	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2012 к 2000 +/-
<i>Российская Федерация</i>									
Моложе трудосп. возраста	19,4	16,5	16,0	16,0	16,2	16,2	16,5	16,8	-2,6
Трудосп. возраста	60,2	63,0	62,9	62,6	62,0	61,5	60,9	60,1	-0,1
Старше трудосп. возраста	20,4	20,5	21,1	21,4	21,8	22,3	22,6	23,1	+2,7
Коэффициент демографической нагрузки*	339	326	330	336	342	362	372	384	+45
<i>Вологодская область</i>									
Моложе трудосп. возраста	19,3	16,1	15,7	15,8	16,1	16,3	16,7	17,2	-2,1
Трудосп. возраста	59,3	63,0	62,9	62,6	61,7	61,0	60,1	59,1	-0,2
Старше трудосп. возраста	21,4	20,9	21,4	21,6	22,2	22,7	23,2	23,7	+2,3
Коэффициент демографической нагрузки*	360	332	331	335	340	372	386	401	+41
* В расчёте на 1000 человек трудоспособного возраста приходится людей старше трудоспособного возраста. Источник: Демографический ежегодник России за 2012 г.: стат. сб. / Росстат. – 2013. Демографический ежегодник Вологодской области за 2012 г.: стат. сб. / Росстат. – 2013.									

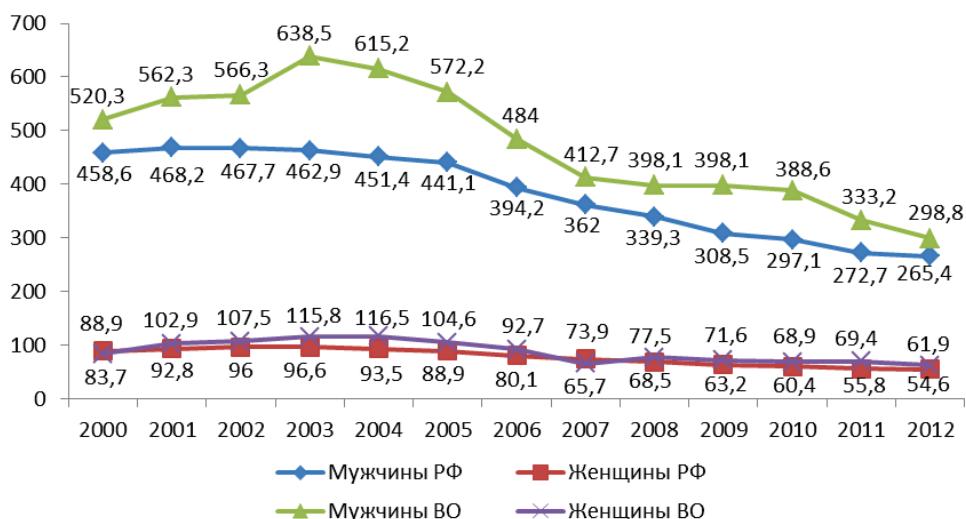
В последние десятилетия обозначилась тенденция трансформации российской возрастной модели брачности, проявляющаяся в увеличении среднего возраста вступления в брак как среди мужчин, так и среди женщин. По данным на 2012 год наиболее часто в брак вступают мужчины и женщины в возрасте 25 лет и старше. Мужчин, вступающих в брак в возрасте старше 25 лет, – 73% (74% в Вологодской области), женщин – 58% (62% в Вологодской области). Для сравнения: в 2000 году большинство браков приходилось на возрастную категорию младше 25 лет, доля женихов среди мужчин старше 25 лет в 2000 году составляла 54,5%, а доля невест среди женщин старше 25 лет – 39,6%. Помимо этого в российском обществе наблюдается устойчивая тенденция увеличения количества незарегистрированных браков. За период между переписями населения 2002 и 2010 гг. число незарегистрированных браков выросло с 9,8 до 13,3% по России и с 10,3 до 16,7% по Вологодской области.

Можно предположить, что подобные процессы послужили одной из главных причин роста таких явлений в обществе, как сокращение общего числа детей в семьях и «старение» материнства. Как показывают официальные статистические данные, суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей

на 1 женщину) в настоящее время в России составляет 1,7 ребёнка, тогда как для поддержания простого воспроизводства населения в нашей стране его уровень должен составлять 2,11 [8, с. 66]. Вместе с этим за последние 10 лет (2000–2012 гг.) средний возраст материнства вырос с 25,8 до 27,9 лет. Увеличение этого показателя приводит к снижению рождаемости вследствие сокращения репродуктивного периода, а также к росту младенческой заболеваемости и смертности из-за ухудшения состояния здоровья женщин с возрастом.

В Российской Федерации смертность населения от внешних причин занимает 3-е место в общей структуре смертности – 135,3 случаев на 100 тыс. человек (по данным на 2012 г.). Для сравнения: в 2011 году в среднем по странам-участницам Евросоюза смертность от внешних причин составила 92,4 случая на 100 тыс. человек [11]. Среди внешних причин смертности в России 1-е место занимают транспортные несчастные случаи (21,1 случаев на 100 тыс. чел.), 2-е – самоубийства (20,8 на 100 тыс. чел.), в Вологодской области на 1-е место выходят суициды (20,5 случаев на 100 тыс. чел.), вытесняя на 2-е место транспортные происшествия (18,9 на 100 тыс. чел.).

Качественные изменения структуры смертности проявляются и в повышенном уровне смертности от внешних причин населения трудоспособного возраста. Так, по данным на 2012 год в среднем по России среди мужчин она составляет 265,4 случаев на 100 тыс. человек, тогда как среди женщин – 54,6 случаев на 100 тыс. человек. Стоит отметить, что в Вологодской области уровень смертности от внешних причин мужчин трудоспособного возраста выше общероссийского и составляет 298,8 случаев на 100 тыс. населения (рисунок).

Динамика смертности от внешних причин трудоспособного населения (случаев на 100 тыс. человек населения)

Источник: Демографический ежегодник России за 2012 г. [Электронный ресурс]: стат. сб. / Росстат. – 2013. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B13_16/Main.htm

Не менее показательны изменения в структуре заболеваемости населения. За период с 2000 по 2012 г. возросла общая заболеваемость населения России с 730,5 до 793,9 случаев на 1 тыс. человек (в Вологодской области с 850 до 867,9 случаев на 1 тыс. человек). Заметно увеличилось распространение отдельных групп болезней, в частности социально значимых заболеваний. Так, за аналогичный период в России значительно выросли показатели заболеваемости злокачественными новообразованиями (с 310 до 335 случаев на 100 тыс. чел. населения), сахарным диабетом (с 111 до 240 случаев на 100 тыс. чел. населения), ВИЧ-инфекцией (с 38 до 42 случаев на 100 тыс. чел. населения) и повышенным артериальным давлением (с 299 до 588 случаев на 100 тыс. чел. населения). В Вологодской области также был отмечен рост данных показателей. Несмотря на общероссийскую и региональную тенденции сокращения заболеваемости психическими расстройствами (с 84 до 48 и со 108 до 37 случаев на 100 тыс. чел. населения соответственно), алкоголизмом и алкогольными психозами (со 131 до 86 и с 99 до 86 случаев на 100 тыс. чел. населения соответственно) и наркоманией (с 51 до 14 и с 29 до 14 случаев на 100 тыс. чел. населения соот-

ветственно), в динамике этих показателей, как по России, так и по Вологодской области не наблюдается устойчивых позитивных тенденций, и они продолжают сохраняться на стабильно высоком уровне по сравнению с европейскими странами.

С проблемой заболеваемости, в частности, связан процесс инвалидизации населения. Прежде всего, инвалидность свидетельствует о тяжести того или иного заболевания, травмы или дефекта развития. За период 2000–2012 гг. повысился уровень общей инвалидности (число всех инвалидов среди населения) с 73,2 до 88,9 на 1 тыс. человек. Также остаётся высокой доля инвалидов среди трудоспособного населения, в 2012 году она составила 49,1% от общей численности инвалидов, что негативно сказывается на трудовом потенциале страны. По данным на 2012 год самыми распространёнными причинами первичной инвалидности среди детей в возрасте до 18 лет являются врождённые аномалии (пороки развития), хромосомные нарушения и деформации (22%), психические расстройства и расстройства поведения (20%), а также болезни нервной системы (19,5%).

К остроактуальным качественным изменениям в населении можно отнести и преобразования в этнической структуре населения страны. Стоит отметить, что с 2002 по 2010 г. произошло увеличение не только количества национальностей (с 181 до 192), но и рост их удельного веса в структуре населения. За межпереписной период в России значительно выросла доля среднеазиатских национальностей: киргизов на 225%, узбеков на 136%, таджиков на 67%, туркменов на 12%, калмыков на 5%. Также увеличилась доля кавказских национальностей: даргинцев на 15,5%, карачаевцев на 12%, ингушей на 8%, чеченцев на 5%. Однако за период 2002–2010 гг. удельный вес русских граждан сократился на 2,1%, т.е. почти на 5 млн. человек. По прогнозам некоторых исследователей, в ближайшие 10–20 лет численность русского населения будет снижаться по 1 млн. человек в год и 85–90% этой убыли придётся на русских [5].

Увеличение доли международных мигрантов при сокращении численности коренного населения может привести к изменению этно-конфессиональной структуры населения, образованию обособленных этнических группировок, нарушению территориальной целостности государства и, как следствие, возникновению острых межэтнических конфликтов.

Стоит отметить, что проблема ухудшения состояния социального здоровья населения и распространения социально значимых заболеваний носит не только демографический характер. Данные негативные изменения в структуре населения оказывают существенное влияние на экономические процессы. Наиболее значимыми для экономики страны являются экономические потери вследствие преждевременной смертности трудоспособного населения. Оценку воздействия негативных процессов на экономику можно осуществлять посредством расчета потерь продуктивных лет жизни вследствие преждевременной смертности от социально обусловленных причин. Для этого нами использовался показатель Всемирной организации здравоохранения YLL (Years of Life Lost, потерянные годы жизни из-за преждевременной смертности). Для выражения в экономических единицах каждый потерянный год умножается на среднедушевой ВРП изучаемого года. Согласно полученным в ходе расчёта данным, потери ВРП вследствие ПГПЖ (потерянные годы продуктивной жизни) от самоубийств (включая скрытые суициды [7]) превышают ущерб от алкоголизма, убийств и ДТП, а также сравнимы с потерями от наиболее распространённых причин смерти (заболевания пищеварительной системы и злокачественные заболевания; табл. 3).

Таблица 3. Социально-экономический ущерб вследствие ПГПЖ трудоспособного населения в 2012 г.

Причины смерти	Случаев	В % к общей смертности	ПГПЖ	ПГПЖ на 1 случай	В % к ПГПЖ от смертности	Млн. руб.	В % к ВРП
Заболевания системы кровообращения	1549	32,0	13555	8,8	24,3	81,8	2,32
Заболевания пищеварит. системы	607	12,7	6689	11,0	12,0	40,4	1,15
Злокачеств. новообразования	691	14,5	6266	9,0	10,4	37,8	1,1
Внешние причины, в т. ч.:	1321	27,7	23691	17,9	42,4	142,9	4,1
ДТП	179	3,7	4119	23,0	7,4	24,8	0,7
Суициды	177	3,7	3351	18,9	6,0	20,2	0,58
Скрытые суициды*	244	5,1	4153	17,0	7,4	25,1	0,71
Убийства	104	2,2	2217	21,3	4,0	13,4	0,38
Остальные несчастные случаи**	484	10,1	7882	16,3	14,0	40,4	0,66
Алкоголизм	368	7,7	5109	13,9	9,1	30,8	0,88
Туберкулез	74	1,5	1207	16,3	2,2	7,3	0,21
Остальные СЗБ:	48	1,0	839	17,5	1,5	5,1	0,14

*Скрытые суициды включают в себя: случайные удушения; прочие случайные отравления; падения, прыжок или сталкивание с высоты с неопределёнными намерениями, а также несчастный случай, вызванный огнестрельным оружием (в 2012 г. такая причина никому не была поставлена).

**Исключая суициды, убийства, ДТП, скрытые суициды (случайные удушения, прочие случайные отравления, падения, прыжок, сталкивание с неопределёнными намерениями) и случайные отравления алкоголем.

Проявляясь, главным образом, в негативных качественных изменениях, современный демографический кризис приводит к серьёзным преобразованиям в структуре населения, что непосредственно угрожает существованию российского общества и дальнейшему развитию государства. Динамика статистических показателей, отражающих особенности современного демографического кризиса, может служить показателем эффективности государственного управления не только в области демографической политики, но и в других сферах государственного управления. В связи с этим считаем, что в региональной политике, направленной на преодоление негативных тенденций демографической ситуации с учетом выявленных особенностей, должен быть реализован комплексный подход, заключающийся в проведении мероприятий не только демографического, но и социально-экономического характера (табл. 4).

Таблица 4. Мероприятия региональной политики по преодолению демографического кризиса

Сферы	Мероприятия
В области законодательства	<ul style="list-style-type: none"> • Разработка региональных программ профилактики основных факторов риска транспортных несчастных случаев, усиление контроля за обеспечением их соблюдения. • Разработка и внедрение образовательных программ для пенсионеров с целью включения их в систему «образования через всю жизнь». • Создание координирующего органа (Совета при Президенте по демографическому развитию и координационного совета по демографическому развитию во главе с первым лицом (губернатором, президентом субъекта Федерации) с целью согласования деятельности ведомств и структур для повышения рождаемости [6, с. 20].
В области демографической политики	<ul style="list-style-type: none"> • Проектирование более безопасной инфраструктуры дорожного движения; повышение доступности и улучшение качества помощи пострадавшим в дорожных авариях для снижения смертности от транспортных несчастных случаев. • Обеспечение доступности и повышение качества медицинской помощи по восстановлению репродуктивного здоровья, в т. ч. вспомогательных репродуктивных технологий, снижение доли рабочих мест с тяжелыми, вредными и опасными условиями труда в целях его сохранения. • Усиление государственной поддержки семей, имеющих детей (увеличение размера пособий, материнского капитала, строительство доступного жилья, содействие трудоустройству молодых матерей).
В области социально-экономической политики	<ul style="list-style-type: none"> • Привлечение лиц старше трудоспособного возраста в систему непрерывного образования. Предоставление рабочих мест для пенсионеров, готовых осуществлять трудовую деятельность, поддержка организаций, создающих новые рабочие места для пенсионеров. Создание социально-экономических условий, способствующих полноценной жизнедеятельности пенсионеров, улучшению их состояния здоровья и работоспособности. • Для снижения смертности от самоубийств необходимы такие действия, как обучение детей основам суицидологии, адаптации к стрессам на уроках ОБЖ, валеологии; обеспечение профессиональной занятости населения; мониторинг и адресная помощь нуждающимся, повышение эффективности профилактической работы с гражданами из групп риска.
В области здравоохранения	<ul style="list-style-type: none"> • Создание эффективной системы профилактики социально-значимых заболеваний среди населения и предупреждения факторов их развития; обеспечение безбарьерной среды обитания для лиц с ограниченными возможностями, развитие реабилитационной индустрии, направленной на обеспечение максимальной социализации инвалидов. • Развитие услуг, предоставляемых санаторно-курортными организациями и оздоровительными учреждениями, внедрение комплексных оздоровительных и реабилитационных программ по сокращению сроков восстановления здоровья после перенесенных заболеваний и травм.
В области миграционной политики	<ul style="list-style-type: none"> • Дальнейшая реализация приоритетных направлений миграционной политики по привлечению в Россию соотечественников и ментально близких мигрантов, проживающих за рубежом (репатриация), особенно молодых мужчин.

Литература

1. Атлас демографического развития России / под ред. Г.В. Осипова и С.В. Рязанцева. – М.: Экономическое образование, 2009. – 228 с.
2. Вишневский, А.Г. Демографический кризис в России [Текст] / А.Г. Вишневский // *Russie.Nei.Visions.* – № 40. – IFRI, 2009. – 29 с.
3. Демографический ежегодник Вологодской области за 2012 г. [Текст]: стат. сб. / Росстат, 2013. – 80 с.
4. Демографический ежегодник России за 2012 г. [Электронный ресурс]: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B13_16/Main.htm

5. Какова будет численность русских в ближайшие 10–20 лет? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://demographia.ru/articles_N/index.html?idR=22&idArt=1765
6. Калачикова, О.Н. Тенденции и перспективы репродуктивного поведения населения (на примере Вологодской области) [Текст]: автореф. дис. на соиск. уч. ст. к-та экон. наук: 08.00.05 / О.Н. Калачикова. – Вологда, 2013. – 24 с.
7. Морев, М.В. Мониторинг суицидального поведения на территории Вологодской области [Электронный ресурс] / М.В. Морев // Гуманитарные научные исследования. – Декабрь 2013. – № 12. – Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2013/12/5198>
8. Практическая демография [Текст] / под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М.: Центр социального прогнозирования, 2005. – 280 с.
9. Рыбаковский, Л.Л. Демографические вызовы: что ожидает Россию? [Текст] / Л.Л. Рыбаковский // Социологические исследования. – 2012. – № 8. – С. 49-60.
10. Шабунова, А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности [Текст] / А.А. Шабунова // Проблемы развития территории. – 2014. – № 2 (70). – С. 7-17.
11. European mortality database (MDB) [Electronic resource]. – Available at: <http://data.euro.who.int/hfamdb/>

ОСНОВНЫЕ МЕТОДИКИ ИЗМЕРЕНИЯ УРОВНЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ

Реструктуризация экономики Российской Федерации, обусловленная действием законов рыночных отношений, связана с кардинальными изменениями во всех отраслях, которые требуют от специалистов, участвующих в этих процессах, нового мышления и новых знаний. Наступивший XXI в. по мнению мыслителей, политиков, экономистов является веком качества [2]. Качество жизни признано международным сообществом одним из главных показателей, характеризующих развитие стран и народов. Отстают в прошлое ориентиры только на научно-технический прогресс, на построение тех или иных моделей индустриального развития. Поиск новых путей экономического развития привел к осознанию, что только качество жизни может в наибольшей степени выражать цели мирового сообщества, так как человечество стоит на пороге перехода в новую цивилизацию – «цивилизацию качества».

Оценка качества жизни является одним из методов выявления и своевременного реагирования на проблемы развития социально-экономической сферы как регионов, так и страны в целом, позволяющий разработать политику, направленную на преодоление негативных и поддержание позитивных процессов социального развития территории.

До настоящего времени качество жизни не является строго определенным научным термином, хотя, очевидно, большинство людей (включая и исследователей) имеют об этом какое-то представление. По крайней мере, в различных проводимых исследованиях респонденты могут, пусть и весьма субъективно, оценить, как изменяется их качество жизни с изменением жизненной ситуации.

Неоднозначность понятия «качество жизни» приводит к возникновению различных способов его исследования.

Одну из первых номенклатур показателей качества жизни в 1961 году предложили специалисты ООН. Она включала в себя следующие факторы: здоровье, потребление продуктов питания, образование, занятость, условия труда, жилищные условия, социальное обеспечение, одежду, рекреацию, свободное время, права человека [8].

На сегодняшнем этапе существует огромное количество разнообразных концепций и методик оценки качества жизни населения. Так, М.А. Исакин провел анализ выработанных концепций качества жизни и методов измерения этого показателя в мировой практике и указал на три основных подхода: объективные концепции, которые делают акцент на объективные, не зависящие от чьего-либо мнения показатели жизненных условий; субъективные концепции, изучающие представления людей об их жизненных условиях; концепции, сочетающие объективные и субъективные факторы качества жизни.

Среди наиболее известных объективных индикаторов качества жизни ученый выделил: индекс истинного развития (GenuineProgress Index, GPI); индекс физического качества жизни (Physical Quality of Life Index, PQLI); индекс человеческого развития (Human Development Index, HDI); интегральный индикатор качества жизни населения.

Современные концепции исследования качества жизни выстроены в ключе измерения как объективных, так и субъективных показателей в виде интегрального показателя жизнедеятельности человека на базе объективных условий жизни и на основе изучения степени удовлетворенности условиями жизнедеятельности.

Сегодня существует два подхода к оценке и измерению уровня качества жизни населения: объективный и субъективный. Объективный подход определяет качество жизни на основании системы показателей, характеризующих объективные условия существования людей (уровень безработицы, преступности, загрязнения окружающей среды и т.д.).

Субъективный подход базируется на результатах социологических опросов, отражающих мнения и суждения людей относительно удовлетворенности аспектами жизни [7].

Существует ряд подходов к определению индикаторов качества жизни, предлагаемых различными авторами и основанных на различных методологических базах. Наиболее известный среди них – оценка индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), разработанная специалистами ООН. Многие ученые–специалисты в области оценки качества жизни считают данный интегральный показатель идентичным показателю «качество жизни». ИРЧП определяется по трем индикаторам: ожидаемая продолжительность жизни, уровень образованности и величина ВВП [6].

Достоинством данной методики является ее простота и доступность, а также и то, что она позволяет произвести сравнительный анализ качества жизни на межрегиональном и международном уровнях. Однако следует заметить, что всего лишь три индикатора не могут отразить всю глубину социально-экономических процессов и явлений, отражающих состояние качества жизни населения региона, страны. За пределами внимания исследователей остается целый пласт факторов, влияющих на качество жизни, таких как экологическая и личная безопасность, социально-политическая ситуация и т.д.

Вторая методика измерения качества жизни населения разработана сотрудниками Комиссии ЮНЕСКО по народонаселению и качеству жизни. В ней основу для оценки качества жизни составляют следующие индикаторы: здоровье, образование, рациональное питание, стабильная и экологически чистая окружающая среда, жилище, безопасность, состояние здравоохранения, участие граждан в жизни общества, создание необходимых условий для развития общества, справедливость, равенство мужчин и женщин. При применении данной методики используются 11 индикаторов, что является доказательством всестороннего подхода к проблеме.

Третья методика разработана группой российских ученых в составе И.А. Гундарова, В.Н. Крутько, Д.С. Львова, А.А. Пригарина, В.А. Лищука,

М. Руднинского [3]. Для оценки качества жизни ими выделены следующие индикаторы:

- ожидаемая продолжительность жизни;
- естественное воспроизводство населения;
- неудовлетворенность жизнью;
- агрессивность общества;
- неадекватность решения проблем собственности;
- неустойчивость семейных отношений

Авторы выделяют 6 интегральных индикаторов, для измерения которых предлагаются группы показателей.

Четвертая методика разработана сотрудниками Института комплексных стратегических исследований. По данной методике авторы оценивают качество жизни по следующим индикаторам:

- благосостояние;
- доступность и качество образования;
- доступность медицинской помощи и состояние здоровья;
- доступность жилья и качество жилищных условий;
- состояние социальной среды [5]

Пятая методика основывается на вычислении интегрального показателя качества жизни населения. Авторами данной методики являются А.П. Егоршин и А.К. Зайцев [4]. В 2000–2001 гг. ими был проведен анкетный опрос среди ведущих ученых и специалистов в области экономики и управления, в котором приняло участие 30 докторов наук, 40 кандидатов наук и 150 специалистов. В результате проведенного исследования была разработана базисная система показателей по четырем интегральным индикаторам:

- финансово-экономическим;
- медико-экологическим;
- материального благосостояния;
- духовного благосостояния.

Каждая интегральная группа состоит из множества локальных показателей.

Шестая методика разработана американской Некоммерческой организацией «Комитет по демографическому кризису», которая проводит исследования качества жизни в 10 крупнейших городах мира по 10 показателям: стоимость питания, жилищные условия, качество жилья, связь, образование, здравоохранение, тишина, уличное движение, чистота воздуха, общественная безопасность.

Согласно данной методике, благосостояние населения отражается в индикаторе «стоимость питания». С одной стороны, благосостояние можно определить через стоимость питания, так как при высоком материальном достатке расходы на питание составляют меньшую долю в совокупных расходах семьи, и наоборот, при низком уровне доходов расходы на питание составляют основную долю расходов. Однако при этом возникает опасность недооценки значения иных видов расходов, тем более что в регионах с развитой экономикой и высокими доходами доля расходов на питание составляет все меньший вес, тогда как часть расходов на непродовольственное потребление и развитие личности составляет большую долю. Кроме этого, для раскрытия индикатора «стоимость питания» подбор показателей также может оказаться затруднительным. Стоимость продуктовой корзины, конечно же, может быть показателем стоимости питания, однако реальное потребление граждан и доля их расходов на питание может в корне отличаться от установленных норм.

Следующую методику, автором которой является С.А. Айвазян (доктор физико-математических наук, профессор, иностранный член НАН РА, заместитель директора ЦЭМИ РАН по научной работе) [1], можно назвать одной из наиболее фундаментальных. Она основывается на выведении интегрального показателя качества жизни, определяющегося качеством населения, благосостоянием населения, качеством социальной сферы, экологии и природно-климатическими условиями. Он рассматривает население с точки зрения функционального подхода и объясняет необходимость перехода от абсолютных ве-

личин к относительным для исключения фактора разномасштабности и обеспечения возможности проведения сравнительного анализа. Основными типами относительных показателей являются:

- показатели плотности ресурсов (количество чего-либо: населения, дорог и прочее на единицу площади территории);
- душевые показатели (количество чего-либо: производство молока, выброс углекислого газа на душу населения);
- структурные показатели (доля чего-либо в общем числе);
- показатели соотношения (например, число разводов на 1000 браков или число самоубийц на 100 000 населения, или число Нобелевских лауреатов на 1 000 000 жителей);
- показатели отклонения (абсолютные и относительные, характеризующие отклонения местного значения от некоего значения, принятого за эталон);
- показатели динамики (темпы изменения чего-либо во времени) [1].

В своей методике Айвазян предлагает пять интегральных индикаторов, каждый из которых объединяет внутри себя несколько показателей:

1. Качество населения (12 показателей).
2. Благосостояние (14).
3. Социальная безопасность (или качество социальной среды (11)).
4. Качество окружающей среды (8 показателей).
5. Природно-климатические условия.

При этом показатели природно-климатических условий оцениваются экспертами по нескольким параметрам и применяются в виде поправочных коэффициентов в общих индексах качества жизни. Интегральный индикатор «Качество населения» раскрывает сущностные, качественные характеристики населения с точки зрения его медико-биологических, социальных, образовательно-культурных свойств и отражается в таких интегральных показателях, как «Свойства воспроизводства и физического здоровья»; «Способность образовывать и сохранять семьи»; «Уровень образования и культуры»; «Уровень квалификации». Интегральный индикатор «Благосостояние населения» нацелен на

раскрытие сущностных социально-экономических условий существования населения и раскрывается такими интегральными показателями, как «Реальные доходы и расходы»; «Обеспеченность жильем и собственностью»; «Обеспеченность мощностями инфраструктуры общества». Интегральный индикатор «Качество социальной сферы» нацелен на раскрытие сущностных сторон социальной жизни общества, выражающихся в таких интегральных показателях, как «Условия труда»; «Физическая и имущественная безопасность»; «Характеристики социальной патологии»; «Характеристики социальной и территориальной подвижности населения»; «Социально-политическое здоровье общества». Интегральный индикатор «Качество экологической ниши» отражает содержание экологических условий существования человека с точки зрения их безопасности для жизнедеятельности и выражается в таких интегральных показателях, как «Состояние воздушного бассейна»; «Состояние водного бассейна»; «Состояние почв»; «Биологическое разнообразие»; «Состояние природных экосистем». Интегральный индикатор «Природно-климатические условия» раскрывает наличие или отсутствие природных богатств, благоприятность или неблагоприятность природно-климатических условий для существования человека и выражается в таких интегральных показателях, как «Наличие природно-сырьевых ресурсов»; «Климатические условия»; «Частота форс-мажорных природных ситуаций». Как видно из методики, для производства расчетов необходимо подобрать абсолютные и относительные показатели, раскрывающие интегральные индикаторы по каждому блоку.

Пошаговое дробление интегрального индикатора «Качество жизни» на систему его составляющих интегральных индикаторов, а далее интегральных индикаторов на систему интегральных показателей и каждого интегрального показателя на совокупность статистических абсолютных и относительных показателей позволяет изучать явление системно в совокупности всех составляющих ее элементов. На основе уже существующих и апробированных методик оценки качества жизни населения многие авторы создают свои интегральные

показатели и разрабатывают новые методики. Так, Н.В. Трофимова предлагает использовать интегральный показатель, основанный на индексном методе с использованием 63 показателей, характеризующих различные аспекты жизнедеятельности населения. По мнению И.И. Елисеевой наиболее полной и отвечающей современным требованиям служит система «Основные показатели уровня жизни населения в условиях рыночной экономики», разработанная в Центре экономической конъюнктуры и прогнозирования при Министерстве экономики РФ в 1992 г. В ней представлено 7 разделов, охватывающих 40 показателей.

Несмотря на большое многообразие концепций, они обладают рядом существенных недостатков, не позволяющих добиться целостной картины исследуемого ими явления качества жизни.

Во-первых, т.к. «качество жизни» является предметом исследования междисциплинарного исследования, то сегодня проблематика качества жизни не нашла завершеного теоретического воплощения ни в одной из общественных наук.

Во-вторых, идея целостности жизнедеятельности фактически растворяется, поскольку анализу подвергаются лишь отдельные элементы.

В-третьих, несмотря на высокий объяснительный потенциал многих теорий, результаты проводимых исследований трудно использовать в области выработки социально-политических решений, поскольку практически ни в одной из анализируемых теорий не показан и не описан эталон, на основании которого можно было бы делать управленческие выводы.

Литература

1. Айвазян С. А. Анализ синтетических категорий качества жизни населения субъектов Российской Федерации: их измерение, динамика, основные тенденции (по статистическим данным за 1997–1999 гг.) // Уровень жизни населения регионов России. – 2002. – № 11.
2. Басовский, Л.Е. Управление качеством : учебник / Л.Е. Басовский, В.Б. Протасьев. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 212 с.

3. Оценивать ли жизнь по показателям? / И.А. Гундаров, В.Н. Крутько, Д.С. Львов, А.А. Пригарин, В.А. Лищук, Ф.М. Руднинский // Официальный сайт газеты «Дуэль». – URL: <http://www.duel.ru>
4. Егоршин, А.П. Качество жизни населения региона [Текст] / А.П. Егоршин, А.К. Зайцев. – Н. Новгород: НИМБ, 2002.
5. Институт комплексных социологических исследований // Официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.icss.ac.ru/>
6. Материалы интернет-сайта научно-исследовательской лаборатории по проблемам качества жизни: портал «Русский переплет». – 1999. – URL: <http://bel.edu.ru/lab>.
7. Трофимова, Н.В. Интегральная оценка качества жизни населения [Электронный ресурс] / Н.В. Трофимова. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/integralnaya-otsenka-kachestva-zhizni-naseleniya/pdf>
8. Филюков И.А. Генезис научных идей о качестве жизни населения: отечественные и зарубежные подходы [Электронный ресурс] / И.А. Филюков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2009. – № 3 (11). –URL: <http://cyberleninka.ru/article/genezis-nauchnyh-idey-o-kachestve-zhizni-naseleniya-otechestvennye-i-zarubezhnye-podhody/pdf>

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Понятие «социальное здоровье» включает в себя огромный спектр не только социальных, но и биологических, психологических, экономических, политических и других показателей. Социальное здоровье – это состояние личности, выражающееся в удовлетворенности условиями труда, социально-экономическим положением и семейно-бытовыми условиями. Это устойчивое состояние благополучия, обеспечивающее успешность функционирования, развития и самореализации личности в условиях современного общества [3, с. 15]. Другими словами, социальное здоровье – это комплексный индикатор, отражающий степень адаптации населения к условиям жизни.

Насколько человек адаптирован в социуме, насколько полноценно он может выполнять свои социальные роли и функции, самореализовываться? Насколько общество психологически адаптировано к существующим условиям и готово к каким-то новым шагам в своем развитии..? Эти вопросы являются крайне важными для поступательного движения общества вперед, поскольку без адаптации к жизни развитие социума невозможно, а последствия социальной дезадаптации влекут за собой массу глобальных демографических, экономических, культурных и других последствий (период 1990-х гг. наглядно продемонстрировал такую ситуацию).

ИСЭРТ РАН изучает социальное здоровье с 2010 года. Индикаторы, которые используются для оценки социального здоровья, отражают способность личности адаптироваться и самореализовываться в обществе (рис. 1). К ним мы относим:

1. Данные официальной статистики (социальные болезни и различные формы проявления девиантного поведения, среди которых мы, вслед за П. Сорокиным и Э. Дюркгеймом, приоритетное внимание уделяем проблеме суицидального поведения).

2. Индикаторы личностного восприятия или субъективные оценки населения, которые позволяют более глубоко анализировать характер общественных настроений. Основным источником информации при этом выступают данные мониторинга общественного мнения.

Рисунок 1. Предлагаемая структура индикаторов социального здоровья

Анализируя социальное нездоровье по официальным статистическим данным, мы пришли к ряду выводов:

1. *Во-первых, социальное здоровье является показателем общественного развития в целом.* Так, динамика наиболее репрезентативного индикатора социального здоровья (уровня самоубийств) наглядно отражает негативные последствия распада Советского Союза и экономических кризисов 1991 и 1998 гг. (рис. 2). С 2000 г. наблюдается относительная стабилизация политической, экономической, духовно-нравственной жизни в стране, что отразилось и на уровне суицидов. Мировой финансовый кризис 2008 г. также не прошел для общества бесследно. Особенно для Вологодской области, которая стала одним субъектов РФ, понесших наибольший ущерб от мирового финансового кризиса.

Аналогичные тенденции в целом имеют и другие рассматриваемые нами показатели (уровень преступности, убийств, заболеваемости психическими расстройствами, наркоманией и т.д.).

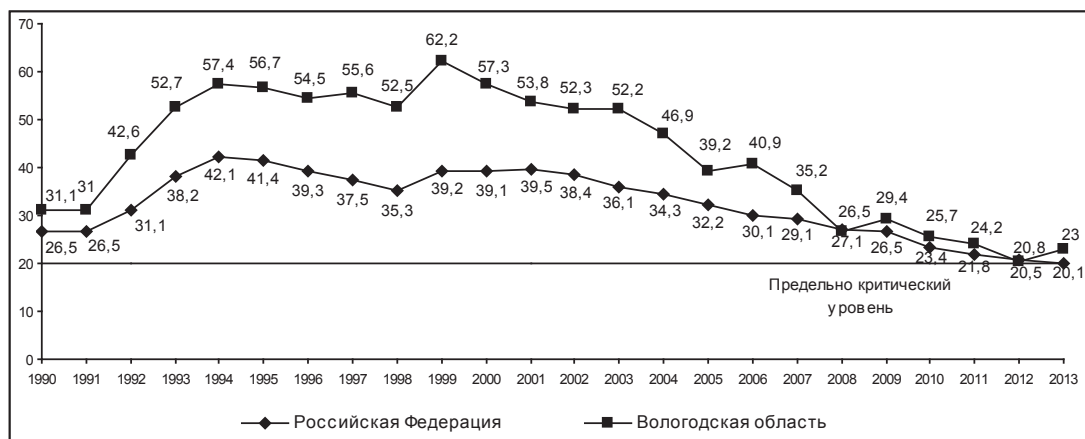

Рисунок 2. Уровень смертности от самоубийств в России и Вологодской области (на 100 тыс. нас.)

Источник: База данных Федеральной службы государственной статистики (www.gks.ru).

2. Во-вторых, Россия, несмотря на положительные тенденции социального здоровья, по-прежнему является одним из мировых лидеров по уровню распространения социальных патологий (табл. 1).

Таблица 1. Динамика некоторых индикаторов социального здоровья в России по данным ВОЗ

Показатель (на 100 тыс. нас.)	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2011 г. % к		
							1990 г.	2000 г.	2010 г.
Смертность от убийств	14,1 (1)*	30,9 (1)	27,6 (1)	23,7 (1)	12,3 (1)	11,7 (1)	83,0	42,4	95,1
Смертность от самоубийств	27,0 (6)	41,6 (2)	37,8 (2)	29,8 (2)	21,4 (3)	21,8 (1)	80,7	57,7	101,9
Заболееваемость психически-ми расстройствами	268,1 (4)	332,8 (9)	375,3 (10)	386,2 (9)	349,8 (7)	335,9 (7)	125,3	89,5	96,0
Смертность от психических расстройств, болезней нервной системы и органов чувств	10 (26)	22,4 (17)	15,1 (17)	16,7 (20)	16,2 (19)	-	-	-	-
Заболееваемость алкогольными психозами	9,7 (3)	49,4 (5)	42,5 (5)	51,8 (5)	33,2 (5)	30,5 (4)	314,4	71,8	91,9

* В скобках указано место Российской Федерации среди 47 стран ЕС, предоставляющих данные для ВОЗ.
Источник: база данных ВОЗ «Здоровье для всех».

3. В-третьих, «жертвами» распространения социальных патологий становятся в первую очередь люди трудоспособного возраста, что влечет за собой существенные экономические и демографические последствия, создавая тем самым угрозу национальной безопасности (табл. 2).

Таблица 2. Возрастная структура смертности населения Вологодской области от самоубийств (умерших на 100 тыс. населения)

Возрастная группа	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	1999 – 2012 гг.
10–19 лет*	6,7	6,3	8,8	12,0	15,2	12,1	12,8	11,9	8,8	11,9	7,2	7,0	9,7	12,1	5,3	9,9
20–39 лет	59,8	68,4	61,0	56,4	57,0	69,6	55,6	40,9	43,2	37,5	25,3	33,7	27,8	23,7	19,9	45,3
40–59 лет	88,2	94,7	84,5	80,6	74,7	67,8	64,3	58,2	56,0	46,8	37,8	38,6	33,8	16,8	29,5	58,2
60 и более лет	54,8	81,0	71,4	69,4	63,0	55,0	62,0	46,7	57,8	47,3	36,7	45,3	38,1	26,9	27,2	52,2

* С 1998 по 2000 г. – 0-19 лет.

При использовании методики ВОЗ [8] нами был рассчитан уровень социально-экономического ущерба вследствие причин смертности, связанных с ухудшением социального здоровья (табл. 3). В общей совокупности на территории Вологодской области они составили в 2012 г. 23 тыс. потерянных лет жизни или в денежном эквиваленте – почти 4% ВРП. Данная цифра на самом деле гораздо больше, поскольку это только летальные случаи. Кроме них есть еще затраты системы здравоохранения на лечение и содержание больных алкоголизмом, наркоманией, психических больных, суицидентов и т.д.

Таблица 3. ППЖ трудоспособного населения вследствие различных причин смерти в Вологодской области в 2012 г.

Причины смерти	Случаев	В % к общей смертности	ППЖ	ППЖ на 1 случай	В % к ППЖ от смертности	Млрд. руб.	В % к ВРП
Болезни системы кровообращения	1549	32,0	13555	8,8	24,3	9,78	2,33
Болезни органов пищеварения	607	12,7	6689	11,0	12,0	4,83	1,15
Внешние причины, в т.ч.:	1321	27,7	23691	17,9	42,4	17,1	4,07
ДТП	179	3,7	4119	23,0	7,4	2,97	0,71
убийства	104	2,2	2169	20,9	3,9	1,6	0,38
суициды	177	3,7	3241	18,3	5,8	2,42	0,58
скрытые суициды*	244	5,1	4153	17,0	7,4	3,0	0,71
Болезни, вызванные алкоголем**	368	7,7	5109	13,9	9,1	3,69	0,88
Злокачественные новообразования	691	14,5	6266	9,0	10,4	4,52	1,08
Туберкулез	74	1,5	1207	16,3	2,2	0,87	0,21
Остальные социально значимые заболевания***	48	1,0	549	17,5	0,98	0,40	0,09
Прямые потери, связанные с ухудшением социального здоровья	1706	35,7	23142	13,6	40,6	16,7	3,97

* Скрытые суициды: случайные удушения; прочие случайные отравления; падения, прыжок или столкновение с высоты с неопределенными намерениями, а также несчастные случаи, вызванные огнестрельным оружием (в 2012 г. в Вологодской области таких причин ни у кого не выявлено).

** Это алкогольные психозы, дегенерация нервной системы, вызванная алкоголем, алкогольные полиневропатия, миопатия, кардиомиопатия, гастрит, болезнь печени, хронический панкреатит алкогольной этиологии, алкогольный синдром у плода, отравление алкоголем.

*** Психические расстройства неалкогольного происхождения, сахарный диабет, заболевания, передающиеся половым путем, ВИЧ-инфекция, гепатит В и С.

Демографический ущерб от смертности, связанной с ухудшением социального здоровья, был выявлен с помощью методики расчета таблиц ожидаемой продолжительности жизни [1, с. 4]. По нашим данным совокупные потери ОПЖ составляют 3,3 года, при этом пик демографического ущерба приходится на возрастную группу до 19 лет (табл. 4).

Таблица 4. Потери ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) вследствие смертности населения от причин, связанных с ухудшением социального здоровья (2012 г., лет)

Возраст	<i>Средняя ОПЖ</i>	Без учета смертности от суицидов	Без учета смертности от скрытых суицидов*	Без учета смертности от убийств	Без учета смертности вследствие употребления алкоголя**	Без учета смертности от злокачественных новообразований	Без учета смертности вследствие алкоголя, суицидов, скрытых суицидов, убийств и злокачественных новообразований	Общие потери ОПЖ
0-1	70,35	70,67	70,77	70,54	70,97	72,07	73,62	3,27
1-4	69,7	70,02	70,12	69,89	70,32	71,43	72,98	3,28
5-9	65,73	66,05	66,15	65,92	66,35	67,46	69,01	3,28
10-14	60,79	61,11	61,18	60,97	61,41	62,5	64,01	3,22
15-19	55,86	56,18	56,25	56,04	56,48	57,56	59,07	3,21
20-24	50,98	51,28	51,37	51,15	51,61	52,67	54,16	3,18
25-29	46,26	46,52	46,64	46,4	46,88	47,93	49,33	3,07
30-34	41,6	41,83	41,95	41,71	42,2	43,27	44,56	2,96
35-39	37,18	37,38	37,5	37,28	37,74	38,83	40,01	2,83
40-44	33,13	33,28	33,36	33,2	33,59	34,73	35,64	2,51
45-49	28,87	28,99	29,05	28,92	29,23	30,37	31,08	2,21
50-54	24,77	24,86	24,92	24,81	25,04	26,15	26,7	1,93
55-59	21,13	21,18	21,24	21,15	21,31	22,33	22,69	1,56
60-64	17,88	17,9	17,94	17,89	17,98	18,76	18,95	1,07
65-69	14,84	14,85	14,87	14,84	14,86	15,32	15,38	0,54
70 и более	11,88	11,88	11,88	11,88	11,88	11,88	11,88	0

* Скрытые суициды включают в себя случайные удушения; случайные отравления; падения, прыжок или стелкивание с высоты с неопределенными намерениями, а также несчастный случай, вызванный огнестрельным оружием (в 2012 г. в Вологодской области такая причина никому не была поставлена).

** Данная группа причин смерти включает психические расстройства (алкогольные психозы), дегенерация нервной системы, вызванная алкоголем, алкогольная полиневропатия, алкогольная миопатия, алкогольная кардиомиопатия, алкогольный гастрит, алкогольная болезнь печени, хронический панкреатит алкогольной этиологии, алкогольный синдром у плода, случайное отравление алкоголем, преднамеренное отравление алкоголем, отравление и воздействие алкоголем с неопределенными намерениями.

4. *Наконец, четвертый вывод, к которому мы пришли, изучая социальное здоровье, заключается в том, что официальная статистика по его индикаторам существенно искажена.* Во многом это происходит по субъективным причинам. Например, из-за нежелания родственников объявлять всему миру о самоубийстве, случившемся в их семье, суицид часто регистрируется как несчастный случай. Или вследствие недоверия правоохранительным органам о факте какого-либо преступления может не заявляться в полицию (по данным ИСЭРТ РАН уровень доверия полиции в среднем за период 2000–2013 гг. составил 31%).

Учесть все случаи проявления социального нездоровья практически невозможно, однако в научном мире регулярно делаются попытки зафиксировать этот латентный уровень распространения социальных патологий, попытки увидеть реальные масштабы проблемы. На основе методики, разработанной сотрудниками ЮНИСЕФ [5, с. 85], нами был выявлен латентный уровень само-

убийств, который показал, что реальный уровень смертности от суицида на территории Вологодской области примерно в 2 раза выше официально регистрируемого (рис. 3).

Рисунок 3. **Официально регистрируемый, латентный и реальный уровень суицидальной смертности в Вологодской области (на 100 тыс. нас.)***

*Рассчитано авторами по данным территориального органа ФСГС по Вологодской области.

По другой методике, разработанной членом Союза криминологов России Д.А. Ли [6, с. 20], был выявлен уровень латентных правонарушений, который показал, что в среднем по стране реальные масштабы преступности примерно в 3 раза выше, чем по данным официальной статистики.

Таким образом, данные официальной статистики не отражают реальные масштабы распространения социальных патологий. Кроме того, они недостаточно полно описывают взаимосвязи социальных процессов и явлений, происходящих в обществе, не учитывают такие важные аспекты, как настроения людей, их отношение к различным сферам личной и общественной жизни. Для того, чтобы восполнить этот «пробел», мы рассматриваем субъективные оценки, отражающие состояние социального здоровья, а именно – личностное восприятие населением различных аспектов жизни: социально-экономической и политической ситуации в стране, деятельности органов власти, собственного повседневного настроения и т.д.

Комплексным индикатором, отражающим характер общественного мнения, является социальное настроение, про которое Ж.Т. Тощенко писал: «Действительность, отраженная через социальное настроение, детерминирует целеполагающую деятельность субъекта, постановку им важнейших целей социальной и духовной жизни. Именно поэтому социальное настроение как важнейшая характеристика общественного сознания участвует в регулировании как от-

дельных поступков, действий людей, социальных групп, общественных институтов, так и демонстрирует их умонастроения и мироощущения, ценностные ориентации и установки» [7, с. 30].

Динамика социального настроения имеет устойчивую позитивную тенденцию, что коррелирует с изменениями официальных статистических данных. Как и в случае с самоубийствами, на территории Вологодской области эта динамика была омрачена лишь последствиями мирового финансового кризиса (рис. 4).

Рисунок 4. Доля людей, положительно характеризующих свое настроение, в Российской Федерации и Вологодской области (в % от числа опрошенных)
 Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН и Левада-Центра.

Однако, несмотря на многолетние позитивные тенденции ключевых показателей социального здоровья российского общества, нельзя утверждать, что оно имеет крепкий фундамент и, несмотря ни на какие обстоятельства, в ближайшее время будет только улучшаться. На латентном уровне сохраняются негативные процессы, которые отмечаются не только по результатам исследований ИСЭРТ РАН на территории Вологодской области, но и по данным ИС РАН в целом по стране.

Первая из них – это широкий уровень распространения социальных патологий, не учтенных официальной статистикой (о чем говорилось выше). Вторая – явление социального атомизма, последствием которого может стать «изменение психологического механизма формирования идентичности россиян в целом» [2, с. 3].

Социальный атомизм проявляется в двух аспектах:

Во-первых, в том, что надежды и ожидания населения не связываются с деятельностью органов власти. Так, с 2000 г. в регионе практически ежегодно улучшаются показатели социального настроения (в 2000–2013 гг. с 46 до 69%), увеличивается запас терпения (с 65 до 79%), снижается протестный потенциал (с 25 до 17%). Вместе с тем за этот же период уровень одобрения Президента РФ уменьшился с 66 до 55%, губернатора – с 56 до 44%, глав местных администраций – с 46 до 40%. Не отмечается позитивных изменений в поддержке Правительства РФ (43–44%), Законодательного собрания области (31–34%). То есть, ожидания населения связываются не с деятельностью власти, а с удовлетворением собственных интересов. Надежды людей концентрируются на реализации изолированных от социума потребностях; на «микромире», ядром которого является семья [2, с. 3]. В современной России в условиях кризиса и нестабильности культуры формируется тип личности с преобладанием ориентации на индивидуально-личностные нормы поведения и деятельности [4, с. 39].

Во-вторых, наблюдается атомизация и в самом обществе. Более половины жителей области отмечают, что доверять могут «только самым близким друзьям и родственникам», каждый четвертый говорит, что доверять в наше время «нельзя никому», доверяют большинству знакомых и всем людям без исключения только 15% населения (табл. 5).

Таблица 5. **Кому Вы можете доверять?** (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2010 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.
В наше время никому нельзя доверять	26,1	24,7	27,9	27,9
Только самым близким друзьям и родственникам	58,1	56,5	52,5	53,4
Большинству знакомых мне людей можно доверять	12,8	16,1	15,2	12,2
Доверять нужно всем людям без исключения	2,3	2,5	1,6	3,1

Сплоченность общества на уровне страны отмечают 14% населения, на уровне области – 16%, по месту проживания – 28%, среди ближайшего окружения (для сравнения) – 52% (табл. 6).

Таблица 6. **Чего сегодня больше..?** (в % от числа опрошенных)

Территория	Согласия, сплоченности			Несогласия, разобщенности		
	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.
В стране	14,2	14,1	28,9	61,1	59,5	44,1
В области	19,3	15,9	26,9	55,6	54,4	44,7
В месте Вашего проживания	24,1	28,4	39,1	51,5	44,3	34,3
В Вашем окружении	46,9	52,1	61,4	29,3	23,2	18,3

В-третьих, в Российской Федерации наблюдается напряженная ситуация с уровнем доверия государственным и общественным институтам. Ежегодно доверие россиян к власти, бизнесу, СМИ и НКО примерно в 2 раза ниже, чем в среднем по 27 странам мира, принимающим участие в опросе. По интегральному индексу доверия Россия в 2013 г. находилась на последнем месте, в 2014 г. – на предпоследнем (табл. 7).

Таблица 7. **Уровень доверия ключевым государственным и общественным институтам** (по данным международного исследования Edelman Trust Barometer)

Институт	Среднемировое значение (в % от числа опрошенных)				Россия (в % от числа опрошенных)				Рейтинг России			
	2011	2012	2013	2014	2011	2012	2013	2014	среди 23 стран	среди 26 стран		среди 27 стран
Власть	52	43	48	44	39	26	29	27	н.д.	24	24	22
Бизнес	56	53	58	58	41	41	40	45	23	22	25	19-23
Масс медиа	49	52	57	52	37	33	38	35	н.д.	25*	25	25
НКО	61	58	63	64	н.д.	28	40	41	н.д.	25*	25	26
Среднее	55	51	57	54	40	32	36	37	22	25*	26	26

* Уровень доверия НКО и СМИ – рейтинг среди 25 стран.
Источник: 2014 Edelman Trust Barometer.

И наконец, даже при устойчивом, многолетнем снижении уровня самоубийств, правонарушений, показателей заболеваемости психическим расстройствами и т.д., исследования ИСЭРТ РАН показывают, что на территории региона отмечается достаточно устойчивая часть людей (не менее 40%), проявляющих симптомы тревоги, депрессии или невроза (рис. 5).

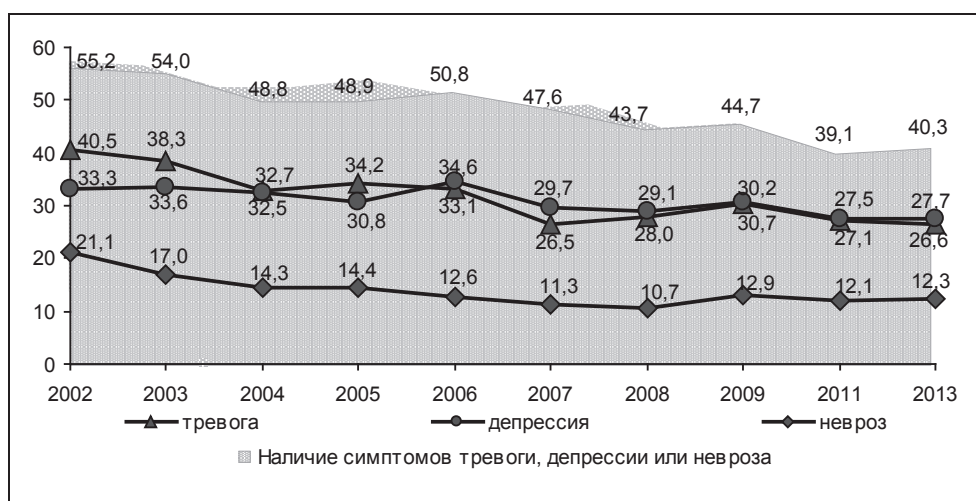

Рисунок 5. **Доля жителей, проявляющих симптомы тревоги, депрессии, невроза** (в % от числа опрошенных)*

* С 2009 г. опрос проводится 1 раз в 2 года.

Источник: данные мониторинга общественного психического здоровья ИСЭРТ РАН.

Таким образом, общий итог, к которому мы приходим, исследуя круг проблем, связанных с социальным здоровьем, заключается в том, что оно имеет положительные тенденции, начиная примерно с 2000 г. Однако эти положительные тенденции являются нестабильными, на латентном уровне проблемы адаптации людей к условиям жизни сохраняются.

Устойчивость позитивной динамике социального здоровья может придать только повышение мотивации самих людей к консолидации внутри социума и между обществом и властью. Для этого необходимо повысить роль широких слоев общественности в принятии управленческих решений. Конкретными шагами в этом направлении могут стать:

1. Усиление роли социологической науки как связующего звена между обществом и государственной властью. Для этого требуется разработка единого методологического подхода к оценке эффективности государственного управления на всех уровнях. Необходимо усиление роли Российской академии наук как координатора опыта регионов, законодательное закрепление полномочий РАН и механизма стратегического планирования.

2. *Повышение уровня жизни населения и, прежде всего, преодоление социального неравенства.* Всплеск патриотических настроений в социуме, отмечаемый в последние месяцы в связи с ситуацией на Украине, должен быть подкреплен реальными шагами по улучшению уровня и качества жизни населения. Только в этом случае процесс консолидации российского общества и поддержка населением органов власти сможет носить долговременный характер.

3. *Повышение эффективности взаимодействия общества и органов власти со средствами массовой информации.* Уровень доверия СМИ по данным ИСЭРТ РАН в 2000–2013 гг. составлял 30% (по данным мировых исследований – 35%), однако именно СМИ, благодаря своей доступности для широких слоев населения, могут выступить площадкой для взаимодействия общества и власти. Необходимо, чтобы у обоих субъектов этого процесса возникла потребность в формировании конструктивного диалога.

4. *Повышение эффективности государственного управления на региональном уровне и муниципальном уровнях.* С учетом значительной дифференциации регионов и конкретных муниципальных образований местная власть имеет возможность в большей степени учитывать реальные потребности населения и в соответствии с ними проводить свою политику. В свою очередь, население имеет более широкие возможности взаимодействия именно с местными, а не федеральными органами власти. Те концептуальные идеи, которые находят широкую поддержку у общества в выступлениях Президента, должны отражаться и в деятельности губернаторов, глав местных администраций. Только в этом случае можно будет говорить о сильной вертикали власти и широких перспективах консолидации.

Источники

1. Вальчук, Э.А. Заболеваемость населения: методы изучения / Э.А. Вальчук, Н.И. Гулицкая, В.В. Антипов. – Минск 2000. – 23 с.
2. Горшков, М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения / М.К. Горшков // Социологические исследования. – 2012. – №12. – С. 3-11.
3. Дмитриева, Е.В. Теоретико-методологические и методические основы социологии здоровья [Текст]: дис. на соиск. уч. степ. д-ра социол. наук: спец. 22.00.01 [Мос. гос. ун-т]. – М.: РГБ, 2005. – 423 с.
4. Жуков, В.И. Россия в глобальной системе социальных координат: социологический анализ и прогноз / В.И. Жуков // Социс. – 2008. – № 10. – С. 29-39.
5. Смертность российских подростков от самоубийств / А.Е. Иванова, Т.П. Сабгайда и др. // Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ). – 2011. – 132 с.
6. Ли, Д.А. Преступность в России: системный анализ [Текст]: монография. – М.: Гелва, 1997. – 72 с.
7. Тощенко, Ж.Т. Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. – 1998. – № 1. – С. 21-35.
8. DALY методика измерения на сайте ВОЗ. – Режим доступа: http://www.who.int/healthinfo/global_burden_disease/metrics_daly/en/

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЛЕЧЕБНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

В современном мире всё более возрастает значимость здорового образа жизни населения. В связи с этим появляется необходимость развития такого вида туристской деятельности, как лечебно-оздоровительный туризм. Доля данного вида туризма в мировом ВВП в настоящее время составляет порядка 2%. При этом согласно докладу, представленному на Global Wellness Tourism Congress (GWTC), предполагается, что данный туристский сектор в ближайшем будущем будет расти ежегодно в среднем на 10%, что в два раза выше, чем по сфере туризма в целом, и достигнет к 2017 г. 678,5 млрд. долл. (16% от общего объёма доходов от туристской отрасли) [5].

Лечебно-оздоровительный туризм относится к наиболее древним видам туризма и традиционно рассматривается как перемещение резидентов и нерезидентов в пределах государственных границ и за их пределы на срок не менее 20 часов и не более 6 месяцев в оздоровительных и профилактических целях [1]. Однако неразработанной на настоящий момент остается типология данного вида туризма.

На наш взгляд, лечебно-оздоровительный туризм более широкое понятие, которое включает две компоненты – лечение и оздоровление, предопределяющие такие его разновидности, как медицинский, санаторно-курортный и оздоровительный туризм (рис. 1). *Туризм санаторно-курортного типа* содержит обе компоненты – лечение и оздоровление. Данный вид туризма основан на курортологии – науке о природных лечебных факторах, их воздействии на организм и методах использования в лечебно-профилактических целях.

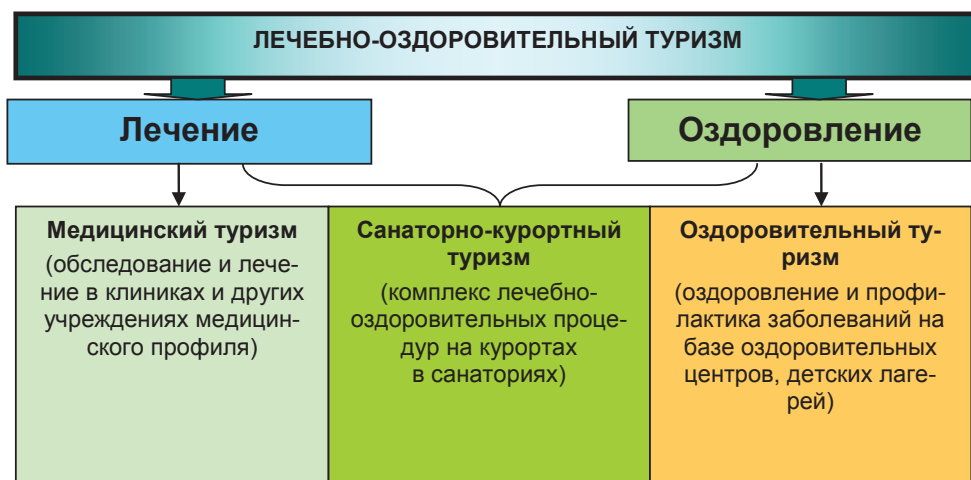

Рисунок 1. Компоненты лечебно-оздоровительного туризма

При этом территория каждого курортного региона располагает определёнными природными лечебными факторами и необходимыми условиями для их применения. Для Вологодской области такими факторами выступают минеральные воды, лечебные грязи и климатические условия (лесные местности и водные объекты).

Оздоровительный туризм предполагает проведение комплекса общеоздоровительных программ в оздоровительных центрах и детских лагерях. Кроме того, в ряде детских лагерей помимо оздоровительных и профилактических процедур предлагается набор санаторно-курортных услуг.

В современных условиях актуализируется медицинская направленность туризма. *Медицинский туризм* предполагает перемещение людей с целью получения лечения в другой стране или регионе. Такой туризм связан с поиском наиболее благоприятных и выгодных условий для лечения. Так, высокая стоимость лечения во многих странах вызывает необходимость приобретения соответствующих медицинских услуг за рубежом, где стоимость лечения кардиологических, ортопедических и многих других заболеваний значительно ниже. Кроме того, в ряде стран осуществляемое государственное страхование не позволяет предоставить медицинские услуги в короткие сроки. Период ожидания оперативного вмешательства может составлять несколько лет, что вынуждает людей проходить лечение за рубежом, где необходимые процедуры можно по-

лучить без ожидания. Организацию лечения за пределами места жительства специальными компаниями осуществляет медицинский менеджмент, включая перевод документов, подбор клиники, визовую поддержку, трансфер, сопровождение и т.п.

Медицинский туризм в силу своей специфики является перспективным направлением туристской деятельности. Рынок медицинских услуг активно развивается. Расширяется его инфраструктура, появляются новые учреждения медицинского профиля, агентства медицинского туризма, фирмы-туроператоры и другие. Данный вид туризма играет большую роль в развитии здравоохранения, способствует появлению современных технологий и методов обследования и лечения, а также повышению квалификации медицинского персонала и улучшению обслуживания пациентов. Так, современный медицинский туризм формирует новую концепцию здравоохранения, которая создает новые возможности для решения медицинской проблемы.

Жители России предпочитают проходить курсы лечения в зарубежных медицинских центрах, которые обладают современным оборудованием и высококвалифицированным персоналом. Наиболее популярными у россиян являются клиники Германии, Израиля, Швейцарии, Франции, Польши, Венгрии, Чехии и Литвы. Население российских регионов обращается за лечением в медицинские центры г. Москвы. Однако все более расширяется и обратное направление, когда жители крупных городов приобретают медицинские услуги (например, стоматологические) в провинциальных городах, где при аналогичном уровне качества можно пройти курс лечения по более низкой (по сравнению с мегаполисами) стоимости.

Вологодская область является провинциальным регионом и характеризуется благоприятной экологической обстановкой, выгодным географическим положением, природными и инфраструктурными ресурсами, способствующими развитию на её территории лечебно-оздоровительного туризма. В последние годы туристская деятельность в Вологодской области заметно активизировалась. Об этом свидетельствует возрастание к 2012 г. объёма оказанных населению

нию на территории области туристских услуг до 1,3 млрд. руб., что по отношению к 2009 г. составляет 138,2% (табл. 1). При этом в рейтинге среди субъектов Северо-Западного федерального округа Вологодская область по данному показателю в 2010–2012 гг. занимала вторую позицию, уступая лишь Республике Коми.

Таблица 1. **Объём туристских услуг, оказанных населению на территории субъектов Северо-Западного федерального округа в 2009-2012 гг., млн. руб.**

Субъект	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2012 г. к 2009 г., %
Республика Коми	918,9	1203,3	1342,1	1299,2	141,4
Вологодская область	915,0	1096,5	1201,3	1264,4	138,2
Архангельская область	990,6	655,2	928,6	1079,7	109,0
Калининградская область	424,1	492,4	469,7	785,7	185,3
Мурманская область	612,3	429,2	405,3	710,3	116,0
Республика Карелия	537,4	545,7	543,7	660,8	123,0
Псковская область	99,0	150,4	270,6	323,2	в 3,3 р.
Новгородская область	99,5	80,4	162,6	244,9	в 2,5 р.
Рассчитано по: Туризм Вологодской области: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2013. – 114 с.					

По числу коллективных средств размещения, составившему в 2012 г. 112 ед., Вологодская область находилась на третьем месте (табл. 2). Однако специализированные объекты туристской инфраструктуры, необходимые для организации туризма санаторного и оздоровительного типа, занимают лишь 25% общей численности КСР. К специализированным относятся санаторно-курортные организации (санатории, профилактории, пансионаты с лечением, оздоровительные лагеря и др.), организации отдыха (дома, пансионаты и другие организации отдыха), а также туристские базы. Вместе с тем можно отметить значительный удельный вес объектов гостиничного типа, которые могут быть использованы для размещения туристов, посещающих область с целью получения медицинских услуг (например, стоматологических), а также услуг в области косметологии и пластической хирургии.

Таблица 2. Число коллективных средств размещения (КСР) на территории субъектов Северо-Западного федерального округа в 2012 г.

Субъект	Всего КСР		Из них			
			гостиниц и аналогичных средств размещения		специализированных средств размещения	
	ед.	%	ед.	%	ед.	%
Республика Карелия	128	100,0	104	81,3	24	18,8
Мурманская область	122	100,0	69	56,6	53	43,4
Вологодская область	112	100,0	84	75,0	28	25,0
Архангельская область	106	100,0	84	79,2	22	20,8
Новгородская область	86	100,0	55	64,0	31	36,0
Калининградская область	80	100,0	57	71,3	23	28,8
Республика Коми	80	100,0	59	73,8	21	26,3
Псковская область	79	100,0	55	69,6	24	30,4
Рассчитано по: Туризм Вологодской области: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2013. – 114 с.						

Численность ночёвок в коллективных средствах размещения в 2012 г. позволила Вологодской области также стать одним из лидирующих субъектов по данному показателю в Северо-Западном федеральном округе (табл. 3). Рассмотрев удельный вес ночёвок в объектах гостиничного и специализированного типа (33,7 и 66,3% соответственно), можно утверждать, что туристы предпочитают останавливаться в специализированных средствах размещения. Данный факт обусловлен целями поездок и невысокой (по сравнению с отелями) стоимостью услуг по размещению.

Таблица 3. Численность ночёвок в коллективных средствах размещения на территории субъектов Северо-Западного федерального округа в 2012 г.

Субъект	Всего ночёвок		Из них			
			в гостиницах и аналогичных средствах размещения		в специализированных средствах размещения	
	ед.	%	ед.	%	ед.	%
Калининградская область	1391236	100,0	632842	45,5	758394	54,5
Архангельская область	1182838	100,0	716781	60,6	466057	39,4
Вологодская область	1083483	100,0	365256	33,7	718227	66,3
Новгородская область	899842	100,0	425872	47,3	473970	52,7
Республика Карелия	845331	100,0	552822	65,4	292509	34,6
Псковская область	807296	100,0	402159	49,8	405137	50,2
Республика Коми	797568	100,0	480275	60,2	317293	39,8
Мурманская область	678256	100,0	426422	62,9	251834	37,1
Рассчитано по: Туризм Вологодской области: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2013. – 114 с.						

Основными объектами инфраструктуры медицинского туризма являются учреждения медицинского профиля. На территории Вологодской области в 2012 г. функционировало 276 лечебно-профилактических учреждений, что на 5,3% больше, чем в 2009 г. (рис. 2).

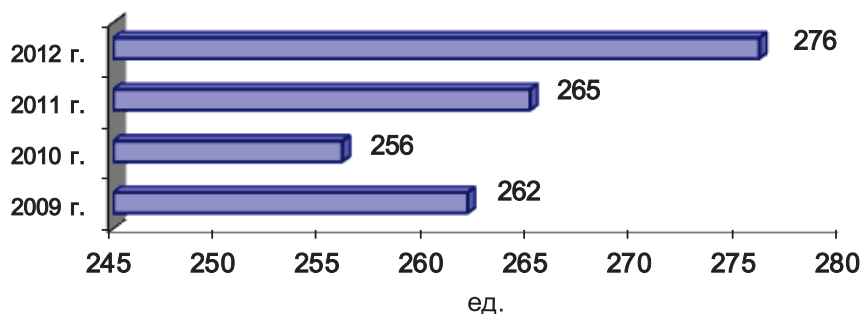

Рисунок 2. Численность лечебно-профилактических учреждений на территории Вологодской области в 2009–2012 гг.

Источник: Туризм Вологодской области: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2013. – 114 с.

Развитие лечебно-оздоровительного туризма на территории региона открывает возможности для увеличения въездного туристского потока и расширения соответствующей инфраструктуры. С целью оценки лечебно-оздоровительного потенциала территории целесообразно, с нашей точки зрения, использование индексного метода. На основе результатов критического анализа имеющихся методик нами сформированы следующие блоки показателей (рис. 3):

- характеристика природных ресурсов региона;
- экологическая благоприятность территории;
- инфраструктурная обеспеченность территории.

Рисунок 3. Схема оценки лечебно-оздоровительного потенциала территории

Природные ресурсы отражают такие показатели, как площади лесного фонда и хвойных пород, а также минеральные воды и запасы. Экологическая благоприятность территории определяется степенью загрязнения атмосферы (выбросы вредных веществ в атмосферу) и воды (сброс загрязненных сточных вод в водные объекты). Инфраструктура лечебно-оздоровительного комплекса включает санатории, профилактории, учреждения медицинского профиля, коллективные средства размещения, оздоровительные центры, детские лагеря и базы отдыха.

Оценка составляющих потенциала проведена на основе индексного метода для отдельных показателей [3]:

$$I = \frac{X}{X_{\max}}, (1)$$

где:

X - величина исследуемых показателей;

X_{max} – максимальная величина исследуемых показателей.

При негативном влиянии фактора использовалась следующая формула:

$$I=1-X/X_{max}, (2)$$

Промежуточный индекс представляет собой сумму частных индексов в каждом блоке показателей:

$$I_p=I_1+I_2+...+I_n, (3)$$

где $I_1, I_2 \dots I_n$ – частные индексы.

Расчет интегрального индекса осуществлялся следующим образом:

$$I_{плот}=I_{p1}+I_{p2}+I_{p3}, (4)$$

где I_{p1}, I_{p2}, I_{p3} – промежуточные индексы.

Индекс, определяющий потенциал развития лечебно-оздоровительного вида туризма ($I_{плот}$), для каждого муниципалитета определен следующим образом:

$$I_{плот}=I_{лф}+I_{хл}+I_c+I_{мв}+I_{за}+I_{зв}+I_{санат}+I_{ксп}+I_{му}, (5)$$

где:

$I_{лф}$ – индекс площади лесного фонда;

$I_{хл}$ – индекс площади лесов хвойных пород;

I_c – индекс запасов сапропеля;

$I_{мв}$ – индекс наличия минеральных вод;

$I_{за}$ – индекс загрязнения атмосферы;

$I_{зв}$ – индекс загрязнения воды;

$I_{санат}$ – индекс наличия санаторно-оздоровительных учреждений;

$I_{ксп}$ – индекс наличия коллективных средств размещения;

$I_{му}$ – индекс наличия медицинских учреждений.

Проведённые расчёты показали, что ресурсная лечебно-оздоровительная база Великоустюгского ($I_{плот} = 5,1$), Бабаевского ($I_{плот} = 4,7$) и Бабушкинского районов ($I_{плот} = 4,5$) позволяет выделить их в качестве лидеров в плане развития данного вида туризма и основы для создания лечебно-оздоровительных туристских зон и комплексов (табл. 4).

Таблица 4. Уровень потенциала развития лечебно-оздоровительного туризма (Иплот) на территории муниципальных районов Вологодской области

Субъект	Иплот	Субъект	Иплот
Великоустюгский	5,10	Кичм.-Городецкий	3,15
Бабаевский	4,71	Верховажский	3,06
Бабушкинский	4,46	Белозерский	3,04
Череповецкий	4,35	Нюксенский	2,98
Никольский	4,32	Сямженский	2,77
Кирилловский	4,21	Харовский	2,74
Вологодский	4,15	Усть-Кубинский	2,74
Вытегорский	3,95	Междуреченский	2,66
Тотемский	3,86	г. Вологда	2,55
Вожегодский	3,76	Чагодощенский	2,47
Грязовецкий	3,39	Кадуйский	2,41
Устюженский	3,17	Шекнинский	2,39
Тарногский	3,15	Сокольский	2,25
Вашкинский	3,15	г. Череповец	2,04

Следует полагать, что формирование единой инфраструктуры между функционирующими на выделенных территориях санаторно-курортными, лечебными, туристскими, транспортными организациями и предприятиями питания позволит обеспечить расширение спектра продуктов лечебно-оздоровительного туризма. Основными санаторно-курортными учреждениями, действующими на территории указанных районов, являются санатории «Бобровниково» (Великоустюгский район), «Каменная гора» (Бабаевский район) и «Леденгск» (Бабушкинский район). Среди приоритетных направлений их дальнейшего развития можно выделить расширение ассортимента и улучшение качества предлагаемых услуг, применение гибкой ценовой политики, а также внедрение комплексных программ по оздоровлению.

Обобщая вышесказанное, можно заключить, что эффективному развитию и полноценной реализации природного потенциала и инфраструктурных ресурсов территорий способствует формирование современных лечебно-оздоровительных комплексов, пригодных для использования резидентами и нерезидентами в оздоровительных, профилактических и лечебных целях. При этом на территории провинциальных российских регионов одним из ведущих направлений туристской деятельности, основная задача которой – организация лечения, может стать медицинский туризм.

Литература

1. Бабкин, А.В. Специальные виды туризма [Текст]: учебное пособие / А.В. Бабкин. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. – 252 с.
2. Кусков, А.С. Курортология и оздоровительный туризм / А.С. Кусков, О.В. Лыскова. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – 325 с.
3. Орлова, В.С. Туристский потенциал Вологодской области / В.С. Орлова, Е.Г. Леонидова // Проблемы развития территории. – 2011. – № 4 (56). – С. 51-57.
4. Туризм Вологодской области [Текст]: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2013. – 114 с.
5. Global Spa & Wellness Summit [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.globalspaandwellnesssummit.org>

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ТРУДОУСТРОЙСТВА И ЗАНЯТОСТИ В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Формализация рынка труда – это усиление роли формальных институтов в социально-трудовой сфере. Проблеме формализации и деперсонификации отношений на рынке труда посвящены исследования российских и зарубежных учёных: В. Гимпельсона и Р. Капелюшниковой [1], А. Муравьёва, Х. Леманна [19], С. Кейзес, А. Неспоровой [18] и других авторов.

Экономические институты делятся на формальные и неформальные. Под формальными институтами понимаются система способов, правил, организаций, санкционированных государством и (или) регламентированных законодательством. Например, подача объявления в печатное издание является формальным способом поиска работы, поскольку такой способ регламентирован гражданским законодательством, является официальным и обязательным для многих организаций. Неформальные способы подразумевают использование родственных и других межличностных неофициальных связей, обращение за помощью к близким, друзьям и т.д.

Формализация трудовых отношений увеличивает возможности государства реагировать на изменение конъюнктуры рынка труда, осуществлять более точный налоговый и статистический учёт и, в конечном счёте, вести более эффективную социальную политику. Усиление роли формальных институтов в общественной жизни напрямую зависит от эффективности этих институтов: от того, насколько успешно они помогают подыскивать подходящую работу безработным. В противном случае экономически активное население лишается стимула обращаться к формальным институтам, придавать своему статусу занятых или безработных официальный статус.

В данном исследовании мы попытаемся определить, происходит ли усиление роли формальных институтов в сфере поиска работы и трудоустройства.

Сопоставив динамику зарегистрированной и общей безработицы, мы сможем оценить, каким образом органы социальной защиты способны реагировать на изменения, происходящие на рынке труда, определить взаимосвязь между институциональной и рыночной тенденциями.

За рассматриваемый период численность зарегистрированных безработных в Вологодской области была относительно устойчива (рис. 1).

Рисунок 1. Численность безработных, рассчитанная по методологии МОТ и зарегистрированных в органах службы занятости, тысяч человек

Примечание. Здесь и далее слово «Линейный» следует понимать как «линейный тренд».

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011 [Текст]: стат. сб. / Росстат. – М., 2011, с. 124, 132 Труд и занятость в России 2001 [Текст]: стат. сб. / Росстат. – М., 2001. – с. 164-169, 207-212; Труд и занятость в России 2005 [Текст]: стат. сб. / Росстат. – М., 2005. – с. 37-41, 162-168.

Институты трудоустройства динамично реагировали на тенденции рынка труда. В период с 2002 по 2005 год изменениям на рынке труда (снижению или повышению уровня общей безработицы) соответствовало соответствующее изменение численности зарегистрированных в органах службы занятости.

В 2005 г. эта устойчивая связь была нарушена, однако это следует рассматривать как положительную тенденцию, поскольку разрыв между общей и регистрируемой безработицей начал сокращаться. Данная ситуация говорит о стремлении рынка труда к равновесию, поскольку сокращение произошло бла-

годаря снижению общей безработицы. Период 2005–2008 гг. был благоприятным для рынка труда региона: в эти годы снижалась как численность безработных, так и уровень общей безработицы. За рассматриваемый период самый низкий уровень безработицы наблюдался в 2007 г. и составлял 4,1% [10, с. 134]. В то же время численность населения, зарегистрированного в органах службы занятости, оставалась практически неизменной.

Тенденции роста обоих рассматриваемых показателей наметились в период с 2008 по 2010 г.; тогда же между ними вновь установилась взаимосвязь: показатели зарегистрированной безработицы повысились в соответствии с ухудшающимися тенденциями рынка труда, что было связано с экономическим кризисом.

К 2011 г. разрыв между рыночными и институциональными показателями безработицы вновь увеличился: общая численность безработных превысила численность зарегистрированных в органах службы занятости в 4 раза. Численность безработных достигла 49 тысяч человек, а количество зарегистрированных в органах службы занятости снизилось почти до уровня 2005. Отличие между ситуацией на рынке труда в 2011 году и периодом 2005–2008 гг. состоит в том, что на этот раз рынок труда был далёк от равновесия: за рассматриваемый период уровень общей безработицы демонстрировал довольно высокое значение 7,7%. Таким образом, низкий уровень зарегистрированной безработицы в 2011 г. говорит, скорее, о негативных тенденциях на рынке труда и об ухудшении функционирования институтов защиты занятости.

Для того чтобы ответить на вопрос, является ли эта тенденция региональной или общероссийской, мы рассчитали удельный вес официально зарегистрированных органами службы занятости в общем числе безработных за период 2002–2011 гг. по формуле:

$$FR = \frac{U_r}{U_t} \times 100, \quad (1)$$

где FR (formalization rate) – уровень формализации безработицы;

U_r (registered unemployed) – численность зарегистрированных безработных;

U_t (total unemployed) – общая численность безработных, рассчитанная по методологии МОТ (табл. 1).

Таблица 1 Уровень формализации безработицы в Вологодской области и регионах СЗФО, в %, проранжировано по 2011 г.

Территория	2002 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Архангельская область	34	44	39	42	33	42	36	30
Новгородская область	22	30	27	27	27	38	28	27
Республика Карелия	40	41	95	44	34	41	30	26
Санкт-Петербург	26	85	61	75	87	67	68	26
Россия	26	32	34	34	30	33	27	25
Республика Коми	32	27	22	26	32	30	25	24
Вологодская область	37	35	33	42	37	50	33	24
Мурманская область	39	43	52	49	37	48	33	23
Калининградская область	28	27	34	40	24	34	23	18
Псковская область	33	47	41	39	38	30	23	18
Ленинградская область	23	17	19	21	19	19	17	13
В среднем по Северо-Западному федеральному округу	32	39	41	40	37	39	32	23
Справочно: Российская Федерация	26	35	33	34	32	34	28	26

Источники: Труд и занятость в России 2001 [Текст]: стат. сб. / Росстат. - М., 2001. – с. 164-169, 207-212; Труд и занятость в России 2005 [Текст]: стат. сб. / Росстат. - М., 2005. – с. 37-41, 162-168; Труд и занятость в России 2011 [Текст]: стат. сб. / Росстат. - М., 2011. – с. 41-46, 149-155. Расчёты автора.

С 2003 по 2007 г. среднероссийский уровень формализации безработицы демонстрировал тенденцию роста, однако к концу исследуемого периода вернулся на уровень 2002 г. Среднее значение по СЗФО снизилось с 32 до 23%. Пиковые значения уровня формализации, свидетельствующие о том, что в органах службы занятости зарегистрировано наибольшее количество безработных, наблюдались в период 2005–2008 гг. Исключением является Ленинградская область, в которой уровень формализации безработицы был наиболее низким в течение всего рассматриваемого периода. В Вологодской области на протяжении всего рассматриваемого периода этот уровень был близким к среднему по СЗФО, и наибольшего значения достиг в кризисном 2009 году. Снижение зарегистрированных органами занятости наблюдалось в 2011 г. на всех рассматриваемых территориях – если в среднем уровень формализации безработицы колебался от 18 до 62%, то в 2011 г. находился в пределах от 13 до 30%. Примечательно, что максимальное значение наблюдалось в Санкт-Петербурге, а минимальное – в Ленинградской области. В конце рассматриваемого периода во всех субъектах этот показатель был ниже, чем в начале, за исключением

Санкт-Петербурга, где он не претерпел изменений. Почти во всех рассматриваемых субъектах (за исключением Новгородской области и Республики Коми) уровень формализации безработицы был рекордно низким за весь рассматриваемый период. Снижение удельного веса официально зарегистрированных органами службы занятости является общероссийской тенденцией, однако на Северо-Западе России эта тенденция является более выраженной.

Тем не менее, из проведённого анализа мы не можем заключить, что рынки труда всех рассматриваемых регионов имеют общую тенденцию формализации безработицы: спады и подъёмы уровня формализации в различных субъектах не совпадают хронологически, кроме того, существуют территории, полностью выбивающиеся из общей тенденции: Республика Карелия, где в 2006 г. уровень формализации достиг рекордного значения в 95%, а в остальные годы было близко значению, среднему по всем территориям, и город Санкт-Петербург, в котором начиная с 2004 г. значение рассматриваемого индикатора было значительно выше, чем на всех рассматриваемых территориях.

Эффективность функционирования службы занятости можно оценивать различными способами. Один из них – отношение трудоустроенных граждан к общему числу обратившихся в органы службы занятости (табл. 2).

Таблица 2. Трудоустройство граждан государственными учреждениями службы занятости в Вологодской области

Год	Обратилось за содействием в поиске подходящей работы	Нашли работу (доходное занятие)	
		человек	в % к числу обратившихся
2002	41596	26004	62,5
2003	37549	24898	66,3
2004	44477	25200	56,7
2005	43306	26591	61,4
2006	42319	25687	60,7
2007	43560	26224	60,2
2008	44896	23879	53,2
2009	92587	40292	43,5
2010	67708	37778	55,8
2011	50613	28564	56,4

Труд и занятость в Вологодской области 2007 [Текст]: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2008. – С. 44;
Труд и занятость в Вологодской области 2012 [Текст]: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2013. –С. 52.

Мы видим, что за рассматриваемый период удельный вес трудоустроенных в общей численности обратившихся за содействием в поиске подходящей работы снизился на 6,1%. Однако на основании этого мы не можем говорить о том, что служба занятости стала функционировать менее эффективно, поскольку удельный вес зарегистрированных в органах службы занятости в общей численности безработных за исследуемый период также снизился (табл. 4). Удельный вес трудоустроенных можно использовать только как вспомогательный показатель, рассматривая его в сочетании с другими тенденциями функционирования формальных институтов трудоустройства, поскольку безработные могут использовать несколько способов поиска работы одновременно. Оценить действенность каждого из этих способов практически невозможно, поскольку отсутствуют точные данные о том, какой способ был более результативным в тот или иной период. Тем не менее, мы можем косвенно оценить формальные и неформальные институты трудоустройства по их популярности в тот или иной период времени, поскольку логично предположить, что население будет более активно использовать те способы поиска работы, которые являются более действенными. Рассмотрим способы, которые использовались для поиска работы в Вологодской области в десятилетний период 2002–2012 гг. (табл. 3).

Таблица 3. Распределение численности безработных в Вологодской области по способам поиска работы

Год	Всего		Обращение в государственную службу занятости		Подача объявлений в печать, отклик на объявления		Обращение к друзьям, родственникам, знакомым		Непосредственное обращение к работодателю		Другие способы	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
2002	39,5	100	5,2	13,2	11,8	29,8	24,2	61,2	15,4	39,1	2,8	7,1
2003	30,2	100	8,3	27,5	4,6	15,1	14,7	48,5	12,9	42,7	3	9,9
2004	40,2	100	14,1	35,1	2	5	15	37,5	13,3	33,1	1,1	2,8
2005	34	100	10,6	31,2	4,5	13,2	23	67,8	9,8	28,8	2,2	6,5
2006	35,5	100	11	31	5	14	15,3	43,1	8,1	22,9	5,9	16,5
2007	27	100	13,8	51,3	0,4	1,3	11,1	41,1	6,6	24,5	2,5	9,3
2008	38,6	100	11,4	29,5	3,3	8,5	20	51,7	7,8	20,3	2,9	7,4
2009	53,1	100	28,4	53,4	8,8	16,5	20,5	38,5	11,6	21,9	5,1	9,6
2010	52	100	23,6	45,4	6,6	12,8	23,6	45,3	9	17,4	6,2	11,9
2011	48,8	100	18,7	38,4	9,1	18,6	26	53,2	7,2	14,8	3,9	8,1
2012	37	100	13,2	39,9	10,3	19,6	22	53,7	7,7	13,6	4,1	6,7

Труд и занятость в Вологодской области 2007 [Текст]: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2008. – С. 44;
Труд и занятость в Вологодской области 2012 [Текст]: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2013. – С. 52.

С 2002 по 2012 г. такие способы, как подача объявлений в печатные издания и непосредственное обращение к работодателю стали значительно менее популярны. Это объясняется тем, что в рассматриваемый период приобрела известность более удобная информационная площадка для согласования спроса и предложения – рекламные порталы и сайты объявлений в сети Интернет. Рассмотрим более подробно основные способы формального и неформального трудоустройства: обращение к друзьям, родственникам и знакомым и непосредственное обращение в службу занятости (рис. 2).

Начиная с 2007 г. существенно укрепились позиции формальных институтов трудоустройства посредством обращения в государственную службу занятости: в условиях снижения численности населения и увеличения демографической нагрузки на труд численность обратившихся в органы занятости увеличилась с 5 до 13 тысяч человек.

Рисунок 2. Тенденции основных способов поиска работы в Вологодской области (в % от общей численности безработных)

Источники: Труд и занятость в Вологодской области 2007 [Текст]: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2008. – С. 44; Труд и занятость в Вологодской области 2012 [Текст]: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2013. – С. 52.

Такой неформальный способ трудоустройства, как обращение к друзьям и знакомым несколько утратил популярность, хотя по-прежнему остаётся основным способом поиска работы в Вологодской области. Популярность «официальных» способов поиска работы значительно возросла и в более поздние годы удерживалась в пределах 40–50%. В то же время эффективность функционирования службы занятости сократилась на 6%.

Формальные институты играют существенную роль в сфере трудоустройства, и постепенно их распространённость усиливается, демонстрируя возрастающий тренд, однако неформальные способы поиска работы по-прежнему доминируют. Это влечёт за собой ослабление конкуренции на рынке труда: рабочие места занимают не наиболее квалифицированные соискатели, а кандидаты, имеющие родственников и знакомых среди работодателей. Такая ситуация с трудоустройством может вести к снижению производительности труда (поскольку квалифицированным работникам, способным более эффективно работать, не всегда отдаётся предпочтение).

Таким образом, условия для формализации трудовых отношений за последнее десятилетие стали более благоприятными, в то же время эффективность формальных институтов рынка труда постепенно сокращается, из-за чего на региональном рынке труда существует риск деформализации.

Литература

1. Гимпельсон, В. Жить в тени или умереть на свету: неформальность на российском рынке труда [Текст] / В. Гимпельсон, Р. Капелюшников // Вопросы экономики. – 2013. – № 11. – С. 65-88.
2. Доклад об осуществлении государственного надзора за соблюдением трудового законодательства в 2011 году [Электронный ресурс] / ГИТ Вологодской области. – Режим доступа: <http://git35.rostrud.ru/results/28237/27736.shtml>
3. Доклад об осуществлении государственного надзора за соблюдением трудового законодательства в 2012 году [Электронный ресурс] / ГИТ Вологодской области. – Режим доступа: <http://git35.rostrud.ru/results/28237/33545.shtml>

4. Жеребин, В.М. Проблемы занятости в условиях развития информационного общества и возможности статистики в их изучении [Текст] / В.М. Жеребин, О.А. Алексеева, Н.А. Ермакова // Вопросы статистики. – 2014. – № 6. – С. 24-33.
5. Леонидова, Г.В. Трудовой потенциал: территориальные аспекты качественного состояния [Текст] / Г.В. Леонидова, А.М. Панов // Проблемы развития территорий – 2013. – № 3 (65). – С. 60-70.
6. Леонидова, Г.В. Трудовой потенциал России: проблемы сбережения [Текст] / Г.В. Леонидова, А.М. Панов, А.В. Попов // Проблемы развития территорий – 2013. – № 4 (66). – С. 49-57.
7. Официальный сайт Федеральной службы по труду и занятости 2013. – Режим доступа: http://www.rostrud.ru/activities/31/monitoring_tabl/29894.shtml
8. Панов, А.М. Возможности расширения предложения рабочей силы на рынке труда (на примере Вологодской области) [Текст] / А.М. Панов // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 1 (49). – С. 197-200.
9. Регионы России. Социально-экономические показатели [Текст] : стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 990 с.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012 [Текст] : стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – 990 с.
11. Труд и занятость в Вологодской области 2007 [Текст] : стат. сборник / Вологдастат. – Вологда, 2008.
12. Труд и занятость в Вологодской области 2012 [Текст] : стат. сборник / Вологдастат. – Вологда, 2013.
13. Труд и занятость в России 2001 [Текст] : стат. сб. / Росстат. – М., 2001. – 580 с.
14. Труд и занятость в России 2005 [Текст] : стат. сб. / Росстат. – М., 2006. – 502 с.
15. Труд и занятость в России 2011 [Текст] : стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 637 с.
16. Экономическая активность населения Вологодской области 2013 [Текст] : стат. сборник / Вологдастат. – Вологда, 2013.
17. Экономическая активность населения России 2010 [Текст] : стат. сборник / Росстат. – М., 2013. – 171 с.
18. Cazes, S. Employment Protection Legislation and its Effect on Labour Market Performance. [Текст] / S. Cazes, A. Nesporova. – Geneva, ILO, 2003. – 30 с.
19. Lehman H. Labor Market Institutions and Informality in Transition and Latin American Countries [Текст] / H. Lehman, A. Muravyev // IZA Discussion Papers. – November 2012. – 45 с.

МРОТ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

С начала XX века многими учёными (Э. Мэйо [13], Р. Лайкерт [11], Д. Макгрегор [14], Т. Макклеланд [15] и др.) исследовались возможности применения таких методов управления и создание таких условий деятельности, при которых каждый работник мог достичь высоких профессиональных результатов. Однако неоднородность мотивов и стимулов побуждения к труду стали причиной возникновения множества поведенческих концепций, которые, в сущности, предполагали разделение населения на различные группы в соответствии с их потребностями.

В рыночной экономике удовлетворение базовых потребностей, в особенности физиологического влечения, работников осуществляется через механизм выплаты заработной платы (как основного источника трудовых доходов), который во многом обуславливает появление тех или иных желаний. В соответствии с теорией человеческой мотивации А. Маслоу стремление к самоактуализации, т.е. желание реализовать, проявить себя в какой-либо деятельности находится на «вершине пирамиды» [12, с. 66]. Поэтому оплата труда выступает важнейшим регулятором трудовой активности населения.

Как показывают исследования, в странах с высоким уровнем и качеством жизни населения материальное стимулирование оказывает значительно меньшую роль в системе трудовой мотивации, нежели чем в странах с низким. В 2010 году в России на долю проживающих менее чем на 2,5 долл. в день, приходилось 17% населения, что в 34 раза больше предельно критического значения в 0,5% [3]. В свою очередь, ООН установлено, что заработная плата ниже 3 долл./час приводит к разрушению трудового потенциала экономики [9].

Очевидно, что и существующие государственные гарантии по оплате труда не способны обеспечить расширенное воспроизводство рабочей силы. В

ряде отраслей экономики России до сих пор не преодолена ситуация с наличием «работающих бедных», которые получают недостаточную компенсацию за затраченные усилия в процессе труда.

Всё это свидетельствует о том, что труд воспринимается как единственный источник существования, а главной мотивационной составляющей является размер заработной платы, определяющий степень реализации трудового потенциала населения (рис. 1) [5, с. 8].

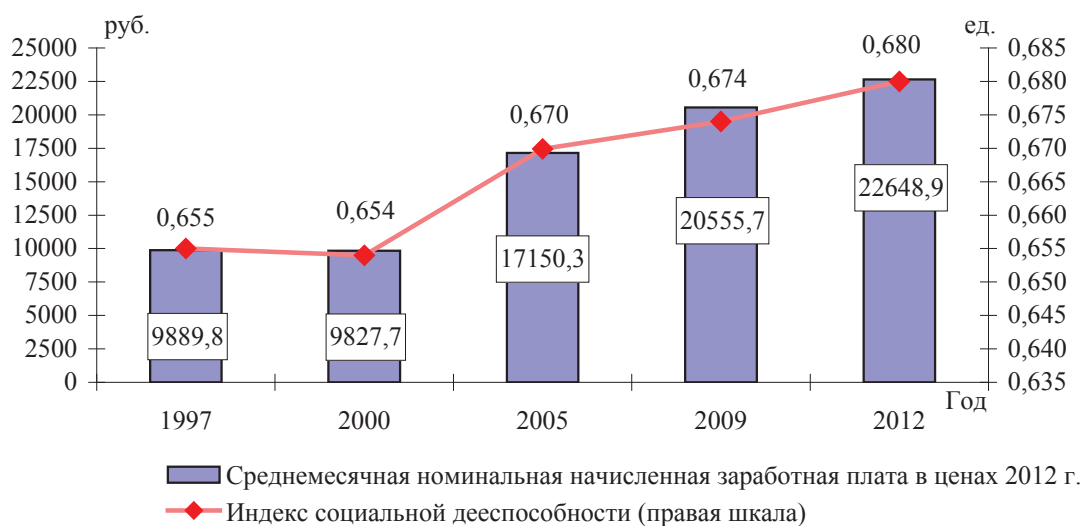

Рисунок 1. Среднемесячная начисленная заработная плата в ценах 2012 г. и индекс социальной дееспособности населения Вологодской области

Примечание. Индекс социальной дееспособности – интегральная характеристика качества трудового потенциала. Источник: Данные мониторинга качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области, ИСЭРТ РАН.

В этой связи исследование влияния материального стимулирования на эффективность труда работников выступает одной из важнейших задач, решение которой позволит повысить производительность труда и стать опорной точкой развития терминальных ценностей.

В условиях перехода России к инновационной экономике необходимым фактором ее становления является активизация человеческого капитала. Система мероприятий по преодолению трудовой пассивности, социальной апатии работников, развитию у них интереса к работе и т.д. уже не один год реализуется в рамках приоритетных направлений государственной политики в сфере труда и занятости, а развитие человека стало ее стратегической целью.

Однако, несмотря на период существенного экономического роста российской экономики в начале XXI века¹, эффективность трудовой деятельности в России находится на низком уровне. Производительность труда в 2012 году составила 15,5 долл. на 1 час рабочего времени, что сопоставимо с такими странами, как Турция (21,6 долл.) и Мексика (14,5 долл.; табл. 1).

Таблица 1. Межстрановое сопоставление по производительности труда

Страна	ВВП на час рабочего времени				Количество отработанных часов на одного занятого, час.	
	Долл., ППС		Россия = 1		2000 г.	2012 г.
	2000 г.	2012 г.	2000 г.	2012 г.		
Норвегия	58,5	62,7	6,0	4,0	1455	1418
США	45,0	56,2	4,6	3,6	1836	1790
Германия	43,0	49,2	4,4	3,2	1471	1393
Франция	44,1	49,1	4,5	3,2	1523	1479
Швеция	36,6	44,3	3,7	2,9	1642	1621
Соединенное Королевство	37,1	42,3	3,8	2,7	1700	1654
Япония	30,6	35,8	3,1	2,3	1821	1745
Греция	23,9	28,5	2,4	1,8	2130	2034
Южная Корея	16,6	26,2	1,7	1,7	2509	2163
Польша	14,4	23,2	1,5	1,5	1988	1929
Турция	14,6	21,6	1,5	1,4	1937	1855
Россия	9,8	15,5	1,0	1,0	1982	1982
Мексика	13,4	14,5	1,4	0,9	2311	2226

Источник: данные Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), 2000–2012 гг.

Важно отметить, что производительность труда, рассчитанная подобным образом, не учитывает продолжительность рабочего времени между странами. В связи с этим интересным представляется тот факт, что за последние 12 лет количество отработанных часов на одного занятого во всех рассматриваемых странах снизилось, что может быть связано с изменением характера труда. В России данный показатель находится на прежнем уровне.

Вместе с тем отставание России в эффективности трудовой деятельности наблюдается не только по отношению к развитым (Норвегия, США, Германия), но и к развивающимся странам (Польша, Эстония). Это обусловлено как технологическими проблемами, так и отношением работников к труду, степенью реализации ими своих физических и умственных способностей.

Для измерения качественной стороны эффективности труда нами был разработан интегральный индекс «субъективной эффективности трудовой деятельности». Предложенная формулировка опирается на исследование базовых

¹ Увеличение ВВП России в период 2000–2007 гг. на 58%.

типообразующих признаков по выявлению социальных типов работников как объектов управления [7].

Расчет интегрального индекса предполагает учет равнозначимых факторов, характеризующих различные стороны трудовой деятельности: качество и количество выполняемой работы, характер трудовой активности и дисциплинированность участников трудового процесса (табл. 2).

Таблица 2. **Шаблон вопроса: «Что из перечисленного ниже характеризует Вашу трудовую деятельность?» после группировки**

Вариант ответа	Часто бывает	Иногда бывает	Совсем не бывает
Положительные характеристики трудовой деятельности			
1. Перевыполнение норм выработки (нормированных заданий) более чем на 100% (делаю больше, чем требуется)	1	2	3
2. Сдача работы с первого предъявления с высоким качеством (оценкой), без замечаний	1	2	3
3. Подача рационализаторских предложений, предложений по улучшению работы в цехе, отделе (классе) и т.д.	1	2	3
Отрицательные характеристики трудовой деятельности			
1. Невыполнение норм выработки (нормированных заданий), делаю меньше, чем от меня требуют	1	2	3
2. Опоздания, прогулы, уход с работы раньше времени	1	2	3
3. Срывы в работе: по Вашей вине случались аварии, простаивало оборудование, допускались ошибки в документации, управленческие и т.д.	1	2	3
Источник: Здесь и далее – данные мониторинга качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области, ИСЭРТ РАН.			

В рамках мониторинга качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области респондентам, имеющим оплачиваемую, не ниже МРОТ, работу, предлагалось ответить на вопрос: «Что из перечисленного ниже характеризует Вашу трудовую деятельность?». Ответы фиксировались с помощью 3-балльной шкалы, где 1 – часто бывает, а 3 – совсем не бывает.

Посредством балльного метода был получен агрегированный показатель, рассчитываемый как сумма вопросов-индексов с учётом их направленности (положительная или отрицательная характеристика трудовой деятельности; формула 1).

$$I = \sum x_i^+ - \sum x_i^-, \quad (1)$$

где I – интегральный индекс субъективной эффективности трудовой деятельности работников;

x_i^+ – частный индекс, описывающий положительную сторону трудовой деятельности работников;

x_i^- – частный индекс, описывающий отрицательную сторону трудовой деятельности работников.

В результате расчёта интегрального индекса за 2000–2012 годы было установлено, что его значения находятся в пределах от -4 до +6 (табл. 3).

Таблица 3. Распределение работающего населения по группам интенсивности труда, %

Балльная группа	Год					
	2000	2003	2008	2009	2011	2012
-4 балла	0,4	0,7	0,7	0,1	0,7	0,0
-3 балла	0,7	0,6	2,0	0,8	0,8	0,1
-2 балла	2,2	3,1	3,3	3,1	2,6	2,4
-1 балл	6,0	7,7	5,5	8,8	5,4	3,8
0 баллов	19,2	20,2	24,5	18,1	20,8	19,1
1 балл	17,5	16,6	13,4	14,3	13,0	11,6
2 балла	16,4	18,1	16,0	15,1	17,6	18,9
3 балла	18,1	13,2	14,1	13,3	16,1	18,3
4 балла	12,3	10,4	11,0	14,6	13,1	13,5
5 баллов	5,0	7,1	6,5	8,2	7,0	8,6
6 баллов	2,3	2,2	3,0	3,5	2,8	3,7
<i>Среднее значение, баллов</i>	<i>1,78</i>	<i>1,65</i>	<i>1,61</i>	<i>1,87</i>	<i>1,85</i>	<i>2,14</i>

Примечание: Выбор данных временных интервалов связан с периодичностью появления вопросов в анкете.

В течение исследуемого периода в ответах работающего населения Вологодской области преобладали положительные оценки субъективной эффективности трудовой деятельности. В 2012 году среднее значение показателя составило 2,14 балла, что на 20% больше, чем в 2000 году (1,78 балла), что свидетельствует о росте интенсивности труда, выраженном в увеличении перевыполнения нормированных заданий и рационализаторской активности, а также сокращении количества дисциплинарных нарушений и невыполнения норм выработки [6, с. 129].

Поскольку балльные группы с интервалом значений от -4 до -3 характерны менее чем для 1% респондентов, то их учёт в дальнейшей работе не целесообразен, так как может привести к ошибочным выводам.

На основе интегрального индекса субъективной эффективности трудовой деятельности и таблиц сопряжения нами были установлены пороговые значения заработной платы, для которых характерны минимальный и максимальный

трудовой вклад работника. Для этого были использованы следующие балльные группы:

- 0 баллов – отражает труд «нулевой эффективности», при котором его положительные и отрицательные характеристики компенсируют друг друга;
- 6 баллов – проявление наивысшей трудовой активности.

Поскольку одной из особенностей современной России является значительное расслоение общества (в частности по доходам), в качестве показателя заработной платы было использовано её медианное значение, что позволит точнее описать генеральную выборку.

Как видно из рисунка 2, наибольшая эффективность трудовой деятельности достигается при материальном вознаграждении, составляющем 72–79% от среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций. Существенный разрыв данных показателей в абсолютном выражении произошел в докризисный период 2000–2007 годов и связан с ростом доходов и улучшением уровня жизни населения, в результате чего роль нематериальных мотивов и стимулов несколько усилилась.

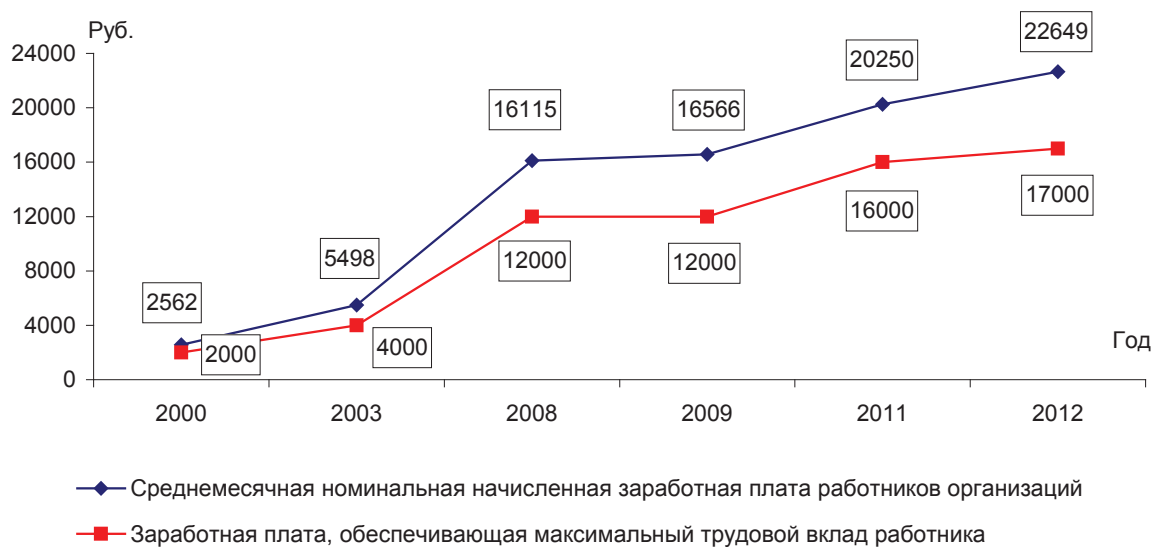

Рисунок 2. Динамика изменения заработной платы, обеспечивающей максимальный трудовой вклад работника

Источники: Здесь и далее – данные мониторинга качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области, ИСЭРТ РАН; данные Росстата.

В исследованиях крупного американского социального психолога Ф. Герцберга [10] отмечается, что материальное вознаграждение само по себе не является мотивационным фактором (наряду с условиями труда, отношением с коллективом, политикой компании и т.д.), а служит средством избегания неудовлетворенности. Поэтому постоянное повышение заработной платы не приводит к пропорциональному увеличению трудового вклада и имеет условные границы. В 1991 году отечественный социолог В.И. Верховин, на основе эмпирических исследований, установил, что предельная полезность оплаты труда находится на уровне 400–500 рублей², после достижения которого «любое повышение уже не стимулирует эффективный труд столь же сильно, как прежде» [2].

Интересен тот факт, что медианная заработная плата в Вологодской области, рассчитанная по данным Росстата, находится на одном уровне с показателем высокопроизводительного труда, что подтверждает тезис об устойчивости экономического равновесия в условиях рынка (табл. 4).

Таблица 4. Соотношение медианной заработной платы по данным Росстата и заработной платой, обеспечивающей труд максимальный трудовой вклад работника (сопоставимые цены)

Показатель	Год					
	2000	2003	2008	2009	2011	2012
Медианная заработная плата (по данным Росстата), руб.	н.д.	9602,3	16578,8	15643,2	16504,5	н.д.
Зарботная плата, обеспечивающая максимальный трудовой вклад работника, руб.	7651,9	9795,8	16974,9	16088,7	16916,8	17000,0
Соотношение, %	н.д.	102,0	102,4	102,8	102,5	н.д.

Говоря о заработной плате, обеспечивающей минимальный трудовой вклад работника, можно отметить, что на протяжении всего исследуемого периода (за исключением 2000 года) её значения превосходили прожиточный минимум трудоспособного населения (рис. 3).

В 2008 году был зафиксирован наибольший разрыв между данными показателями (почти в 2 раза): величина материального вознаграждения при труде «нулевой эффективности» составила 10 000 руб.

² 18 568–23 233 руб. в ценах 2012 г.

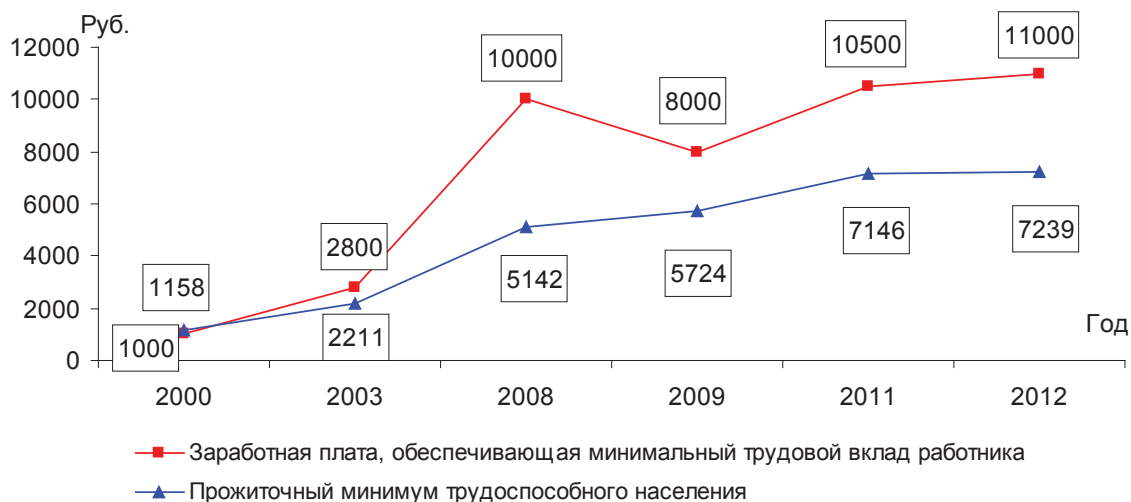

Рисунок 3. Динамика изменения заработной платы, обеспечивающей минимальный трудовой вклад работника

Анализ показал, что на долю населения с заработком, не обеспечивающим минимальный трудовой вклад, приходилось от 25 до 30% работников в разные периоды времени³.

Можно с уверенностью судить, что существующие государственные гарантии по оплате труда не способны обеспечить расширенное воспроизводство рабочей силы. По мнению экспертов, одной из рекомендаций по повышению эффективности функционального значения минимального размера оплаты труда в России является необходимость установления критерия его оценки в виде 40–60% от среднемесячной начисленной номинальной заработной платы, что позволит отойти от обсуждения размера потребительской корзины [1, с. 3]. Данное утверждение подтверждается и при обращении к зарубежному опыту. В настоящее время между развитыми странами наблюдаются значительные расхождения: удельный вес минимальной оплаты труда в медианной заработной плате колеблется от менее 40% в Японии, Испании и США до 60% в Новой Зеландии и Франции, что связано с различиями в институциональных механизмах их установления [4, с. 37].

³ По данным выборочного обследования распределения численности работников по размерам начисленной заработной платы. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

Как показывает исследование за период 2000–2012 гг. в Вологодской области произошло увеличение доли МРОТ в среднемесячной начисленной заработной плате на 15 п.п. и составило 20% (4611 руб.; табл. 5).

Таблица 5. Соотношение медианной заработной платы по данным Росстата и заработной платой, обеспечивающей труд максимальный трудовой вклад работника, %

Показатель	Год					
	2000	2003	2008	2009	2011	2012
Отношение МРОТ к среднемесячной начисленной номинальной заработной плате	5,2	8,2	14,3	26,1	21,4	20,4
Отношение МРОТ к заработной плате, обеспечивающей минимальный трудовой вклад работника	13,2	16,1	23,0	54,1	41,2	41,9
Отношение заработной платы, обеспечивающей минимальный трудовой вклад работника, к среднемесячной начисленной номинальной заработной плате	39,0	50,9	62,1	48,3	51,9	48,6

Несмотря на некоторое сближение показателей, существующие пропорции не способны стимулировать занятость для покрытия текущей потребности в кадрах. С нашей точки зрения использование величины заработной платы, обеспечивающей минимальный трудовой вклад работника, может служить критерием оценки МРОТ, что позволит повысить трудовую активность населения (в особенности людей моложе и старше трудоспособного возраста).

Оценка использования качеств и умений работников с различной эффективностью труда показывает их иерархию. Реализация трудового потенциала в первой балльной группе составляет 72–73% против 89–91% – в последней (табл. 6).

Таблица 6. Соотношение медианной заработной платы и реализации трудового потенциала

Показатель	Интенсивность труда, баллы				Отклонение, %
	0	2	4	6	
2012 г.					
Медианная заработная плата, руб.	11000,0	12000,0	15000,0	17000,0	154,5
Реализация трудового потенциала, %	72,5	77,2	80,6	90,6	125,0
2011 г.					
Медианная заработная плата, руб.	10500,0	12000,0	14000,0	16000,0	152,4
Реализация трудового потенциала, %	72,6	75,9	76,2	90,6	124,8
2009 г.					
Медианная заработная плата, руб.	8000,0	10000,0	12000,0	12000,0	150,0
Реализация трудового потенциала, %	72,7	75,9	81,2	89,3	122,8
Примечание: Выбранный временной интервал обусловлен тем, что вопрос о реализации качественных характеристик трудового потенциала включен в анкету с 2009 года.					

Анализ динамических рядов позволяет констатировать, что повышение заработной платы на 50% приводит к увеличению интенсивности труда на 25%.

Таким образом, решение задач, служащих повышению темпов и обеспечению устойчивости экономического роста, увеличению реальных доходов граждан, достижению технологического лидерства, которые ставит перед собой новое руководство страны, невозможно без интенсификации трудовой активности населения, где ведущую роль играет заработная плата. Установление достойных государственных гарантий по оплате труда, направленных на ликвидацию малоимущих работников и повышение занятости населения, позволит значительно сократить издержки, связанные с недоиспользованием трудового потенциала, что в конечном итоге приведет к росту производительности труда.

Литература

1. Большева, А.А. Минимальный размер оплаты труда как инструмент восстановления экономики после кризиса в России [Электронный ресурс] / А.А. Большева. – Режим доступа : http://www.fesmos.ru/netcat_files/userfiles/statya%20mrot.pdf
2. Верховин, В.И. Содержание, структура и функции трудового поведения [Текст] / В.И. Верховин // Социологические исследования. – 1991. – № 11. – С. 25-36.
3. Глазьев, С.Ю. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием [Текст] / С.Ю. Глазьев, В.В. Локосов // Вестник РАН. – 2012. – № 7. – С. 587-604.
4. Заработная плата в мире в 2012–2013 гг. Заработная плата и справедливый рост [Электронный ресурс] : доклад / ГТПДТ и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. – М. : МОТ, 2013. – 135 с. – Режим доступа : http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_213968.pdf
5. Попов, А.В. Современные аспекты трудовой мотивации населения [Текст] / А.В. Попов // Вопросы территориального развития. – 2013. – № 2. – С. 1-9.
6. Проблемы эффективности государственного управления. Человеческий капитал территорий: проблемы формирования и использования [Текст] / колл. авторов ; под ред. А.А. Шабуновой. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2013. – 184 с.
7. Татарова, Г.Г. О формировании базовых типобразующих признаков для выявления социальных типов работников как объектов управления [Текст] / Г.Г. Татарова, Г.П. Бессокирная // Социологическая наука и социальная практика. – 2014. – № 1. – С. 32-50.
8. Трудовой потенциал региона: состояние и развитие [Текст] / В.А. Ильин, К.А. Гулин, Г.В. Леонидова, В.В. Давыдова. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2004. – 107 с.

9. Снимщикова, И.В. Социально-экономический феномен бедности в России [Текст] / И.В. Снимщикова // Теория и практика общественного развития. – 2009. – № 2 – С. 53-57.
10. Herzberg, F. One more time: how do you motivate employees? [Text] / F. Herzberg // Harvard business review. – 1987. – V. 65. – P. 109-120.
11. Likert, R. Human Organization: Its Management and Value [Text] / R. Likert. – McGraw-Hill Book, 1967. – 258 p.
12. Maslow, A. Motivation and Personality: 3rd edition [Text] / A. Maslow. – Pearson, 1997. – 489 p.
13. Mayo, E. The Social Problems of an Industrial Civilisation [Text] / E. Mayo. – Routledge, 2007. – 200 p.
14. McGregor, D. The Human Side of Enterprise [Text] / D. McGregor. – McGraw-Hill, 1960. – 256 p.
15. McClelland, D. Managing Motivation To Expand Human Freedom [Text] / D. McClelland // American Psychologist. – 1978. – Vol. 33. – № 3. – P. 201-210.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И БИЗНЕСА: К РАЗРАБОТКЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЁРСТВА

Современный этап экономического развития характеризуется тем, что государства перестают быть сферой своей исключительной ответственности за многие виды хозяйственной деятельности, в первую очередь в инфраструктурном и инновационном секторах, традиционно находившихся в их ведении. С другой стороны, в государственном бюджете нет достаточного объема средств, чтобы обеспечить простое, а тем более, расширенное инновационное и инфраструктурное воспроизводство. Проблема усугубляется передачей муниципальным образованиям объектов социальной инфраструктуры, ранее функционировавших «под крылом» крупных хозяйственных структур.

Не является исключением и Вологодская область, бюджетная система которой находится в тяжелом положении. Возникший в период разгара экономического кризиса дефицит не только не сокращался в последующие 2010 и 2011 гг., но и увеличился на 14,5%, достигнув 7,5 млрд. руб. В 2012 году органам управления региона удалось преломить негативную тенденцию роста его объемов и размер дефицита был сокращен более чем на 57%. Нерешенная проблема достижения сбалансированного исполнения консолидированного бюджета Вологодской области на протяжении последних лет привела к необходимости внешних заимствований. Являясь одним из самых благополучных регионов СЗФО в 2008 году, Вологодская область в 2009 году увеличила объем накопленных долговых обязательств в 6,3 раза. Всего же за период 2008–2012 гг. область накопила более 30 млрд. руб. долгов, что выше уровня 2008 года более чем в 17 раз [6].

Подобные тенденции не позволяют говорить о системном подходе к решению проблем социально-экономического развития. Очевидно, что в таких условиях дальнейший рост безвозмездных поступлений не способен стимули-

ровать адекватный рост экономики и будет только снижать стимулы увеличения налоговых поступлений. Для создания новых производств и рабочих мест необходимо сочетание как минимум двух факторов: инвестиций в основной и человеческий капитал. Следовательно, ключевым вопросом в развитии регионов, в том числе и Вологодской области, является привлечение частных инвестиций.

На территории региона осуществляют деятельность организации, которые используют ресурсы территории, прежде всего, трудовые, оказывают зачастую негативное воздействие на окружающую среду, формируют финансово-экономический потенциал. В связи с этим вполне логичным является участие предпринимательских структур в решении социально-экономических проблем соответствующей территории. Поэтому всё более актуальным становится развитие института партнёрства органов власти и бизнес-структур как эффективного механизма привлечения частных инвестиционных ресурсов в общественно значимые региональные проекты.

Стоит отметить, что институциональное разнообразие форм собственности предприятий и тенденции их развития создают весомые предпосылки для формирования партнёрских отношений в регионе. В институциональной среде преобладает частная форма собственности. По данным Территориального органа Росстата, на 1 января 2013 года в области было зарегистрировано 33 475 частных предприятий. В сравнении с аналогичным периодом 2000 года их число увеличилось в 2,3 раза. Более того, в Вологодской области возрастает количество официально зарегистрированных предприятий. С 1995 по 2012 г. число юридических лиц, их филиалов и обособленных подразделений, учтенных в Статистическом регистре Вологодской области, увеличилось в 2,5 раза; по сравнению с предыдущим годом выросло почти на тысячу и составило на 1 января 2013 года 40,3 тыс. единиц, из них юридических лиц – 38,6 тыс. единиц.

Необходимо заметить, что Вологодская область относится к числу регионов, на территории которых партнёрские отношения органов власти и бизнес-структур характеризуются как находящиеся на стадии формирования. По дан-

ным рейтинга активности регионов реализации инвестиционных проектов на принципах государственно-частного партнёрства («ГЧП-старт») Вологодская область имеет высокий потенциал в данном направлении. Однако стоит отметить, что если в 2013 году регион вошел в 10-ку лидеров, заняв 8-е место, то в 2014 году он занял лишь 18-е место [4]. Указанный результат был достигнут благодаря имеющимся в областном законодательстве основам для применения механизмов ГЧП – утвержден закон об участии Вологодской области в государственно-частном партнёрстве, который определил основные формы, а также порядок участия области в ГЧП.

В то же время, по данным опроса руководителей промышленных предприятий, большинство респондентов (67,8%) считают, что уровень результативности взаимодействия с органами власти в последние годы существенно не меняется, при этом их количество в 2013 году по сравнению с предыдущим годом существенно снизилось (в 2012 году – 82%, в 2011 году – 78%), в то время как для дальнейшего развития экономики в посткризисный период требуется большая консолидация общества и власти всех уровней. Оценивая по 10-ти-балльной шкале результативность взаимоотношений с исполнительной властью области в решении общих экономических проблем, 6,3% респондентов считают, что взаимоотношения заслуживают 9 баллов, 17,7% не более 5-8 баллов, 16,7% – 4 балла, а большинство (59,4) – не больше 3-х баллов. Средняя оценка в 2013 году составила 3,5 балла (для сравнения в 2012 году – 4,3 балла; рис. 1).

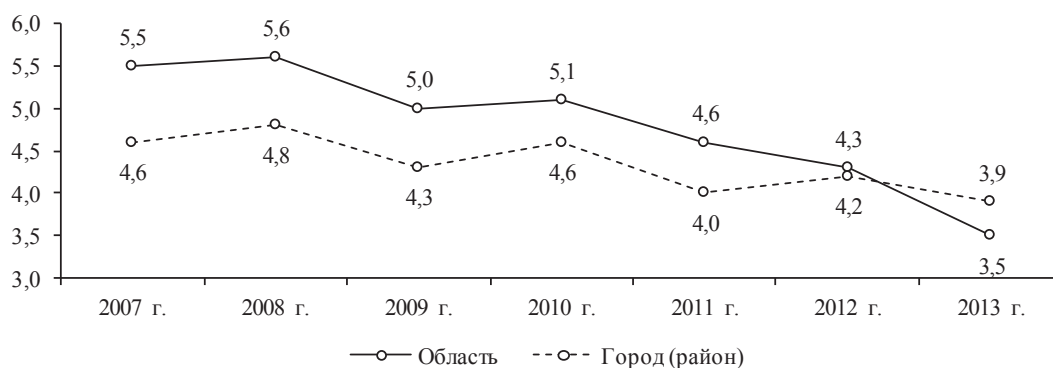

Рисунок 1. Средняя оценка результативности взаимодействия исполнительной власти региона и промышленных предприятий, баллов (наивысший – 10)

Наиболее распространёнными формами реализации партнёрства в настоящее время являются совместное финансирование инновационных проектов, предоставление государственных земельных участков в аренду, консультативная поддержка. Вместе с тем более 46% опрошенных отмечают, что на их предприятии не реализуется партнёрство с органами власти (таблица).

Формы партнёрских отношений (% от числа ответивших)

Формы партнерских отношений	Реализовывались в		Перспективные в	
	2007 г.	2013 г.	2008-2010 гг.	2014-2015 гг.
Никакие формы не реализуются	н. д.	46,4	н. д.	39,2
Предоставление гос. земельных участков в аренду	27,3	17,5	22,7	20,6
Консультативная поддержка	13,6	17,5	18,2	16,5
Совместное финансирование инновационных проектов	13,6	17,5	22,7	14,4
Продвижение продукции вологодских производителей на выставках, ярмарках	50,0	14,4	50,0	23,7
Совместные предприятия	н. д.	11,3	н. д.	11,3
Компенсация процентной ставки по кредитам	18,2	8,2	22,7	10,3
Льготные условия налогообложения приоритетных для региона проектов	13,6	5,2	36,4	7,2
Контракт на обслуживание	4,5	3,1	0,0	3,1
Контракт на управление (аутсорсинг)	0,0	2,1	4,5	2,1
Предоставление гос. оборудования в аренду	9,1	2,1	4,5	2,1
Другое	н. д.	2,1	н. д.	1,0
Концессионное соглашение	0,0	0,0	4,5	0,0
Соглашение о разделе продукции	н. д.	0,0	н. д.	0,0
Предоставление гарантий по займам	4,5	0,0	18,2	0,0

Консультативная поддержка чаще всего оказывается организациям металлургии и машиностроения, а также энергетики, деревообработки. Стоит отметить, что масштабно осуществляется совместное финансирование проектов в химической и металлургической промышленности, что не является новацией, поскольку они являются наиболее прибыльными, поэтому государство стремится развивать с ними партнёрские отношения. Менее распространенные формы (такие, как предоставление государственного оборудования в аренду и аутсорсинг) реализуются только в пищевой промышленности.

Среди региональных проблем, устранение которых органы власти могли бы решить с участием бизнеса, большинством респондентов были указаны:

- плохое состояние дорог, внутридворовых территорий – 43%;
- изношенность коммунальных сетей и оборудования – 33%;

- уборка мусора и незастроенных территорий – 31%;
- изношенность жилищного фонда – 28%;
- недостаток мест в дошкольных образовательных учреждениях – 28%;
- низкое качество медицинского обслуживания – 27%;
- неудовлетворительное качество питьевой воды – 26%;
- высокие тарифы на услуги ЖКХ – 25%;
- неудовлетворительное качество работы общественного транспорта – 20%.

Следовательно, часть проблем региональной экономики, таких как плохое состояние дорог, тротуаров, внутридворовых территорий, изношенность коммунальных сетей и оборудования, уборка мусора и незастроенных территорий может быть реализована вместе с органами власти. В то же время руководители предприятий отмечают трудности в принятии компромиссных решений с органами власти. Это свидетельствует о том, что инструменты партнёрства власти и бизнеса в Вологодской области ещё не получили необходимого развития. Однако взаимодействие власти и бизнеса, по мнению руководителей промышленных предприятий, в большинстве случаев способствует увеличению доходов бюджета региона (65% опрошенных, рис. 2).

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос: «Какой эффект, на Ваш взгляд, можно ожидать от реализации партнёрских отношений органов власти и бизнеса?» (% от числа ответивших)

Таким образом, при наличии различных отечественных и зарубежных моделей взаимодействия власти и бизнеса, наиболее эффективной в современных условиях является совместное определение приоритетов социально-

экономической политики территорий присутствия в тех областях, где бизнес может проявить себя наиболее активно. При этом бизнес ждет от органов власти не просто заявлений по поводу необходимости социально ответственных действий и использования возможностей бизнеса в решении региональных проблем, но и организационно-финансовой помощи в создании системы комплексных мер по формированию прозрачной политики поддержки благотворительности и социальных инвестиций бизнеса [1].

Развитие системы социального партнёрства создает возможность достижения баланса интересов работников, работодателей и органов государственной власти на основе сотрудничества и компромисса (рис. 3). Оно служит действенным инструментом сочетания экономической эффективности и социальной справедливости. Только модель партнёрства способна создать инновационное интеллектуальное общество и инновационную конкурентоспособную экономику, основанную на знаниях и высоких технологиях, способную решать национальные задачи в условиях глобализации [5; 3].

Рисунок 3. Схема формирования системы социального партнёрства в регионе
Составлено по [2].

Во взаимоотношениях с бизнесом роль государства является доминирующей. Именно региональные органы власти создают условия для развития эко-

номики и частного предпринимательства, задают параметры влияния бизнес-структур на социально-экономическую ситуацию в регионе. Для упорядочения и продвижения идеи управления устойчивым развитием территорий на основе механизма партнёрства власти и бизнеса предлагается следующее. На федеральном уровне:

- сформулировать национальные приоритеты и принципы регулирования партнёрства власти и бизнеса и нефинансовой отчетности (на основе уже сложившихся административных форм);
- проводить форумы, посвящённые социальной ответственности бизнеса, а также формам и направлениям взаимодействия с государственными органами власти;
- разрабатывать и распространять регулярные правительственные публичные заявления по внедрению и развитию системы социальной ответственности бизнеса;
- выработать рекомендации по применению международных стандартов управления и отчётности по устойчивому развитию;
- финансировать приоритетные национальные проекты на основе долевого участия бизнеса и государства [1].

К числу основных направлений работы региональных органов власти в данном направлении относятся:

- ✓ совершенствование правовой базы, а также институциональных и организационных условий взаимодействия;
- ✓ разработка и реализация специальных целевых региональных программ социального инвестирования во всех областях (экономической, социальной, экологической и культурной) при условии долевого участия в финансировании этих программ местных администраций и бизнес-структур;
- ✓ обеспечение участия представителей местных органов власти в мероприятиях, проводимых бизнес-структурами на территории присутствия в форме диалогов по проблемам партнёрства с целью выработки конкретных рекомендаций по развитию программ для местного сообщества, местной администрации;

✓ организация семинаров и других специальных мероприятий в целях развития межсекторного социального партнерства при участии всех заинтересованных сторон – власти, бизнеса, гражданского общества;

✓ развитие механизмов информационного обмена между бизнесом и органами региональной власти на основе активного применения информационных технологий с целью создания единого регионального информационного пространства.

Резюмируя, отметим, что в современных условиях, когда бюджетных средств недостаточно и необходимо привлекать дополнительные источники финансирования, механизмы партнёрства власти и бизнеса выступают одной из базовых конструкций привлечения внебюджетных инвестиций в развитие различных видов инфраструктуры, решение конкретных социально-экономических задач, расширение спектра и повышения качества услуг, формирование новых точек роста, способствующих повышению уровня социально-экономического развития региона.

Литература

1. Беляева, И.Ю. Обеспечение устойчивого развития территорий: взаимодействие бизнеса и власти [Текст] / И.Ю. Беляева, О.В. Данилова // Управленческие науки. – 2013. – № 4 (9). – С. 4-8.

2. Ваганова, Т.Д. Взаимодействие негосударственного вуза с органами власти и бизнес-сообществом: к разработке модели социального партнёрства [Текст] / Т.Д. Ваганова // Власть и управление на Востоке России. – 2010. – № 4. – С. 102-106.

3. Разгулина, Е.Д. К вопросу об инвестировании компаниями регионального развития [Текст] / Е.Д. Разгулина // Вестник ЧГУ. – 2013. – № 4 (51). – Т. 1. – С. 59-64.

4. Рейтинг регионов ГЧП-2014. Развитие государственно-частного партнерства в субъектах Российской Федерации. – М.: Центр развития государственно-частного партнерства, 2014. – 19 с.

5. Трифонов, О. Взаимодействие общества, власти и бизнеса как основа модернизации [Текст] / О. Трифонов // Самоуправление. – 2010. – № 1. – С. 5-7.

6. Эффективность бюджетных расходов на реализацию долгосрочных целевых программ (на примере Вологодской области) [Текст]: заключительный отчет о НИР / исполн. Т.В. Ускова, А.И. Поварова, А.В. Галухин. – Вологда, 2013. – 120 с.

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

В Стратегии национальной безопасности¹ достойное качество жизни населения выступает ключевым индикатором развитого конкурентоспособного государства. Стратегическими целями в области повышения качества жизни населения признается снижение социального и имущественного неравенства населения, стабилизация его численности в среднесрочной перспективе, а в долгосрочной – коренное улучшение демографической ситуации.

Действительно, проблема социально-экономического неравенства населения для России стоит достаточно остро. Согласно исследованиям А.Ю.Шевякова, при снижении коэффициента фондов до величины 7–10% рост ВВП в 2000-е годы мог бы быть выше фактического на 30–50%, а при годовом росте реальных доходов на 10% положительный естественный прирост населения смог бы достичь размера 3,3 промилле [8, с. 44-50].

Первое десятилетие XXI века для России ознаменовалось значительными структурными изменениями в экономике. В основе данных явлений лежали общемировые тенденции, среди которых: рост цен на энергоносители, увеличение доступности иностранных кредитов за счет снижения процентных ставок и др. [3, с. 30]. Данный период условно можно разделить на 2 этапа:

- первый – этап роста экономики страны 2000–2007 гг.;
- второй – этап финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., последующих лет выхода из кризисного положения и стагнации экономического развития.

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации на период до 2020 года: утверждена указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 53 // Российская газета. – 2009. – URL: <http://www.rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html> (дата обращения 12.08.2014)

Начальный этап характеризовался существенным улучшением экономической ситуации, а также преодолением спада инвестиций в доходы населения, долговой зависимости РФ, настроений сепаратизма в отдельных субъектах, сокращения рождаемости [4, с. 15-22]. Темпы роста валового внутреннего продукта РФ за 2000–2007 гг. в среднем составляли 7,2% в год (табл. 1). Динамика других показателей также свидетельствовала о позитивных тенденциях, которая была прервана в кризисный период (2008–2009 гг.) и сменилась стагнацией, обусловленной складывающимися мирохозяйственными отношениями.

Таблица 1. Основные социально-экономические показатели в РФ, 2000-2012 гг.

Показатели	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
ВВП, в % к пред. периоду	110,0	105,1	104,7	107,3	107,2	106,4	108,2	108,5	105,2	92,2	104,5	104,3	103,4
Инвестиции в основной капитал, в % к пред. периоду	117,4	111,7	102,9	112,7	116,8	110,2	117,8	123,8	109,5	86,5	106,3	110,8	106,8
Реальные располагаемые денежные доходы населения, в % к пред. году	112	108,7	111,1	115	110,4	112,4	113,5	112,1	102,9	102	104	101,2	105,8
Соотношение с величиной ПМ среднедушевых денежных доходов населения, раз	1,9	2,0	2,2	2,5	2,7	2,7	3,0	3,3	3,2	3,3	3,3	3,3	3,4
Доля населения с денежными доходами ниже величины ПМ, %	29,0	27,5	24,6	20,3	17,6	17,8	15,2	13,3	13,4	13,2	12,5	12,7	10,9
Источник: Российский статистический ежегодник: стат. сборник / Росстат. – М., 2013. – 717 с.													

Традиционным представлением о качестве жизни населения является жизненный уровень, который включает комплекс индикаторов потребления, доходов, жилищного обеспечения, главных инфраструктурных компонентов [6]. Среди показателей качества жизни, направленных на его повышение в соответствии с интересами национальной безопасности, выделяют следующие: децильный коэффициент фондов, уровень потребительских цен, показатели комфортности и доступности жилья, достойной оплаты активной трудовой деятельности, а также безопасности проживания [7].

Проблематике имущественной дифференциации населения в указанной «Стратегии» отводится большое внимание как ключевому индикатору качества жизни населения. Однако фактически за период с 2005 по 2013 г. существенных позитивных изменений по указанному критерию национальной безопасности не наблюдалось. Согласно данным официальной статистики, несмотря на повы-

шение среднедушевых денежных доходов населения (за период с 2005 по 2013 г. реальный рост составил 1,5 раза), их распределение оставалось достаточно неравномерным (рис. 1). Так, за рассматриваемый период неравенство населения не только не снизилось, но и усилилось: коэффициент фондов, определяющийся как соотношение средних доходов 10% наиболее обеспеченной части населения к средним доходам 10% наименее обеспеченной части, в 2013 году составил 16,2 раза, в то время как в 2005 году он равнялся 15. Отметим, что в развитых странах высокий уровень неравенства населения по доходам признается при коэффициенте фондов более 10 раз².

Рисунок 1. **Динамика среднедушевых денежных доходов и коэффициента фондов в России, 2005-2012 гг.**

Источник: Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – 717 с.

Данные тенденции характерны не только для страны в целом, но и для большинства регионов (рис. 2). За рассматриваемый период дифференциация доходов населения выросла практически во всех субъектах страны. Лидирующие позиции приходились на крупнейшие города федерального значения (в Москве значение коэффициента фондов в 2012 году составляло 27 раз, в Санкт-Петербурге – 20 раз), а также на крупные ресурсодобывающие регионы. В список субъектов с низким уровнем неравенства, наряду с Республикой Ингушетией и Северной Осетией-Аланией, вошла и Вологодская область.

² Коэффициент фондов: Финляндия – 5,6, Швеция – 6,2, Германия – 6,9, Польша – 7,8, Великобритания – 13,8. Источник: Социальное положение и уровень жизни населения России: стат. сборник / Росстат. – М., 2013. – 327 с.

Таблица 2. Отношение среднедушевых денежных доходов населения к величине прожиточного минимума по 20% группам населения, 2005-2012 гг.

Группа населения	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2013 г. к 2005 г., раз
Российская Федерация										
Первая (нижняя)	0,72	0,79	0,83	0,83	0,85	0,87	0,85	0,93	0,91	1,26
Вторая	1,35	1,47	1,60	1,59	1,61	1,63	1,62	1,75	1,74	1,28
Третья	2,02	2,23	2,41	2,39	2,43	2,47	2,43	2,66	2,62	1,29
Четвертая	3,04	3,35	3,67	3,64	3,69	3,75	3,69	4,01	3,95	1,30
Пятая (верхняя)	6,26	7,00	7,79	7,73	7,82	7,95	7,73	8,49	8,34	1,33
Вологодская область										
Первая (нижняя)	0,74	0,76	0,80	0,78	0,73	0,77	0,75	0,85	0,85	1,16
Вторая	1,28	1,37	1,45	1,41	1,30	1,35	1,34	1,50	1,52	1,18
Третья	1,83	1,98	2,11	2,03	1,86	1,94	1,91	2,16	2,18	1,19
Четвертая	2,61	2,87	3,10	2,96	2,66	2,79	2,75	3,13	3,16	1,21
Пятая (верхняя)	4,90	5,55	6,08	5,76	5,07	5,34	5,19	6,02	6,08	1,24
Источник: Российский статистический ежегодник: стат. сборник / Росстат. – М., 2013. – 717 с.										

Немаловажной характеристикой качества жизни населения выступает доля расходов на питание в общем объеме израсходованных потребительских средств. Согласно правилу Э. Энгеля, по доле бюджета, расходуемой на питание, можно судить об уровне благосостояния населения. В международной статистике семья считается бедной, если данный показатель превышает 50% от общего объема потребительских расходов [9]. В Российской Федерации, согласно данным выборочных обследований, доля домохозяйств, которые тратили на покупку продуктов питания более 50% потребительских расходов, постепенно снижалась (табл. 3). В среднем как по России, так и по СЗФО указанная доля домохозяйств составляла 22%. Сравнив данный показатель с официальным уровнем бедности в стране, следует отметить, что последний меньше в 2 раза (в 2012 году доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума составляла 11%). Однако определение уровня бедности, исходя из возможностей потребления продуктов питания, представляется более показательным.

Таблица 3. Доля домашних хозяйств, расходы на продукты питания которых составляют более 50% потребительских расходов, %

Территория	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2012 г. к 2007 г., раз
Российская Федерация	28,6	28,8	27,9	24,3	24,0	22,1	1,29
СЗФО	29,7	30,5	29,7	25,2	22,9	22,1	1,34
Республика Карелия	32,5	33,9	32,6	22,7	24,0	23,3	1,39
Республика Коми	23,3	19,4	20,0	25,3	23,0	21,5	1,08
Архангельская область	25,5	26,0	24,2	21,9	18,0	16,4	1,55
Вологодская область	35,1	35,7	38,6	23,5	23,0	22,9	1,53
Калининградская область	32,9	36,9	31,9	40,2	34,7	34,1	0,96
Ленинградская область	40,0	41,7	43,0	25,8	26,6	24,5	1,63
Мурманская область	9,6	10,2	8,2	10,2	7,1	6,9	1,39
Новгородская область	42,5	44,6	40,8	33,7	29,1	27,6	1,54
Псковская область	36,9	38,1	38,4	37,7	33,9	33,7	1,09
г. Санкт-Петербург	18,3	18,0	19,2	10,7	9,9	10,4	1,76
Источник: Источник: Социальное положение и уровень жизни населения России: стат. сборник / Росстат. – М., 2013. – 327 с.							

Следующим параметром национальной безопасности в области повышения качества жизни населения выступает доступность и комфортность жилья. Среди положительных тенденций, наблюдавшихся в 2005–2012 гг., следует отметить увеличение жилищного строительства и сокращение числа семей, нуждающихся в жилых помещениях (табл. 4). За указанный период объем ввода жилья в России вырос на 51%, в Вологодской области – на 38%. Стимулом стало широкое распространение жилищного кредитования³, однако закредитованность населения создает большие риски в условиях экономической нестабильности (оптимизация институциональной структуры банковского сектора мега-регулятором, которая проявляется в закрытии кредитных организаций, не выполняющих нормативные требования, сокращении филиалов в регионах; рост процентных ставок [1]).

³ Рост жилищного кредитования за 2007–2012 гг. в России составил 1,45 раза, в Вологодской области – 1,7 раза.

Таблица 4. Основные показатели жилищных условий населения

Показатели	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Российская Федерация								
Объем жилищного строительства, кв. м. на 1000 чел.	304	355	431	451	422	409	436	459
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, кв. м.	20,8	21,0	21,4	21,8	22,2	22,6	23,0	23,4
Удельный вес ветхого и аварийного жилищного фонда в общей площади всего жилищного фонда, %	3,2	3,2	3,2	3,2	3,1	3,1	3,0	3,0
Удельный вес числа семей, состоявших на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, в общем числе семей, %	10	7	6	6	5	5	5	5
Вологодская область								
Объем жилищного строительства, кв. м. на 1000 чел.	236	271	399	447	165	340	362	325
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, кв. м.	23,8	24,1	24,7	25,1	25,6	26,1	26,7	27,0
Удельный вес ветхого и аварийного жилищного фонда в общей площади всего жилищного фонда, %	5,5	5,9	6,0	5,6	6,0	6,1	5,9	6,0
Удельный вес числа семей, состоявших на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, в общем числе семей, %	10,9	9,9	7,2	6,9	6,8	6,9	6,6	6,0

Источник: Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – 717 с.

Параметром, объективно отражающим уровень безопасности социальной среды, выступает уровень преступности. Среди данных о правонарушениях показатель количества убийств и покушений на убийства в расчете на 100 тыс. человек наиболее достоверен [2, с. 93-95]. В России и Вологодской области он сократился более чем в 2 раза (табл. 5). В целом по регионам СЗФО различия территорий по данному параметру значительно уменьшились, стали ближе к среднероссийскому уровню значения показателя в северных регионах – Республике Коми и Ленинградской и Архангельской областях.

Таблица 5. Число зарегистрированных убийств и покушений на убийство, на 100 тыс. человек

Территория	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Российская Федерация	21,5	19,2	15,6	14,1	12,4	10,9	10,0	9,3
СЗФО	21,8	19,7	16,5	14,7	13,1	11,3	9,5	8,5
Республика Карелия	24,0	19,5	18,9	14,9	14,3	11,3	13,1	8,9
Республика Коми	35,7	33,4	21,8	18,8	17,2	16,2	14,0	13,3
Архангельская область	25,3	22,0	18,9	17,4	14,2	13,1	12,3	10,6
Вологодская область	21,4	17,6	14,6	13,1	14,9	12,1	10,8	9,0
Калининградская область	12,6	13,6	14,4	11,1	10,2	10,0	7,0	6,0
Ленинградская область	27,6	27,0	21,6	18,5	16,7	14,9	13,3	11,5
Мурманская область	15,2	11,7	10,5	9,9	7,7	9,4	6,6	7,8
Новгородская область	19,0	19,2	17,6	16,5	17,9	14,9	12,8	11,9
Псковская область	20,9	15,5	16,5	14,2	13,0	10,5	9,7	9,2
г. Санкт-Петербург	19,2	17,6	14,5	13,5	11,1	8,8	6,3	6,1

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сборник / Росстат. – М., 2013. – 990 с.

Таким образом, несмотря на декларативные заявления, определяющие снижение имущественной дифференциации населения как основного инструмента повышения качества жизни, заметного улучшения ситуации и решения накопившихся проблем не произошло. Более того, понятийный аппарат сформирован частично. Остаются неясными такие формулировки, как «*достойная оплата труда*» или «*достойный уровень и качество жизни населения*», а отражение имущественной дифференциации на основе лишь децильного коэффициента фондов не позволяет в полной мере раскрыть сущность и потенциальные угрозы назревшей проблемы.

Угрозы национальной безопасности в области повышения качества жизни населения на региональном уровне аналогичны тем, что получили распространение в среднем по стране. На основе данных по распределению населения по доходным группам выявлена тенденция стагнации материального положения наименее обеспеченной части населения, в то время как темпы роста доходов наиболее обеспеченных россиян устойчиво повышались. Согласно данным по потреблению продуктов питания, к бедным относится пятая часть населения и, несмотря на постепенное снижение, это всё равно выше официального уровня. Однако, учитывая многообразие угроз национальной безопасности, следует отметить, что имеются и положительные тенденции, среди которых существенное сокращение числа семей, находящихся на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях; снижение уровня преступности, что способствует повышению безопасности социальной среды.

Противодействие существующим угрозам, помимо текущих мероприятий социально-экономической политики, находит своё отражение и в майских ука-

зах Президента РФ, подписанных В.В. Путиным в день его инаугурации⁴. К числу ориентиров, направленных на повышение качества жизни населения, относятся меры по повышению заработной платы работников бюджетной сферы; снижению смертности от социально-значимых болезней, дорожно-транспортных происшествий и младенческой смертности, увеличению ожидаемой продолжительности жизни и рождаемости; обеспечению доступности комфортного жилья. С нашей точки зрения, реализация указов (особенно в части повышения материального благосостояния наименее обеспеченной части населения) позволит повысить качество жизни населения.

Литература

1. Бюллетень банковской статистики [Текст]. – М.: ЦБ РФ, 2003–2013.
2. Зубаревич, Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода [Текст] / Н.В. Зубаревич. – 3-е изд.. – М. : ЛКИ, 2007. – 264 с.
3. Ильин, В.А. Проблемы эффективности государственного управления. Тенденции рыночных трансформаций. Кризис бюджетной системы. Роль частного капитала. Стратегия-2020: проблемы реализации [Текст] : монография / В.А. Ильин, А.И. Поварова. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2014. – 188 с.
4. Костин, В.И. Национальная безопасность современной России: экономические и социокультурные аспекты [Текст] / В.И. Костин, А.В. Костина. – М.: ЛИБРОКОМ, 2013. – 344 с.
5. Молодежь современной России – ключевой ресурс модернизации [Текст] : монография / под ред. А.А. Шабуновой. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2013. – 148 с.
6. Региональные особенности уровня и качества жизни [Текст] : монография / ИСЭПН РАН. – М. : М-Студио, 2012. – 392 с.

⁴ К числу указов, направленных на повышение качества жизни населения следует отнести:

Указ Президента РФ «О долгосрочной государственной экономической политике» от 07.05.2012 № 596. – Российская газета. – 2012. – URL: <http://www.rg.ru/2012/05/09/gospolitika-dok.html>;

Указ Президента РФ «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» от 07.05.2012 № 597. – Российская газета. – 2012. – URL : <http://www.rg.ru/2012/05/09/soc-polit-dok.html>;

Указ Президента Российской Федерации «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения» от 07.05.2012 № 598. – Российская газета. – 2012. – URL : <http://www.rg.ru/2012/05/09/zdorovje-dok.html>;

Указ Президента Российской Федерации «О мерах по обеспечению граждан РФ доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг» от 07.05.2012 № 600. – Российская газета. – 2012. – URL : <http://www.rg.ru/2012/05/09/zhilje-dok.html>;

Указ Президента Российской Федерации «О мерах по реализации демографической политики РФ» от 07.05.2012 № 606. – Российская газета. – 2012. – URL : <http://www.rg.ru/2012/05/09/demo-dok.html>).

7. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации на период до 2020 года [Текст] : утв. указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 53. – Российская газета. 2009. – Режим доступа : <http://www.rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html> (дата обращения 12.08.2014).

8. Шевяков, А.Ю. Мифы и реалии современной социальной политики [Текст] / А.Ю. Шевяков. – М. : ИСЭПН РАН, 2011. – 76 с.

9. Economics.ru. 50 лекций по микроэкономике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://50.economicus.ru/index.php>

10. 2013 Human Development Report [Electronic resource]. – Available at: <http://hdr.undp.org/en>

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАЧЕСТВА И УРОВНЯ ЖИЗНИ СОЦИАЛЬНО НЕЗАЩИЩЁННЫХ КАТЕГОРИЙ ГРАЖДАН

Система социальной защиты населения претерпела в ходе своего развития значительные трансформации. Изначально её главной целью признавалось оказание материальной помощи и предоставление необходимых услуг тем людям, которые не могут самостоятельно обеспечить своё благополучие. Традиционно, к лицам, нуждающимся в социальной помощи, относили сирот, вдов, инвалидов, престарелых людей. Развитие системы социальной защиты населения в российском государстве можно характеризовать как постепенный процесс дифференциации по видам предоставляемой помощи, расширения спектра социальных групп, которые имеют право на получение помощи, усложнения механизмов предоставления помощи. Нужно отметить, что, несмотря на длительную историю России как социального государства, цель функционирования системы социальной защиты населения так и не была пересмотрена. Не произошло полного перехода от доминирующей патерналистской модели к более развитым моделям социального государства и, соответственно, новым принципам работы системы социальной защиты. Недостатком патерналистской модели, многократно отмеченным разными авторами, выступает ориентированность на устранение последствий имеющихся в обществе проблем, а не на предотвращение причин их возникновения. Социальная инертность и зависимость, склонность к иждивенчеству получателей государственной помощи также являются возможными следствиями реализации обсуждаемой модели.

Обратимся к анализу социально-экономического положения в российском обществе такой категории, как люди с ограниченными физическими возможностями здоровья. Данная группа населения демонстрирует наибольшую зависимость от эффективной либо формальной работы служб социальной защиты.

Политика в отношении инвалидов может строиться на базе различных концепций инвалидности. В зависимости от принятой на государственном уровне парадигмы разрабатываются управленческие решения на разных уровнях власти. Исторически первой сложилась традиционная концепция инвалидности, не предполагавшая адаптацию и перестройку окружающей среды в соответствии с потребностями инвалидов. В рамках данной концепции сформировалось несколько моделей инвалидности. В случае медицинской модели понятие инвалидность трактовалось как наличие болезни, неустранимого физического дефекта. В дальнейшем понимание инвалидности было пересмотрено в медико-социальной модели инвалидности. Акцент сместился на невозможность выполнения некоторых или большей части социальных функций, следствием чего и признавалось состояние инвалидности. Кардинально отличный подход применялся в экономической модели инвалидности, в рамках которой основным признаком инвалида стала неспособность/непригодность к трудовой деятельности наравне со здоровыми людьми. Концепции, сформировавшиеся после традиционной, предполагают изменение среды жизнедеятельности в соответствии с потребностями инвалидов, а не приспособление инвалидов к ограничениям внешней среды. Так, социокультурная концепция рассматривает понятие инвалидности как ограничение в способности социально функционировать, концепция независимой жизни – как врождённое или приобретённое ограничение в возможностях (политико-правовая модель), либо как культурное ограничение наравне с различиями в цвете кожи и т.п. (модель культурного плюрализма).

Все модели социальной защиты инвалидов объединяют в рамках двух концепций: традиционной (патерналистской) и концепции гражданских прав. Концепция гражданских прав стала основой социально-экономической модели социальной защиты инвалидов, реализуемой в современной России. Преимущество данной модели состоит в возможности уйти от излишнего патернализма, характерного для советского периода, и перейти к новым формам социальной поддержки, позволяющим инвалидам успешно включаться в общественную

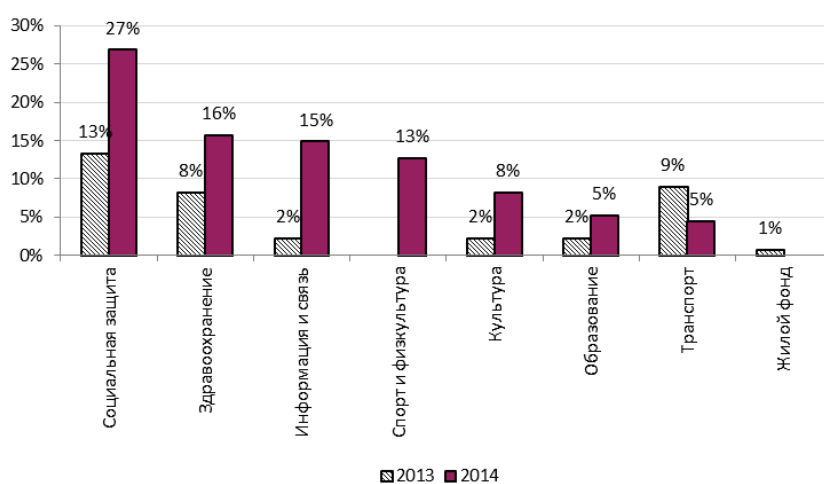
и трудовую деятельность. Одним из механизмов новой системы является адресная социальная помощь, позволяющая более эффективно распределять материальные средства и услуги специалистов службы социальной защиты, чем традиционные механизмы. Кроме того, понимание инвалидности как комплексного социокультурного феномена создаёт предпосылки к активному и непрерывному взаимодействию государственных институтов, регулирующих различные сферы социальной и экономической жизни общества. На сегодняшний день, налажено взаимодействие социальных служб и учреждений сфер образования и здравоохранения, а также сотрудничество со службой занятости населения. Также первостепенное значение имеют контакты властных структур с представителями общественных организаций инвалидов, инициативными группами, т.к. это один из путей реализации гражданами собственных прав.

Первым шагом к перезагрузке отношений инвалидов и общества стал запуск федеральной целевой программы «Доступная среда». На региональном уровне были разработаны аналогичные по содержанию программы, учитывающие финансовые возможности субъектов и местные особенности. В Вологодской области с 2010 г. реализуется программа «Безбарьерная среда». В общей сложности на выполнение её мероприятий планировалось затратить 29 млн. руб. Одним из механизмов оценки эффективности мероприятий программы стали социологические исследования, проведённые ИСЭРТ РАН по договору с Вологодским Информационно-аналитическим центром в 2013 и 2014 гг. Социологический опрос среди инвалидов четырёх категорий показал, что сохраняются значительные проблемы в доступе к объектам и услугам многих приоритетных сфер жизнедеятельности. В то же время инвалиды, в основном, выступают за значительные изменения государственной социальной политики (39%), либо её разработку «с нуля» (20%). Такое распределение свидетельствует о недостаточной эффективности, либо о недостаточном объёме выполнения мероприятий, предусмотренных целевой программой.

Характеризуя социально-экономическое положение инвалидов на территории Вологодской области, можно отметить их значительную зависимость от

пособий по инвалидности как основного (зачастую единственного) источника дохода. Так, среди респондентов в 2014 г. было выявлено 90,3% тех, для кого пенсия выступает как источник средств к существованию. Для 36,6% такую роль выполняют также государственные денежные выплаты и пособия.

Говоря об эффективности мероприятий по созданию безбарьерной среды, можно указать на неравномерность трансформации разных сфер в соответствии с потребностями инвалидов. Наиболее благоприятная ситуация, по результатам соцопроса, сложилась в сферах социальной защиты, здравоохранения, информации и связи. Значительно отстают такие сферы, как жилой фонд, транспорт, образование и культура (рисунок).

Распределение ответов на вопрос: «Отметьте, пожалуйста, в каких сферах жизнедеятельности Вы отметили достижения в повышении доступности для инвалидов за последний год?» (в % от числа опрошенных)

Наличие барьеров внешней среды приводит к изоляции инвалидов, нарастанию социальной напряженности, а также к экономическим потерям вследствие невозможности для инвалидов трудоустроиться.

В рамках НИР «Социально-экономические аспекты проблемы инвалидности: анализ трендов на основе данных статистики и социологических опросов» (по договору № СИ/05-2014 от 15 мая 2014 г. с АУ ВО «Вологодский областной информационный центр») специалистами ИСЭРТ РАН была рассчита-

на примерная цена инвалидности для Российской Федерации и Вологодской области. Общие потери государства вследствие инвалидизации населения составили в 2012 г. более 3% ВВП (в денежном эквиваленте почти 2 трлн. рублей). Из них прямые потери составили 36,4 млрд. руб., косвенные потери – 1,88 трлн. руб. Косвенные затраты складываются из ущерба государства в размере упущенного валового регионального продукта, который могли произвести безработные инвалиды трудоспособного возраста в случае трудоустройства, и так называемого «бремени семьи» больного трудоспособного возраста (отражает упущенные выгоды членов семьи инвалида, выражаемую разницей между среднемесячной заработной платой и пособием по инвалидности). Прямые затраты включают затраты на выплату пенсий по инвалидности и ежемесячных денежных выплат.

Цена инвалидности для Вологодской области в 2012 году составила около 8,9 млрд. руб. (табл. 1).

Таблица 1. Потери ВРП Вологодской области вследствие инвалидности в 2012 г.

Виды потерь	Конкретные затраты	Млн. руб.	В % к ВРП
Прямые потери	Пенсии по инвалидности	128,3	0,03
	Ежемесячные денежные выплаты по инвалидности	228,5	0,05
Косвенные потери	Недопроизведенный ВРП неработающими инвалидами трудоспособного возраста	6779,7	1,61
	«Бремя семьи»	1837,0	0,44
Общие потери		8973,5	2,13
Источник: Отчёт о НИР «Социально-экономические аспекты проблемы инвалидности: анализ трендов на основе данных статистики и социологических опросов» (по договору № СИ/05-2014 от 15 мая 2014 г. с АУ ВО «Вологодский областной информационный центр») [Текст] // Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – 110 с.			

После рассмотрения представленных данных становится очевидной необходимость активного включения инвалидов в трудовую деятельность. Если допустить возможность того, что государство профинансирует мероприятия по содействию трудоустройству инвалидов, то можно дать примерную оценку их окупаемости. Предположим, что структура занятых инвалидов по величине средней заработной платы будет соответствовать аналогичной структуре для всего населения. В таком случае мы получим следующее распределение (табл. 2).

Таблица 2. Группы инвалидов по доходу

Величина среднемесячной начисленной заработной платы	Доля группы от общей численности занятых инвалидов*
5000	4,50%
6000	6,90%
8500	13,10%
12000	17,50%
16500	17,50%
23000	17,80%
31000	15,90%
45000	6,80%
Примечание. Численность инвалидов, признанных безработными в 2013 году составила 2061 чел.	

Учитывая полученное распределение, произведём расчёт объёма налоговых поступлений, варьируя долю трудоустроенных инвалидов (табл. 3).

Таблица 3. Налоговые поступления

Доля трудоустроенных инвалидов, %	Объём НДФЛ, руб.
10	5990231,52
20	12103791,34
30	18155687
40	24207582,67
50	30259478,34
60	36311374,01
70	42363269,68
80	48415165,34
90	54467061,01
100	60518956,68

При минимальном уровне занятости в 10% объём поступления НДФЛ в бюджет составит 5,9 млн. руб. Однако такой процент трудоустройства неприемлем и будет свидетельствовать о неэффективном расходовании бюджетных средств.

Для полной окупаемости затрат на мероприятия по трудоустройству инвалидов необходимо выполнение следующего условия: величина среднемесячной заработной платы должна быть больше величины пособия по безработице и больше величины прожиточного минимума для трудоспособного населения.

Таким образом, вопрос интеграции инвалидов и общества имеет несколько аспектов анализа. Во-первых, сама возможность интеграции определяется психологическим настроением общества и инвалидов, а именно их готовностью к сотрудничеству по созданию среды жизнедеятельности, удобной для всех. Во-вторых, для запуска эффективных форм и механизмов сотрудничества необходимо

димо активное участие представителей органов власти, общественных организаций инвалидов, экспертного сообщества в постоянном контроле над ходом выполнения плана мероприятий по интеграции. Третьей составляющей рассмотрения вопроса интеграции выступает анализ механизмов работы учреждений социальной защиты. Индикатором эффективности его функционирования будет выступать предоставление инвалиду спектра необходимых условий для самоактуализации в трудовой или творческой деятельности. Наиболее проблемным аспектом вопроса, для рассмотрения которого необходима разработка стратегических инициатив, является экономическое обеспечение мероприятий социальной политики в отношении инвалидов, которые не могут быть оплачены из средств региональных бюджетов.

Литература

1. О государственной программе Российской Федерации «Доступная среда» на 2011–2015 годы: постановление Правительства РФ от 17.03.2011 г. № 175 // Сайт компании ГАРАНТ. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12084011/>
2. О долгосрочной целевой программе «Безбарьерная среда» на 2010–2014 годы: постановление Правительства Вологодской обл. от 26.03.2010 г. № 334 [Электронный ресурс] // Департамент образования Вологодской области. – Режим доступа: <http://depobr.gov35.ru/index.php/documents/viewdownload/1/2383>
3. Отчёт о НИР «Отношение населения Вологодской области к проблемам инвалидов. Изучение мнения инвалидов вологодской области о доступности объектов и услуг» (по договору № СИ-И/04-2014 с АУ ВО «Вологодский областной информационный центр» от 11.04.2014 г.) [Текст]. – Вологда: ИСЭРТ РАН. – 2014. – 117 с.
4. Отчёт о НИР «Социально-экономические аспекты проблемы инвалидности: анализ трендов на основе данных статистики и социологических опросов» (по договору № СИ/05-2014 от 15 мая 2014 г. с АУ ВО «Вологодский областной информационный центр») [Текст]. – Вологда: ИСЭРТ РАН. – 2014. – 110 с.
5. Социологическое исследование проблем инвалидности и реабилитации инвалидов в Российской Федерации. Анализ основных результатов исследования [Текст] / П. Романов, Е. Ярская-Смирнова, С. Вайтфилд, С. Келли. – М., 2009. – 60 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ильин В.А.</i> Предисловие	3
-------------------------------------	---

СЕКЦИЯ 1. РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ФИНАНСОВЫХ ИНСТИТУТОВ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

<i>Анищенко А.Н.</i> Модернизация молочного скотоводства: состояние и проблемы....	8
<i>Атаева Н.Ю.</i> Инвестиционная активность в регионе: анализ и перспективы	16
<i>Биев А.А.</i> О предстоящей газификации Мурманской области	28
<i>Волынский А.И.</i> Влияние природно-географических условий на формирование экономических институтов: межстрановой анализ	36
<i>Ворошилов Н.В.</i> Типологизация регионов России по уровню социально- экономического развития	43
<i>Галухин А.В.</i> Проблемы и пути повышения уровня финансовой устойчивости доходной базы бюджета Вологодской области	53
<i>Гасникова А.А.</i> Особенности энергоснабжения в регионах Севера.....	62
<i>Зачесов А.А.</i> Трансформация городской среды как результат реализации принципов социального корпоратизма	71
<i>Кожевников С.А.</i> Организационно-экономический механизм государственно-частного партнерства в жилищно-коммунальном хозяйстве региона.....	83
<i>Кондаков И.А.</i> Инфраструктура поддержки межрегионального сотрудничества промышленных предприятий в современных условиях	93
<i>Круглова М.С.</i> Влияние рисков хозяйственной деятельности на становление институтов	100
<i>Печенская М.А.</i> Регулирование межбюджетных отношений: тенденции и перспективы развития.....	105

<i>Ползиков Д.А.</i> Ценовые пропорции и их роль в развитии сельского хозяйства России	113
<i>Усков В.С.</i> Современные институты развития регионального рынка плодово-ягодной продукции	122
<i>Цыдыпов Р.Ж.</i> Развитие института венчурного бизнеса в России	140
<i>Чапаргина А.Н.</i> Институциональный аспект трансформации сбережений в инвестиционный ресурс региона	144

СЕКЦИЯ 2. ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

<i>Гахова Н.А.</i> Промышленная политика инновационных регионов Сибирского федерального округа.....	154
<i>Душечкина А.К.</i> Воздействие транзакционных издержек на результативность научной деятельности.....	160
<i>Еремеева А.С.</i> Концептуальные основы управления развитием региональной автодорожной инфраструктуры	168
<i>Кашинцев Н.П.</i> К вопросу о моделировании социального самочувствия населения региона	178
<i>Кривенко Д.М.</i> Роль новой институциональной экономической теории в контексте современной экономической парадигмы.....	183
<i>Кузнецов А.П.</i> К вопросу об оценке накопленного экологического ущерба	186
<i>Ласточкина М.А.</i> Смена технологического уклада – основа модернизации экономики.....	193
<i>Лукин Е.В.</i> Трансформация социально-экономического пространства России и ее регионов.....	199
<i>Мазилев Е.А.</i> Организационно-экономический механизм развития промышленности на основе инноваций.....	206

<i>Маковеев В.Н.</i> Государственное регулирование инновационных процессов в машиностроении.....	215
<i>Селименков Р.Ю.</i> К вопросу о формировании институтов развития в регионе.....	229
<i>Терентьев Н.Е.</i> «Зеленая» модернизация как стратегия управления природными рисками и долгосрочной устойчивостью компании.....	237
<i>Тишков С.В.</i> Стратегия инновационного развития и инновационный потенциал российских регионов.....	245
<i>Щербакова А.А.</i> Возможности оптимизации транзакционных издержек при коммерциализации технологий.....	253

СЕКЦИЯ 3. ТЕОРИЯ ЭВОЛЮЦИОННОЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

<i>Барашкова О.В.</i> Повышение эффективности использования ресурсного потенциала сельскохозяйственных предприятий молочного животноводства Вологодской области	261
<i>Барсуков В.Н.</i> Демографические особенности процесса старения населения Российской Федерации.....	269
<i>Калашиников К.Н.</i> Маркетинг на рынке медицинских услуг.....	278
<i>Каминский В.С.</i> Основные тенденции развития гражданского общества: опыт социологических измерений на региональном уровне.....	286
<i>Кондакова Н.А.</i> Роль социальных институтов в формировании здоровья младшего поколения	296
<i>Короленко А.В.</i> Современный демографический кризис в России: причины и проявления	305
<i>Мазепина О.Ю.</i> Основные методики измерения уровня качества жизни населения и проблемы их применения	316

<i>Морев М.В.</i> Основные тенденции социального здоровья российского общества	325
<i>Орлова В.С.</i> Направления развития лечебно-оздоровительного туризма (на примере Вологодской области)	336
<i>Панов А.М.</i> Институционализация трудоустройства и занятости в Вологодской области	346
<i>Попов А.В.</i> МРОТ как инструмент регулирования трудового поведения населения.....	355
<i>Разгулина Е.Д.</i> Взаимодействие власти и бизнеса: к разработке системы социального партнёрства.....	366
<i>Россошанский А.И.</i> Качество жизни населения в контексте национальной безопасности страны.....	374
<i>Фахрадова Л.Н.</i> Обеспечение качества и уровня жизни социально незащищённых категорий граждан	384

Научное издание

**ЭВОЛЮЦИОННАЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА:
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

*Материалы Всероссийской конференции
молодых исследователей
(г. Вологда, 12 сентября 2014 г.)*

Корректор

Н.С. Киселева

Оригинал-макет

Т.В. Попова

Подписано в печать 29.12.2014.
Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 34,7. Тираж 500 экз. Заказ № 40.

Институт социально-экономического развития
территорий РАН (ИСЭРТ РАН)

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон: 59-78-03, e-mail: common@vscc.ac.ru

ISBN 978-5-93299-280-7

9 785932 992807